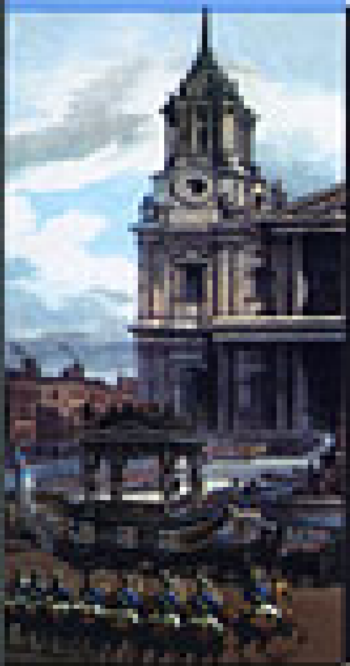
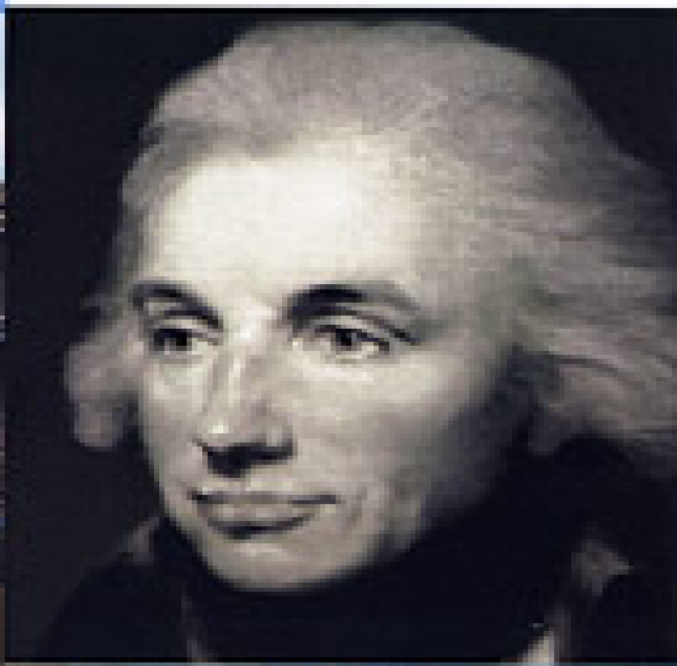
АДМИРАЛ НЕЛЬСОН





Владимир Шигин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Горацио Нельсон (1758–1805), сын сельского священника, с двенадцати лет посвятил себя морю, прошел путь от юнги до вице-адмирала, стал самым молодым капитаном британского флота и самым прославленным флотоводцем в мировой истории. Не меньшую известность, чем его блистательные победы при Абукире и Трафальгаре, принесла Нельсону романтическая история любви к прекрасной леди Гамильтон. Автор разворачивает захватывающую и правдивую историю жизни прославленного адмирала, не скрывая, что в его жизни были и черные страницы, и неудачи, и годы бездеятельности и забвения.

- Владимир Шигин
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Глава двадцать вторая
  - Глава двадцать третья
  - Глава двадцать четвертая
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРАЦИО НЕЛЬСОНА
  - ЛИТЕРАТУРА
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23

Владимир Шигин
Адмирал Нельсон

Глава первая
ЮНОСТЬ НА ПАЛУБЕ

29 сентября 1758 года в семье приходского священника забытого богом и людьми местечка Бернем-Торп, что в графстве Норфолк на крайнем северо-востоке Англии, родился мальчик, которому судьба уготовила самые невероятные подвиги и всемирную славу. Родившегося мальчика нарекли Горацио, и был он шестым ребенком в семье.

Отец ребенка, преподобный Эдмунд Нельсон, служил священником в соседнем городишке Хилборо. Род Нельсонов издревле был богословским. Священниками служили уже три поколения мужчин этой семьи. Что касается преподобного Эдмунда, то он искренне верил в Бога, любил порядок во всем, отличался суровостью и рассудительностью. Детей, а их у священника было одиннадцать, он воспитывал предельно строго. Суровый родитель запрещал детям сидеть, облокотившись на спинку стула, носить очки, считая это баловством.

— В моем доме никогда не будет прибежища непостоянству, этому божеству для многих! — говорил он в назидание домочадцам. — Свежий воздух, физические упражнения и образование — вот противоядие от коварного эгоизма, которым отравлены все и вся!

Окончивший в свое время Киз-колледж Кембриджского университета, Эдмунд Нельсон считал себя не только священником, но и истинным джентльменом и даже отчасти ученым. В отличие от большинства священников того времени Нельсон не обладал состоянием, а унаследовал от отца лишь небольшой, в тридцать акров, кусок земли, с которого и кормился.

Медлительный и чудаковатый, высокий и сгорбленный, с непропорционально длинными руками и седыми волосами до плеч, он заметно выделялся среди остальных обитателей Бернем-Торпа.

Супруга преподобного Нельсона Кэтрин была дочерью Мориса Саклинга, каноника Вестминстерского аббатства. Кроме этого, как выяснили историки, она приходилась внучатой племянницей сэру Роберту Уолполу, многолетнему премьер-министру королевской династии ганноверских Георгов. Трудно сказать, почему, имея столь благородное происхождение, ее семья остановила свой выбор на бедном сельском священнике. Возможно, Кэтрин Саклинг покорили личные качества Нельсона,

возможно, тому были какие-то иные причины. Так или иначе, но она вступила в брак с Эдмундом Нельсоном, и этот брак оказался весьма прочным. Следует заметить, что супруг весьма гордился благородным происхождением своей жены. Когда, к примеру, умер старший представитель клана Саклингов, граф Ордфорд, Нельсон заставил всю семью надолго облачиться в траурные одежды. Да и своего шестого ребенка преподобный Эдмунд назвал Горацио в честь его крестного отца — второго барона Уолпола. Упрекать Эдмунда в столь чрезмерно учтивом отношении к родне свой жены вряд ли стоит. Умный священник понимал, что в жизни его детям придется нелегко без поддержки родственников. В роду самого Нельсона влиятельных людей не было, зато таковые имелись в роду жены, а потому он, отец многочисленного семейства, стремился всеми силами заручиться дружбой влиятельных Саклингов, чтобы те в будущем не оставили его детей. Как показало время, расчет дальновидного Эдмунда Нельсона оказался на редкость верен.

И сам преподобный, и его супруга были людьми весьма слабого здоровья. Не способствовал здоровью и промозглый климат Бернем-Торпа, а потому и дети их рождались слабыми и больными. Трое из них умерли уже в самом раннем детстве. Что касается маленького Горацио, то он родился столь слабым, что отец с матерью поспешили его крестить уже на десятый день, на тот случай, если жить ему суждено недолго.

Горацио выжил, однако рос на редкость хилым и болезненным. Остаток здоровья забирала местная болотная лихорадка. Однако родина всегда остается родиной, места, которые посторонним кажутся безобразными и унылыми, вызывают у тех, кто здесь родился, самое искреннее умиление и восторг.

Английский биограф нашего героя Г. Эджингтон пишет: «Бернем-Торп — сонная, захолустная, старинная деревушка в графстве Норфолк — приютилась на краю огромных соленых болот вокруг залива Уош. Здесь чувствуется та особая атмосфера, которую сохранили медвежьи углы, далекие от современной жизни и до сих пор похожие на картины Констебля. Трудно представить себе место, более контрастное шумным и грязным морским портам Англии восемнадцатого века… Тишину и покой Бернем-Торпа нарушали только голоса сельских жителей да поскрипывание крыльев ветряной мельницы. Всю свою последующую жизнь Горацио вспоминал эти мирные звуки и скучал по ним.

Местность представляла собой плоскую равнину, насквозь продуваемую пронзительными ветрами с Северного моря.

Маленький Горацио любил бродить по тропинкам, причудливая вязь которых приводила его к морю, шумевшему всего в двух милях от дома. Там, сидя на гребне песчаной дюны, он следил за крохотными суденышками, деловито бороздившими море и снабжавшими прибрежные города всем необходимым. Ближайший к деревне порт, Овери Стейз, расширял его представления о море: там он видел пассажирские суда из Лондона, Ньюкасла и Гулля… Усадьба священника, в которой рос Горацио, представляла собой два стоящих под углом друг к другу дома, очень простых, крытых красной черепицей, расположенных на тридцати акрах фамильной земли, по которой протекал речей. „Прелестные поля и луга, открывающиеся взору“, — так описывал ее преподобный Эдмунд».

По воспоминаниям современников, Горацио Нельсон был весьма мал ростом и очень тщедушен, однако эти внешние недостатки возмещались живостью характера. Односельчане даже много лет спустя помнили его, маленького и непоседливого, в зеленом сюртучке, пускающего с мальчишками в придорожной луже бумажные кораблики. Друзьями будущего флотоводца были большей частью мальчики-подпаски с ближайших ферм, а потому понимание простого люда, к которому отчасти принадлежал и он сам, было присуще Нельсону с раннего детства. Из братьев и сестер более всего Горацио дружил с братом Уильямом, который был на год старше его.

Семейная хроника Нельсонов сохранила сентиментальное воспоминание о том, как однажды маленький Горацио стал причиной невероятного переполоха: он без спроса ушел с приятелем собирать птичьи яйца и не вернулся к ужину. Дело в том, что как раз в то время неподалеку расположился цыганский табор и домашние не без основания боялись, как бы те не украли ребенка, что в те времена было делом весьма не редким. Уже в сумерках пустились на поиски. Бабушка Горацио нашла его на берегу ручья, через который малыш не мог переправиться. Обрадованная, она спросила не менее обрадованного внука:

— Горацио, неужели даже страх и голод не заставили тебя идти домой?

— Страх? — будто бы переспросил ее маленький Нельсон. — А кто это такой? Я никогда его не видел!

Бабушка начала было объяснять, но Нельсон никак не мог понять и все спрашивал:

— Какого он цвета? А он большой?

Остался в семейных преданиях и такой случай. Когда подросший Горацио был определен в частную школу Пастон в Норт-Уолше, то сумел отличиться храбростью и там. Дело в том,

что у директора школы был сад с грушевыми деревьями. Сад окружала высокая стена, а сочные плоды являлись заветной мечтой всех учеников. Лезть в сад мальчики, однако, боялись: их могли поймать и наказать. Не побоялся лишь маленький Нельсон. Перебравшись через стену, он оборвал практически все деревья и выложил перед друзьями целый мешок спелых груш. Сам он от груш отказался, сами по себе они его не интересовали. Впоследствии Нельсон рассказывал, что совершил свой дерзкий рейд в директорский сад только потому, что остальные струсили. Разумеется, директор, увидев утром свой сад обчищенным, пришел в ярость. Но все его дознания завершились ничем: Нельсона никто не выдал.

В другой раз, после зимних каникул, Горацио с братом Уильямом отправились в школу на лошадях. Но отъехать далеко от дома не смогли: начался сильный снегопад и они вернулись. Осторожный Уильям посчитал, что лучше остаться дома и переждать непогоду Выслушав детей, Эдмунд Нельсон заподозрил, что причиной возвращения стало просто нежелание ехать в школу, и назидательно сказал:

— Если дело обстоит именно так, то мне нечего вам возразить. Однако попытайтесь доехать еще раз. Я надеюсь, что чувство чести не позволит вам снова вернуться без крайней на то необходимости.

Вторая попытка была не менее трудной, чем первая. Уильям несколько раз убеждал младшего брата вернуться, но тот был упрям.

— Помни, что сказал нам отец: доехать до школы для нас — дело чести! — ободрял он Уильяма.

На этот раз мальчики успешно доехали до пункта назначения.

* * *

Любопытно, что в подростковом возрасте Нельсон почему-то стеснялся своего достаточно помпезного имени и однажды, присутствуя на свадьбе в качестве свидетеля, расписался в церковной книге как Хорас Нельсон. Отец, заметив это, тут же исправил подпись, но в семье после этого Нельсона-младшего еще долго звали Хорасом.

Увы, детство нашего героя не было безоблачным. В канун Рождества 1767 года после долгой болезни в возрасте сорока двух лет умерла мать Горацио Кэтрин Нельсон, а спустя неделю, не пережив смерти своей любимой дочери, скончалась и ее мать.

Безутешному Эдмунду Нельсону пришлось отпевать сразу двух близких ему женщин: жену и тещу. Горацио тогда только исполнилось девять лет, но любовь к матери он пронес через всю свою жизнь. Многие годы спустя он всегда вспоминал о ней с любовью и даже свою ненависть к французам объяснял тем, что его «матушка терпеть не могла французов».

Смерть хозяйки дома резко изменила уклад жизни семейства Нельсонов. Восемь детей, младшая из которых, Кэтти, была еще грудным ребенком, требовали больших забот, да и прокормить такое семейство тоже было делом далеко не простым. Во многом помогали соседи, уважавшие своего священника, но основные заботы все же легли на плечи самого Эдмунда Нельсона. Вероятно, выходом из создавшейся ситуации была бы новая женитьба. Но Эдмунд Нельсон так и не женился. Возможно, потому, что слишком любил свою жену, возможно, потому, что, обремененный детьми и не имевший состояния, не был завидным женихом для местных дам. Позднее в своих воспоминаниях об этом времени Эдмунд Нельсон скажет:

— У меня было только единственное желание — сделать так, чтобы детям было уютно рядом со мной и чтобы они не забывали обо мне на расстоянии, а уж если мне выпало на долю проявлять любовь и заботу за двоих родителей, то пусть дети в будущем простят меня за то, что я не совсем оправдал их надежды, ибо задача оказалась для меня слишком трудной!

Однако надо было думать, как устраивать детей в жизни. И здесь не обошлось без самой активной поддержки братьев Кэтрин Нельсон — Мориса и Уильяма Саклингов, имевших достаточно обширные знакомства в Лондоне. И если первый был к тому времени одним из известных своими победами флотских капитанов, то второй занимал видную должность на столичной таможне.

Первым определили «в люди» старшего из сыновей Эдмунда Нельсона — Мориса. Его пристроил клерком в свою таможню дядюшка Уильям. Старшая дочь, Сузанна, по его же протекции поступила работать продавщицей в известный частный магазин и вскоре стала женой его хозяина, предприимчивого и процветающего торговца. Следующий из сыновей (чьего имени биографы Нельсона почему-то упорно не называют) поступил было учиться на священнослужителя, но вскоре умер после буйного пиршества у одного из знакомых фермеров. Сын Уильям, также по протекции дядюшек, нашел себе место клерка в одном из столичных учреждений.

Что касается Горацио, то он отучился в двух школах: в начальной Даунем-Маркет и Пастон и в средней школе в

Норвиче. К моменту окончания школы Нельсон уже изучил Шекспира и знал основы латыни, но никакой склонности к наукам не проявил. Это значило, что путь к уважаемым профессиям ему заказан. Не проявлял усердия Гораций и в изучении Закона Божьего. У Эдмунда Нельсона не было средств, чтобы купить сыну патент на офицерский чин, что было тогда в Англии делом весьма распространенным. Оставалось последнее — военно-морской флот. Однако слабое здоровье Горацио вызывало у отца понятные опасения. Но делать было нечего. Тем более что в один из своих приездов в Бернем-Торп капитан Морис Саклинг обещал помочь устроить на флот того из своих племянников, кто выразит к этому желание.

Капитан Морис Саклинг был фигурой весьма заметной в тогдашнем британском флоте. Английские историки отмечают его высокий профессионализм, чувство такта, юмор и большую предприимчивость. Отличившись в сражениях Семилетней войны, Саклинг сумел обзавестись столь обширными знакомствами, что ему мог бы позавидовать не один адмирал. В семье Нельсонов, как один из самых значительных праздников, отмечалась ежегодная годовщина победы дядюшки Мориса в Вест-Индии. Тогда, в 1757 году, капитан Саклинг во главе отряда из трех фрегатов вступил в сражение с семью французскими судами у мыса Франсуа и обратил их в бегство. Поэтому нет ничего удивительного в том, что храбрый дядюшка Морис был идеалом для маленького Горацио. Но в рассказах дяди прельщало юного Нельсона и еще кое-что. Дело в том, что офицеры флота во время частых в то время войн имели право на немалые деньги от захваченных ими неприятельских судов. Многие за несколько лет становились настоящими богачами. Немало стоило и конвоирование торговых судов, хозяева которых также не скупились на оплату военным, охранявшим их груз.

Весной 1770 года Горацио Нельсон прочитал в газете, что Морис Саклинг только что назначен капитаном 64-пушечного линейного корабля «Резонабль», недавно захваченного у французов, и теперь активно готовит его к предстоящим боям с испанцами. Это был шанс, и Горацио решил его не упускать! Отец в это время лечил застарелые болезни в не столь отдаленном курортном городишке Бат. Гораций тут же побежал к старшему брату Уильяму и попросил его написать отцу, что он хочет служить у дядюшки Мориса.

Известие о желании Горацио податься в моряки немало удивило преподобного Эдмунда, однако он все же написал письмо своему шурину. Не менее Эдмунда был удивлен решением хилого Горацио и сам дядюшка Морис. Помня о своем обещании,

он сразу же согласился взять племянника к себе на корабль, но не удержался от того, чтобы не написать Эдмунду достаточно мрачные строки: «Чем провинился бедный Горацио, что именно ему, самому хрупкому из всех, придется нести морскую службу? Но пусть приезжает. Может, в первом же бою пушечное ядро снесет ему голову и избавит от всех забот!»

* * *

Итак, судьба Горацио Нельсона была решена. И вот однажды в частной школе в Норт-Уолшеме появился старый слуга Нельсонов. Он передал директору, что получено письмо, в котором дядя мальчика пишет, что готов принять Горацио к себе, и поэтому Нельсону следует немедленно отбыть в порт Чатем, что в устье реки Мидуэй, — там корабль Саклинга вскоре должен встать на якорь.

Стояла ранняя весна 1771 года, и Горацио Нельсону исполнилось всего лишь полных двенадцать лет.

Как вспоминал впоследствии Уильям Нельсон, расставание с братом было грустным для обоих. Мальчики плакали и долго стояли обнявшись. Эдмунд Нельсон проводил сына до Лондона, усадил Горацио в дилижанс, следующий в Чатем, и благословил на дорогу. Отныне ребенок был уже предоставлен сам себе.

В портовом Чатеме маленького Нельсона, разумеется, никто не ждал. Он долго бродил по порту, стесняясь спросить, где находится линейный корабль «Резонабль», пока окончательно не замерз. Наконец на несчастного ребенка обратил внимание один из проходивших мимо офицеров. Расспросив Нельсона, кто он, откуда и что делает здесь, офицер сказал, что хорошо знаком с его дядей, и повел к себе домой. Накормив и обогрев мальчишку, он затем отвел его на «Резонабль».

На корабле выяснилось, что капитан в отъезде и никто ничего не знает о приезде его племянника. Предоставленный и там самому себе, Нельсон целый день мерил шагами палубу, пока его не взял под свою опеку до возвращения капитана один из офицеров. Наконец капитан Саклинг прибыл и племянник-юнга был обустроен. Морская наука началась с изучения корабельного жаргона. Запомнить пришлось немало, ведь это был, по существу, свой язык, малопонятный сухопутным людям. И дело было даже не в морских терминах, а, казалось бы, в самых простых понятиях. Камбуз, к примеру, именовался не иначе как адский ящик, океан — рассолом, корабельный лекарь — костью, камень, чтобы драить палубу, — библией, а линейный корабль — боевой повозкой.

Пришлось и «сбегать к боцману за якорными часами». Это была старая корабельная шутка, аналогичные ей существовали и в российском флоте, например: сгонять «поточить якорь» или «попить чай на клотике».

В те дни «Резонабль» готовился выступить под парусами в составе Атлантической эскадры, идущей отвоевывать для британской короны захваченные испанцами Фолклендские острова. Вообще-то, честно говоря, англичане имели на этот отдаленный южноатлантический архипелаг прав куда меньше, чем те же испанцы, но это никого в Лондоне не смущало. Архипелаг был нужен англичанам как морская база на пути в Южную Африку и в Индию. Для судов там был построен небольшой порт Эгмон. Испанцы посчитали это агрессией. В 1767 году на архипелаг был высажен десант, порт Эгмон захвачен, а англичане изгнаны. Губернатор Буэнос-Айреса (в чьем ведении оказались острова) получил указание решительно пресекать все попытки англичан вернуться на архипелаг. Лондон возмутился, но мадридские бурбоны немедленно получили поддержку из Парижа. Начались приготовления флотов, в Европе назревала новая война.

(Упорство Англии в отстаивании своих весьма сомнительных претензий на Фолклендский архипелаг продолжалось и до нашего времени. В 1982 году это привело к конфликту между Англией и Аргентиной, которая попыталась установить свое господство над архипелагом. В ходе начавшихся боевых действий решающую роль сыграли военно-морские флоты враждующих государств. Несмотря на большие потери в корабельном составе победа осталась за Англией, которая ныне и владеет Фолклендами.)

Непрочный мир 1763 года, казалось, висел на волоске. Первыми опомнились испанцы, посчитавшие, что Фолкленды не стоят большой драки. В конце концов за дело взялись дипломаты и конфликт между державами был предотвращен. С точки зрения политики фолклендский конфликт имел для Англии большое значение, так как впервые после Семилетней войны (1756–1763) явился демонстрацией военной мощи первой из морских держав мира.

Во второй половине XVIII века экономическая и морская мощь Англии была в зените. Промышленная революция и огромные колонии приносили прибыль и толкали на новые захваты. Сокрушив в XVI веке морскую мощь Испании, а в XVII — Голландии, к XVIII веку Англия оказалась лицом к лицу с первой континентальной европейской державой — Францией. Семилетняя война явилась первой пробой сил, так и не

выявившей победителя. Теперь обеим державам нужен был лишь подходящий повод. На сей раз мир спасло благоразумие испанцев, которому как в Лондоне, так и в Париже были не слишком рады. А потому было очевидно, что рано или поздно, но столкновение двух могучих недругов все же обязательно произойдет.

Пока же поход британского флота в Южную Атлантику был отменен. Часть кораблей, и в том числе «Резонабль», сразу же была поставлена на консервацию. Без работы оказался и капитан Морис Саклинг, и его маленький племянник.

Впрочем, связи Саклинга сделали свое дело, и вскоре в отличие от многих таких же, как и он, капитанов дядюшка Морис получил под свою команду 74-пушечный линейный корабль «Триумф», определенный для несения дозора в устье Темзы. Разумеется, для предприимчивого Саклинга это было прозябанием, но приходилось радоваться и такому назначению. Впрочем, более, чем о себе, Саклинг волновался о племяннике. Никчемное и утомительное времяпрепровождение в устье Темзы не могло ничего дать юному моряку, кроме как навсегда внушить отвращение к морской службе. Поэтому капитан Саклинг подыскивает племяннику более подходящее и интересное место. Он определяет его юнгой к своему старому товарищу Джону Ратборну, не так давно уволившемуся с военной службы и капитанствующему на частных торговых судах. За несколькими стаканами доброго рома дальнейшая перспектива службы Горацио была решена.

— Ты верно поступил, решив сразу же сделать из мальчишки моряка синей воды, а не береговую крысу! — одобрил решение Саклинга его товарищ.

«Моряками синей воды» в Англии издревле называли тех, кто ходил в далекие океаны, а не отирался в каботажных рейсах.

Капитан Ратборн собирался идти в Вест-Индию, и такое плавание могло стать прекрасной школой для начинающего моряка.

Все систематическое образование Нельсона ограничилось начальной школой и годом обучения в частной школе, а потому до конца своих дней он будет писать с чудовищным количеством ошибок, не соблюдая элементарных правил грамматики. Отныне все свои знания Нельсон будет приобретать только сам. Такова была воспитательная система британского флота того времени. Она не могла дать сколько-нибудь образованных и развитых моряков, однако приобщение с детских лет к морской службе делала из молодых людей прекрасных профессионалов.

(Впоследствии Нельсон весьма обоснованно считал, что брать

на флот будущих офицеров все же следует в более старшем возрасте. Уже будучи адмиралом, Нельсон как-то заметил одному из своих мичманов, что тот, видимо, начал свою службу довольно молодым. «В одиннадцать лет, милорд!» — гордо ответил тот. «Слишком рано!» — ответил Нельсон.)

Именно в этом годичном рейсе на торговом бриге получил свои первые практические знания в морском деле и юный Нельсон. При этом Ратборн всегда держал мальчика при себе, уделяя его воспитанию и обучению самое пристальное внимание. Однако делал он это с учетом своего собственного жизненного опыта. Впоследствии Нельсон вспоминал о своем первом плавании в Вест-Индию: «Если я и не преуспел в своем образовании, то, во всяком случае, приобрел много практических навыков, отвращение к Королевскому флоту и усвоил девиз, популярный среди матросов: „В борьбе за награды и славу вперед, отважный моряк!“ Прошло много времени, прежде чем я смог хоть как-то привыкнуть к боевому кораблю, настолько глубоко укоренилось предубеждение. Да ведь и усилия, предпринятые, чтобы отравить молодой ум, были немалыми!»

Прощаясь со своим маленьким воспитанником, капитан Ратборн ласково потрепал его по голове и пробурчал, не вынимая изо рта трубки:

— Желаю тебе, малыш, как можно скорее попасть на ют! На английском морском жаргоне это означало: как можно скорее стать офицером.

— Спасибо, сэр! — пролепетал маленький Нельсон. — Уверяю вас, что вы никогда не разочаруетесь во мне!

* * *

По окончании рейса в Вест-Индию дядя снова забрал Горацио в военно-морской флот, устроив вестовым на один из кораблей. Однако на нем Нельсон пробыл недолго. Обязанности вестового не слишком привлекательны даже для столь юного моряка, и Саклинг забирает племянника к себе на «Триумф», но теперь уже в качестве мичмана.

— Теперь ты стал настоящим «херувимом»! Так у нас в шутку именуют самых молодых офицеров! — дружески подмигнул он растерянному племяннику.

Здесь необходимо некоторое отступление. Дело в том, что в российском и английском флотах во второй половине XVIII века системы подготовки офицерских кадров сильно различались между собой.

В России еще со времен Петра Великого корабельных офицеров готовили в специальных учебных заведениях, главным из которых был Морской корпус в Санкт-Петербурге. Там кадеты, набираемые из дворян, изучали как общеобразовательные, так и морские науки. Ежегодно летом кадетов вывозили в море для занятий по морской практике. После основного теоретического курса, который в разное время составлял от трех до пяти лет, следовала годичная и более практика на кораблях в предофицерском чине гардемарина. Не сдавший выпускных экзаменов вообще не мог получить офицерского чина, а потому некоторые кадеты учились в корпусе чуть ли не по десятку лет, а то и вовсе исключались за неспособностью к наукам.

Производству в первый офицерский мичманский чин предшествовал весьма серьезный экзамен, по итогам которого (от этого зависело старшинство в чине) происходило распределение по кораблям и судам российского флота. Система подготовки офицеров в российском флоте оказалась столь продуманной и удачной, что практически без изменений (за исключением учета старшинства) существует и по настоящее время.

В Англии в XVIII веке, несмотря на наличие сильного флота и достаточно древних традиций, система подготовки офицеров была самая архаичная. При этом, невзирая на огромное значение флота для островного государства, отношение к нему по сравнению с армией было не слишком государственным. Целенаправленно и централизованно морских офицеров в Англии никто и нигде не готовил. Мальчики из дворянских семей просто-напросто отдавались родителями на корабли. Если у семьи были какие-то знакомства или родственные связи, то детей старались направить к знакомым или родственникам, если не было ни тех ни других, направляли куда придется. Мальчики получали мичманский чин, который не считался офицерским. На иных кораблях порой скапливалось до нескольких десятков таких малолетних мичманов, с которыми капитаны не знали что делать. Живя в кошмарных условиях скученности, драк и пьянства, мальчики должны были не только нести корабельную службу, но и заниматься самообразованием, чтобы по достижении двадцати лет сдать экзамен на лейтенантский чин. Рассчитывать они при этом могли только на себя. Судьба будущих офицеров во многом зависела от того, к какому капитану они попали. Если капитану было наплевать на мальчишек, то судьба их была не слишком завидной. Если же попадался капитан, интересующийся завтрашним днем флота, уделяющий внимание своим мичманам и даже проводящий с ними занятия, то только в этом случае мальчики могли рассчитывать на офицерский чин. При этом по

старой традиции одновременно с лейтенантством присваивали и звание… магистра искусств.

Что касается Нельсона, то ему, разумеется, повезло. О такой поддержке, какая была у него, мог в то время мечтать каждый из поступающих на флот. Традиционно в английской литературе, посвященной Нельсону, о роли капитана Саклинга в его судьбе упоминается вскользь, упор всегда делается на выдающиеся личные качества Горацио, которые проявились у него в самом юном возрасте и обеспечили ему столь стремительную карьеру. Будем справедливы: талантливых моряков в британском флоте всегда было немало, однако мало кто из них имел такого влиятельного покровителя, какого имел Нельсон.

(Стоит вспомнить российского адмирала С. К. Грейга, шотландца по происхождению, так и не сумевшего продвинуться в английском флоте дальше лейтенанта. Только переход в российский флот обеспечил полное раскрытие его талантов. Не лучше складывалась и судьба знаменитого английского мореплавателя Д. Кука, который к сорока годам едва дослужился до лейтенанта. Подобные примеры можно продолжить.)

Несмотря на то что «Триумф», как и год назад, нес дозорную службу у берегов метрополии, капитан Саклинг настойчиво занимался морским образованием племянника. Изучением навигации он заинтересовал Нельсона, пообещав, что в этом случае разрешит ему самостоятельное управление корабельным баркасом. Под руководством дядюшки и некоторых офицеров Горацио вскоре овладел основами навигации и морской астрономии, научился читать карту и исполнять обязанности канонира. Помимо этого дядюшка приставил Нельсона к корабельному ревизору, и тот посвятил юношу во все тонкости корабельного снабжения и хранения припасов.

Вскоре Горацио уже получил в свое распоряжение обещанный баркас и смог вдоволь ходить на нем в устьях Темзы и Мидуэя. Впоследствии ему пригодилось как умение управлять малыми парусно-гребными судами, так и знание прибрежных вод Темзы.

Изо дня в день, из месяца в месяц мудрый Морис Саклинг готовил из племянника будущего офицера. Надо сказать, что зерна знаний, столь умело бросаемые дядей, падали на самую благодатную почву. Нельсону все больше и больше нравилась морская служба, он старался постичь все ее тонкости, не жалея для этого ни сил, ни времени.

Однако нельзя стать настоящим моряком, не побывав в дальних плаваниях, а потому капитан Саклинг начал присматривать для Нельсона поход, который смог бы его многому научить. И такой случай вскоре представился.

* * *

Еще с осени 1772 года среди моряков британского флота поползли слухи о планируемой Королевским обществом (так именовалась в восемнадцатом веке Британская академия наук) полярной экспедиции. Помимо некоторых научных исследований цели экспедиции были сугубо практичными: изучить возможность плавания в летнее время за полярным кругом и возможность проникновения северным путем мимо северной оконечности Америки в Тихий океан. Для участия в экспедиции в Портсмуте снаряжались два больших брига «Рейсхорс» и «Каркас». Однако когда капитан Саклинг обратился с просьбой об устройстве племянника к своему другу капитану Лютвиджу, назначенному командовать «Каркасом», тот сообщил, что Адмиралтейством принято решение не брать подростков в полярную экспедицию ввиду ее трудности.

Впоследствии Нельсон вспоминал: «Ничто не могло остановить меня; я использовал все средства, чтобы заинтересовать капитана Лютвиджа, и просил его взять меня рулевым, поскольку считал, что могу заменить любого матроса».

В конечном счете всё решили обширные связи дяди Мориса. Саклинг съездил в Лондон, переговорил там с кем надо, и в виде исключения разрешение на участие Нельсона в экспедиции было дано.

Летом 1773 года полярная экспедиция под командованием капитана Константина Фиппса покинула берега Англии. В составе экипажа брига «Каркас» был и четырнадцатилетний Горацио.

Увы, но парусным бригам оказались не по силам возложенные на них задачи. Время покорения Арктики еще не пришло, как не настала еще эпоха пара и электричества, с помощью которых стало возможным идти к Северному полюсу.

Суда английской экспедиции смогли продвинуться лишь на десять градусов севернее полярного круга, когда путь им преградил непреодолимый ледовый барьер. Начали нервничать даже видавшие виды гренландские лоцманы, которые еще никогда не забирались так далеко на север. При очередной подвижке льда оба брига оказались окруженными со всех сторон огромными ледовыми полями. Теперь впору было думать не о покорении северных широт, а о спасении судов и людей. Дни шли за днями, лето было уже на исходе, а суда по-прежнему находились в ледовых тисках, которые с каждым днем сжимались все крепче. Когда закрылся последний проход, матросам было велено рубить во льду канал шириной в двенадцать футов. Работа эта была изнурительная: вначале часть команды прорубала канал,

затем остальные за якорный канат подтягивали корабль на несколько десятков метров, затем операция повторялась. Работали все. Помогал тащить судно и тщедушный Нельсон. По ночам лед грохотал и скрежетал, а наутро взору мореплавателей представали все те же огромные, нависающие над палубой торосы.

Понимая, что в любой момент может произойти непоправимое, капитаны велели грузить судовые баркасы всем необходимым, а командам быть готовым в любой момент покинуть суда. Усилены были и ночные вахты.

В одну из таких вахт Нельсон и «отличился». Стоя впередсмотрящим в туманную погоду, Горацио внезапно увидел почти рядом с бортом большого белого медведя. Не раздумывая долго, Нельсон схватил мушкет и помчался вдогонку за медведем. Вместе с ним увязался еще один молодой матрос. Поступок, прямо скажем, отчаянный до безрассудства. Во-первых, мальчишки могли просто заблудиться в тумане и не найти дороги обратно к судну, во-вторых, могли провалиться в полынью, в-третьих, наконец, легко могли стать жертвой того самого медведя, за которым погнались.

При смене вахты пропажа вахтенных обнаружилась. О случившемся было немедленно доложено капитану. Посылать людей на поиск в тумане было бесполезно, а потому решили ждать. Час проходил за часом, но ушедшие всё не возвращались. Лютвидж нервничал: что скажет он Саклингу, если Нельсон не вернется?

Наконец около четырех часов утра туман внезапно рассеялся и с обоих судов отчетливо увидели вдалеке две маленькие фигурки, во всю прыть догонявшие огромного медведя. Прогремел выстрел, но медведь не замедлил своего движения, даже не обернулся на преследователей. Как оказалось, произошла осечка, только порох вспыхнул на ложе. Теперь, казалось бы, можно было прекратить погоню, но не тут-то было! Собравшимся у бортов морякам было хорошо видно, что Нельсон размахивает мушкетом, держа его за приклад, он хотел во что бы то ни стало догнать хозяина Арктики. Это было настоящим безумием. При этом, подбадривая себя и товарища, Горацио выкрикивал что есть мочи:

— Сейчас шарахну его по башке — и он будет наш!

К счастью, на пути храбрецов попалась большая полынья. Медведь пустился вплавь, а преследователям оставалось только стоять на кромке льда и выкрикивать ему вслед обидные ругательства.

Лютвидж распорядился выстрелить из пушки. Выстрел

окончательно напугал медведя, и он скрылся из виду. А горе-охотники повернули обратно.

Едва Нельсон с товарищем вступили на палубу «Каркаса», на них обрушился весь гнев капитана. К чести Нельсона, он взял всю вину на себя. Как говорил впоследствии капитан Лютвидж, ругая Нельсона, в душе он восхищался смелостью подростка. Но в тот момент Горацио пришлось выслушать много не слишком приятных слов и вполне справедливых упреков. На вопрос: для чего ему вообще нужен был этот медведь — Нельсон честно ответил:

— Сэр! Я хотел подарить его шкуру своему отцу и порадовать его!

— Главной радостью для твоего отца будет известие, что ты остался живым после этой охоты! — уже без всякой злости буркнул Лютвидж и ушел в свою каюту.

Вечером за ужином в кают-компании, где офицеры судна живо обсуждали утреннее происшествие, Лютвидж сказал во всеуслышание:

— Помяните мое слово, господа, но этот мальчишка обязательно прославится на весь мир!

После медвежьей охоты Нельсона определили в командиры шестивесельного яла. Теперь в подчинении у юного моряка была своя собственная команда в двенадцать взрослых моряков. По этому поводу Горацио хвастался в письме домой: «Я с гордостью сознаю, что могу командовать лодкой лучше, чем кто-либо другой».

Тем временем руководители экспедиции решали сложный вопрос: пробиваться ли к чистой воде или готовиться к зимовке во льдах. И то и другое было сопряжено с большими трудностями и риском. Голосованием решено было пробиваться на чистую воду, так как англичане опыта полярных зимовок еще не имели и до этого в английском флоте все попытки пережить полярную зиму неизменно кончались трагически.

Константин Фиппс разработал детальный план спасения обеих команд при возможной гибели судов от сжатия льдами. Наряду с этим продолжалась безостановочная упорная работа по продвижению судов в прорубленных каналах. И упорство всех членов экспедиции было вознаграждено! В один из дней посланные на разведку матросы принесли радостное известие, что за ближайшей грядой торосов видна чистая вода. Теперь суда и груженные припасами баркасы тащили с удвоенной силой. Минуло еще три тяжелейших дня, пока оба судна были выведены из ледового плена. Затем последовало не менее опасное плавание среди ледовых полей, и вот, наконец, впереди до самого

горизонта простиралось долгожданное чистое море. В бухте Смиренберг суда экспедиции бросили якорь и команды несколько дней отсыпались и отъедались. Только после этого был продолжен путь к берегам Англии.

Научные и практические итоги английской полярной экспедиции 1773 года ничтожны, она практически не упоминается как заслуживающая внимания исследователей Арктики ни в одном солидном географическом издании. Наибольшую пользу из этого полярного плавания извлек, пожалуй, только ее руководитель капитан Константин Фиппс, чья карьера сразу резко пошла вверх: за руководство экспедицией капитан Фиппс вскоре получил титул лорда Малгрейва.

Что до британской военно-морской литературы, то она почти официально извещает читателей, что главное значение для Британии полярная экспедиция 1773 года имела как школа возмужания ее национального героя Нельсона. Возможно, что так оно и оказалось впоследствии, однако думается, это был далеко не самый дешевый способ организовать практические учения для будущего флотоводца.

Что касается Горацио, то полярные приключения закалили его и он теперь жаждал новых плаваний и новых подвигов. Теперь он стал, как и его товарищи по плаванию, обладателем шутливого, но весьма почетного титула «Синий нос» — так в британском флоте величали участников полярных походов. Едва отдышавшись, он прослышал о готовящемся плавании к берегам Индии отряда английских кораблей и решил любой ценой попасть на один из них. Об этих днях он впоследствии напишет: «Ничто менее значительное не могло меня хоть как-то удовлетворить. Дальнее плавание было для меня морской наукой».

* * *

Устроить племянника на хорошее судно и к хорошему капитану снова взялся безотказный дядюшка Морис. Авторитет и знакомства капитана Саклинга сделали свое дело, и вскоре мичман Нельсон уже был внесен в судовые списки 20-пушечного брига «Сихорс». Во главе уходящей эскадры был поставлен опять же старый друг капитана Саклинга сэр Эдвард Хьюз, один из самых хитрых и предприимчивых адмиралов за всю историю британского флота. За время своей морской службы на трофеях и призах Хьюз сколотил фантастическое состояние. Своему пасынку он оставил невероятное по тем временам наследство — более

четырехсот тысяч фунтов стерлингов! Хьюз был признанным счастливчиком, и плавать с ним любили все — от офицеров до последнего матроса. Рядом с обогащавшимся начальником неплохо себя чувствовали в материальном отношении и подчиненные.

В ноябре 1773 года бриг «Сихорс» покинул Спитхедский рейд вместе с фрегатом «Солсбери», на котором развевался контр-адмиральский флаг Хьюза.

Плавание складывалось успешно. Когда суда проходили мыс Доброй Надежды, Нельсон уже сдал экзамен на матроса 1-го класса. Теперь он учился веста вахтенный и навигационный журналы. Во время похода «Сихорс» столкнулся с пиратским судном, обменялся с ним пушечными залпами, и оба судна благополучно продолжили свой путь. При всей своей незначительности именно этот эпизод стал первым боевым крещением молодого Нельсона.

Капитан «Сихорса» Фармер отличался весьма крутым нравом. Именно на борту его брига Горацио стал свидетелем избиения матросов. Провинившихся привязывали и хлестали кожаными плетьми-кошками со свинчаткой на конце.

В январе 1775 года отряд Хьюза прибыл в Мадрас. Там суда взяли на борт восемьдесят девять ящиков местных драгоценных камней, их надлежало переправить в Англию под охраной пушек «Солсбери». Фрахт еще больше обогатил и так сказочно богатого контр-адмирала.

Почти год Нельсон провел в плавании по Индийскому океану. За это время тщедушный мичман возмужал, вытянулся и окреп. Однако климат оказался вреден для Горацио, и в конце 1775 года его свалил приступ лихорадки. С каждым днем состояние молодого мичмана ухудшалось. Консилиум врачей, осмотревший Нельсона, вынес решение о его немедленной отправке в метрополию. Больного мичмана доставили на судно «Дельфин», уходившее с грузом в Англию. При этом Нельсон был настолько слаб, что врачи сообщили капитану «Дельфина» Джеймсу Пиготу:

— Юноша очень слаб, потому будьте готовы, что он недотянет до берегов Англии!

К счастью для Нельсона, капитан Пигот в свое время плавал вместе с его дядей Саклингом, а потому окружил полумертвого юношу своей заботой. Если тогда Нельсон и выжил, то только благодаря капитану Пиготу.

Обратное плавание длилось более полугода. Приступы лихорадки сменялись у Нельсона долгими периодами депрессии. Но болезнь понемногу начала отступать, и к концу плавания Нельсон выглядел уже вполне здоровым. Годы спустя он

вспоминал, как состояние безысходности сменялось у него тогда периодами восторженного подъема: «Сначала меня донимало чувство, что я ничего не добьюсь в своей профессии. Голова шла кругом от тех трудностей, которые мне придется преодолевать, интерес к службе почти пропал. Я не видел способа достижения своей цели. После долгих мрачных раздумий и даже желания выброситься за борт во мне вдруг зажглось пламя патриотизма: я представил себе, что мне покровительствует сам король и вся страна. „Ну что ж, — воскликнул я, — я стану героем, и Провидение поможет мне преодолеть любые опасности!“»

Уже будучи адмиралом, в разговоре со своим любимцем капитаном Харди Нельсон не раз вспоминал о некоем видении, которое предстало перед ним на пути из Индии. Это был, по словам Нельсона, «некий свет, нисходивший с неба, сверкающее светило», появившееся перед ним и зовущее к славе и триумфу.

Трудно сказать, повезло Нельсону или нет, но он убыл из Ост-Индии за три года до того, как в ее водах началась знаменитая кампания французского адмирала Сюфрена, одержавшего подряд несколько блестящих побед над англичанами, в том числе при Пондишери, Прайя, Садрасе и Тринкомале. Возможно, останься Нельсон в Индии, он уже тогда приобрел бы прекрасный боевой опыт.

* * *

По прибытии на родину Нельсона ждало приятное известие: его любимый дядя Морис Саклинг стал главным ревизором Королевского флота, а следовательно — одним из первых лиц в нем. В руках главного ревизора были все флотские финансы, а что это значило, объяснять, думается, излишне. Что касается Нельсона, то для него новая дядюшкина должность могла обернуться новыми выгодными назначениями и стремительной карьерой.

Надо оговориться, что в период мирных передышек английский флот сразу же значительно сокращался из соображений экономии государственных средств. Многие офицеры сразу же оказывались не у дел и влачили нищенское существование на половинное жалованье в томительном ожидании новой войны, которая вновь призовет их под военно-морской флаг, поможет продвинуться по службе, отличиться и разбогатеть. А поэтому, честно говоря, у прибывшего из Англии мичмана никаких шансов на назначение не было вообще. Незадолго до возвращения Нельсона произошло восстание

Северо-Американских штатов, потребовавших независимости от Лондона. Ходили слухи, что на стороне восставших штатов выступит Франция, но Версаль пока отмалчивался.

Пока толпы претендентов на корабельные должности осаждали Адмиралтейство, все вопросы за племянника решил дядя Морис. Уже через два дня после возвращения мичману Нельсону было предложено явиться на 64-пушечный линейный корабль «Вустер», который готовился конвоировать торговые суда от Англии до Гибралтара и обратно. Назначен же Нельсон был уже четвертым лейтенантом, то есть становился полноправным вахтенным начальником, хотя все еще не имел офицерского чина. О таком назначении можно было только мечтать, ведь помимо превосходной практики члены экипажа еще и неплохо зарабатывали на отчислениях хозяев торговых судов за охрану.

Всю осень и зиму Нельсон провел в море на «Вустере», который нес патрульную службу и сопровождал бесконечные торговые караваны. Как и во всех предыдущих случаях капитан «Вустера» Марк Робинсон оказался старым другом дяди Мориса и поэтому относился к Нельсону гораздо внимательнее, чем ко всем другим мичманам. Впрочем, и Нельсон служил, как всегда, истово, стараясь быть во всем впереди остальных. Вскоре капитан Робинсон доверил молодому мичману самостоятельное несение ходовой вахты. Это было огромным доверием, так как даже на небольших судах самостоятельную вахту несли только лейтенанты, а здесь под полное подчинение Нельсону отдавался целый линейный корабль! Но Робинсон был не только опытным капитаном, но и не менее опытным воспитателем. Он знал, что делал, и был уверен, что молодой и смышленый мичман с его служебным рвением полностью оправдает оказанное доверие.

Об этом весьма знаменательном факте своей биографии Нельсон написал впоследствии следующее: «Из-за моего возраста мне могли не разрешить вахтенную службу, но капитан Робинсон неоднократно говорил, что он так же спокоен, когда я на палубе, как при любом другом вахтенном офицере».

* * *

Весной 1777 года Горацио Нельсон прибыл в Лондон для сдачи экзаменов на чин лейтенанта. Согласно установленным правилам баллотировки в чины экзаменационная комиссия должна была состоять из трех опытных капитанов. Комиссию совета Адмиралтейства, которой предстояло принимать экзамены у Нельсона, возглавлял… его любимый дядюшка Морис.

О сдаче Нельсоном экзамена в Англии написано много. При этом в ходу весьма трогательная история о том, что ни племянник, ни его дядя знать не знали, что один из них будет сдавать, а другой принимать экзамен. И это при том, что от итогов данного экзамена зависела вся последующая карьера Нельсона.

Вот как описывает этот факт биографии Нельсона его соотечественник и биограф Г. Эджингтон: «Морис Саклинг… скрыл, что состоит в родстве с экзаменующимся. Сначала речь Горацио была слегка сбивчива, но, когда волнение прошло, он стал говорить быстро и четко, показав незаурядные способности.

Нельсон блестяще сдал экзамен, и только тогда дядя признался коллегам, что это его племянник. Почему же он не сообщил об этом раньше? — удивились они. „Я не хотел для него никаких поблажек, — объяснил Саклинг. — Был уверен, что он выдержит экзамен и без моей помощи. И как вы убедились, джентльмены, он меня не разочаровал“».

Зная, как опекал капитан Саклинг своего племянника, в случайность встречи на экзаменах, как и в его равнодушно-пассивное поведение во время экзамена не слишком-то верится. И вот почему.

Во-первых, курсируя между Англией и Гибралтаром, Нельсон вполне мог сдавать экзамены на чин не самой придирчивой комиссии совета Адмиралтейства в Портсмуте, а куда более снисходительной капитанской комиссии в Гибралтаре. Однако он этого не сделал, и скорее всего потому, что время и место сдачи экзамена были заранее оговорены с дядей, а в Гибралтаре дяди не было и местные капитаны вполне могли провалить никому не известного мичмана. Помимо всего прочего, капитан Саклинг вообще мог войти в состав приемной комиссии с одной лишь целью — помочь своему любимцу. Во-вторых, как известно, экзаменатор знает множество способов помочь экзаменуемому: это наводящие и дополнительные вопросы, это и доброжелательный тон, и масса других весьма важных мелочей. В-третьих, само присутствие в приемной комиссии дяди устраняло излишнюю нервозность, делало обстановку для Нельсона почти домашней.

Кроме того, будучи председателем комиссии, капитан Саклинг все равно имел право решающего голоса, к которому, разумеется, прислушались и остальные члены комиссии, для которых сидение на экзаменах было не таким уж привлекательным делом.

Любопытен и следующий факт: согласно правилам британского Адмиралтейства возрастной ценз на производство из

мичманов в лейтенанты был установлен в двадцать лет. Нельсону же на момент сдачи экзамена было всего восемнадцать, и никаких выдающихся подвигов к этому моменту он еще не совершил. Кто же и каким образом смог обойти обязательные для всех правила? Ответ на этот вопрос, думается, совершенно ясен. Для того чтобы решить весьма непростую задачу досрочного производства Нельсона в офицеры и обеспечить тем самым ему значительную фору в продвижении по службе перед сверстниками, дядя Саклинг, безусловно, подключил все свои связи. С молчаливого согласия дяди Нельсон переделывает свои документы и прибавляет себе более полутора лет. Так что историю о случайной встрече дяди и племянника на экзаменах можно считать не более чем легендой.

После экзамена Нельсон уже не возвращается на порядком надоевший ему «Вустер», а сразу же получает назначение на фрегат «Ловестов» под командованием капитана Вильяма Локера. И здесь, разумеется, вновь не обошлось без заботливого дядюшки. Французский биограф Нельсона Ж. Гравьер пишет об этом так: «С этим патентом (имеется в виду патент на лейтенантский чин. — *В. Ш.*) он мог еще долго прождать лейтенантского чина, но, к счастью, дядя его, капитан Саклинг, был назначен контролером флота и легко выхлопотал племяннику своему чин, о котором многие мичманы английского флота вздыхают напрасно целую жизнь».

Назначение на «Ловестов» было весьма выгодным, так как фрегат должен был отплыть в Вест-Индию, где ему предстояло перехватывать американские коммерческие суда и мешать судоходству Североамериканских штатов. А это сулило богатые призы и хорошие деньги. Помимо этого, там можно было быстро продвинуться и по службе.

Дело в том, что к этому времени североамериканские колонии Англии решили сообща отделиться от метрополии. Возглавивший восстание фермер Вашингтон объявил об образовании независимых Северо-Американских штатов. Англия перебросила на Американский континент дополнительные войска, и с 1774 года там началась настоящая война. Американцев немедленно поддержала Франция, искавшая любую возможность навредить своей соседке. Французов немедленно поддержала и Испания. Регулярного военно-морского флота у американцев не было, зато в достатке было предприимчивых купцов, торговавших с Европой. Чтобы подорвать экономику восставших, следовало блокировать их порты. Именно для этого в Вест-Индию и перебрасывались новые эскадры.

Однако и англичанам пришлось несладко. Воспользовавшись

мятежом в Америке, против Англии выступили Франция и Испания. Война из колониальной быстро переросла в войну европейского масштаба.

Попасть на боевые суда, готовящиеся к отплытию в Вест-Индию, было в те дни заветной мечтой каждого английского моряка. Предстоящая кампания обязательно должна была сопровождаться многочисленными захватами американских торговых судов и, как следствие этого, большими призовыми деньгами. Воображение всех моряков от капитанов до простых матросов волновал захват испанского золотого галеона «Гермион», случившийся в 1762 году. Тогда золота в трюмах испанца оказалось столь много, что его едва смогли сосчитать. Каждый матрос из участвовавших в захвате судов получил почти по пятьсот фунтов стерлингов (и это при обычном ежемесячном заработке в 25 шиллингов!). Что касается адмирала, то его куш составил целое состояние — шесть с половиной тысяч фунтов стерлингов. Весьма состоятельными людьми стали также все капитаны и офицеры. Рассказы о счастливчиках «Гермиона» действовали возбуждающе, все горели желанием попытать счастья на Карибах, но назначение на уходящие суда получали только те, у кого были немалые связи во флотских кругах.

Перед отплытием «Ловестова» офицеры в кают-компании дружно поднимали традиционный тост: «За кровопролитную войну и сезон, несущий болезни!» Смерти и болезни одних облегчали восхождение по служебной лестнице другим. Таковы были тогдашние правила игры…

В самом радостном настроении Горацио пишет письмо своему другу и брату Уильяму, который, решив пойти по стопам отца, в то время учился на богослова в Крайстс-колледже Кембриджского университета: «Девятого числа сего месяца я сдал экзамен на звание Магистра искусств и на следующий день получил назначение на отличный фрегат, оснащенный тридцатью двумя орудиями. Итак, я брошен в жизнь, где буду сам пробивать себе дорогу. Надеюсь преуспеть в этом, а значит — заслужить уважение для себя и своих друзей».

Сразу же после сдачи экзамена Нельсон заказал художнику свой портрет. Этот первый из портретов будущего флотоводца сохранился до наших дней. На нем Нельсон запечатлен без всех своих будущих увечий, его лицо выражает твердость и уверенность в правильности избранной им стези. Он твердо знает, чего хочет, и верит, что добьется своего.

Так для Горацио Нельсона закончилась юность и наступила пора возмужания.

Глава вторая
ОТ ЛЕЙТЕНАНТА ДО КАПИТАНА

Вест-индский театр военных действий, на который попал лейтенант Нельсон, был весьма сложен в политическом отношении. Дело в том, что, поднимая восстание против Англии, Северо-Американские штаты рассчитывали прежде всего на военную помощь ее давней соперницы Франции, которая не собиралась оставаться в стороне и желала извлечь собственную выгоду из английских трудностей. Не осталась в стороне от конфликта метрополии со своими колониями и Испания. Против 130 британских линейных кораблей союзники были готовы выставить 170 судов. И хотя война еще не была объявлена, французские и испанские эскадры уже вовсю бороздили карибские воды. Помимо них там было полным-полно всевозможных пиратов, каперов и просто хорошо вооруженных частных судов, которые только и ждали случая, чтобы ввязаться в драку. А потому любая встреча в море могла обернуться боем, а любой заход в малознакомый порт — захватом судна. Красота Карибов была вызывающа и обманчива, ибо опасность поджидала мореплавателя на каждом шагу.

Фрегат «Ловестов» оставил берега Англии, чтобы усилить британский флот в американских водах. Началась беспокойная служба по блокаде восставших колонистов. Вскоре Нельсону выпал случай отличиться. При задержании очередного вооруженного торгового судна капитан Локер приказал одному из лейтенантов отправиться на него с досмотром. Однако тот замешкался, ибо погода была штормовая.

— Неужели на всем судне нет офицера, кто решился бы добраться до купца? Или мне самому брать этот приз? — гневно вскричал Локер.

Тотчас вперед шагнул Нельсон:

— Сейчас моя очередь, а если я струшу и вернусь, то наступит ваша!

С этими словами он спрыгнул в шлюпку и, несмотря на огромные волны, вскоре был уже возле чужого судна.

Храбрость юного лейтенанта пришлась по душе Локеру, и когда некоторое время спустя он подыскивал кандидатуру на должность капитана небольшой шхуны, то отдал предпочтение перед всеми остальными Нельсону. Командуя «Маленькой Люси» (так называлась шхуна), Нельсон вскоре уже свободно ориентировался среди бесчисленных островов Карибского моря.

Спустя месяц после прибытия «Ловестова» в Вест-Индию до Нельсона дошло печальное известие о смерти Мориса Саклинга. Это было ударом для Нельсона, и не только потому, что он лишился любимого дяди, но и потому, что отныне он мог рассчитывать только на себя.

Однако друзья дяди не оставили Нельсона без поддержки. Капитан Локер представил лейтенанта главнокомандующему британским флотом в американских водах адмиралу Питеру Паркеру. Так Нельсон стал третьим (младшим) лейтенантом на флагманском корабле Паркера «Бристоль». Свою должность на «Ловестове» он передал одногодку и товарищу лейтенанту Катберту Коллингвуду, который отныне и до самой кончины Нельсона будет буквально идти по его следам.

Команда «Ловестова» относилась к молодому лейтенанту с уважением, а поэтому, когда Нельсон покидал фрегат, матросы преподнесли ему на память шкатулку из слоновой кости для хранения домино, выполненную в виде их фрегата. Такого знака внимания со стороны команды удостаивались в те времена далеко не многие из офицеров.

Адмирал Питер Паркер, как и большинство капитанов, под началом которых до этого служил Нельсон, также состоял в свое время в самых дружеских отношениях с покойным Саклингом, а потому Нельсон был принят в его доме на Ямайке как родной. Шефство над юным офицером взяла супруга адмирала леди Паркер.

Неудивительно, что вскоре Нельсон был уже первым (старшим) лейтенантом на «Бристоле». Однако вполне возможно, что вскоре Нельсон пожалел, что поторопился уйти с «Ловестова». Дело в том, что фрегат принял участие в исключительно удачном рейде на испанский порт Омоа в Гондурасском заливе, где захватил целый караван испанских судов, груженных золотом и серебром, который готовился к переходу на Кубу. Капитан Локер оправдал свое прозвище удачливого капитана! Доля призовых денег была столь велика, что богачами стали даже матросы, не говоря уже об офицерах. Для весьма стесненного в средствах Нельсона участие в рейде могло бы стать настоящим подарком судьбы, но, увы, в этот раз он остался без денег. Надо думать, что Нельсон весьма переживал такую гримасу судьбы.

Автор исторического труда о войне Англии с Северо-Американскими штатами Том Покок так характеризует мечты британских офицеров того времени: «…Разговоры об испанских материковых владениях и о гватемальском золоте повернули мысли в сторону создания состояний. Для флотских и армейских офицеров, большинство из которых избрали свою профессию в

надежде укрепить свое финансовое положение и сделать служебную карьеру, Ямайка была тем местом, которое стимулировало подобные мечты».

Что касается Нельсона, то уже в декабре следующего, 1778 года он становится коммандером[1] и получает назначение капитаном на бриг «Бэджер», который был назначен охранять обосновавшихся на восточном берегу[2] Латинской Америки переселенцев от нападения американских пиратов. Коммандеру нет и полных двадцати лет, и он полон надежд на блестящее будущее.

«Пьем за здоровье новой медной иконы!» — таким был первый тост во время дружеской вечеринки по случаю получения Нельсоном нового чина. Медными иконами в британском флоте шутливо именовали коммандеров за их золотые позументы.

«И пусть эта медная икона никогда не заржавеет!» — сразу же последовал и второй традиционный тост, означающий, что новоиспеченному коммандеру все желают не погибнуть в бою и не умереть от болезней.

Коммандер — это еще не реестровый капитан, но уже далеко не рядовой лейтенант. В военное время коммандеры пользуются всеми капитанскими правами. В случае же гибели, ранения или болезни кого-либо из капитанов именно из коммандеров подбирается замена.

Служба по охране побережья была достаточно беспокойной. То и дело приходилось гоняться за судами контрабандистов, которых было вокруг видимо-невидимо. При этом их капитаны шли на все, чтобы спрятать судовые документы. Однажды Нельсону пришлось в течение трех суток искать бумаги, пока в конце концов они не были обнаружены в чьем-то старом башмаке.

Случались дела и поопаснее. В один из дней стоянки «Бэджера» в заливе Монтего внезапно загорелся стоявший там же бриг «Глазго». На бриге началась паника, матросы стали выпрыгивать за борт. Увидев это, Нельсон действовал быстро и решительно. Он прибыл в шлюпке на горящий бриг, где велел немедленно выбросить за борт все запасы пороха (чтобы уменьшить риск взрыва) и поднять стволы пушек вверх (чтобы в случае самопроизвольных выстрелов никого не покалечило).

Как было признано впоследствии, эти меры спасли немало жизней, так как рядом с «Глазго» стояло на якорях много судов. Сам же Нельсон писал об этом так: «Капитан „Глазго“ Томас Ллойд подтвердит, что благодаря нашим усилиям вся команда была спасена от огня».

В должности коммандера, впрочем, Нельсон не задержался.

Когда в июне 1779 года случайным выстрелом был убит капитан фрегата «Хинчинбрук» и требовалось срочно найти ему замену, адмирал Паркер сразу же определил на открывшуюся вакансию своего любимца. На должность же Нельсона был определен уже знакомый нам лейтенант Коллингвуд.

* * *

Так, имея всего двадцать лет от роду, Нельсон стал капитаном. Отныне карьера ему была уже обеспечена. Дело в том, что по существовавшим в то время в английском флоте законам офицеры могли получить следующий чин независимо от того, когда получили этот же чин другие офицеры, то есть вне очереди, но только до капитана включительно. Далее вступало в силу правило, изменить которое не мог уже никто: капитаны получали следующий чин — вплоть до адмирала — исключительно в порядке очереди. Никто не в силах был помочь самому талантливому капитану стать адмиралом вне общей очереди, однако никто не мог и помешать ему стать адмиралом, когда наступит его очередь. А потому с получением капитанского чина Нельсон встал в общую капитанскую очередь, которая рано или поздно (если только хватит здоровья) должна была привести его к адмиральским высотам, ибо никто из молодых офицеров не мог уже никогда его обогнать. Отныне он начинал неуклонное движение к адмиральскому чину, и остановить его могла только смерть.

(Нельсон будет дожидаться своего первого адмиральского чина целых восемнадцать лет. Однако в силу того, что он стал капитаном значительно раньше своих сверстников, он все же станет контр-адмиралом в тридцать восемь лет, в то время как его не менее известные современники Джервис и Коллингвуд только к пятидесяти годам.)

Такой же принцип продвижения по службе существовал в ту пору в подавляющем большинстве европейских флотов, включая и российский. Для своего времени такой порядок был достаточно прогрессивным, ибо в отличие от армии, где чины весьма часто давались исключительно по протекции, способствовал тому, что адмиралами становились достаточно опытные и дельные капитаны. Помимо этого принцип старшинства способствовал упрочению товарищеских уз и обеспечивал уверенность капитанов в завтрашнем дне. Любопытно, что если все же возникала необходимость присвоить адмиральский чин капитану вне очереди, то, чтобы не нарушать правила, в Англии

адмиральский чин присваивали всем тем капитанам, кто должен был получить его в порядке старшинства. В британском флоте предельного штата адмиральских должностей не было, а потому чин зачастую вовсе не был связан с какой-то конкретной должностью. В России, к примеру, наоборот: количество адмиральских должностей, а следовательно, и чинов было строго регламентировано, а потому выход нашли, присваивая капитанам, имеющим право на адмиральское звание при отсутствии штатной вакансии, весьма хитрый чин — капитана бригадирского, а затем и генерал-майорского ранга.

Небезынтересно, что, несмотря на свои прекрасные морские качества, Нельсон до производства в капитаны не участвовал ни в одном бою. И это при том, что английский флот вел в ту пору достаточно активные боевые действия. Однако все это нисколько не помешало ему получить капитанский чин, которого многие достойные боевые офицеры добивались не один десяток лет. Английские биографы Нельсона объясняют этот факт исключительно его высокими личными качествами. Все это, безусловно, присутствовало. Но не только это. Даже после смерти дядюшка Саклинг по-прежнему продолжал помогать своему племяннику: только теперь за него это делали друзья, которых, судя по всему, у главного ревизора британского флота было немало. Именно один из них, адмирал Паркер, и сделал все от него зависящее, чтобы обеспечить быструю карьеру племяннику своего умершего друга.

Получив вожделенное капитанство, Нельсон написал отцу: «Мы все продвигаемся вверх только с помощью смерти. Выстрел, убивший капитана, предоставил мне эту должность. Весьма искренне надеюсь, что и я покину этот мир таким же путем».

Чего больше в данной фразе — искренности или мальчишеской бравады, сказать трудно. Как знать, может, уже тогда Нельсон предчувствовал, какой будет его смерть…

* * *

Между тем боевые действия уже шли почти по всему миру. В Ла-Манше в июле 1778 года сошлись эскадры адмирала Кеппеля и генерал-лейтенанта д'Орвилье. При равенстве сил англичане вынуждены были оставить поле боя и искать спасения в Портсмуте. Эта первая проба сил вошла в историю как битва при Уэссане. В 1779 году французы и испанцы планировали высадку десанта на английские берега. Но из этого ничего не получилось: союзники так и не смогли договориться между собой, а

английская эскадра адмирала Харди, настигнутая было французским флотом, опять спряталась в Портсмуте. В январе же следующего, 1780 года адмирал Родней разгромил испанского адмирала дон Жуана де Лангара, взорвав один и захватив шесть линейных кораблей. В ответ испанцы перехватили и пленили огромный английский торговый конвой. Вскоре после этого к союзникам примкнула Голландия. Голландская эскадра адмирала Зутмана также померилась силами с английским адмиралом Паркером. Более трех часов противники шли параллельными курсами и что было силы молотили друг друга из пушек. Маневрировать никто из них даже не пытался. Результатом сражения при Доггер-банке были горы трупов и боевая ничья. Вскоре после этого союзники все же отбили у англичан остров Минорку. Однако при Гибралтаре, несмотря на применение новоизобретенных плавбатарей, были разбиты. В целом в европейских водах ни одна из сторон так и не смогла добиться полного превосходства над противником.

Тем временем Нельсон продолжал службу в Вест-Индии. Вскоре после назначения на «Хинчинбрук» ему наконец-то крупно повезло. В первое же самостоятельное плавание у берегов Америки он захватил несколько груженых судов. Призовая сумма, доставшаяся капитану, составила около восьмисот фунтов. По тем временам весьма неплохие деньги. Часть этой суммы Нельсон отослал отцу, что позволило последнему привести в порядок свое весьма запущенное хозяйство. Однако Нельсон все же считает себя обойденным и мечтает заработать на призах еще не менее тысячи фунтов.

А обстановка в Карибском бассейне к этому времени значительно усложнилась. Беспрепятственному захвату англичанами американских транспортов пришел конец. В водах Вест-Индии появилась французская эскадра. Для этого были не только политические причины, помимо всего прочего, торговля с североамериканскими колониями приносила немалый доход, а английская блокада грозила огромными финансовыми потерями. Расклад был явно не в пользу Англии. Если до этого момента британский флот лишь блокировал североамериканское побережье и перехватывал контрабанду, то теперь ему предстояло в самое ближайшее время столкнуться сразу с тремя лучшими флотами Европы. Первые же столкновения на море показали, что с союзниками шутки плохи, — англичане терпели одно поражение за другим. Виной тому были догматические правила линейной тактики, сковывавшие действия командующих и не позволявшие им проявлять инициативу. Позор первых морских столкновений вынудил никому не известного портового

чиновника Джона Клерка написать и издать книгу «Опыт морской тактики». В своей книге Клерк подверг критическому анализу все устоявшиеся тактические догмы и обосновал, что для решительной победы надо рисковать, добиваясь решающего перевеса на одном из флангов боевой линии. Предложения Клерка обсуждались в корабельных кают-компаниях, вызывая жаркие споры. Принимал участие в этих обсуждениях и Нельсон. Нам не известна его точка зрения, но думается, что он был сторонником самых решительных и активных действий.

Между тем свои споры шли и на лондонском политическом Олимпе. Там всё никак не могли решить, на каком направлении сосредоточить главные силы флота.

— Надо бросить ко всем чертям треклятую Северную Америку, от которой только морока и никакой пользы, послать флот и забрать вместо нее у испанцев Южную! — строил планы министр колоний Георг Жермен. — Там необозримые богатейшие страны, и именно там мы сможем создать для себя вторую Индию, а назовем ее Новой Испанией!

Однако прежде чем начать строительство новой южноамериканской империи, следовало нанести поражение франко-испано-голландскому союзу и прежде всего союзному флоту, а сделать это было нелегко. И все же после ряда поражений на североамериканской части материка от повстанческой армии Вашингтона было решено произвести ряд ударов по южным районам. Первый из них надлежало нанести по так называемому Москитному берегу в центральной части Америки, затем по побережью Мексиканского залива в районе французской колонии Новый Орлеан, а потом уже изгнать испанцев из Мексики. Руководить этими операциями было поручено губернатору Ямайки Джону Даллингу, энергичному, но слишком эмоциональному и тщеславному генералу. Карибское море становилось театром самых активных боевых действий.

Но и противник не дремал. Версаль направил к американским берегам мощную эскадру адмирала графа д'Эстена. Начали подтягивать туда свои силы и испанцы. Предполагалось, сосредоточив все силы на Испаньоле (нынешняя Гаити), нанести удар по Ямайке, чтобы лишить англичан их главной базы в этом регионе.

Предприятие графа д'Эстена имело все шансы на успех. Собранный флот насчитывал 125 боевых и транспортных судов, а экспедиционный корпус — 25 тысяч человек. Этим силам англичане могли противопоставить всего 7 тысяч солдат. Понимая, что защищать Ямайку с такими мизерными силами будет чрезвычайно трудно, адмирал Паркер вынужден был

привлечь к обороне и морских офицеров. Так еще не успевший толком принять дела на своем фрегате Нельсон был определен командовать батареями форта Чарльз, прикрывавшими столицу Ямайки Порт-Ройал.

Не надеясь выстоять в схватке с французами, английские офицеры готовили себя к неизбежному плену, а потому в свободное время учили французский язык. Учил французский и Нельсон. Однако английским джентльменам так и не довелось побывать во французском плену. У адмирала д'Эстена безобразно работала разведка, и он не догадывался о слабости противника, а потому так и не решился на нападение. Снова Нельсону не удалось побывать в бою.

Однако боевые действия на этом не прекратились. Получив передышку, англичане решили перехватить инициативу. Генерал-губернатор Ямайки Джон Даллинг решил перейти к наступательным действиям и осуществить давно задуманную экспедицию на Москитный берег. Помимо всего прочего, генерал рассчитывал на помощь со стороны издавна живущих в тех местах английских поселенцев и настрадавшихся от испанцев местных индейцев, а еще на английскую удачу, ведь именно в этих местах добыл себе славу и золото знаменитый пират Морган!

— Мы отыграемся на испанцах, действуя в их глубоких тылах! — заявил генерал собравшимся у него старшим офицерам. — Готовьте патенты на чины и кошели для золота!

— Одному Богу известно, что из всего этого получится! — заметил Нельсон, покинув совещание у губернатора.

С целью завоевания плацдарма в Центральной Америке Даллинг решил направить отряд в полтысячи человек. Высадка планировалась в районе нынешней Никарагуа. Поднимаясь по течению реки Сан-Хуан и захватив одноименный испанский форт на реке, англичане должны были дойти до тихоокеанского побережья, перерезав важные коммуникации, связывающие испанские колонии в Центральной и Южной Америке.

План Даллинга был превосходен по замыслу, однако трудновыполним на практике: генерал-губернатор высчитывал все по карте, не принимая во внимание местные условия: трудность продвижения по джунглям, лихорадку и ядовитых змей.

В начале 1780 года Нельсон получает приказание адмирала Паркера перевезти отряд в устье реки Сан-Хуан.

Из воспоминаний командира отряда подполковника Полсона:

«Светловолосый мальчик явился ко мне на небольшом фрегате… В течение двух-трех дней он проявил себя и после этого руководил всеми операциями».

Во главе небольшого отряда транспортов «Хинчинбрук», которым командовал Нельсон, покинул Ямайку. Переход к месту высадки прошел на редкость спокойно. Единственными событиями за время плавания стали смерть от застарелой болезни армейского сержанта, которого тут же и погребли по морскому обычаю, а также публичная порка матроса и морского пехотинца за нерадивость.

Высадив десант, Нельсон должен был вернуться на Ямайку. Но молодой капитан нарушает адмиральский приказ. Факт сам по себе удивительный! Едва став капитаном, в первом же самостоятельном предприятии проигнорировать приказ главнокомандующего! Впоследствии Нельсон оправдывал это своеволие тем, что, высадив десант, узнал: солдаты и армейские офицеры не имеют ни малейшего представления, как плыть по реке. Поэтому Нельсон решает им помочь и самовольно остается при отряде, оставив «Хинчинбрук» без капитана и нескольких десятков матросов, которых взял с собой.

В то, что солдаты и армейские офицеры не умели передвигаться на гребных лодках по реке, не слишком верится. Дело это не столь хитрое для взрослых и опытных мужчин. Это скорее всего надуманный повод. На самом деле Нельсон просто хотел поучаствовать в настоящих боях и отличиться. При этом он был твердо уверен в благожелательном отношении к себе главнокомандующего, которое не могло поколебать даже столь демонстративное неповиновение.

А вот мнение на сей счет русского биографа Нельсона В. Трухановского: «Строго говоря, Нельсон допустил самоуправство. Ведь его командование явно исходило из того, что, выполнив поставленную перед ним задачу, то есть доставив суда экспедиции к реке Сан-Хуан, Нельсон вернется на Ямайку на вверенном ему фрегате. Даже в те времена, когда инициатива командиров кораблей из-за отсутствия быстрой связи с начальниками была очень широкой, решение Нельсона, хотя и направленное на пользу делу, выглядело странно. Правда, командование впоследствии не ставило эту акцию в вину Нельсону, но через два столетия историки пытаются разобраться, почему Нельсон поступил таким образом.

Они приходят к выводу, что Нельсон считал речную экспедицию обреченной на провал без его участия. За время похода у него сложились хорошие отношения с подполковником Полсоном и другими офицерами, включая лейтенанта Деспарда. Нельсон, вероятно, рассчитывал, что если это предприятие увенчается успехом, то благоприятные последствия его и слава его участников будут огромны. Его, по-видимому, прельщала

мысль, что он, рядовой капитан с Ямайки, будет командовать эскадрой на озере Никарагуа, которую, конечно, придется строить при благоприятном обороте событий. Он скорее всего даже мечтал войти в историю как офицер, который отрезал Северную Америку от Южной и сделал возможным захват Англией Новой Испании. Соблазнительны были еще и вполне возможные призовые деньги: ведь удача обещала огромную добычу».

Вместе с собой Нельсон захватил с фрегата два десятка матросов. Однако высадившихся на Москитном берегу участников экспедиции ждала первая неприятность: индейцы, посчитав, что англичане приплыли, чтобы обратить их в рабство, разбежались. Отказались от участия в предприятии и местные английские поселенцы во главе со своим старшиной Лури. Помимо всего прочего, они так и не обеспечили десантников, как было обговорено ранее, лодками и припасами. Пришлось брать таковые с фрегата.

Английский историк Том Покок пишет об этом так: «Постепенно Полсона осеняло, что прибытие регулярных войск на Москитный берег, политически выгодное для Лури, было совсем не желательным для поселенцев, ибо они опасались, что военные станут вмешиваться в их оживленную и доходную контрабандную торговлю с испанцами. Более того, поселенцы всячески запугивали и настраивали индейцев против экспедиции, уверяя, что ее цель — не разграбить испанские поселения, а захватить побольше индейцев, отвезти их на Ямайку и продать там как рабов».

Кроме этого, на редкость неудачно было выбрано и время начала экспедиции. Десант высадился в устье Сан-Хуана в самом конце сухого сезона, в апреле, когда река была еще настолько мелкой, что солдатам пришлось до изнеможения тащить лодки на себе. Как могли на этом этапе экспедиции проявиться морские познания Нельсона, совершенно непонятно.

До глубокой воды добрались только у острова Сан-Бартоломео. И сразу же наткнулись на испанское укрепление. Не дав испанцам опомниться, Нельсон повел своих матросов в атаку. Внезапность обескуражила испанцев, и они сдались без всякого сопротивления. Несмотря на то что со стороны противника не было сделано ни одного выстрела, именно атаку Сан-Бартоломео английские историки считают боевым крещением Нельсона и его первым военным успехом. Не страдая излишней скромностью, герой нашего повествования написал об этом бое в письме отцу так: «Я высадился на вражеской заставе… и обеспечил нашу победу».

Справедливости ради необходимо отметить, что о главной

роли в захвате испанского редута потомкам известно исключительно от самого Нельсона. Трагическое развитие дальнейших событий привело к тому, что свидетелей того боя, кроме самого Нельсона, в живых не осталось. К тому же вполне вероятно, что немногочисленные испанцы вообще не помышляли о сопротивлении. Именно поэтому они и сдались, едва увидев сотни приближающихся к ним англичан.

Однако главная цель экспедиции — форт Сан-Хуан находился на шестнадцать миль выше по реке. Взять форт следовало любой ценой, ибо он прикрывал дорогу к озеру Никарагуа и городам Гренада и Леон. Не доходя двух миль до форта, нападающие выгрузили с лодок свои припасы и дальше тащили их уже на себе через джунгли. Во время этого тяжелого перехода Нельсон едва не погиб. В гамак, в котором он отдыхал, заползла одна из самых ядовитых местных змей. Она проползла по лицу безмятежно спавшего капитана и свернулась кольцом в его ногах. На счастье Нельсона, змею вовремя заметили индейцы-проводники, которые осторожно разбудили капитана, а потом убили нарушительницу спокойствия.

Когда англичане подошли к форту, в котором и не догадывались о нависшей опасности, Нельсон предложил командиру отряда атаковать испанцев, используя фактор внезапности. Но тот отказался, побоявшись больших потерь, и начал методично готовиться к штурму. Так были потеряны десять бесценных дней. В это время начался сезон дождей. Люди десятками заболевали малярией.

Что касается Нельсона, то он оказался совершенно лишним: его знания военно-морского дела здесь нужны не были. Биографы пишут, что он помогал расставлять пушки. Однако и в этом роль Нельсона не могла быть значительной, ибо он обладал куда меньшими познаниями в деле осады сухопутных крепостей, чем армейские офицеры.

И снова Нельсон был рядом со смертью, когда напился воды из озерца, где плавали ветви ядовитого дерева манцинеллы. Отравление было чрезвычайно сильным, но выручили индейцы, знавшие противоядие. Когда же Нельсон немного оправился от отравления, его свалила сильнейшая дизентерия.

В это время в лагерь доставили приказ адмирала Паркера, чтобы Нельсон немедленно возвращался на Ямайку и принял под свое командование фрегат «Янус», капитан которого умер.

Нельсон покидал лагерь в самый канун штурма. Думается, что ему очень хотелось принять в нем участие, однако второй раз проигнорировать приказ адмирала он уже не решился. Здоровье Нельсона тоже оставляло желать лучшего: с почтового шлюпа на

Ямайке его уже сносили на руках.

О том, как далее развивались события возле форта Сан-Хуан, пишет английский историк Г. Эджингтон: «Крепость сдалась после сражения, длившегося несколько дней, на что ушли последние силы осаждавших. Взяв город, они стали его пленниками: большая часть людей заболела смертельной желтой лихорадкой, но в форте не было никакой медицинской помощи. Вокруг была неописуемая грязь, всюду валялись трупы людей и животных. Когда наконец среди руин организовали госпиталь, не нашлось людей, способных в нем работать, и, кроме того, большая часть лекарств и медицинских принадлежностей оказалась потерянной во время перехода через джунгли. А потом даже захоронение мертвых превратилось в непосильную задачу, тела просто сбрасывали в воду или оттаскивали в джунгли, где они лежали до тех пор, пока за них не брались звери и птицы… Если схватка с испанцами продолжалась всего несколько дней, то на борьбу со страшными тропическими болезнями ушло целых пять месяцев, после чего немногие оставшиеся в живых покорились судьбе. Те пять человек, у которых каким-то образом выработался иммунитет против смертельных тропических хворей, остались в Сан-Хуане в роли символического гарнизона. Они решили охранять форт, пока испанцам не придет охота отбить его в конце сезона дождей. Итак, вся эта операция вылилась в бессмысленную потерю несчастных людей, заброшенных во враждебную страну. В джунглях погибли сотни солдат, доставленных Нельсоном на „Хинчинбруке“. Только десяток избежали смерти от „желтого Джека“ и других тропических болезней. Если бы Нельсон остался с ними, его слабый, уязвимый организм скорее всего не выдержал бы испытаний, и вовремя присланный с Ямайки приказ спас ему жизнь».

Здесь необходимо отметить следующее. В английском, да и во всех других флотах того времени степень старшинства капитана определялась количеством орудий на его судне. Самые младшие получали под свое начало, как правило, самые слабые суда. На «Хинчинбруке» было установлено 32 орудия. Фрегат этот был не слишком сильный, но ведь и его капитан был, согласно капитанской Табели о рангах, самым молодым не только по возрасту, но и по заслугам. Однако не успел Нельсон даже как следует вступить в командование 32-пушечным «Хинчинбруком», как его уже переводят капитаном на 44-пушечный «Янус». Это было явное повышение в должности. Для такого повышения надо было иметь хоть какие-то заслуги. Увы, таковых у Нельсона пока не наблюдалось. Не считать же заслугами неподчинение адмиральскому приказу, захват редута, который и не думал

сопротивляться, и заболевание дизентерией. А вот повод для недовольства вполне мог быть, ведь в джунглях бесполезно погибли почти все 200 взятых в экспедицию по прихоти Нельсона матросов. Однако ничего подобного не происходит. Нельсона, наоборот, значительно повышают в должности.

На «Янусе» Нельсон так и не появился, лишь формально принял дела. Больной капитан лечился в доме своего благодетеля адмирала Паркера, а леди Паркер лично исполняла при больном роль сиделки. Думается, что госпожа адмиральша занималась выхаживанием далеко не всех подчиненных своего мужа. Чета Паркеров искренне любила Нельсона и считала его едва ли не своим сыном.

Несмотря на всю заботу главнокомандующего и его жены, Нельсон так до конца и не поправился. И без того не слишком сильный организм был очень сильно ослаблен тяжелой болезнью. Кроме этого, в данном районе никаких активных боевых действий уже не планируется. Гораздо меньше стало и возможности обогатиться за счет призов. Американцы и испанцы стали куда осторожнее, и теперь захват даже маленькой шхуны рассматривался как несомненная удача, тогда как годом ранее на нее никто бы и не взглянул. А потому вскоре Нельсон подает прошение об отпуске по болезни.

— Сэр, — просит он адмирала Паркера, — будучи последние месяцы очень нездоров, я прошу вас любезно разрешить мне отправиться в Англию!

Паркер не возражает и подписывает прошение своего капитана.

С первым попутным судном его отправляют в Англию. В своих воспоминаниях Нельсон писал: «Со здоровьем у меня было так плохо, что пришлось отплыть в Англию на „Лайоне“ с капитаном Уильямом Корнуоллисом; его внимание и забота спасли мне жизнь».

Капитанский дебют Нельсона оказался, таким образом, достаточно неудачным.

* * *

Добравшись до Англии, Нельсон сразу же отправляется в курортный городок Бат, столь любимый его отцом. Состояние молодого капитана было ужасное: у него на некоторое время даже отнимаются ноги и приходится нанимать носильщиков. Нельсон мучительно переживает свою беспомощность. Лечащий врач, проникнувшийся уважением к молодому капитану,

отказался даже от части своего гонорара.

Своему бывшему начальнику, а теперь и другу капитану Локеру Нельсон писал в те тяжелые для себя дни: «Приехав сюда, я был так болен, что не мог сам подниматься с постели и испытывал невыносимую боль при малейшем движении. Однако, благодаря Богу, сейчас я на пути к выздоровлению. Трижды в день принимаю лекарство, столько же раз пью целебную воду, принимаю ванны через день — я уж не говорю о том, что совсем не пью вина, что, по-моему, хуже всего».

Еще одно письмо: «Я отдал бы все, чтобы снова быть в Порт-Ройале. Здесь нет леди Паркер, а слуги не обращают на меня никакого внимания, и я валяюсь как бревно».

Выздоровление шло крайне медленно. Однако Нельсон не терял оптимизма. Зимой 1781 года, едва начав ходить, он уже пишет: «Здоровье мое почти полностью восстановилось, я превосходно владею конечностями, не считая левой руки, — затрудняюсь сказать, что с ней такое. От плеча до кончиков пальцев она как полумертвая, но врачи уверяют, что это ненадолго».

Нельсону нравится в курортном Бате, и он совсем не хочет возвращаться в дождливый Лондон. Брат Уильям зовет его погостить к себе в Норфолк. Дело в том, что перед смертью дядя Морис Саклинг завещал все свое немалое состояние детям покойной сестры. А потому и Уильям, и сестры Нельсона получили весьма приличное наследство и стали достаточно обеспеченными людьми.

Нельсон отказывается от приглашения брата. Понять его можно. Он по-прежнему самый младший из всех реестровых капитанов флота и к тому же не успел ничем себя проявить. Как знать, может, вот-вот закончится война, а он так и не сможет отличиться. Однако болезнь все еще дает о себе знать.

Кроме этого, Нельсона ждет и новая большая проблема, с которой он никогда раньше не сталкивался. На его просьбу в Адмиралтейство о предоставлении соответствующей должности следует ответ, что для Нельсона нет вакансии. При жизни дяди Мориса такого никогда не могло быть. Ответ из Адмиралтейства — первый звонок, что теперь у Нельсона более нет связей в высших флотских сферах. Теперь он такой же, как и все. В письме Уильяму Нельсон жалуется: «Я говорил вчера с лордом Сэнуиджем, и он не смог сказать, когда меня возьмут на службу. Ты на это скажешь: „Так почему бы тебе не приехать в Норфолк?“ Отвечаю: у меня совсем не действует левая рука, почти в таком же состоянии левая нога. Лечащий меня доктор Адейр, знаменитый лондонский хирург, подает надежду, что через

несколько недель это пройдет; тогда я обязательно приеду в Норфолк и поживу до тех пор, пока не получу работу. Когда будешь писать отцу, не передавай ему моих сетований; я знаю, что они его расстроят, и это никому не поможет».

Спустя некоторое время Нельсон все же переезжает к брату. В одной из бесед Уильям доверительно сообщает ему, что решил стать судовым священником. Это приводит Горацио в ужас. Он прекрасно знает, насколько тяжела и неблагодарна служба священником на английском флоте. Это совсем иное, чем сельский приход с почтительной паствой. На судне священник находится в окружении не слишком-то почитающей Бога публики, которая на полном серьезе верит в то, что присутствие священника на борту обязательно приведет всех к несчастью. Помимо этого, судьба судового священника полностью в руках капитана. Попадется умный и богобоязненный — значит, повезло, попадется жестокий и богохульствующий — не возрадуешься. Да и оклад судовых священников был намного ниже, чем у их береговых коллег. Но сколько ни приводил младший брат аргументов, старший оставался непреклонным и твердо желал пробудить доброе начало в черствых матросских душах. Братья так и не пришли в этом вопросе к согласию. Каждый остался при своем мнении.

Наконец Нельсону предложили должность. Это был 28-пушечный фрегат «Албемарль», старое французское торговое судно, год назад захваченное англичанами и наскоро переоборудованное в крейсер. Разумеется, старик «Албемарль» не шел ни в какое сравнение с «Хинчинбруком» и «Янусом», но выбирать не приходилось. Нельсон был рад и этому. Разумеется, он чувствовал себя обиженным, разумеется, он мечтал вновь вернуться на Ямайку под крыло адмирала Паркера, однако Адмиралтейство рассудило иначе, и «Албемарль» был оставлен в северных водах.

К этому моменту обострились отношения между Англией и Данией. Войны еще не было, но оба государства находились в состоянии вооруженного нейтралитета.

Пока старое судно заканчивали переоборудовать в боевой фрегат, здоровье Нельсона вновь ухудшилось. Несколько недель он провалялся в своей каюте, пока понемногу не пошел на поправку.

«Албемарль» был направлен к датским берегам и едва достиг их, как на фрегат прибыл офицер от датского адмирала. На вопрос офицера, что это за судно и с какими целями прибыло, Нельсон гордо заявил:

— Это корабль его величества короля Британии. Вы вольны

пересчитать орудия на его борту, и хотя их не слишком много, однако передайте своему адмиралу, что в случае необходимости все они могут отлично стрелять!

С большим трудом Нельсону разрешили сойти на берег. Не теряя времени, он собирал сведения, которые могли пригодиться в случае начала войны между державами. Вскоре «Албемарль» был отозван в Англию.

Плавание по штормовому Северному морю показало низкие мореходные качества старого судна. Из-за явной ошибки в проекте мачты «Албемарля» оказались чересчур длинными, и фрегат был очень неустойчив. Чтобы устранить этот серьезный недостаток, снова пришлось становиться в ремонт. Но даже после него «Албемарль» Нельсону не нравился.

— Строившие судно французы сумели научить его только одному — быстро удирать от врага! — частенько говорил он своим друзьям относительно боевых качеств своего неудачного судна.

Однажды бедняга «Албемарль» едва не погиб. Когда Нельсона не было на судне, внезапно начался сильный шторм. Вдобавок ко всему на «Албемарль» налетело сорвавшееся с якоря ост-индское торговое судно, «Албемарль» тоже сорвался с якоря, и его понесло прямо к коварной мели Гудвин-сэндз. В это время Нельсон метался по берегу и сулил любые мыслимые деньги рыбакам, чтобы те доставили его на борт судна. Однако желающих рисковать жизнью в штормовом море не находилось. Наконец один из лодочников согласился доставить капитана за пятнадцать золотых гиней (сумма по тем временам огромная). Добравшись до «Албемарля» и вступив в командование судном, Нельсон успел его спасти от почти неминуемой гибели.

Тем временем французы перебросили к берегам Вест-Индии крупные силы. Во главе их был поставлен толковый и решительный вице-адмирал д'Эстен. В июне 1779 года он нападает на Гренаду и захватывает ее, а затем отбивает нападение британской эскадры адмирала Байрона (деда знаменитого поэта). Однако вскоре при совместном с американскими повстанцами штурме Саванны д'Эстен был тяжело ранен. В декабре 1779 года храбрый французский контр-адмирал Ля Мот-Пике на рейде Порт-Ройала блестяще отбивает нападение адмирала Паркера на конвой. Затем храбрый Ля Мот-Пике дает еще одно удачное сражение у Сан-Доминго. Не менее удачно действовала против англичан и эскадра контр-адмирала де Гюишена. В помощь французам перебросили в Вест-Индию большую эскадру адмирала Солано и испанцы.

А англичан у американских берегов продолжали

преследовать неудачи. Положение дел не смог изменить даже прибывший из метрополии знаменитый адмирал Родней. Первая же его попытка овладеть островом Сент-Винсент закончилась полным провалом.

А Нельсон продолжал нести нелегкую конвойную службу. Зимой 1781 года «Албемарль» вместе с парой других фрегатов вел огромный — в 260 вымпелов — конвой из Дании в Грейт-Ярмут. Переход проходил в условиях непрерывного шторма, и к месту назначения дошли всего 110 судов. Остальные отстали, часть из них погибла. Адмиралтейство выразило военным капитанам свое неудовольствие.

Служба на Северном море Нельсону не нравилась.

— После тропиков меня пытаются испытать холодом! Но я плохо переношу как первое, так и второе! — не раз жалуется он в это время своим товарищам.

Однажды удача вроде бы улыбнулась Нельсону, он получил приказ принять на борт восьмимесячный запас продовольствия. Это могло означать только предстоящее дальнее плавание. По всем признакам предстоял поход к берегам Индии, где французская и голландская морская торговля еще процветала. Нельсон ликовал. В предвкушении будущих призов приободрились офицеры и команда. Но надежды не сбылись. В одну из штормовых ночей сорвался с якоря стоявший рядом с «Албемарлем» торговый транспорт и налетел на фрегат. На починку повреждений ушло три месяца. За это время Адмиралтейство заменило «Албемарль» другим фрегатом, и тот убыл в индийские воды ловить богатых торговцев.

К большому неудовольствию. Нельсона, его судно хоть и находилось не слишком далеко от основного театра военных действий, однако к настоящим боевым делам не привлекалось. А тем временем совсем недалеко гремели пушки линейных флотов, там решался вопрос об окончательном господстве в американских водах.

* * *

Когда в 1782 году Джон Клерк проанализировал все морские сражения за последние столетия и дал свои рекомендации для достижения победы, это было воспринято как дерзкое вторжение чужака в святая святых английского адмиралитета, но именно оно оказало самое большое влияние на английский флот за многие столетия и предопределило многие победы недалекого будущего. Дело в том, что в семнадцатом столетии тактика

парусных флотов получила свою завершенность. Адмиралы Рюйтер, Турвиль, Дюнкен и герцог Йоркский создали так называемую классическую тактику, что являлось для их времени большим прогрессом. Был определен боевой порядок кораблей, позволяющий наилучшим образом использовать бортовую артиллерию и уклоняться от брандеров. Отныне все искусство командующего сводилось к тому, чтобы «выиграть ветер» — занять наветренное положение, и, держа свои корабли на траверзе кораблей противника, сближаться с ними. Однако шло время, и наступил момент, когда старые догмы стали обузой. Все дело было в том, что слабость носового огня и ограниченность угла стрельбы орудий ставили обороняющегося в чрезвычайно выгодные условия, так как позволяли во время сближения поражать атакующего всем бортом, тогда как тот мог отвечать только частью орудий. Именно поэтому большинство генеральных столкновений стали носить крайне нерешительный характер и не приводили к полному разгрому противника. Чиновник Клерк, изучив все предыдущие сражения, сделал ошеломляющий вывод: необходимо самым решительным образом отказаться от установившихся догм! Надо не бояться ломать строй, давать инициативу капитанам, и пусть даже сражение обратится в одну большую свалку, успех все равно будет на стороне атакующего. Главный принцип Клерка — не равномерное распределение всех сил в соответствии с силами противника, а сосредоточение их на направлении главного удара. Особое внимание при этом Клерк уделял внезапности и инициативе. Своими идеями он поделился с несколькими друзьями, среди которых, к счастью, оказался и капитан Дуглас, только что назначенный флаг-капитаном к адмиралу Роднёю в Вест-Индию. Для Дугласа идеи Клерка стали откровением. До этого он уже участвовал в нескольких сражениях с французами, которые именно в силу слепого следования старым догмам так и не увенчались успехом. Теперь Дуглас понял, что нашел ответы на все мучившие его ранее вопросы!

В апреле 1782 года неподалеку от Доминики произошло генеральное столкновение английского и французского флотов, вошедшее в мировую историю как Доминиканское сражение.

Пытаясь усилить свое превосходство в борьбе за Вест-Индию, французы решили захватить Ямайку. Для штурма острова были посланы транспорты с десантом, прикрытие которых осуществлял адмирал де Грасс с тридцатью тремя линейными кораблями. На перехват конвоя и неприятельского флота устремился адмирал Родней с тремя десятками линейных кораблей. 9 апреля имела место непродолжительная вялая перестрелка, за тем флоты разошлись и еще три дня маневрировали, стремясь занять

наветренное положение. Утром 12 апреля французский флот без определенного строя при слабом зюйд-остовом ветре левым галсом двигался в южном направлении. Юго-западнее французов маневрировали англичане, следовавшие на северо-восток. Чтобы заставить де Грасса спуститься под ветер, Родней послал четыре корабля в погоню за поврежденным французским кораблем, который буксировал фрегат. Стремясь защитить свой корабль, де Грасс начал сближение с английским флотом, выстроившись в боевую линию. Родней, полагая, что теперь он получил возможность выйти на ветер, также начал выстраивать свой флот в линию баталии, а заодно отозвал посланные в погоню корабли. Однако в это время изменился ветер и французы смогли пересечь курс английского флота перед самым носом головного корабля и вновь заняли наветренное положение. Но Родней уже решил принять бой и не желал отступать. В запасе у него был и очень неприятный для французов сюрприз — только что изобретенные каронады[3], позволявшие с небольшого расстояния буквально сметать огнем матросов с палубы. Подойдя к линии французских кораблей, английский авангард завязал оживленную перестрелку. Двигаясь контркурсами, противники осыпали друг друга ядрами. В это время флаг-капитан Дуглас почти на коленях умолял своего командующего Роднея решиться прорезать линию неприятельских кораблей именно так, как рекомендовал в своей брошюре Джон Клерк.

— Это весьма опасно и противоречит всем правилам! — отнекивался Родней. — К тому же если в этом случае нас постигнет неудача, то лорды Адмиралтейства снесут мне голову за самоуправство!

— Но если вы одержите победу, то ваше имя останется в веках! — не унимался Дуглас.

И тогда Родней решился применить на практике теоретическую разработку никому не известного портового чиновника. Так был впервые использован тактический прием Джона Клерка!

Когда флагманский корабль Роднея поравнялся с четвертым французским кораблем в линии, следовавшим сразу же за флагманом де Грасса, Родней развернул свой корабль круто к ветру и прорезал линию французских кораблей. За Роднеем последовали пять ближайших к нему кораблей. Шестой прорезал французскую линию в другом месте, причем за ним последовали все остальные английские линкоры. Манёвр дал совершенно неожиданные даже для самих англичан результаты. Корабли французского арьергарда сбились в кучу и сразу же подверглись огню впервые примененных каронад, огонь которых на малых

дистанциях был особенно губительным. Обстреливаемые со всех сторон, французы начали беспорядочно отступать. Вскоре весь французский флот пришел в полное замешательство и обратился в бегство. Родней начал преследование. Призами победителю стали пять линейных кораблей. Только наступившая ночь спасла французов от полного разгрома.

Ямайка была сохранена в неприкосновенности, а французы посрамлены.

К чести Роднея, он сразу же заявил, что истинным вдохновителем победы был его флаг-капитан. Что же касается Дугласа, то он, в свою очередь, отметил:

— Я лишь рекомендовал своему командующему применить на практике советы Джона Клерка!

— Это еще кто такой? — удивились британские моряки и взялись листать скромную брошюру скромного чиновника, чтобы учиться воевать по совершенно иным правилам.

Англия ликовала, узнав о победе при Доминике. Родней в одно мгновение стал национальным героем. Имена участников Доминиканского сражения были у всех на устах. На участников боя пролился настоящий дождь наград. Можно только представлять, как кусал локти Нельсон, когда узнал, что удача обошла его стороной и вместо того, чтобы пожинать победные лавры, он вынужден прозябать где-то вдали от главных событий. Думается, что в это время со скромным трудом Джона Клерка познакомился и Нельсон. Порукой тому вся его последующая боевая деятельность и как капитана, и как флотоводца.

Весной 1782 года «Албемарль» был назначен в состав блокадной эскадры в Квебек. Врачи отговаривали Нельсона от этого плавания, считая, что долгое пребывание в холодном климате может вызвать рецидив болезни. Друзья советовали Нельсону обратиться к только что назначенному лордом Адмиралтейства адмиралу Кеппелю. Однако Нельсон никого и ни о чем просить не стал. Возможно, потому, что побоялся вообще остаться без капитанской должности. Он мечтает о подвиге и славе.

Из письма Нельсона: «Вы знаете, что на родине меня почти ничто не интересует, имя Нельсона там едва ли известно. Но в один прекрасный день все может измениться, нужно лишь дождаться случая».

С отплытием «Албемарля» к канадским берегам начинается новая страница жизни капитана Нельсона.

* * *

Прибыв в Квебек, «Албемарль» включился в несение блокадной службы. Здесь впервые проявилось достаточно либеральное отношение Нельсона к контрабандистам. Сострадание лишило Нельсона достаточно большой суммы призовых денег. Такое поведение капитана особого понимания у команды не вызывало, однако в целом матросы Нельсона уважали, а потому особого ропота не было.

Вот лишь один достаточно типичный для этого периода жизни Нельсона случай. Крейсируя у канадского берега, Нельсон остановил американскую рыболовную шхуну. Задержанное судно считалось вполне законной добычей, и Нельсон, высадив на него призовую партию и забрав на свой корабль шкипера Натаниела Карвера, который был одновременно и хозяином шхуны, направился в Квебек. Однако, увлекшись, Нельсон впервые забрался далеко на север и теперь опасался, как бы не сесть на какую-нибудь не нанесенную на карты мель. Поэтому он обратился с просьбой к хозяину шхуны послужить ему лоцманом. Тот согласился и прекрасно справился со своими обязанностями. Общее дело, как известно, быстро сближает людей. За время совместного плавания Нельсон и Карвер успели о многом переговорить, и шкипер поведал капитану, что старенькая шхуна — единственное достояние его семьи, лишившись которого, она пойдет по миру. Расчувствовавшись, Нельсон вернул шкиперу его шхуну и написал письмо ко всем капитанам-соотечественникам, чтобы они не задерживали шкипера, оказавшего английскому флоту весьма важную услугу.

Несколько месяцев спустя и Нельсон, и его команда, патрулируя берега возле Бостона, заболели цингой. Узнав об этом, Карвер прислал на «Албемарль» нескольких овец, корзины с битой домашней птицей и свежую зелень. Этот щедрый дар буквально поднял людей на ноги. Но и на этот раз Нельсон не остался в долгу. Несмотря на возражения шкипера, он настоял, чтобы тот получил все причитающиеся за продукты деньги.

Впоследствии благодарный шкипер Карвер повесил охранное письмо Нельсона на стене в своей квартире, а когда бывший капитан «Албемарля» стал знаменитым, охотно рассказывал всем желающим о своем знакомстве с ним.

Случались встречи и не столь приятные, как с благородным Карвером. Однажды у берегов Бостона «Албемарль» напоролся на французскую эскадру из четырех линейных кораблей и фрегата. Французы попытались захватить, как им казалось, достаточно легкую добычу. Нельсону было совершенно ясно, что в открытом море от погони ему не уйти, и решил воспользоваться близлежащей отмелью Сент-Джордж, памятуя о малой осадке

своего легкого судна. Расчет оказался верным. Линейные корабли отстали, но фрегат достаточно долго преследовал «Албемарля», пока Нельсон все же не сумел оторваться.

Всю осень 1782 года Нельсон провел в Квебеке, где приходил в себя от перенесенной цинги. Вопреки предостережениям врачей климат Канады пошел ему на пользу. Из письма Нельсона отцу: «Здоровье — это величайшее благо, которым мне не удавалось насладиться, пока я не попал в прекрасную Канаду. Она произвела во мне поистине удивительную перемену».

В Квебеке Нельсон встретил свою первую любовь. Ею стала 16-летняя дочь начальника военной полиции города Мэри Симпсон, очень спокойная и уравновешенная девушка. Они познакомились во время отдыха Нельсона в Квебеке.

Английский историк Г. Эджингтон пишет о первом романе Нельсона: «Он был просто ошеломлен, увидев ее: повсюду ходил за ней, как осиротевший щенок, а находясь рядом, не спускал с нее глаз. Он пользовался любым предлогом, чтобы побыть в ее обществе. Мэри казалось, что симпатичный капитан подстерегает ее на каждом шагу. Она понимала, что заполнила всю его жизнь, и получала от этого удовольствие. Правда, ее смущали пылкость чувств и избыток внимания, которые он на нее обрушил.

Из дошедших до нас за тот период писем ясно, что он никогда еще не испытывал подобных чувств. И как это ни странно для тех беспутных времен, когда замужние женщины не считали проступком свидание с мужьями своих подруг, Нельсон не имел никакого опыта в амурных делах. Воспитание в семье священника сделало его пуританином. Кроме всего прочего, бездумные интимные отношения между его друзьями и их подругами, отъявленная распущенность портовых проституток Чатема и Портсмута — все это внушило ему отвращение к физической близости. Его пока что дремлющая сексуальность угасла, когда он думал о тех грязных шлюхах, к которым бежали матросы и офицеры, едва получив увольнение на берег. Однако такое восприятие жизни не замутило образов совсем иных женщин — тех небесных созданий, чей духовный мир выше мужского разумения, которым можно поклоняться. Из них получались достойные жены и матери.

Мэри Симпсон была для него такой женщиной. Смятенные чувства новичка — настолько же неопытного в жизни, насколько он был опытен в мореплавании, — завлекли молодого Нельсона в ловушку, которая часто подстерегает моряков. Он привык месяцами болтаться на волнах, не видя ничего, кроме загрубевших лиц матросов. Сойдя на берег, такой человек встречает изящное существо, все в оборочках, и бросается, как в

омут, в эту внезапную, придуманную любовь — удел всех одиноких и обездоленных.

Он мечтал, что увезет Мэри в Бернем-Торп и она станет его мадонной в мирном сельском Норфолке. Воображение рисовало картину венчания, которое совершит его отец в сельской церкви, и толпу родственников, умиляющихся по поводу этой красивой пары, их идиллическую жизнь. В присутствии же Мэри, очарованный ее красотой, Нельсон был скован и застенчив и никогда не говорил ни о своей любви, ни о дальнейших планах на жизнь».

Спустя месяц после знакомства с Мэри Нельсон объявляет своему новому другу, преуспевающему купцу и судовладельцу Александру Дэвисону, что решил оставить военно-морскую службу и просить руки мисс Симпсон. Александр Дэвисон был почти ровесником Нельсона, но куда более опытным в делах житейских и любовных. Для начала он пытался образумить своего друга Горацио, говоря, что любовь к женщине не стоит любви к флоту. Затем, когда это не помогло, деликатно предложил Нельсону проверить силу своих чувств в разлуке. Однако Нельсон был почти невменяем.

— Что мне теперь флот и что мне теперь карьера, когда я нашел настоящую любовь! — в восторге говорил он Дэвисону. — Я брошу к ногам моей прекрасной Мэри все, что у меня есть!

— Ну а любит ли тебя Мэри? — поинтересовался Дэвисон.

— Вообще-то я не спрашивал! — признался Нельсон. — Но ведь зато я люблю ее!

После долгих уговоров Дэвисону все же удалось уговорить друга отправиться в новый порт приписки «Албемарля» — в Нью-Йорк, а заодно испытать истинность своих чувств.

Расставшись с Дэвисоном, Нельсон нанес прощальный визит Мэри и отправился к себе на фрегат. Там им снова овладело сомнение, и он провел бессонную ночь, вышагивая из угла в угол по своей каюте.

Когда же утром Дэвисон приехал в порт, чтобы проводить друга, отплывавшего на «Албемарле» в Нью-Йорк, то был поражен: от фрегата к берегу спешила шлюпка, в ней при всем параде восседал Нельсон, который ехал делать предложение Мэри. По счастью, Дэвисону удалось перехватить влюбленного и после долгой вразумительной беседы заставить его отказаться от своего опрометчивого решения. В конце концов Нельсон согласился вернуться на «Албемарль» и в самом мрачном состоянии отплыл в Нью-Йорк.

Зимняя Атлантика непрерывно штормила, и вскоре тосковать Нельсону уже просто не было времени. Об этом плавании он

впоследствии писал: «Ничего не скажешь — приятная работенка в это время года, когда паруса промерзают до самых рей».

В ноябре 1782 года фрегат бросил якорь в двадцати милях южнее Манхэттена. Познакомившись с нравами нью-йоркской английской общины, Нельсон испытал настоящий шок.

— Их ничего не заботит, кроме денег! Они ничем не интересуются, кроме денег! Они даже не могут говорить ни о чем более, как о деньгах! — с возмущением говорил он своим офицерам. — Боже мой, что это за страна! Дай им волю, они, вероятно, скупили бы весь мир!

В Нью-Йорке «Албемарль» поступил в распоряжение адмирала Дигби, также известного на весь английский флот своей патологической любовью к деньгам. При первой же встрече между новоприбывшим капитаном и командующим произошел следующий диалог.

Дигби:

— Нью-Йорк весьма подходящее место для тех, кто любит трофеи. Если вы не станете терять время попусту, то у вас будет прекрасная возможность разбогатеть!

Нельсон:

— Возможно, что все обстоит именно так, сэр. Зато Вест-Индия больше подходит для тех, кто думает о чести!

Было очевидно, что служить вместе таким разным людям будет трудно. И вновь Нельсон использует старые связи своего покойного дядюшки. На его счастье, как раз в это время в Нью-Йорке приводил в порядок свои корабли лорд Худ. Узнав, что эскадра Худа назначена действовать в Вест-Индии, Нельсон отправляется с визитом к ее командующему, помня, что некогда Худ был очень дружен с Морисом Саклингом. Напомнив адмиралу о былой дружбе, Нельсон попросил его взять «Албемарль» под свое командование. Худ навел справки о профессиональных качествах Нельсона и согласился. Толковые капитаны ему были нужны. Затем командующие договорились между собой, и фрегат Нельсона перешел в подчинение к Худу. Так Нельсон уже самостоятельно нашел себе нового покровителя.

Вскоре Худ преподнес Нельсону весьма необычный сюрприз. Вызвав однажды его к себе на флагманский линкор «Барфлер», он представил ему молодого худощавого мичмана:

— Знакомьтесь, Горацио! Это принц Уильям! Я хочу, чтобы он послужил на вашем фрегате и вы стали хорошими друзьями!

Принц Уильям был не кем иным, как вторым сыном английского короля Георга III и будущим королем Англии Вильгельмом IV, вошедшим в британскую историю как «король-моряк».

Много лет спустя, уже после смерти Нельсона, принц Уильям напишет воспоминания о своей дружбе с ним, где отметит, что тогда, во время их первой встречи, его поразила мальчишеская внешность капитана.

Из воспоминаний будущего короля Вильгельма IV: «Когда Нельсон, капитан „Албемарля“, прибыл в своем баркасе, он показался мне мальчиком в форме капитана. Его одежда заслуживает подробного описания: на нем была парадная форма, отделанная галуном, прямые и длинные, не напудренные волосы собраны в жесткий гессенский хвост, полы старомодного камзола подчеркивали субтильность его фигуры и создавали тот самый эффект, который привлек мое внимание. Я никогда не видел ничего подобного и представления не имел, кто он и для чего прибыл. Однако, когда лорд Худ познакомил нас, мое недоумение рассеялось. Манеры и речь капитана Нельсона таили в себе великое обаяние; горячность, с которой он говорил о своей профессии, выдавала в нем человека необыкновенного. Я обнаружил, что он питает теплую привязанность к моему отцу и что он исключительно добр.

Честь служения королю и величие Британского флота волновали его до глубины души — волновали, когда он был простым капитаном „Албемарля“, и позже, когда его украшали вполне заслуженные награды».

Трудно переоценить ту услугу, которую Худ оказал Нельсону, сведя его с наследным принцем. По существу, он предоставил племяннику своего покойного друга возможность обеспечить себе отличную карьеру. Теперь Нельсону оставалось только подружиться с Уильямом.

Впоследствии английские историки будут высказывать достаточно различные мнения относительно этой дружбы. Однако факт остается фактом: что только было в его силах, адмирал Худ для Нельсона сделал.

Разумеется, Нельсон и принц Уильям подружились. Прошло совсем немного времени, и Нельсон как бы между прочим сказал своему новому другу, что хотел бы командовать линейным кораблем в эскадре лорда Худа. Об этом разговоре впоследствии вспоминал и сам принц. Уже знакомый нам Г. Эджингтон пишет об этом так: «Принц Уильям моментально попал под влияние Нельсона, умевшего тихим голосом убедить собеседника в своей правоте, и они стали друзьями. Нельсон признался, что ему хотелось бы командовать боевым кораблем в эскадре лорда Худа. Это желание, безусловно, было бы удовлетворено, если бы „перебранка“ с Францией не кончилась так быстро».

Что ж, Нельсон стремится максимально использовать

сложившуюся ситуацию в свою пользу. Перейти с 28-пушечного фрегата на линейный корабль — это невиданно даже для самых больших счастливчиков, ибо для этого надо перешагнуть через старшинство нескольких десятков заслуженных капитанов, ждущих своей очереди для столь престижного назначения. При этом Г. Эджингтон сообщает, что все бы именно так и случилось, однако Нельсону помешал «не вовремя» наступивший мир. Дело в том, что во время войны, на отдаленном театре военных действий можно было назначить Нельсона капитаном линкора в силу сложившихся особых обстоятельств и властью командующего отдельной эскадрой. В мирное же время такое назначение было просто невозможно, ибо должно было в обязательном порядке рассматриваться Адмиралтейством, а там всегда нашлось бы немало куда более старших по выслуге фрегатских капитанов.

Глава третья
В ВОДАХ ВЕСТ-ИНДИИ

Версальский мир не стал радостным для Англии. Несмотря на Доминиканскую победу Роднея, многочисленные поражения сухопутных войск в Америке от местных повстанцев заставили Лондон пойти на попятную. Англия была вынуждена признать независимость Соединенных Штатов Америки, отдать Испании Менорку и Флориду, а Франции — несколько островов Вест-Индии и часть своих владений в Индии и Африке.

Теперь Нельсон уже и не вспоминает о своем недавнем увлечении дочерью квебекского полицейского. Он всеми силами стремится как можно скорее проскочить как можно больше ступеней на длинной и трудной капитанской лестнице. Первая попытка, однако, не удалась.

Однако до окончательного подписания мирного договора с Францией Нельсон сумел все-таки отличиться. «Албемарль» продолжал нести службу в вест-индской эскадре, и его капитану наконец-то улыбается удача: он захватывает богатый приз — французское торговое судно с грузом, стоимостью в двадцать тысяч фунтов. Однако, к большому неудовольствию команды, добычей приходится делиться. Закон британского флота однозначен: если во время захвата приза в пределах видимости находились другие английские суда, то добыча делится на всех. В пределах же видимости «Албемарля» находились сразу несколько английских судов.

И все же лорд Худ предоставил своему любимому капитану возможность отличиться в настоящей боевой операции. Нельсон был поставлен во главе флотилии, которой было велено отбить захваченный французами остров Терке в Багамском архипелаге. Вначале англичане предложили французам сдаться. Те, естественно, отказались. Тогда последовала довольно сумбурная атака, которая была отбита без особого труда. Понеся значительные потери, англичане отступили. Задуманная красивая победа на деле обернулась позорной неудачей и вызвала немало толков в офицерской среде.

Под самый конец конфликта с Францией Худ дал Нельсону еще одну возможность показать себя. Так как «Албемарль» был построен на верфях Франции, французы часто принимали его за свой корабль. Поэтому, подняв белый флаг с золотыми лилиями Бурбонов, Нельсон отправился к острову Кюрасао, чтобы попытаться нарушить тамошние приморские коммуникации.

Однако и французы тоже не даром ели свой хлеб: на прибрежных дорогах было совершенно пусто. Прокурсировав без всякой пользы пару недель, Нельсон в конце концов обнаружил французский катер. Не подозревая обмана, французы приблизились. На фрегате был знаток французского языка, а потому команду катера быстро расспросили о количестве и типе судов, стоящих в порту. После того как расспросы были закончены, команду катера пленили. Однако и здесь Нельсона ждала неудача: катер принадлежал к французской научной экспедиции и не имел ни малейшего отношения к военно-морскому флоту. Команду же маленького исследовательского судна составляли известные европейские ученые, занимавшиеся изучением морских водорослей в вест-индских водах. Извинившись и накрыв изысканный стол, Нельсон отпустил своих нечаянных пленников. С капитаном катера графом де Дюпоном они расстались почти друзьями и даже обменялись адресами на тот случай, если когда-нибудь доведется встретиться в мирной обстановке.

После окончательного объявления о прекращении боевых действий Худ поручил Нельсону сопровождать принца Уильяма в Гавану во время его официального визита на Кубу.

А затем последовал приказ Адмиралтейства о выведении фрегата «Албемарль» в резерв и расформировании его команды. Матросы встретили это известие криками восторга. Теперь они могли свободно наняться на торговые суда, где не было военной дисциплины и хозяева предлагали хорошие заработки. Для Нельсона же адмиралтейский приказ был настоящей катастрофой, ибо предполагал сокращение его должности и как следствие этого — нищенское существование на берегу на половинное капитанское жалованье. Впрочем, Нельсон проявил себя как настоящий капитан: при расчете команды он добился, чтобы его матросам были выплачены все деньги до последнего пенни, а это по тем временам было делом весьма не простым. В ответ на такую заботу матросы при прощании со своим капитаном в один голос заявили, что в случае новой войны они готовы служить с Нельсоном и идти вместе с ним на смерть. Такое тоже случалось в английском флоте восемнадцатого столетия не так уж часто.

Одному из своих друзей Нельсон писал в те не слишком радостные для него дни: «Я закончил войну, не разбогатев, но я надеюсь — и это подтверждает внимание, которое мне оказывают, — что на моей репутации нет ни единого пятнышка. Видимо, истинная честь всегда была мне дороже сокровищ».

Уже перед самым увольнением Нельсона с корабельной

службы лорд Худ сделал для него последнее, что мог. Он взял любимого капитана с собой на прием в Сент-Джеймский дворец, где и представил его как молодого, талантливого и перспективного моряка самому королю Георгу III. Король удостоил взволнованного Нельсона беседы. Когда же Худ напомнил Георгу III, что Нельсон — это именно тот капитан, который сопровождал его сына в плавании на Кубу, то король милостиво пригласил капитана к себе в Виндзорский замок.

В Виндзорском замке Нельсон вновь встретился с принцем Уильямом, который был весьма обрадован встречей с товарищем по морской стезе. Принц только что вернулся из Вест-Индии и теперь, пользуясь наступившим миром, хотел совершить давно задуманную поездку по континентальной Европе.

Реальной сиюминутной пользы знакомство с королем Нельсону принести не могло. Однако могло оказаться полезным в перспективе, ибо короли такие же люди, как и все, и им свойственно более доверять тем людям, которые когда-то произвели на них неплохое впечатление и чьи имена у них на слуху. С этой точки зрения и визит к Георгу III, и продолжение отношений с принцем Уильямом были чрезвычайно важными для того, кто собирался сделать военно-морскую карьеру.

Там же в Лондоне Нельсона разыскал его старый и верный друг Александр Дэвисон, тот самый, который в свое время отговорил его от опрометчивой женитьбы на квебекской красавице. Разбогатев в Канаде, Дэвисон перебрался в Лондон, где выгодно вложил деньги и теперь намеревался открыть собственное дело. Друзья с улыбкой вспоминали прошлое.

— Надеюсь, что когда ты снова решишь покинуть флот из-за новой любви, то рядом с тобой вновь окажется верный друг! — поднял Дэвисон полный бокал вина.

— Я думаю, такого уже не случится никогда! — ответил Нельсон.

Пока у одного из друзей все складывалось более чем успешно, зато другой был, по существу, безработным, хотя и не слишком расстраивался на сей счет.

* * *

Несмотря на визит к королю, Нельсон никакой достойной должности для себя, как и следовало ожидать, от Адмиралтейства не добился. Дядюшку Саклинга там, разумеется, еще помнили, но уже не настолько, чтобы покровительствовать его племяннику. У каждого хватало и своих родственников. А потому Нельсон решил

по примеру принца Уильяма отправиться посмотреть Европу, и в первую очередь Францию, где рассчитывал заняться изучением французского языка. Уже поднаторевший в военном деле, он понимал, что впереди еще не одна война с Францией, и, коль скоро он собирается делать карьеру, следует познакомиться и с языком аристократии. К тому же жизнь во Франции была дешевле, и Нельсону с его скромным жалованьем там было бы легче сводить концы с концами. В ту пору, сразу же после заключения мира 1783 года, во Францию хлынул настоящий поток англичан, стосковавшихся по Европе.

Настроение у нашего героя было прекрасное. Ему всего лишь двадцать пять, а он уже вполне заслуженный опытный капитан, которого принимал во дворце сам король. У него хорошая репутация, ему благоволит лорд Худ. Он молод, снова здоров, и впереди у него целая жизнь!

Испросив у Адмиралтейства отпуск по личным обстоятельствам, в конце октября 1783 года Нельсон вместе со своим товарищем капитаном Джеймсом Макнамарой, также оставшимся на берегу с половинным жалованьем, отправился во Францию. Перед отъездом Нельсон внимательно прочитал книгу Стерна «Сентиментальное путешествие», считавшуюся тогда лучшим путеводителем по Европе.

Первоначально друзья решили посмотреть Париж, а затем перебраться в более спокойную и дешевую Булонь. Уже в Кале, едва переплыв Английский канал, Нельсон был неприятно удивлен. Единственное, что ему понравилось во Франции, — это дешевая еда. Все остальное ему не понравилось. Брату Уильяму о своей поездке он писал: «Нам сказали, что мы едем со скоростью почтовой кареты, но я уверен, что на самом деле мы делали не больше четырех миль в час. Я славно веселился, глядя на форейторов, являющих собой нелепое зрелище в ботфортах, да еще в сочетании с тощими лошадьми. Кареты без рессор, а дороги по большей части вымощены, как лондонские улицы, и ты легко можешь себе представить, как нас растрясло, пока мы проехали всего лишь две с половиной заставы, то есть пятнадцать миль, до Маркиза».

Еще менее понравились Нельсону французские гостиницы: «Я предпочел бы хорошо вычищенный свинарник. Нас привели в комнату, где стояли две кровати с соломой вместо тюфяка; с огромным трудом хозяева нашли пару чистых простыней. На ужин предложили двух голубей, причем на грязной скатерти, и дали ножи с деревянными ручками. Как непохоже все это на милую Англию! Однако, вволю над всем посмеявшись, мы улеглись и крепко проспали до самого утра».

Похоже, Нельсону не нравилось во Франции абсолютно все! Даже ножи с деревянными ручками почему-то тоже вызвали раздражение. Думается, причина была совсем в ином. Нельсона всю его сознательную морскую жизнь воспитывали в ненависти к Франции как к постоянному конкуренту и противнику Англии. А потому, собираясь во Францию, он ехал туда не только из праздного любопытства, а чтобы лучше познакомиться с теми, с кем еще непременно придется воевать. В то, что война обязательно будет, Нельсон свято верил и скорее всего даже мечтал о ней как о единственной возможности сделать карьеру и прославиться.

Критический ум Нельсона успевал разглядеть многое: «Здесь нет средних классов; шестьдесят семей аристократов живут в городах, владея огромными землями вокруг них. Остальные бьются в нищете».

Прекрасный прием английским капитанам оказал старый знакомый Нельсона граф де Дюпон. Тот самый, что командовал научным катером у Кюрасао. Как истинный француз он предложил познакомить Нельсона с самыми рискованными красотками Парижа и ввергнуть его в водоворот любви и разврата. От красоток и водоворота Нельсон деликатно отказался.

Приехав в Булонь, Нельсон и Макнамара, к своему неудовольствию, увидели там толпы своих соотечественников, причем по большей части представителей весьма сомнительных профессий. Пришлось перебраться в более тихий Сент-Омер, который им сразу понравился.

Нельсон поселился в одной французской семье. Купил грамматику французского языка Шамбо. На титульном листе учебника он старательно вывел: «Горацио Нельсон начал изучать французский язык первого ноября 1783 года». На этом его занятия, собственно, и завершились. Причина для забвения французской грамматики была для его возраста весьма веская.

Биографы будущего адмирала считают, что к этому времени Нельсон серьезно влюбился в какую-то едва ему знакомую девицу. По крайней мере, аргументируя свой отказ от заманчивых предложений де Дюпона, который по-прежнему приглашал его повеселиться в Париж, он пишет брату: «Сердце мое надежно защищено от французских красавиц. Но я не могу сказать то же самое об одной английской леди, дочери священника, с которой я как раз собираюсь сегодня отобедать и провести день. У нее столько достоинств, что если бы у меня был миллион, не теряя времени предложил бы ей его. Но в настоящее время мои доходы слишком малы, чтобы думать о женитьбе, у нее тоже нет

состояния».

Судя по тону письма, Нельсон вроде бы сделал некоторые выводы из своего былого романа с Мэри Симпсон. Но надолго ли хватит его благоразумия? К тому же на этот раз рядом с ним не было старого друга Александра Дэвисона. Впрочем, сто тридцать фунтов в год не давали оптимизма для создания семейного гнезда.

На сей раз объектом новой любви нашего героя стала некая мисс Эндрюс, старшая из двух дочерей английского священника, отдыхающего со своей семьей во французском курортном городке Сент-Омер.

Будучи прекрасным тактиком, Нельсон действовал весьма разумно. Свои отношения с понравившейся ему девушкой он начал со знакомства с ее семьей. Очаровать главу семьи, преподобного Эндрюса, особого труда не составило. Сам выросший в семье священника, Нельсон прекрасно знал внутренний уклад и интересы подобных семейств. Помимо всего прочего, морским офицером оказался и брат девушки. Так что дело оставалось вроде бы за малым: понравиться самой мисс Эндрюс.

Как и предполагалось, родителей девушки Нельсон завоевал весьма быстро и вскоре стал у них своим человеком за обеденным столом. Однако мисс Эндрюс держала себя по отношению к влюбленному капитану весьма холодно и чопорно. Нельсона это особенно не расстраивало, ибо он считал такое поведение результатом пуританского воспитания. Что касается самого Нельсона, то внешне он вел себя почти так же, как и в Квебеке: искал любой предлог для встречи, подстерегал буквально на каждом шагу и мог часами молча с обожанием глядеть на объект своей любви.

При этом финансовая несостоятельность угнетала Нельсона и вынуждала искать пути улучшения своего материального положения. А потому он решает обратиться за помощью к другому своему дяде — Уильяму Саклингу (родному брату покойного Мориса). Это пространное письмо Нельсона сохранилось: «В жизни мужчины наступает момент, когда друзья, если они есть, либо помогают ему занять подобающее место в жизни, либо оказывают финансовую помощь — конечно, если они это могут, а он заслуживает. В моей жизни такой момент наступил, и мое счастье или горе зависят целиком от вас. Может, вы думаете, что я прошу слишком много. Я не собирался этого делать вплоть до нынешнего критического момента. Я познакомился с девушкой из хорошей семьи и со связями, но с небольшим состоянием; насколько я понимаю, у нее всего тысяча

фунтов. Мое же годовое жалованье не превышает ста тридцати. Итак, перехожу к делу: не сможете ли вы помогать мне сотней фунтов в год до тех пор, пока я сам не начну зарабатывать эту сумму то ли в виде жалованья, то ли как-то иначе? Я надеюсь, что через несколько лет что-нибудь изменится, особенно если мои друзья тоже помогут мне. Если вы не сможете дать мне упомянутую сумму, то не достанете ли вы мне работу на сторожевом судне или службу в каком-либо департаменте, где начальнику не обязательно все время присутствовать? Таких контор у нас должно быть великое множество. В Индийском отделении (если оно еще в подчинении Директората), по уставу, морскими силами должен командовать капитан Королевского флота. Такая должность меня бы устроила… Без счастья жить не стоит, и мне все равно, где я буду влачить бренные дни свои. Я приготовился к вашему отказу и твердо знаю, как в этом случае поступить».

Итак, Нельсон вновь, как и в Квебеке, готов бросить службу и карьеру ради создания семьи с любимым человеком. Ради этого он унижается перед своим дядей, умоляя его помочь, чем он только может. Он практически шантажирует дядюшку, намекая на самоубийство и прекрасно понимая, что любящий своих племянников дядя Уильям сделает все, чтобы он, Горацио, остался жив. Самое удивительное во всем предприятии Нельсона, что, распланировав суммы, необходимые на семейную жизнь, он не удосужился не только узнать, пойдет ли мисс Эндрюс за него замуж, но даже отвечает ли она на его пылкие чувства.

Только отослав письмо, Нельсон наконец-то решается сделать предложение и получает категорический отказ красавицы, которая не без оснований посчитала отставного капитана не слишком выгодной партией для себя. Нельсон был буквально раздавлен. В одно мгновение ему расхотелось путешествовать, расхотелось оставаться во Франции. Униженному и оскорбленному, ему пронзительно захотелось вернуться домой.

Ряд историков считает, что причина отказа девушки была совсем иной: во время предложения руки и сердца с Нельсоном случился эпилептический припадок, он упал и бился в конвульсиях, изо рта его шла пена. Насмерть перепуганная мисс Эндрюс попросту убежала от него.

Как раз в день столь неудачного сватовства пришло письмо от дяди, в котором благородный Саклинг конечно же выражал готовность материально поддержать племянника. Но деньги дядюшки Нельсону уже не нужны. Он благодарит дядю за доброту, а заодно сообщает, что отныне его просьба потеряла всякий смысл, так как никакой свадьбы не будет.

Спустя несколько дней Нельсон уже оказывается в Лондоне, где снимает недорогую квартиру. Теперь его уже ничто и никто не сдерживает, и он решает вкусить всех прелестей веселой жизни, насколько позволят не слишком большие доходы. Вскоре он, уже вполне оправившись от полученной сердечной раны, пишет брату: «В Лондоне столько соблазнов, что жизнь мужчины уходит на них целиком».

* * *

В этот период, впервые по-настоящему соприкоснувшись со столичной жизнью и начав увлекаться политикой, Нельсон вдруг принимает достаточно неожиданное для всех, кто его знал, решение стать парламентарием. Молодому капитану импонировали более консервативные тори. На дворе стоял 1784 год, время выборов в английский парламент. В начале Нельсон надеется получить поддержку влиятельного семейства Уолпол, но те к его просьбам отнеслись достаточно прохладно. У них и без него было кому помогать. Тогда Нельсон решает добиться приема у первого лорда Адмиралтейства и попробовать заинтересовать его своей особой, обещая, что в случае своего избрания как моряк будет всегда лоббировать в парламенте интересы Адмиралтейства. Лорд Худ не одобряет намерений Нельсона, но содействует тому, чтобы его бывший капитан был принят. К радости Нельсона, первый лорд не отказывает в приеме. Однако когда Нельсон принялся с жаром рассказывать о своей будущей деятельности в парламенте, лорд Хау прервал его речь.

— Не хотите ли вновь вернуться на службу, молодой человек? — спросил он кандидата в парламентарии.

Нельсон на мгновение запнулся, а затем сказал лишь:

— Да, сэр!

— Вот и хорошо! — кивнул головой первый лорд. — На днях вам подберут свободное судно!

Произошедшее вскоре сокрушительное поражение тогдашнего политического кумира Нельсона премьер-министра Уильяма Питта Младшего навсегда успокоило политические амбиции нашего героя.

Из письма Нельсона: «Господин Питт выстоит против любой оппозиции; честный человек всегда побеждает злодея. Однако я с политикой покончил, пусть ею занимается кто хочет, а я устраняюсь».

Как и обещал первый лорд, спустя несколько дней Нельсон был приглашен в адмиралтейский департамент укомплектования,

где сухонький старичок из бывших капитанов, пошелестев бумагами, предложил Нельсону старенький 28-пушечный фрегат «Борей», который готовился сейчас на верфи к отправке для несения дозорной службы к Подветренным островам Вест-Индии.

— Я понимаю, что раньше у вас были суда большего ранга! — сказал он, откашлявшись. — Но сейчас времена мирные, а потому, сами понимаете, с хорошими вакансиями плохо. «Борей» — это единственное, что мы можем вам предложить!

— Я согласен! — выпалил Нельсон, боясь, как бы старичок вдруг не сказал, что ошибся и фрегат уже отдан другому капитану.

О большем Нельсон в его ситуации не мог и мечтать! Радостный, он тут же известил о своем новом назначении старшего брата. Тот, однако, решил извлечь из назначения Горацио собственную пользу.

Не забыв о своей давней мечте приобщить матросов к Богу, Уильям решил увязаться судовым священником вместе с братом. Нельсону его просьба удовольствия не доставила, он принялся отговаривать Уильяма от бредовой затеи, и между братьями произошел неприятный разговор. Уильям не без оснований обвинил брата в использовании в личных интересах связей дяди Мориса.

— Если ты вот уже столько времени пользуешься связями нашего дяди, то почему я не могу воспользоваться твоими и осуществить собственную мечту, как ты осуществил свою? — выговаривал он Горацио.

— Новое назначение я получил как награду за свою прошлую безупречную службу, о которой первый лорд Адмиралтейства прекрасно осведомлен! — без особого успеха оправдывался Нельсон.

Уильям ему не поверил. Старший брат оказался настолько настойчив в своем желании нести благую весть английским морякам, что Горацио пришлось в конце концов включить его в штат своего судна. Помимо брата-священника на борту «Борея» оказался еще и младший брат не столь давно отвергнувшей Нельсона мисс Эндрюс — Джордж. Отец мальчика, помня былые отношения с Нельсоном, попросил его взять мальчишку с собой и сделать из него моряка. Нельсон не смог отказать. Помимо этого, ему пришлось включить в состав команды еще три десятка мальчишек-мичманов — детей как своих знакомых, так и их родственников. Три десятка одних мичманов — это слишком много для маленького фрегата, но отказать никому Нельсон не имел права. Такова была старая английская морская традиция. Так когда-то начинал службу и он сам.

Итак, нашему герою предстояло новое плавание, которое во многом определит его последующую карьеру и личную судьбу.

* * *

Начало плавания «Борея» было неудачным. Уже на выходе из порта Чатем фрегат сел на мель, с которой несколько часов не мог сняться. Среди матросов сразу же пошли разговоры, что такое плохое начало не сулит ничего хорошего в будущем. В происшествии капитан обвинил лоцмана: «Чертов лоцман, думая о котором, я сразу начинаю браниться, посадил судно на мель. Под днищем было так мало воды, что вокруг судна можно было гулять. Пришлось ждать следующего прилива». К счастью, днище фрегата оказалось неповрежденным и он смог продолжить плавание.

Спустя несколько дней, пережидая противный ветер у порта Дил, Нельсон узнал от рыбаков, что на стоящем там же голландском торговом судне насильно удерживаются шестнадцать английских моряков, взятых в пьяном виде в одном из портов. Капитан «Борея» действовал решительно. Он отправил на борт голландского судна вооруженный отряд, а для большей убедительности открыл пушечные порты. Голландцы вынуждены были отступить перед силой и отпустить английских моряков, которые сразу же пополнили команду «Борея». Однако, имея на руках расписки матросов, голландец обратился с жалобой на самоуправство Нельсона в английское Адмиралтейство. Если бы делу дали ход, то капитана «Борея» в лучшем случае могли обвинить в превышении полномочий, а в худшем — даже в разбое. Но, к счастью Нельсона, жалобу обиженного голландца положили под сукно.

Затем Нельсону приказали следовать в Портсмут, взять на борт пассажиров и попутно доставить их в Вест-Индию. Пока ждали пассажиров и грузили их немалый багаж, Нельсон решил навестить своих портсмутских знакомых и отправился к ним верхом на нанятой лошади. То ли лошадь чего-то испугалась, то ли Нельсон оказался плохим наездником, но в какой-то момент он не справился с ней. Лошадь понесла, и, чтобы не разбиться, капитану «Борея» пришлось спрыгнуть с седла. Этот прыжок спас Нельсону жизнь, однако сильно повредил позвоночник, от болей в котором он теперь будет страдать до конца своей жизни.

Все эти неприятности перед отплытием в Вест-Индию оптимизма не прибавляли. К тому же среди пассажиров, поднявшихся на палубу «Борея» в Портсмуте, оказалась и супруга

будущего главнокомандующего Нельсона в вест-индских водах леди Хьюз, весьма докучливая и болтливая дама. При мамаше была великовозрастная и весьма некрасивая, а потому и незамужняя, дочь. И мисс и миссис Хьюз тут же устремили свое внимание на молодого капитана как на потенциального жениха, что также создало Нельсону немало неудобств. Помимо этого, по тогдашним неписаным правилам капитану вменялось в обязанность кормить почетных пассажиров за свой счет, что сразу же сказалось на его и без того не слишком толстом кошельке. Позднее Нельсон подсчитает, что проезд миссис и мисс Хьюз обошелся ему в две сотни фунтов.

И уж совсем некстати было то, что на фрегат направили четыре десятка мальчишек-мичманов, которых следовало доставить на суда вест-индской эскадры. Из-за всего этого теснота на маленьком «Борее» была страшная. Однажды, выйдя на шканцы, Нельсон насчитал там помимо прогуливающихся матери и дочери Хьюз три десятка человек.

Однако Нельсон оставался Нельсоном. Он успевал командовать фрегатом, муштровать свою команду, оказывать положенное внимание дамам и еще обучать мичманов-практикантов. К последнему он относился со всей серьезностью, помня свои собственные юные годы.

Спустя много лет, уже будучи в преклонном возрасте, леди Хьюз в письме мужу сестры Нельсона Кэтрин вспоминала об этом плавании: «Как женщина, я могу судить лишь о тех вещах, в которых разбираюсь, например о его внимании к молодым джентльменам, находившимся на судне. Естественно было бы предположить, что среди такого количества подростков могли быть не только храбрые, но и робкие. Он никогда не делал замечания робким, доказывая, что заставляет их делать всего лишь то, что умеет делать сам, и тут же подавал пример. Помню, как он говорил: „Смотрите, сэр, как быстро я влезу на топ мачты, я надеюсь встретиться там с вами“. Бедный малыш тоже начинал карабкаться вверх и добирался, как мог, до вершины. Его Светлость не обращал ни малейшего внимания на то, каким способом это делалось, но, встретив парня на высоте, бодро и весело говорил: „Как жаль мне тех людей, которые думают, что это опасно и неприятно“. Я видела, как после такого блестящего примера первый робкий мальчик увлекал за собой другого, при этом повторяя слова капитана. Он регулярно, каждый день входил в класс и наблюдал, как подростки изучают морское дело, а к 12-ти часам дня был первым на палубе со своим квадрантом. Ни одному из мальчишек не хотелось отстать в учебе, если капитан подавал такой пример… И еще хочу рассказать один

эпизод, который произошел на Барбадосе. Нам предстояло обедать у губернатора, и перед этим капитан попросил у меня разрешения взять с собой одного из его „адъютантов“. А позже, представляя меня губернатору, он сказал: „Ваше превосходительство, простите меня за то, что я привел одного из мальчиков. Я взял себе за правило знакомить мальчиков с хорошим обществом, в котором я бываю. Пока они находятся в плавании, они видят так мало людей, достойных уважения“. Мальчики обожали его за доброту и внимание, готовы были выполнить любое его желание. Надеюсь, что в моем скромном рассказе я смогла хоть как-то описать талант Его Светлости: умение внушать этим молодым людям, что овладение морской профессией скорее игра, чем серьезная задача».

* * *

Наконец Атлантика осталась за кормой. В середине июня 1784 года «Борей» вошел в окруженную высокими горами бухту Английская гавань острова Антигуа, где отныне ему и предстояло базироваться.

Пока фрегат приводили в порядок и загружали припасы, леди Хьюз представила Нельсона местному высшему обществу, и тот сразу же в очередной раз влюбился. Теперь избранницей его сердца стала вполне респектабельная замужняя дама Джейн Моутрей. Ее муж занимал должность постоянного представителя Адмиралтейства на Антигуа. Как и два предыдущих романа, этот тоже был обречен на неудачу, и прежде всего потому, что Нельсон в силу своей порядочности никогда бы не смог завести любовную интригу с женой своего сослуживца.

Обстоятельства знакомства Нельсона с новым предметом своего обожания заслуживают отдельного рассказа, так как дают представление о его характере.

Дело в том, что, когда «Борей» прибыл на остров, командующий эскадрой адмирал Ричард Хьюз находился в плавании и оставил вместо себя именно представителя Адмиралтейства господина Джона Моутрея. Когда-то в юные годы Моутрей недолго служил на судах Королевского флота мичманом, но затем перешел на береговую службу, стал чиновником и ранга морского офицера, а тем более реестрового капитана не имел. Узнав о том, что должен подчиняться какому-то чиновнику, Нельсон оскорбился. Основания на то у него были, ибо по законам английского флота заменить командующего должен был старший из капитанов, а таковым на Антигуа являлся

именно Нельсон. Поэтому он, полностью уверенный в своей правоте, велел немедленно спустить флаг чиновника Моутрея и поднять свой. Проделав это, он как ни в чем не бывало явился вечером в дом Моутрея на ужин. Там он объявил хозяину о своих действиях:

— Я не признаю над собой никаких старших офицеров, кроме членов совета Адмиралтейства и тех, чей чин выше моего!

Этими словами Нельсон вызвал возмущение чиновника, что нисколько не помешало ему пробыть в его доме до конца ужина, познакомиться с его женой, а заодно и влюбиться в нее.

Современники отмечают, что леди Моутрей была красивой женщиной и являлась предметом неразделенной любви многих местных морских офицеров.

Как всегда в период влюбленности, Нельсон начинает искать всяческие предлоги, чтобы побывать в доме Моутрея, что после недавнего конфликта было делом нелегким, всюду преследует предмет своего обожания, гипнотизируя возлюбленную печальным и влюбленным взглядом. Теперь ему, разумеется, казалось, что он наконец-то встретил самую-самую. Брату Уильяму, который к этому моменту перешел на другое судно и находился на другом острове, он пишет: «Я ни разу не прошел мимо Английской гавани без того, чтобы не нанести визит, но — увы! — не много радости уготовано мне там. Моя дорогая, милая подруга уезжает домой. Я похож на апрельский день: то счастлив за нее, то по-настоящему грущу, думая о себе. Нигде и никогда я не встречал ей подобных».

Между тем конфликт между Нельсоном и Моутреем не был улажен. Командующий эскадрой адмирал Хьюз принял сторону представителя Адмиралтейства. Начался обмен достаточно резкими письмами с самим Адмиралтейством. В конце концов Нельсон, несмотря на свою формальную правоту, получил выговор. Поведение только что назначенного капитана произвело далеко не лучшее впечатление. Невыполнение приказов непосредственного начальника всегда считалось в британском флоте тягчайшим из проступков. В реестровом списке против фамилии Нельсона сразу же был поставлен знак «минус». От должности нашего героя никто отстранять не собирался, однако отныне его дальнейшая карьера, учитывая огромнейшую конкуренцию, становилась весьма проблематичной.

На мачте «Борея», к горечи Нельсона, вновь подняли флаг Моутрея. Впрочем, в скором времени конфликт разрешился сам собой: чиновника отозвали в Англию. Вместе с ним отбыла и его красавица жена. Так одновременно с окончанием конфликта

завершилась еще одна безответная любовь Нельсона.

Однако даже после отбытия Моутрея Нельсон продолжал отстаивать свою позицию и в конце концов добился, что Адмиралтейство вынуждено было признать его правоту. Однако «минус» против фамилии Нельсона в реестровом списке остался. Практическим результатом конфликта на Антигуа стало то, что отныне было решено всем представителям Адмиралтейства во избежание подобных недоразумений присвоить соответствующие их положению флотские чины.

Хватало у капитана «Борея» и других забот. К этому времени разочаровался в должности судового священника и Уильям. Идиллические мечты о духовном перевоспитании матросов, как и предсказывал Горацио, потерпели полный крах: матросам было глубоко наплевать на душеспасительные проповеди. С горя Уильям пристрастился к вину, а затем у него начались настоящие запои. В результате всего этого Уильям тяжело заболел. Теперь, когда Горацио в очередной раз предложил брату вернуться в Англию и заняться привычным для него делом, тот уже не возражал и вскоре отбыл с попутным судном в метрополию.

* * *

Не очень хорошие отношения сложились у Нельсона и с командующим. Из всех адмиралов английского флота Хьюз был одним из самых бездарных, в его послужном списке не было ни одной сколько-нибудь стоящей победы. Хьюзу было пятьдесят пять лет. Он любил играть на скрипке, избегал острых ситуаций и не слишком обременял себя службой, предпочитая находиться в собственном особняке, а не на флагманском корабле. В Адмиралтействе его считали человеком слабым и бесхарактерным. Помимо всего прочего, за Хьюзом закрепилась дурная слава как за командующим, который сначала отдает команду, а только затем думает. Поэтому в Адмиралтействе решили убрать Хьюза подальше с глаз на далекие и не особенно важные в стратегическом отношении Подветренные острова. Помимо всего прочего, Хьюз был еще и одноглаз. Молодым офицерам этот физический дефект внушал некоторое уважение, так как предполагалось, что адмирал мог лишиться глаза только в сражении. Лишь немногие знали, что это была никакая не боевая рана, просто в детстве Хьюз неудачно пытался убить таракана столовым ножом…

Нельсон согласно Табели о рангах являлся первым помощником адмирала. Но они были настолько разными людьми,

что конфликт был неизбежен. К тому же Нельсон не только отличался прекрасной морской подготовкой, но и всегда неукоснительно следовал букве закона, что обижало командующего, который видел в этом лишь желание помощника умалить его власть.

Вот мнение Нельсона о своем непосредственном начальнике: «Терпеть его можно, но мне он не нравится: слишком часто кланяется и расшаркивается… Адмирал и все его приближенные — большие болваны». Мнение не слишком лестное, однако, видимо, достаточно честное и объективное.

Основной задачей, с которой Нельсон был послан в Вест-Индию, был контроль за соблюдением так называемого Навигационного акта — закона, принятого Англией для защиты собственной торговли от посягательств иностранцев. Принятый еще в семнадцатом веке во времена Кромвеля, он считался основой основ процветания торговли Англии. Согласно Навигационному акту в английские колониальные порты товары можно было ввозить исключительно на английских судах. При этом преследовались две цели: во-первых, обеспечить за английскими купцами и судовладельцами монополию на торговлю с колониями, а во-вторых, поддержать британский торговый флот, который являлся основой английского могущества и резервом военного флота на случай войны. Надо ли говорить, какое значение имел Навигационный акт для Англии. Однако в точности акт соблюдался только в Ост-Индии. В Вест-Индии же все обстояло совсем иначе. В свое время до завоевания Соединенными Штатами Америки независимости торговля между английскими колониями на вест-индских островах процветала. За долгие годы сложился устойчивый рынок, наладились связи, возникли свои традиции и правила. После получения независимости Северо-Американские штаты стали иностранным государством и в силу этого утратили возможность былой торговли. Разом рушились все многолетние связи. Разумеется, это не могло устроить ни продавцов, ни покупателей. А потому предприимчивые американцы на своих шхунах по-прежнему полным ходом торговали с жителями английских островных колоний. Однако такое положение дел, как оказалось, устраивало не только американцев, но и местных английских торговцев, имевших с американской контрабанды немалую выгоду. Все о творившемся беззаконии прекрасно знали, однако американцы давали крупные взятки и на их деятельность закрывали глаза. Здесь имели свой интерес и адмирал Ричард Хьюз, и губернатор Подветренных островов генерал Томас Ширли, получавшие с совершаемых сделок немалый процент. Так что страдали только

государственные интересы. Нельсон же считал: если торговля американцев наносит ущерб Англии, она должна быть в обязательном порядке искоренена. Хьюз и Ширли не раз советовали принципиальному капитану умерить ради собственной же выгоды свой служебный пыл, но Нельсон оставался глух ко всем увещеваниям и с еще большим упорством стремился исполнять свой долг. Впоследствии он вспоминал: «В бытность свою колонистами американцы владели почти всею торговлей от Америки до Вест-Индских островов, а когда кончилась война, они забыли, что, одержав победу, они стали иностранцами и теперь не имеют права торговать с британскими колониями. Наши губернаторы и таможенные чиновники делают вид, что по Навигационному акту у них есть право торговать, а население Вест-Индских островов хочет того, что ему выгодно. Предварительно уведомив губернаторов, таможенников и американцев в том, что я собираюсь делать, я захватил множество судов, что и настроило против меня все эти группировки. Меня гнали от одного острова к другому, я подолгу даже не мог сойти на сушу. Но мои незыблемые моральные правила помогли мне выстоять, и когда в этой проблеме разобрались получше, я получил поддержку с родины. Я доказал, что должность капитана военного судна обязывает его соблюдать все морские законы и выполнять поручения Адмиралтейства, а не быть таможенником».

В письме Нельсона его старому другу капитану Локеру и вовсе чувствуется, что капитан «Борея» попал в положение загнанного волка, смерти которого желают и свои, и чужие. Его письмо — настоящий крик души: «Чем больше я нахожусь на этой базе (Нельсон имеет в виду Английскую гавань. — В. Ш.), тем меньше она мне нравится. Наш начальник совершенно не имеет собственного мнения, он идет на поводу у островитян, а они советуют ему разрешить американцам торговать или хотя бы закрывать на это глаза. Он абсолютно не понимает, что английский адмирал — это фигура значительная. Лично я твердо решил не позволять этим янки приближаться к тому месту, где находится мое судно. Я уверен, что если им позволить хоть какие-то отношения с этими островами, то англичане потеряют всякое желание селиться в Новой Шотландии. И если нас снова втянут в войну с Францией, американцы будут сначала распоряжаться на островах, а потом заберут их себе. Население этих островов — американцы по своим интересам и связям, они враждебны Великобритании. Они самые ярые бунтовщики из всех, что жили когда-то в Америке, и при случае это докажут. После всего вышеизложенного вы поймете, что я здесь не очень-то пришелся ко двору. Меня не посещают, да и я не переступил порога

частного дома с тех пор, как прибыл на базу. И все это лишь за то, что я выполняю свой долг, защищая интересы Великобритании. Президент и Совет направили петицию генерал-губернатору и адмиралу, в которой хлопочут за американцев. Я высказал адмиралу свое мнение по этому вопросу; как он к нему отнесется, мне неведомо, но я полон решимости не допускать иностранцев и буду действовать всеми имеющимися у меня средствами. Я уже говорил на таможне, что буду жаловаться, если они впустят в гавань иностранное судно. Ведь бывает так: прибывает американское судно, капитан заявляет, что у него течь или повреждена мачта, получает разрешение на вход, продает свой груз за наличные, потом идет на Мартинику, где скупает черную патоку, — и опять все снова-здорово. Я ненавижу их всех».

Чтобы если не образумить, то хотя бы нейтрализовать своего бесхарактерного командующего, Нельсон нанес ему официальный визит. Для придания веса затеваемому делу он уговорил пойти с ним старого друга капитана фрегата «Медиэйтор» Коллингвуда. Таким образом Нельсон, во-первых, получал свидетеля предстоящего нелегкого разговора, во-вторых, представлял все дело уже не как свою личную амбициозность, а как возмущение политикой командующего со стороны некоторых капитанов, что сразу же значительно усиливало его позиции, ибо одно дело спор одного подчиненного со своим адмиралом и совершенно иное, когда за честь державы встают все капитаны.

Хьюз принял посетителей весьма настороженно. Отношения командующего с Нельсоном уже давно оставляли желать лучшего, и от этого визита Хьюз не ждал ничего хорошего. Однако отказать капитанам в приеме он тоже не мог, ведь в таком случае они получали право законной жалобы прямо в Адмиралтейство, а это грозило и так не пользовавшемуся там популярностью Хьюзу неприятностями.

— Сэр! Разве мы с вами не обязаны способствовать торговле, которую ведет наша страна, и неукоснительному соблюдению Навигационного акта? — начал без лишних вступлений Нельсон.

Хьюз вместо ответа пробормотал что-то невразумительное.

— Я полагаю, что именно для этого и находится в здешних водах флот в мирное время! — продолжал напирать Нельсон.

Хьюзу надо было что-то отвечать.

— Дело в том, что я не получал ни особого приказа по этому вопросу, ни экземпляра принятого в парламенте на сей счет закона! — хмуро ответствовал он.

— Тогда я хочу напомнить вам, что Навигационный акт входит в свод законов Адмиралтейства и находится на рабочем столе у каждого капитана! — не прекращал натиска Нельсон.

— Я никогда не видел этого свода законов! — развел Хьюз руками, чем вызвал несказанное удивление капитанов.

Нельсон с Коллингвудом переглянулись: их командующий или глупейшим образом блефовал, или демонстрировал свой вопиющий непрофессионализм. Впрочем, Нельсон был готов к такому обороту дела и тут же вытащил из своего портфеля обязательный для всех капитанов свод законов. Полистав, быстро нашел там Навигационный акт, продемонстрировал соответствующую страницу Хьюзу и зачитал ее вслух.

— Королевский флот несет службу за границей не для того, чтобы только красоваться! У него имеется иная, вполне конкретная задача! — этими словами он практически уничтожил своего командующего.

Сэр Ричард Хьюз выглядел весьма жалко. Теперь ему только и оставалось, что разводить руками.

— Я вынужден признать вашу правоту, сэр Нельсон! — кивал он головой в старомодном напудренном парике. — Навигационный акт должен соблюдаться неукоснительно. Я сегодня же подготовлю соответствующий приказ!

Командующий эскадрой был сломлен. Оставалось лишь дожать генерал-губернатора. Здесь борьба предстояла посерьезней, ибо генерал Ширли был лично заинтересован в контрабандной американской торговле. А потому, когда к нему явился капитан с мальчишеской внешностью и стал требовать от него исполнения своего долга, генерал-губернатор пришел в ярость.

— Уважаемые офицеры высшего ранга, имеющие за плечами долгую службу и ничем не запятнавшие своего послужного формуляра, не обязаны слушать наставления молодых джентльменов, чьи карьера и опыт не дают им на то никакого права! — почти прокричал он в ответ на слова Нельсона.

Но последний был невозмутим.

— Сэр, я ровесник премьер-министра Англии и считаю, что командую своим фрегатом не хуже, чем он управляет страной!

Намек на Уильяма Питта Младшего сразу лишил генерала веских аргументов в споре, и он предпочел, не раздувая скандала, решить дело полюбовно.

Теперь, получив разрешение властей на активные действия против котрабандистов, Нельсон начал действовать. Вскоре недалеко от порта Сент-Китс «Борей» остановил сразу целый караван американских судов. Уведомив капитанов, что с этого дня за нарушение Навигационного акта каждому из них грозит конфискация всего груза, он на первый раз отпустил всех с миром.

Американцы было испугались, однако вскоре, получив через губернаторов островов, плантаторов и купцов заверения адмирала Хьюза, что все заявления капитана Нельсона не имеют под собой никакого законного основания, снова осмелели. Безвольный Хьюз сопротивлялся недолго и сдался под напором местной мафии. В новом циркуляре, отправленном на имя Нельсона, Коллингвуда и других капитанов, он отказывался от всех своих прежних решений и запрещал перехватывать контрабандистские суда: отныне капитаны могли лишь конвоировать их в колониальные порты, где ждать решения губернаторов.

В его циркуляре говорилось: «Если о присутствии судна доложено, и губернатор (либо его заместитель) сочтет возможным пропустить данное судно в порт или гавань, где могут оказаться и ваши суда, вам не следует ни в коем случае препятствовать прохождению иностранного судна, а также вмешиваться в его дальнейшие действия».

По существу, отныне на капитанов возлагалась обязанность охранять контрабандистов от всевозможных местных пиратов и обеспечивать доставку контрабандного груза в британские порты. Одновременно Хьюз пытался снять с себя всякую ответственность за нарушение закона. Разумеется, Нельсон снова вступил в спор со своим командующим.

— Защита интересов Британии — прямой долг Королевского флота! — выговаривал он на сей раз адмиралу Хьюзу. — Мы должны держать под контролем все иностранные суда и решительно препятствовать всякой контрабанде!

— На то есть губернаторы и таможня! — возразил было Хьюз.

— Береговые власти легко ввести в заблуждение, ведь капитан всегда может сказать, что его судно нуждается в ремонте, а на самом же деле войдет в порт для торговли! — разумно возразил Нельсон. — Любого губернатора можно обвести вокруг пальца, но не морского офицера!

Однако сэр Ричард отказался менять свое решение. Скорее всего, он получил крупную взятку и у него просто не было иного выхода. Но Нельсон уже закусил удила!

Вечером за графином вина он говорил верному Коллингвуду:

— Дело, в которое мы ввязались, конечно, весьма щекотливое. Мне придется сделать одно из двух: либо нарушить приказ, либо — закон. Я выбираю первое!

— Не слишком ли ты рискуешь, Горацио? — засомневался осторожный Коллингвуд. — В любом случае тебя могут лишить чина!

— Я это прекрасно понимаю! — упрямо мотнул головой

Нельсон. — Но я понимаю и то, что должен исполнять свой долг! Кроме того, я только что отправил командующему письмо, в котором официально уведомил его, что буду уклоняться от исполнения его приказа до тех пор, пока не смогу объясниться с ним лично!

— Что ж, — вздохнул Коллингвуд, придвигая к себе графин с вином, — будем надеяться на лучшее! За нашу удачу!

Разумеется, письмо Нельсона привело Хьюза в ярость, ведь это было открытое неподчинение! За такую выходку Нельсона могли лишить всех чинов и отдать под военный суд. Проблема была в том, что членами суда состояли такие же капитаны, как и он, вполне разделяющие его взгляды и поддерживающие его, так как имели свой процент с захваченных товаров. Передай Хьюз дело Нельсона в суд, и тот будет непременно оправдан. При этом скандал достигнет Лондона, и замять его будет уже невозможно. Тогда вопрос встанет уже о суде над самим Хьюзом. И сэр Ричард вынужден был капитулировать перед натиском своего капитана.

Теперь Нельсон и его товарищи получили полную свободу действий во имя неукоснительного соблюдения Навигационного акта. Всем таможенникам было передано, что отныне все иностранные суда, пришедшие в британские порты, следует немедленно арестовывать, а товары конфисковывать.

Разумеется, что поначалу многие отнеслись к предупреждению Нельсона не слишком серьезно и вскоре поплатились за свое неверие весьма жестоко. Английские капитаны учинили контрабандистам настоящий разгром. Началось с того, что у острова Невис Нельсон захватил сразу четыре больших торговых судна, доверху набитых товарами. Весь товар был конфискован. Возмущенные торговцы выдвинули против Нельсона иск в сорок тысяч фунтов, сумму по тем временам огромную. Больше всех ратовал за наказание зарвавшегося капитана Джон Ричардсон Герберт, президент законодательного совета острова Невис Антильского архипелага.

— Неужели мы все вместе не можем остановить этого маленького человечка! — вопрошал он на совете глав островов и сам же отвечал: — Нет, мы должны и можем это сделать во имя нашего процветания! Мы должны подать жалобу генералу Ширли и настоять на своем!

Генерал-губернатор с радостью дал делу ход. На борт «Борея» пытался даже прибыть судебный исполнитель, чтобы арестовать зарвавшегося капитана, но его не пустили. Однако сходить на берег Нельсону, как и его команде, было опасно, так как там их поджидали местные власти. Возмущенный Нельсон написал письмо королю, прося у него защиты от произвола местных

властей. Капитану, офицерам и матросам пришлось отсиживаться на фрегате в течение двух месяцев. Коротая время, устраивали турниры по игре в карты, ставили любительские спектакли. Продукты, воду и другие припасы доставляли им товарищи с других кораблей. Нельсон ждал, пока его обращение будет рассмотрено судом Адмиралтейства.

И он дождался! В Лондоне в конце концов поняли, что речь идет не о каком-то частном деле, а об основополагающем принципе торговли, в целом же — о благополучии государства. Если прецедент нарушения Навигационного акта будет иметь место, это вызовет цепную реакцию повсюду, но тогда навести порядок будет значительно сложнее. Вслед за этим Нельсон получил ответ на свое обращение к королю. Королевская канцелярия обещала ему защиту в случае суда. Это означало, что никакого суда не будет вообще и король поддерживает стоящего на страже закона капитана. В сентябре Адмиралтейство признало захват контрабандистских судов правомерным и сняло с Нельсона все обвинения. Затем на имя адмирала Хьюза пришло письмо из министерства финансов, в котором указывалось, что правительство «считает, что главнокомандующий станции Подветренных островов и подчиненные ему офицеры проявили весьма похвальное усердие в их усилиях прекратить незаконную практику, имевшую место на островах и представляющую собой открытое нарушение закона, следствием чего был большой ущерб судоходству и торговле владений его величества».

Таким образом, враги капитана «Борея» были посрамлены, а сам он стал настоящим героем среди офицеров и матросов вест-индской эскадры.

Из истории с Навигационным актом можно сделать вывод: Нельсон впервые проявил себя как политик, ставящий во главу угла не личные интересы, а государственные.

Нельсон праздновал победу. Плохо разбираясь в столичных интригах, он и представить не мог, что с вест-индской контрабанды кормились не только местный генерал-губернатор и командующий эскадрой, но также свою долю — и не малую — имел с этого и целый сонм лондонских чиновников. Для них принципиальность Нельсона обернулась потерей доходов, а этого простить было невозможно. Отныне, сам того не ведая, Нельсон приобрел в столице множество врагов, занимающих самые высокие посты и имеющих связи во всех сферах. Пройдет совсем немного времени, и принципиальность молодого капитана обернется против него самого. Однако пока врагам надо было выждать время, чтобы улеглись волны, поднятые адмиралтейским судом.

Кое о чем Нельсон, правда, все же догадывался: «Если бы они (столичные чиновники. — *В. Ш.*) знали все, не думаю, чтобы они расточали благодарности не тем, кому надо, и забыли бы обо мне. Мне очень обидно: я терял здоровье и рисковал благополучием, а теперь совсем других людей благодарят за то, что делал я, причем против их воли. Следовало бы меня либо совсем уволить, либо хоть как-то отметить. Они понимали, что сказать обо мне нужно, но „забыли“ это сделать. Уж если такова благодарность за мою преданность, впредь я буду осторожен и не стану вылезать вперед. Как бы там ни было, я выполнил свой долг и мне не за что себя винить».

Один из офицеров, служивших в то время под началом Нельсона, впоследствии вспоминал, что, когда он выразил сожаление своему капитану по поводу того, что ему отказали в признании очевидных заслуг, Нельсон лишь усмехнулся:

— Вы меня жалеете? Меня не нужно жалеть, сэр! Настанет день, когда мне будут завидовать все. И я уверенно веду свое судно навстречу этому дню!

Глава четвертая
ЛЮБОВЬ И ЖЕНИТЬБА

В жизни Нельсона начинался новый период, когда он наконец-то решил заняться устройством своей личной жизни.

Началось с того, что Нельсона попросили доставить попутным рейсом на остров Барбадос мисс Перри Герберт, племянницу главы острова Невис Джона Герберта. Будучи истинным джентльменом, Нельсон не мог отказать даме. По прибытии на Невис Перри Герберт пригласила Нельсона в гости. И там Нельсон увидел ту, в которую в тот же миг влюбился. Это была вторая племянница Джона Герберта, молодая вдова Фрэнсис Нисбет, проживавшая у своего дядюшки. Близкие, как это принято, именовали ее в домашнем кругу более ласково: Фанни. Под этим семейным именем Фрэнсис Нисбет и вошла в историю.

«Фанни, — пишет Г. Эджингтон, — была на несколько месяцев старше Нельсона, ей исполнилось двадцать семь лет. Родилась она на острове Невис, где ее отец, Уильям Вулворд, был старшим судьей. Рано потеряв мать, в двадцать лет она осталась круглой сиротой: отец умер от неизлечимой болезни. В последние дни судью лечил доктор Джосая Нисбет, и спустя четыре месяца после его кончины доктор сделал Фанни предложение, которое она приняла. Вскоре из-за болезни супруга молодым пришлось вернуться в Англию, где и родился их сын, названный Джосая в честь отца. Болезнь доктора прогрессировала, и в 1781 году — сыну еще не было и двух лет — он умер. Таким образом, Фанни осталась и без родителей, и без мужа. Она была одна на всем белом свете, не считая ребенка, которого еще предстояло поставить на ноги. Единственным родственником, к которому она могла обратиться за помощью, был дядя Джон Герберт, тоже вдовец. Он предложил племяннице вернуться на Невис, который она считала своей родиной. Фанни с радостью приняла это предложение и взяла на себя роль экономки в доме дяди. В этом неуклюжем особняке в колониальном стиле, с колоннами, было множество слуг-туземцев, которые вели домашнее хозяйство господина Герберта. Дом был самым большим на острове и назывался „усадьба Монпелье“…

По меркам восемнадцатого века Фанни была не красавица, уже не молода, но стройна и грациозна, с тонкими чертами лица и темными глазами. Она обладала изысканными манерами, свободно говорила по-французски и была прекрасной рукодельницей. Несчастья, преследовавшие ее всю жизнь,

придали ее глазам какое-то тревожное выражение, которое дошло до нас через столетия на всех сохранившихся портретах. Один из ее знакомых, молодой моряк, писал: „В те времена она обладала приятной внешностью и свежим цветом лица, довольно редким для южного климата. Но отсутствие яркого ума было настолько очевидно, что, видимо, проницательность Нельсона на сей раз ему изменила. Его глаз отдыхал на румяных щечках, он пытался найти и другие достоинства, которые обычно обеспечивают супружеское счастье. И этого ему хватало“.

Фанни не была женщиной веселой и жизнерадостной — скорее наоборот, а если и была чувственной, то хорошо скрывала это от постороннего глаза. Шансы на то, что она выйдет замуж второй раз, тем более с пятилетним ребенком на руках, были невелики. Наверное, Нельсон увидел в ней то, чего не замечали другие».

Другой британский историк дает следующую характеристику внешности Фрэнсис Нисбет: «У нее была элегантная фигура, свежий цвет лица, но острый нос и необщительные манеры».

Впрочем, в семействе Гербертов — Нисбетов была и своя семейная тайна, о которой Нельсон узнает несколько позднее, но с последствиями которой ему через много лет придется столкнуться. Дел в том, что супруг Фрэнсис Нисбет не просто умер, а умер сумасшедшим. Некоторые историки считают даже, что в припадке сумасшествия он покончил с собой…

Что касается самого Джона Ричардсона Герберта, то это был тот самый президент законодательного совета острова Невис, который не столь давно одним из первых призывал генерал-губернатора Ширли разделаться с «маленьким человечком» Нельсоном. Поэтому можно представить изумление Герберта, когда он, вернувшись домой, застал у себя того самого «маленького человечка», который, стоя на четвереньках, загонял под стол его внучатого племянника.

— Боже милостивый! — восклицал он впоследствии, вспоминая тот день. — Никогда бы не поверил, если бы не увидел своими глазами, что человек, которого все боятся, может играть с ребенком!

Этим ребенком, разумеется, был сын Фанни Нисбет.

Что касается Нельсона, то он только приходил в себя от своего очередного безответного романа с миссис Моутрей и встреча с миловидной Фанни была для него избавлением от тяжелых дум вечно отвергаемого жениха.

Фанни, в свою очередь, была уже наслышана о Нельсоне. Во-первых, о нем всегда с ненавистью говорил ее дядя, а во-вторых, незадолго до прихода на Невис «Борея» Фанни получила письмо

от кузины Перри с Барбадоса, в котором та достаточно подробно описала ей капитана фрегата. В монотонной и скучной колониальной жизни появление столь колоритной личности было событием: «Наконец-то мы увидели капитана „Борея“, о котором так много говорят. Он пришел прямо к обеду, очень возбужденный, но был молчалив. Видимо, по старой поговорке, он был „весь в думы погружен“. Отказался от вина, но после обеда, когда президент начал поднимать тосты „за короля“, „за королеву и королевскую семью“ и „за лорда Худа“, этот странный человек неизменно наполнял свой бокал и выпивал, заметив, что эти тосты для него обязательны. Осушив всю бутылку, он снова замолчал. Во время обеда ни одной из нас не удалось разговорить его. Он вел себя весьма сдержанно и сурово, если не считать нескольких мимолетных замечаний, выдавших недюжинный ум. Меня посадили рядом с ним, и я изо всех сил старалась привлечь его внимание, используя всяческие уловки. Но мне не удалось выудить из него ни одного слова, кроме „да“ или „нет“. Мы все уверены, что если бы была здесь ты, Фанни, то смогла бы его расшевелить. Потому что у тебя есть „ключ“ к сердцам таких странных людей».

Во время первой их встречи за обеденным столом Фанни благодарила Нельсона за внимание к своему сыну. Надо ли говорить, что своим отношением к ребенку он сразу же покорил сердце его матери. Ради справедливости следует сказать, что в отношении сына Фанни Нельсон нисколько не притворялся: он всегда любил детей и с удовольствием в свое немногое свободное время возился с ними.

А вот в Фанни он влюбился сразу. У Нельсона вообще была удивительная способность влюбляться почти во всех немногих симпатичных женщин, которые встречались на его жизненном пути. Чем это можно объяснить? Наверное, тем, что при всем своем морском опыте он был весьма не искушен в амурных делах из-за своей врожденной целомудренности и стеснительности в общении с женщинами. Ухаживать за ними, как это делали другие — дерзко и красиво, он не умел, вел себя как-то по-детски, а порою и вовсе глупо.

И в этом случае, едва познакомившись с Фанни, он уже, как обычно, написал восторженное письмо брату Уильяму: «Думаю, что я нашел женщину, которая меня осчастливит… У нее те же манеры, что и у госпожи Моутрей. Тебе понравится это дорогое мне существо. Ты будешь восхищен ее благоразумием, вежливостью и — тебе я могу это сказать — красотой… У меня нет ни малейшего сомнения, что мы будем счастливой парой, а если не будем, то по моей вине».

Удивительно, но в последней фразе письма Нельсон в точности определил их будущее. Но пока все обстояло совершенно иначе: буквально через пару недель после знакомства Нельсон сделал Фанни предложение и она, конечно, с радостью приняла его.

Долго оставаться на острове Невис фрегат Нельсона не мог, а потому история сохранила для нас несколько писем, которые влюбленный капитан писал своей избраннице из различных портов Карибского моря. В его письмах видны и глубина переживаемых чувств, и искренность, и забота о их будущем, в них и тоска разлуки, и мечты о скорой встрече. В них весь Нельсон!

«Быть связанным с Вами — моя заветная мечта. Что касается чувств, которые служат основанием для супружеского счастья, то есть настоящей любви и уважения, хочу Вас заверить — по отношению к Вам у меня их более чем достаточно».

«Какие могут быть развлечения, когда я — вдали от самого дорогого мне существа! Никаких! Уверяю Вас, все мое счастье исходит от Вас, и там, где Вас нет, — там я несчастлив. Каждый день, каждый час и каждое событие убеждают меня в этом. Я пишу, а сердце мое наполнено чистейшим и самым нежным чувством. Ежедневно благодарю Бога за то, что он предопределил мне быть с Вами. Он задумал это как благословение мне, и я уверен, что Вы не разочаруете его в этих благих намерениях. Единственно, о чем я сожалею, — это отсутствие состояния, то есть денег, да и то я желал бы их лишь для моей нежной Фанни. Но я не сомневаюсь, что, соединив нас, Всемогущий не оставит нас своей заботой и благословит все наши чаяния. Никакие опасности не остановят меня, я возьмусь за любое честное дело, чтобы достаточно обеспечить Вас и Ваших близких. И позвольте мне повторить снова, что я всегда буду считать дорогого Джосайю родным сыном».

«По мере того как вы ближе знакомитесь с моряками, вы чаще слышите, что разлука и соленые волны разрушают любовь. Так вот я — тот еретик, который в это не верит. Вот смотрите: с тех пор как я уехал от Вас, каждый день море выплескивает мне на голову ведер по шесть соленой воды, а результат совсем не тот, что предсказывают моряки. И если так пойдет дело, то Вам придется увидеть меня раньше намеченного срока. Сначала я переносил разлуку сносно, но теперь она делается почти нетерпимой, а дальше будет таковой уже без „почти“. Однако терпение — это добродетель, которую я буду воспитывать в себе, чего бы мне это ни стоило. Пока судно в ремонте, я живу в доме старших офицеров, а это значит, что с рассвета до заката здесь

нет ни единой живой души, с которой можно было бы поговорить. Я думаю, Вы мне посочувствуете. Я никогда не любил сидеть в одиночестве, и как только моя каюта на „Борее“ станет пригодной для жилья, я помчусь туда — там хоть избавлюсь от москитов и меланхолии. Сейчас сотни этих вышеупомянутых пожирают меня прямо через одежду. Однако Вы найдете, что я выгляжу лучше, чем раньше, хотя ко времени нашей встречи я высохну, как египетская мумия, потому что жара здесь ужасающая. Правда, по вечерам я вышагиваю одну милю и не устаю, а весь день сижу в доме. Каждый день выпиваю кварту козьего молока и наслаждаюсь сном на английский манер, пытаясь спастись от москитов».

«Сердце мое стремится к Вам, оно с Вами, мои мысли заняты только Вами. Вдали от Вас меня ничто не радует; Вы для меня — все, моя дорогая Фанни. Без Вас мне не мил белый свет, поэтому в последнее время я не вижу в нем ничего, кроме неприятностей».

Как всегда, подходя к делу ответственно, Нельсон уже обдумывает дальнейшую жизнь и, понимая, что его средств явно не хватит, чтобы создать комфорт для привыкшей жить в достатке Фанни, решает вновь обратиться к дядюшке Уильяму Саклингу. Письмо Нельсона очень жалобное и даже униженное. Чтобы как можно больше разжалобить дядю, он упоминает, что Фанни сирота с двухлетнего возраста. Он восхваляет Фанни и свои чувства к ней. При этом упоминает, что в перспективе вернет дяде деньги, ибо Джон Герберт обещает после своей смерти завещать Фанни двадцать тысяч фунтов. Деньги у Герберта на самом деле есть, и не малые. Своим друзьям он не раз говорил, что сам в точности затрудняется сказать, каков его капитал. Позднее он оценил его в шестьдесят тысяч фунтов.

«Я думаю, господин Герберт все же согласится выделять Фанни двести-триста фунтов в год. Если Вы тоже не откажетесь давать — а я на это надеюсь, потому и называю сумму — по сотне в год в течение нескольких лет или дать тысячу фунтов сразу, то осчастливите пару, которая будет молить за Вас Бога всю жизнь. Такова ситуация с господином Гербертом, и я знаю, что, если просить у него сразу много, он вообще не даст денег. К кому же мне обращаться, как не к Вам? Не откажите мне в просьбе, иначе сердце мое будет разбито».

Письмо Нельсона Уильям Саклинг получил в самое неподходящее время: он в это время как раз сам надумал жениться на своей старой любовнице мисс Рамсей и поэтому был весьма стеснен в деньгах. Однако, верный своему слову, пообещал племяннику, что в случае его женитьбы с деньгами поможет.

* * *

Обещание Саклинга окрылило Нельсона, и он объявил о помолвке. Однако с этим делом пришлось повременить. Именно в этот момент адмирала Хьюза вызвали в Лондон и Нельсон остался на Подветренных островах старшим морским начальником. Отныне ему уже никто не мешает соблюдать Навигационный акт так, как он его понимает. Нельсон сам становится заложником своего служебного рвения.

На робкие сетования Фанни он говорит:

— Долг — это самое главное, что есть у морского офицера. Все личные интересы должны уступить место тому, чего требует долг, как бы это ни было горько.

Хотя письма Нельсона Фанни свидетельствуют, что отсрочка огорчает его не менее, чем ее: «Я стою на страже закона и, хотя все складывается так, как я хочу, боюсь, что все это задержит меня еще на следующие две недели. Хочется послать к дьяволу суда, захваченные мной, а вместе с ними и весь Американский континент».

В конце 1786 года на Подветренные острова прибывает фрегат «Пегас» под командой старого знакомого Нельсона принца Уильяма, которого отец отправил подальше от столичных соблазнов. Как старший морской начальник Нельсон отныне командует и принцем.

Едва «Пегас» поступил в распоряжение Нельсона, как он сразу же оказался втянутым в скандал между принцем Уильямом и его первым лейтенантом Шомбергом. Лейтенант тоже был из династии Ганноверов, а потому мог позволить себе непослушание даже особе королевской крови. Офицеры спорили между собой из-за каждой мелочи, причем если аргументы Шомберга всегда были вполне логичны, то принц спорил лишь из-за своего врожденного упрямства. При этом в выражениях его высочество не стеснялся. В конце концов дело дошло до того, что разобиженный Шомберг потребовал капитанского суда по поводу их конфликта с принцем-капитаном.

Узнав об этом, Нельсон пришел в ужас. Если суд состоится, то на нем всплывут многие недостатки и упущения принца (а в этом Нельсон нисколько не сомневался), с карьерой самого Нельсона будет покончено навсегда! Ведь согласно закону с момента поступления заявления на суд он должен был взять под арест обоих спорщиков вплоть до прибытия командующего. Ни король, ни его сын ему этого никогда бы не простили. Однако и требование Шомберга Нельсон игнорировать не мог, так как лейтенант поступал строго по закону и формально был прав.

Пришлось действовать на свой страх и риск.

Перво-наперво Нельсон объявил, что в настоящее время нет достаточного числа капитанов для производства суда. Несколько судов он предварительно отослал в море. Затем, сославшись на обстановку, отправил «Пегас» на Ямайку, а лейтенанта Шомберга перевел на другое судно. Таким образом конфликт был сведен на нет. В Адмиралтействе слегка поругали Нельсона за это самоуправство, хотя думается, что на самом деле и там были весьма довольны столь мирным исходом. Интересно, что на карьере Шомберга конфликт с принцем нисколько не сказался и он впоследствии дослужился до чина комиссара в совете Адмиралтейства.

Едва Нельсон замял один скандал, как принц Уильям спровоцировал второй, велев выпороть вольнонаемного художника немца. От немца, после уговоров Нельсона, принц откупился несколькими сотнями фунтов.

Однако появление Уильяма имело для Нельсона и положительные стороны. Познав о дружбе капитана «Борея» с капитаном «Пегаса», местная знать резко изменила отношение к Нельсону. Теперь его зазывали туда, куда раньше бы и на порог не пустили. Фанни могла гордиться своим избранником.

Будучи неизменным спутником принца в его плаваниях, Нельсон стал его спутником и на всех увеселительных мероприятиях. Молодого жениха это несколько угнетало, но ослушаться своего высокородного подчиненного он не смел.

Из писем Нельсона Фанни: «Наш юный принц — галантный молодой человек. Он очень ветреный, но всегда в хорошем настроении. Во время последней стоянки мы были на двух балах, и несколько старых дам были обижены тем, что Его Королевское Высочество с ними не танцевал. Но он сказал, что, как и любой мужчина, имеет право приглашать ту леди, которая ему нравится».

«Вчера ночью мы вернулись из Сент-Джонса; я думаю, что многие радовались отъезду принца Уильяма, как раньше его приезду. Еще на пару дней такого веселья нас бы уже не хватило, тем более что оно обычно продолжалось до утра… Мисс Ателль, первая красавица острова, естественно, привлекла внимание Его Королевского Высочества. Расскажу Вам многое при встрече, Вы знаете, как опасно слишком доверять бумаге…

Как напрасны бывают наши надежды. Я мечтал спокойно провести эту неделю, однако сегодня вечером мы ужинаем у сэра Томаса Ширли; завтра принц устраивает вечеринку; в среду он дает обед для полка в Сент-Джонсе, а вечером — бал мулатов; в четверг — петушиные бои, затем мы ужинаем у брата полковника

Кросби, вечером — бал; в пятницу снова, но уже не помню где; в субботу у президента, господина Байама. Если мы все это выдержим, то мне уже будет ничего не страшно. Вот что значит обслуживать принцев».

При этом Нельсон при каждом удобном случае дает понять своей избраннице, что ни на минуту ее не забывает: «Его Королевское Высочество часто говорит, что считает меня женатым, потому что, по его словам, он никогда не видел влюбленного, который был бы так сдержан и говорил бы так мало о своем „предмете“. Когда я возражаю, что я не женат, он отвечает, что уверен в глубоком уважении, которое я к нему питаю, и это совсем не то, что обычно вульгарно — нет, это слово не подходит, скорее, по-обывательски — называется любовью. Он прав, моя любовь зиждется на уважении, это единственная основа, которая может придать прочность любви. Вы можете выйти за меня, только если искренне привязаны, а значит, я должен стать хорошим мужем. Надеюсь, что именно таковым я и стану… Могу сообщить Вам одну новость, а именно: принц очень решительно настроен и заручился моим обещанием, что я приглашу его на нашу свадьбу, и он будет вручать невесту жениху. Его Королевское Высочество больше не будет делать частных визитов, за исключением нашего случая».

В течение нескольких месяцев Нельсон и Уильям были неразлучны. Сын английского короля и сын сельского священника всегда и везде появлялись только вместе. Самолюбие Нельсона было более чем удовлетворено. Он не без оснований рассчитывает, что эта дружба станет для него хорошим трамплином в будущей карьере.

Из письма Нельсона: «Он говорил, что счастлив с тех пор, как служит под моим командованием, и дал мне понять, что, когда займет более высокое положение, я могу рассчитывать на его искреннюю дружбу. Не сомневаюсь, что он сохранит ко мне уважение и я буду иметь хоть какую-то поддержку по службе, если не будет ничего другого».

Большинство английских историков считают, что впоследствии принц Уильям никогда и не в чем не помогал Нельсону. Однако на самом деле, думается, все обстояло несколько иначе. Когда Уильям занял главенствующее положение в стране, Нельсон уже сумел сделать карьеру и без него, ибо так сложились внешнеполитические обстоятельства, о которых мы еще будем в свое время говорить. Но в последующем принц всегда относился к Нельсону с подчеркнутым уважением и, став королем Англии, не только с удовольствием рассказывал при случае о своей былой дружбе с Нельсоном, но даже написал о нем весьма

интересные воспоминания.

В свою очередь принц тоже присматривался к Нельсону: «Нельсон представил меня своей будущей невесте. Она хорошенькая и разумная женщина и может получить много денег, если ее дядя, г-н Герберт, поступит прилично. Бедный Нельсон влюбился по уши, по этому поводу я частенько над ним посмеиваюсь. Если говорить серьезно… то ему скорее нужна нянька, чем жена. Я уверен, что он долго не протянет».

В ту пору Нельсон действительно выглядел ужасно и напоминал скелет, обтянутый кожей. Ходили слухи, что у капитана «Борея» прогрессирующая чахотка.

11 марта 1787 года состоялась долгожданная свадьба Нельсона и леди Фанни. Венчал молодых священник местной церкви. Уже перед самой церемонией принц Уильям попытался в последний раз отговорить Нельсона от его решения.

— Я люблю ее вне всяких сомнений! — был твердый ответ Нельсона.

— Тогда я благословляю вас тысячу раз! — сдался, наконец, и принц. — Теперь вы, Горацио, обрели надежный адмиралтейский якорь, и остается только надеяться, что он не утащит вас на берег!

В ответ Нельсон рассмеялся. «Адмиралтейским якорем» английские моряки именовали своих жен, и то, что принц назвал Фанни его надежной опорой, жениху было приятно.

Свадьба, на которой присутствовал весь местный высший свет, была необыкновенно торжественной. Нельсон был чрезвычайно серьезен и горд происходящим, а Фанни — взволнованна и очень мила.

Из письма Нельсона своему старому другу капитану Локеру: «Я женился на милой женщине, и это с лихвой возмещает все мои неприятности. Собственно говоря, до женитьбы счастье мне было неведомо. И я совершенно уверен, что буду с ней счастлив до конца своих дней».

О, как плохо знал самого себя капитан «Борея», как мало представлял, какие невероятные повороты судьбы ожидают его в будущем!

У друзей нашего героя его новое положение вызвало куда более сдержанную оценку. Старый товарищ Нельсона Томас Прингл, например, писал одному из общих знакомых: «Вчера, сэр, флот потерял одного из своих лучших людей: женился Нельсон. Когда такой офицер вступает в брак, это потеря для всей нации. Если бы не это обстоятельство, я думаю, что он стал бы одним из величайших людей флота».

Прингл ошибался, ибо Нельсон и не помышлял оставить

службу. Сразу после свадьбы он объявил Фанни о своих приоритетах:

— Для меня, как для каждого уважающего себя морского офицера, превыше всего долг! Личные интересы всегда будут для меня лишь на втором месте, как бы это тебя ни огорчало!

— Да, милый! — только и сказала преданная Фанни. А что ей еще оставалось делать?

Что касается принца Уильяма, то о женитьбе Нельсона он отозвался довольно цинично:

— Я могу с уверенностью сказать, что Нельсону нужна не жена, а сиделка!

— Отчего же так, ваше высочество? — удивились собеседники.

— Судя по его здоровью, не думаю, что он проживет долго. Да и на службе он уже перестал быть удачливым.

Принц не преувеличивал: в последний период своей службы на Подветренных островах у Нельсона многое не ладилось, словно после женитьбы от него отвернулась удача.

* * *

Нельсон не рассчитал свои силы. Так, он решил бороться с нечистыми на руку снабженцами. Выявив несколько незаконных махинаций, он предал их огласке, написав письма во все высшие инстанции. Однако ничего доказать беспокойному капитану не дали, дело быстро замяли, а за Нельсоном в британском Адмиралтействе закрепилась репутация склочника и интригана.

Еще более Нельсон скомпрометировал себя, отказавшись повесить некоего матроса Кларка, дезертировавшего во время стоянки одного из судов на островах. Воспользовавшись поддержкой принца Уильяма, он помиловал матроса, а затем задним числом уволил его со службы. За это Адмиралтейство официально обвинило капитана в превышении полномочий, а неофициально — в ненужном и вредном для морского офицера либерализме.

В письме капитану Локеру наш герой сетует: «Когда настанет этот заветный час, я буду счастлив. Никто не перенес на этой базе столько болезней и столько неприятностей, как я».

И здесь Нельсон не проявил провидческого дара: пройдет совсем немного времени, и он будет вспоминать службу в Вест-Индии как самое прекрасное время своей жизни.

Глава пятая
ГОДЫ ЗАБВЕНИЯ

Итак, в мае 1787 года Нельсон покинул Вест-Индию, чтобы никогда более туда не возвращаться. Фанни с сыном и Джон Герберт с дочерью отбыли с островов несколько позднее на торговом судне. Некоторые историки полагают, что за этим кроется охлаждение Нельсона к Фанни, другие, напротив, считают, что он постарался отправить свою молодую супругу в Англию на более комфортабельном судне, а не на неприспособленном для дам военном корабле. Как обстояло дело в действительности, сегодня сказать трудно.

Впрочем, есть еще одно объяснение, почему Нельсон решил плыть в Англию в одиночестве. Состояние его здоровья к этому времени настолько ухудшилось, что он вполне серьезно готовился к скорой смерти, не слишком надеясь увидеть берега родины. Именно поэтому с собой Нельсон прихватил бочку рома, в которую просил в случае смерти положить его тело, желая быть похороненным не в море, а в Англии. К счастью, и на этот раз он обманул смерть.

Едва «Борей» достиг английских берегов, как чиновники тут же припомнили Нельсону все его своеволия. «Борей» был определен на самую неприятную и презираемую на флоте службу: на так называемую «приемку». Служба заключалась в том, чтобы, стоя на якоре вблизи какого-либо порта, останавливать все проходящие английские торговые суда и силой снимать с них почти всю команду, оставляя ровно столько матросов, чтобы судно могло дотащиться до порта. Всех остальных забирали в военно-морской флот. К таким мерам Адмиралтейство прибегало в случае обострения политической ситуации и необходимости срочно увеличить численный состав флота.

Что касается политической ситуации, то летом 1787 года Англия стояла на пороге новой большой войны: в который уже раз обострились ее отношения с Францией. Теперь камнем преткновения двух извечных стран-соперниц стала Голландия. За власть в этой стране боролись две группировки: проанглийская и профранцузская, и от того, кто из них победит, зависело, к которому из двух государств примкнет богатая Голландия. Именно поэтому английский военно-морской флот остро нуждался в опытных матросах.

«Приемка» никогда не пользовалась популярностью ни у офицеров, ни у матросов, но приказ есть приказ, и «Борей»

отправился на охоту за пополнением. Почти полгода провел Нельсон за этим неприятным занятием. Однако очередной международный конфликт удалось разрешить в пользу Англии посредством дипломатии, и охоту за матросами прекратили.

Любопытно, что, находясь в непосредственной близости от берега, Нельсон вовсе не стремится лишний раз увидеться со своей молодой женой. В минуты откровения он говорит:

— Даже если голландские дела будут улажены, я не хотел бы сходить на берег! Я все больше убеждаюсь, что прежде всего влюблен в море, а затем уже в остальное!

И это спустя каких-то пять месяцев после свадьбы!

За время нахождения на «приемке» здоровье нашего героя заметно поправилось, и он в свойственной ему манере хвастался перед друзьями:

— Сейчас мое здоровье как никогда прекрасно, и я готов хоть сегодня отправиться в любой район земного шара!

Но отправлять капитана «Борея» никто никуда не собирался. Наоборот, с воцарением мира для Нельсона возникла новая угроза. Его «Борей» был уже весьма стар, а потому не имел никаких шансов остаться в боевом строю флота. Такие суда подлежали консервации до следующей войны, а их команды — увольнению. Для матросов это означало поступление на торговые суда и хорошие заработки, а для капитанов — крах карьеры и нищенское прозябание на берегу с жалованьем всего восемь шиллингов в день. Правда, дядя Фанни и собственный дядюшка безработного капитана обещали поддержать его сотней-другой фунтов, но это была всего лишь подачка. В один из дней Нельсон почти в отчаянии восклицает:

— Быть человеком без состояния — это преступление, от которого я, наверное, уже никогда не избавлюсь! Именно поэтому я не представляю никакого интереса для сильных мира сего!

И все же он не сдается и пытается бороться за свое будущее. В письме своему другу принцу Уильяму Нельсон пишет: «Это (отставка с „Борея“. — *В. Ш.*) навсегда освободит меня от неблагодарной службы; я твердо решил и этого решения не изменю: никогда больше нога моя не ступит на корабль. Тотчас по прибытии в Лондон я попрошу приема у первого лорда Адмиралтейства и подам в отставку».

Понимая, что уход Нельсона будет потерей для флота, принц передал его просьбу первому лорду, и тот согласился принять обиженного капитана. Эта встреча состоялась. Глава морского ведомства прекрасно помнил Нельсона по его прошлому «парламентскому визиту» и встретил весьма доброжелательно. Нельсон высказал все свои обиды, лорд Хау признал их

обоснованными.

— Я прекрасно вас понимаю, но поймите и меня, — сказал затем лорд капитану. — Мы очень сильно сокращаем корабельный состав и мне просто некуда девать многих весьма заслуженных капитанов. Впрочем, я готов организовать вам встречу с его величеством.

Это была большая милость, и Нельсон, разумеется, ухватился за нее как за спасительную соломинку. Ему есть что рассказать королю-отцу о его сыне-капитане! К тому же Нельсон знал, что Уильям не раз писал о нем своему отцу как о друге и наставнике. Как знать, может, это принесет ему удачу!

Лорд Хау оказался человеком слова и уже через несколько дней взял капитана с собой в Сент-Джеймский дворец. Там Нельсон был в очередной раз представлен Георгу III. Король подробно расспросил капитана о службе своего сына, поздравил с женитьбой, пожелал успехов и удалился. Ничего конкретного Нельсону решить не удалось. Удрученный, он покинул дворец.

В течение нескольких последующих недель Нельсон нанес визиты всем знакомым влиятельным лицам. Но таких было у капитана весьма немного. Друзья покойного дядюшки Мориса Саклинга в своем подавляющем большинстве уже пребывали в отставке, а новых связей наш герой так и не приобрел. Более всего Нельсона удручало, что, женившись, он не в состоянии обеспечить своей семье безбедное существование. Кроме этого, было задето и его самолюбие: ведь, находясь в отставке, он терял тот запас былого первенства в чинах, которое в свое время столь продуманно обеспечил ему дядюшка. Вероятно, в то время более всего Нельсон мечтал о новой большой войне, чтобы с ее помощью решить свои многочисленные проблемы.

Лучше всего душевное состояние будущего героя Англии передают строки его письма, написанного в ту пору одному из сослуживцев: «Я все еще вынужден бороться с волнами. В поисках чего? Увы! О том, что называлось честью, больше не думают. Видит Бог, морская служба ничего мне не принесла — вот и служи родине! Однако дьявол, вечно искушающий добродетельных людей, предложил мне следующее: если какие-то суда будут посланы разрушить порты Его Величества — короля Марокко, я должен быть там. У меня есть основании полагать, что нечто такое произойдет и мои скромные услуги понадобятся. Я раз и навсегда усвоил принцип, главный для офицера, которому неукоснительно следовал, а именно: гораздо лучше служить неблагодарной стране, чем отказаться от собственной славы. Потомство это ценит. Если человек следует, не сворачивая, по пути честности и порядочности, он обязательно придет к славе».

Как утопающий хватается за соломинку, так Нельсон судорожно хватается за призрачную возможность участия в Марокканской экспедиции. Но эта экспедиция так и не была организована, и Нельсон оказывается практически выброшенным на улицу. 30 ноября 1787 года он получил расчет и был списан в береговой резерв, или, как говорили в то время английские острословы, «на пляж». По существу, Нельсон оказался в отставке, ибо вернуть его в действующий флот могли лишь исключительные обстоятельства, а именно — большая общеевропейская война.

Таков был закономерный результат недавней чрезмерно энергичной деятельности Нельсона на Подветренных островах, его многочисленных жалоб и непонимания того, что все чиновники связаны между собой, а потому, трогая одного, рискуешь обратить против себя всех. Теперь будущее Нельсона было призрачно и туманно. Еще вчера блестящий капитан фрегата и исполняющий дела командующего эскадрой в одной из колоний, гроза контрабандистов всей Америки и личный друг принца королевской крови, ныне в одно мгновение он превратился в никому не нужного отставного капитана, обремененного семьей и лишенного каких бы то ни было средств к существованию.

Но на этом неприятности для Нельсона не закончились. Сначала возникли серьезные осложнения с таможней. Как и на всех других флотах, возвращающиеся домой моряки везли с собой подарки друзьям и родственникам. Не был исключением и Нельсон, накупивший на Ямайке дешевого сахара, рома и фруктов. Однако таможня не дремала и нашему герою было велено платить немалую пошлину. Для испытывавшего финансовые затруднения Нельсона это было настоящим ударом. Началась долгая тяжба. Британский историк Карола Оман отмечает: «Нельсон в 1787 году открыто писал, что ему пришлось контрабандой провозить продукты роскоши из Вест-Индии. У него был ром для Уильяма и дяди Саклинга, вино, ром и орехи для Кингсмилла, вино для лорда Уолпола Уолтертонского, а также гора тропических десертных фруктов».

В конце концов с таможней все для Нельсона закончилось благополучно. Он сумел обо всем договориться, но нервы ему помотали изрядно. Удивительный зигзаг судьбы: ревностный борец с американской контрабандой в Вест-Индии какие-то месяцы спустя сам попался с вест-индской контрабандой в Англии! Можно считать, что Нельсону повезло, ибо большинству капитанов не удавалось так легко отделаться от бдительных таможенников. К примеру, тот же капитан Коллингвуд был

задержан таможней и стал героем шумного скандала, едва не стоившего ему должности.

Что же касается Нельсона, то едва он кое-как уладил свои таможенные дела, как вновь возобновились разбирательства, связанные с его борьбой за соблюдение Навигационного акта.

Предоставим слово биографу Нельсона В. Трухановскому: «Сразу же по приезде Адмиралтейство буквально засыпало Нельсона требованиями объяснить многие подробности его действий по обеспечению исполнения Навигационных актов. Причем тон этих запросов был явно недоброжелательным и враждебным. В соответствии с действовавшими правилами Нельсон, находясь в Вест-Индии, произвел ряд назначений на офицерские должности. Обычно такие назначения утверждались Адмиралтейством без каких-либо осложнений. Теперь же под разными предлогами оно их отклонило. Но это было лишь начало еще больших неприятностей.

В Вест-Индии Нельсон сумел обнаружить, что различными мошенническими способами представители Адмиралтейства в сговоре с местными колониальными администраторами, купцами и поставщиками за несколько лет сумели обворовать казну примерно на два миллиона фунтов стерлингов. По тем временам огромная сумма. Нельсон сообщил об известных ему фактах, но никакой реакции не последовало. Теперь, оказавшись на родине и не имея каких-либо служебных обязанностей, Нельсон принялся ходить по всем возможным инстанциям с целью добиться наказания шайки жуликов, орудовавшей в колониях. Упорство и настойчивость, проявленные им в этом деле, — доказательство безукоризненной честности и верности долгу, а также и лишнее свидетельство наивности и идеализма. Ибо Нельсон искренне верил, что в тех кругах, в которых ему приходилось действовать, можно добиться правды и прижать жуликов, тем более жуликов крупных.

Нельсон обращается с письмом к премьер-министру Питту. Письмо пересылается по принадлежности министру финансов Роузу. Роуз дважды беседует с Нельсоном. Министра поразило, что рядовой капитан разобрался в крупных вопросах, связанных с финансовой деятельностью Адмиралтейства в колониях, установил большие злоупотребления в этой сфере и выявил их причины. Ни один другой капитан не смог бы сделать этого. Роуз разговаривал с Нельсоном очень и очень вежливо.

От Роуза Нельсон направился к контролеру флота сэру Чарльзу Мидлтону (будущему лорду Бархэму). Контролер согласился с Нельсоном, обещал немедленно принять меры. Но ничего так и не сделал. Нельсон в течение двух лет пытался

добиться принятия мер… Тем временем мошенники, оставшиеся в Вест-Индии, упрятали в тюрьму тех, кто сообщил в свое время Нельсону о злоупотреблениях.

Как эта борьба за правду отразилась на самом Нельсоне? Пожалуй, она принесла ему больше вреда, чем пользы. Конечно, его письма и беседы с крупными государственными деятелями дали случай продемонстрировать перед этими могущественными людьми присущие молодому капитану ум, энергию, настойчивость, верность долгу, готовность самоотверженно защищать интересы государства. В то же время главные виновники разоблаченных им преступлений располагали властью, влиянием и деньгами. Они использовали все возможности, чтобы, во-первых, помешать дальнейшему расследованию и раскрытию своих грязных делишек и, во-вторых, чтобы свести счеты с Нельсоном, дискредитировать его в глазах руководителей Адмиралтейства, правительства и короля. Они предприняли все от них зависящее, чтобы этот слишком умный, энергичный и честный капитан больше никогда не получил командование кораблем. И прием, и результат — стары как мир. Все биографы Нельсона сходятся на том, что его враги „преуспели в создании предубеждения против Нельсона“.

Некоторое время он все еще не понимает, что происходит вокруг него.

— Против меня в Адмиралтействе явно существует какое-то предубеждение, но я никак не могу догадаться и тем более определить его причину! — жалуется он Фанни.

Прошло немало времени, пока Нельсон начал все же кое-что понимать. Из его письма одному из друзей: „Об этой вещи, которая называется честь… сейчас больше не думают… Мое положение ухудшилось и в отношении службы на флоте, и в отношении служения моей стране“.

* * *

Нельсон снимает дешевую квартиру на окраине Лондона. Вначале Фанни и Горацио мечтали провести зиму во Франции, где глава семейства мог бы продолжить изучение французского языка. Но лишних денег не было, ведь половинный оклад Нельсона не превышал сотни фунтов в год. Правда, столько же определил для молодоженов Джон Герберт, да еще столько же — дядюшка Уильям. Однако Фанни привыкла к достатку, да и Нельсон изо всех сил пытался поддерживать определенный уровень жизни, чтобы не уронить себя в глазах знакомых.

Теперь большую часть времени Нельсоны проводят в гостях у Джона Герберта, который, навсегда покинув Невис, купил шикарный особняк на Кавендиш-сквер и наслаждался столичной жизнью.

Наиболее ярким событием в жизни Нельсона стало участие в празднике, устроенном принцем Уильямом по случаю его возвращения на родину. Честно говоря, праздновать особенно было нечего. Оставшись без присмотра Нельсона, принц пустился во все тяжкие и после многочисленных шумных дебошей и скандалов в компании „проклятых квебекских баб“ был на грани физического истощения. Огласка была столь велика, что разгневанный король велел непутевому сыну немедленно возвращаться домой. Уильям, однако, присутствия духа не потерял и с шумом отпраздновал свое прибытие в Туманный Альбион. Увы, но теперь на помощь принца Нельсон рассчитывать не мог. Уильям находился в опале и теперь упоминание о дружбе с ним могло вызвать и у короля, и у первого лорда обратную реакцию. Так исчезла и эта последняя надежда на получение хоть какой-то должности.

С наступлением зимы начались проблемы со здоровьем у не привыкшей к промозглому климату Фанни. Нельсоны решили оставить дорогой для них Лондон и уехать в провинцию. Из письма Нельсона капитану Парскеру: „Боюсь, нам придется оставить мысль о том, чтобы жить вблизи Лондона: городской воздух настолько вреден для миссис Нельсон, что она не может здесь оставаться, как бы мне этого ни хотелось. Следующим летом мы будем жить в Норфолке, а там — посмотрим“.

Лето 1788 года Нельсоны провели в Бернем-Торпе у отца Горацио. Преподобный отец Эдмунд, чтобы не мешать молодым, снял для себя отдельный домик, предоставив им возможность жить независимо. Фанни очень понравилась старому священнику, и он относился к ней как к родной дочери. После стольких лет упорного и тяжелого труда Нельсон страдал от вынужденного безделья и откровенно хандрил. Позднее об этом самом тяжелом и бессмысленном периоде своей жизни он напишет в воспоминаниях всего лишь одну фразу: „Я жил в деревне Бернем-Торп, в графстве Норфолк, в доме отца-священника“. Больше об этом периоде ему было просто нечего писать.

Всю жизнь Нельсон мечтал жить в собственном доме, и хотя предоставленный ему отцом дом не являлся его собственностью, но все же позволял смягчить горечь крушения карьеры. Было бы ошибкой думать, что столь деятельный и предприимчивый человек, как наш герой, сидел сложа руки. Нет, он по-прежнему упорно пытался добиться своего восстановления на флоте, писал

множество писем во все инстанции и всякий раз по-прежнему натыкался на глухую стену непонимания. Англии Нельсон был явно не нужен.

Один раз сверкнул было луч надежды. Старый знакомый Нельсона адмирал Уильям Корнуоллис приступил к подготовке эскадры к плаванию в Ост-Индию. Нельсон написал письмо с просьбой взять его капитаном. Но, пока письмо дошло по назначению, все вакансии были заняты теми, кто оказался в тот момент ближе. Корнуоллис извинился в ответном письме, на этом дело и кончилось.

Единственной отрадой отставного капитана стали газеты, он читает их все подряд вплоть до дорожных справочников. И приходит к выводу, что политика сэра Уильяма Питта Младшего направлена на сохранение мира, а следовательно, он будет стараться избегать военных конфликтов. Для Нельсона это означало крушение всех надежд и на будущее. Постепенно он, во всяком случае внешне, смиряется со своей печальной участью.

Наблюдая жизнь простых людей, он видит многое, чего, как ему кажется, не видят и не понимают в Лондоне. Итогом таких наблюдений становится письмо принцу Уильяму, в котором он просит предупредить короля, что среди народа растет недовольство, что со временем оно может вылиться в серьезные волнения, что сельские батраки голодают, прозябая со своими большими семьями на каких-то двадцать три фунта в год. Впрочем, возможно, это была всего лишь попытка еще раз напомнить королю о себе. Но принц на письмо не ответил.

— Сельские жители живут на два пенса в день! — возмущался вечерами Нельсон, расхаживая по комнате. — На эти деньги можно разве что воды выпить! Но при этом они преданы королю гораздо больше тех, кто выше их по своему положению! И этим иным следовало бы подражать им в этом с несомненной пользой для себя!

Наблюдательный и искренний Нельсон старался понять свою страну и свой народ, быть может, для того, чтобы понять самого себя.

Чтобы хоть как-то отвлечься от невеселых мыслей, он начинает увлеченно заниматься сельским хозяйством на отцовской земле. Сам вскапывает землю, сам сажает и сам выращивает. Приехавшему из столицы капитану Катберту Коллингвуду, привезшему последние флотские сплетни, Нельсон горделиво показал собственноручно выращенную капусту и, подражая Диоклетиану, сказал:

— Что эти ваши корабли, ты посмотри лучше, какую я вырастил капусту!

Однако глаза его были грустны, в них читалась тоска по такому любимому и такому недосягаемому теперь для него миру, где пахнет соленым ветром, просмоленными канатами и пороховым дымом.

— Я боюсь, что с тем мнением, которое сложилось обо мне, Адмиралтейство уже никогда не доверит мне командовать судном! — жаловался он Коллингвуду.

Тот, как мог, подбадривал друга, а что еще он мог для него сделать, тоже находясь в отставке!

Днем Нельсон был занят работой, но ночами ему по-прежнему снилось море, снились паруса, полные ветра, он просыпался и больше уже не мог заснуть до самого утра.

Один из британских биографов Нельсона утверждал, что он якобы открыл для себя покой деревенской жизни: „Он вспомнил, как проводил время в детстве, и, будучи непритязательным, большую часть дня гулял по лесу, собирая птичьи яйца. Миссис Нельсон всегда сопровождала его. Однообразие деревенской жизни прерывалось поездками Нельсона в столицу по делам и ежегодным визитом с женой в Уолтерон к лорду Уолполу“.

Увлекала Нельсона и охота. Однако местные жители ходить с ним на охоту опасались: Нельсон всегда носил ружье со взведенным курком и, чуть заметя шевеление в кустах, палил туда без всякого разбора. Охотничья удача посещала его крайне редко, а потому, когда однажды, сияя от счастья, он принес из лесу подстреленную куропатку, Фанни сочла это величайшим из его подвигов. Однако, думается, что увлеченность Нельсона сельской жизнью скорее всего происходила не из любви к ней, а от желания отвлечься от безрадостных дум и найти себе применение хоть в чем-то.

Фанни почти все время болела. Наверное, не было такой болезни, от которой бы она не лечилась: ревматизм и воспаление горла, сердце и нервное истощение, бесконечные простуды. Если прибавить к этому столь же подверженного всяческим напастям Нельсона, то их дом порой напоминал лазарет.

Биограф Нельсона Г. Эджингтон пишет: „…Время проходило по-разному: были поездки на ярмарку, и сбор урожая, и длинные скучные зимние дни. Для Нельсонов с их хрупким здоровьем, да еще после жизни в тропиках, каждая зима была пыткой, и Фанни иногда недели проводила в постели. Но даже когда эта субтильная дама не болела, она была слабым утешением мужу. Унылая Фанни была полной противоположностью Нельсону, обладавшему очень живым характером. Совместная жизнь утомляла обоих — они с самого начала плохо подходили друг другу“.

Как и всякий нормальный мужчина, Нельсон мечтал о ребенке. Британская писательница Карола Оман пишет: „Надежда на появление детей постепенно исчезала на протяжении пяти лет, когда Нельсон оставался безработным. К концу этого периода, глядя на маленькую фигурку своей невротической тридцатипятилетней жены, которая была счастлива со своим сыном-мичманом, доставшим уже ей до плеча, он понимал, что у нее уже не будет больше беременностей“.

Историки нашли и единственную сохранившуюся запись Нельсона, из которой можно понять, как он мечтал о сыне или дочери! В 1799 году, составляя положенную для всех офицеров автобиографию, он напишет: „В марте 1787 года я женился на Фрэнсис Герберт Нисбет, вдове доктора Нисбета, жившего на острове Невис, от которой у меня нет детей“.

Шло время. Вокруг мерно текла дремотная размеренная жизнь. Штормы и шквалы остались где-то очень далеко, словно их никогда и не было в его жизни…

Впрочем, прошлое иногда напоминало о себе самым неожиданным образом. Так, в один из дней в доме Нельсонов появились два господина и предъявили хозяину счет на двадцать тысяч фунтов от имени американских судовладельцев, потерявших якобы эти деньги из-за деятельности Нельсона на Подветренных островах. Попади сейчас дело в гражданский суд, и Нельсонам грозило полное разорение. Фанни была в ужасе, а хозяин дома в ярости. Надо было незамедлительно действовать. Нельсон немедленно отправил в Казначейство письмо, в котором изложил свой протест, привел необходимые доказательства и пригрозил, что немедленно эмигрирует во Францию, если власти не защитят его от американских торговцев. В ответ Казначейство, которому в свое время Нельсон принес немалый доход, заверило, что в беде его не оставит. На том дело и закончилось.

Наконец в воздухе запахло новой войной с Испанией. Нельсон сразу же воспрял духом. Он немедленно пишет письмо принцу и умоляет его замолвить за него словечко. Уильям показал себя настоящим другом и устроил Нельсону встречу с лордом Чатемом, только что ставшим новым главой Адмиралтейства. Затем Нельсон встретился со своим бывшим начальником лордом Худом. Тот формировал большой флот, в состав которого включили и дорогой Нельсону старый линейный корабль „Резонабль“, на котором он когда-то сделал свои самые первые шаги в морской службе. Он просился на „Резонабль“, на любое другое судно, лишь бы вернуться на действующий флот.

— Ни на море, ни на берегу из-за предвзятости какого-то чиновника моя преданность королю и Англии не может быть

поколеблена! — заявил Нельсон, едва переступив кабинет своего бывшего командующего.

Однако Худ сразу же дал понять, что в сложившейся ситуации Нельсон вряд ли может рассчитывать на капитанское место. Отставных капитанов было слишком много, а открывающихся вакансий слишком мало.

— Если господам лордам будет угодно назначить меня хоть на самое утлое суденышко, я буду чувствовать себя бесконечно признательным до конца жизни! — покаянно склонил голову Нельсон.

Это была уже мольба, и Худ не мог не понять этого.

— Все обстоит намного сложнее, чем вы себе представляете, мой милый Горацио, — сказал лорд после продолжительной паузы. — А потому я буду с вами предельно откровенен. Дело в том, что у короля в последнее время сложилось крайне неблагоприятное впечатление о вас.

— ?!!

— Все дело в ваших действиях по Навигационному акту. Кто-то из ваших многочисленных недоброжелателей в самом невыгодном свете представил вас в связи с этим вопросом королю. А убедить его величество в обратном, к сожалению, чрезвычайно трудно!

Это известие стало для неискушенного в интригах Нельсона настоящим ударом. Он и предположить не мог, какую вражду вызвал к себе своей образцовой службой на Подветренных островах, лишив множество людей больших денег. А потому адмиралтейские чиновники твердо решили навсегда избавиться от не в меру инициативного правдолюбца. И поколебать их в этом решении уже не могло ничто.

Впрочем, была и еще одна причина, о которой лорд Худ деликатно умолчал, и Нельсон узнал о ней значительно позднее. Для короля имя Нельсона было неразрывно связано с его младшим сыном, а потому недостойное поведение принца Уильяма в Квебеке вызвало у него ничем не оправданную неприязнь к его бывшему капитану-наставнику. Затем Уильям и его старший брат Георг и вовсе рассорились с отцом, и всякое напоминание о Нельсоне было королю уже просто неприятно.

На Худа Нельсон очень обиделся и решил более к нему никогда не обращаться.

С поникшей головой Нельсон вернулся в свою деревню, и его жизнь потекла, как и раньше: скучная и серая, никчемная и безвестная. Где-то совершались подвиги, где-то делались стремительные карьеры, шли бои и одерживались победы, а для него по-прежнему самым важным событием года оставалась

выгодная продажа урожая.

В конце 1792 года пришло письмо от принца Уильяма, в котором тот осторожно интересовался, как на сегодняшний момент складываются отношения у Нельсона с Худом. Скрывать что-либо деревенскому затворнику не имело смысла, и он написал своему бывшему подчиненному все как есть: „Могу ответить сразу и правдиво: долгое время мы не общались совсем. Наша личная переписка прекратилась из-за различия во взглядах. Однако, принимая во внимание наши прежние близкие отношения, каждый раз, приезжая в Лондон, я оставлял визитную карточку в передней Его Светлости. Я никоим образом не могу назвать лорда Худа моим другом, однако не давал ему повода быть моим врагом — это я сознаю с удовлетворением“.

В ответ Уильям сообщил, что восстановил отношения со своим отцом и что та тень, которую он невольно бросил на Нельсона, уже рассеялась, что в Адмиралтействе несколько позабылась служба Нельсона на Подветренных островах, что принято решение сильно увеличить военный флот и в этой связи Нельсону было бы полезно еще раз обратиться с письмом к лорду Худу.

Выбора у Нельсона не было, и он пишет просительное письмо своему бывшему начальнику в робкой надежде, что тот все же рассмотрит его кандидатуру. Он буквально молит о помощи: „Мое желание поступить на службу так велико, что я отнимаю время у Вашей Светлости на чтение этого письма. Я сознаю, что у вас нет особых причин рекомендовать меня, а у меня не было особых поводов, чтобы отличиться“.

Но и это письмо лорд Худ оставил без ответа.

В отчаянии Нельсон пишет в Адмиралтейство письмо, в котором умоляет дать ему хоть какое-нибудь, пусть самое маленькое и старое вспомогательное судно. Ответ был вежливо-холоден: „…Сэр! Я получил ваше письмо от 5-го числа сего месяца, в котором вы выражаете свою готовность служить во флоте, и зачитал его лордам-комиссарам Адмиралтейства…“ И всё…

В начале 1792 года премьер-министр Англии Уильям Питт Младший выступая перед палатой общин, заявил:

— Еще никогда не было такого времени, когда, оценивая сложившееся положение дел в Европе, мы могли бы с большим основанием, чем сегодня, ожидать мира в течение ближайших пятнадцати лет!

А вскоре кабинет министров принял решение о новом сокращении численного состава военно-морского флота еще на пятнадцать тысяч человек.

Это значило, что с Нельсоном как моряком покончено навсегда. Так бы, вероятно, все и случилось, и мы бы никогда не узнали его имени, если бы не события в революционной Франции.

* * *

С самого начала революции во Франции ее островная соседка с тревогой следила за развитием событий, предвидя самые неприятные последствия для своего могущества и влияния.

Первая дрожь охватила британские политические круги, когда в ноябре 1792 года Национальный конвент Франции принял декрет об освобождении всех народов от монархии. Это был уже экспорт революции. За словами последовало и дело. Уже в октября 1792 года французская средиземноморская эскадра контр-адмирала Трюге подошла к Лигурийскому городу Донейлу, чтобы установить там новую власть. Лигурийцы встретили якобинцев выстрелами. В ответ был высажен десант, который за день разграбил и сжег приморский городок. Затем настала очередь и Неаполя, подойдя к которому, отряд капитана ля Туш-Тревиля потребовал извинений от короля Фердинанда за оскорбление символов французской революции. В случае отказа была обещана немедленная бомбардировка. Король Фердинанд был из Бурбонов, а потому хорошо понимал, что рассчитывать на снисхождение якобинцев, уже отрубивших голову его кузену Людовику, не приходится. Фердинанд извинения сразу же принес, не сделав при этом даже попытки использовать свой флот. В Париже обрадовались: „Короли боятся одного нашего появления!“

После Неаполя настала очередь Сардинии. Туда были высажены марсельские волонтеры. Однако здесь вышла досадная осечка. Свободолюбивые волонтеры, столкнувшись с первыми трудностями войны, сразу же отказались подчиняться своим командирам, избрали себе новых и потребовали возвращения во Францию.

В январе 1793 года в Париже под ликование толпы казнили короля Людовика XVI. Самого либерального за всю историю Франции короля публично гильотинировали на площади Пляс-де-Революсьон. День спустя трибун революции Дантон, выступая в Конвенте, провозгласил: „Давайте бросим к ногам всех королей голову нашего короля как вызов на бой!“

Конвент приветствовал этот призыв несмолкаемой овацией: „Смерть королям! Смерть тиранам всех стран!“

Конвенту вторил генерал Гош: „Наши единственные враги —

англичане!“

Спустя несколько дней была казнена королева Мария Антуанетта, а затем изобретение доктора Гильона начало работать безостановочно, ведь аристократов во Франции хватало.

Тогда же береговые батареи Бреста обстреляли британский фрегат „Чилдерс“, случайно попавший под жерла французских пушек. Англия ответила тем, что немедленно выдворила из страны французского посла.

„Кто-то должен остановить безбожников якобинцев, пока они не стали бичом Европы, и это будет наша Англия!“ — во всю глотку кричали на лондонских улицах ура-патриоты, сами в армию записываться почему-то пока не торопившиеся.

В ура-патриотов швыряли камнями местные революционеры — члены „Лондонского корреспондентского общества“, мечтавшие об английском якобинстве: „Готовьте ваши дряблые шеи для наших гильотин! Скоро мы будем в Букингемском дворце танцевать Карманьолу!“

В Манчестере начался настоящий мятеж, который с трудом удалось подавить. В мятеже принял участие и расквартированный в городе драгунский полк. Это был уже тревожный симптом.

Некоторое время в Лондоне выжидали дальнейшего развития событий во Франции и с открытием боевых действий не торопились, надеясь, что революция ослабит извечного врага и тогда его можно будет задушить экономически. К тому же, прежде чем объявлять войну, надо было подобрать подходящих союзников, так как воевать на континенте Англия вовсе не собиралась. Одновременно в Лондоне привечали бежавших монархистов и аристократов, готовясь использовать их в своих целях.

1 февраля Франция стремительно захватила Австрийские Нидерланды, а затем Конвент объявил войну Голландии и Англии.

Все понимали, что если прежние англо-французские конфликты, вспыхивавшие почти каждое десятилетие, ограничивались, как правило, лишь крейсерской войной, несколькими морскими сражениями и очередным переделом колоний, то теперь речь шла уже о жизни и смерти одного из государств. Обоим им существовать было просто невозможно, и одно обязательно рано или поздно должно было погибнуть, чтобы выжило другое. Неожиданно для себя Англия оказалась на пороге жестокой долгой схватки, результат которой предсказать пока не мог никто.

Революционный вихрь не обошел стороной и французский военно-морской флот. Разумеется, как и при всех революциях,

изменения, происшедшие на нем, его боевых качеств не улучшили. Впоследствии адмирал Журьен де ла Гравьер сказал о случившемся: „Удар, нанесенный государственному управлению революцией, отозвался сильнее всего на его морском ведомстве!“

За несколько лет флот, еще недавно на равных сражавшийся с англичанами, был низведен до самого жалкого состояния. Все началось, как обычно в подобных случаях, с кровавых расправ и изгнания офицерского состава. Адмиралитет был лишен всякой власти. Тех из адмиралов, кто не успел бежать, отправили на гильотину как потенциальных врагов народа. Теперь всем заправляли судовые комитеты и комиссары Конвента. Офицеров казнили по малейшему доносу: за аристократическое происхождение, за требовательность, за высказывания в адрес новых властей и даже за косой взгляд в сторону члена судового комитета. Многие офицеры, не дожидаясь расстрела, уходили сами. Начались полная анархия, массовое дезертирство и разграбление береговых арсеналов. Практически полностью прекратилось кораблестроение. Корабельных мастеров тоже объявили контрреволюционерами и большинство их уничтожили. Вслед за офицерами и кораблестроителями столь же безжалостно был уничтожен корпус морской артиллерии. Комендоры были объявлены аристократами, их тоже принялись казнить и изгонять. Затем такая же участь постигла и солдат морской пехоты. Теперь капитанами кораблей назначали тех, кто громче всех кричал на митингах и выглядел революционером. Недостаток офицерского состава пытались восполнить за счет капитанов торгового флота, но тем не слишком улыбалась перспектива участвовать в сражениях, а потому с торгового флота в военный шли далеко не лучшие представители. Результатом всего этого было то, что французский флот едва мог управляться в море, корабли едва держались на воде. Что касается качества артиллерийской стрельбы, то она вообще была ниже всякой критики. По отзыву очевидцев, полновесный залп французского линкора приносил противнику меньше вреда, чем в былое время две пушки! И с этим флотом Франции предстояло вступить в многолетнюю полосу войн с Англией! А потому, принимая во внимание мастерство и отвагу британских моряков и их адмиралов в последующих морских сражениях между Англией и Францией, необходимо помнить и о реальном уровне подготовки их противника.

Спустя несколько лет новые руководители Франции наконец-то поняли, что, громя собственный флот, они готовят и собственное уничтожение. Некоторые меры по исправлению положения дел были приняты, однако удар, нанесенный военно-

морскому флоту Франции, был такой силы, что восстановить былую боеспособность не удалось вплоть до конца наполеоновской эпохи.

В отличие от Франции английский парусный флот находился на самом пике своего развития. Именно к этому времени английские адмиралы отказались от устаревших догм и после Доминиканской победы уже не боялись использовать новые тактические приемы. И офицерский, и рядовой состав был вполне профессионален, имел достаточный боевой и морской опыт. Малейшие проявления недовольства матросов подавлялись на английском флоте тех лет с предельной жестокостью. А потому, несмотря на периодически случавшиеся бунты и дезертирство, в целом английские боевые корабли были хорошо укомплектованы, готовы к предстоящим боям и многомесячным плаваниям. Превосходной и отработанной до мелочей была и береговая база флота: арсеналы, верфи и магазины. Именно в это время Шиллер писал:

Как полип тысячерукий, бритты
Цепкий флот раскинули кругом
И владенья вольной Амфитриты
Запереть мечтают, как свой дом.

Итак, война революционной Франции со всей остальной Европой, и в первую очередь с Англией, была уже делом решенным. Острословы той поры назвали это столкновение „борьбой льва с акулой“.

Первой примкнула к создаваемой Англией коалиции Россия. При этом, однако, императрица Екатерина II двигать свои армии на Париж пока не торопилась. За Россией против безбожников якобинцев решились выступить Пруссия и Австрия, Голландия и Гессен-Кассель, Неаполь и Сардиния.

Едва во французском Конвенте стало известно, что Англия готовится к войне, в Брест прибыли комиссары и потребовали выхода флота в море. Напрасно командующий Брестской эскадрой адмирал Тревенар доказывал, что выход неподготовленных кораблей ни к чему хорошему не приведет. Его обвинили в контрреволюционной пропаганде и отправили на гильотину. Назначенному вместо него командующему вице-адмиралу Морану де Галю не оставалось ничего иного, как вывести все имеющиеся в наличии корабли в море.

— На сколько мы уходим? — был вопрос нового командующего.

— Настолько, насколько потребуется революции! — было ему

ответом.

Ничего хорошего из этой затеи, разумеется, не получилось. Без продовольствия и воды флот в течение четырех месяцев бесполезно штормовал в океане. Когда же он вернулся в Брест, большинство капитанов кораблей во главе с вице-адмиралом Мораном де Галем были посажены в тюрьмы как контрреволюционеры. Эта авантюра явилась своеобразным прологом к целой череде англо-французских войн.

Глава шестая
КАПИТАН "АГАМЕМНОНА"

С объявлением войны с Францией в Англии немедленно началось спешное формирование сразу двух больших флотов. Первый, чтобы прикрыть берега Туманного Альбиона от неистовых санкюлотов, и второй, чтобы отстаивать британские интересы в Средиземном море. Все сразу пришло в движение. В портах ремонтировали даже такую рухлядь, которую еще вчера не решились бы даже поставить на брандвахту. По городам и весям собирали моряков и в первую очередь капитанов с опытом океанской службы. С послужного списка Нельсона стряхнули пыль, и он был срочно вызван в Лондон. Разом забылись все его былые прегрешения. Разговор в Адмиралтействе был недолог:

— Вам предлагается вступить в командование 64-пушечным кораблем "Агамемнон". Эта "боевая повозка", честно говоря, не из самых сильных. Но "Агамемнону" всего лишь двенадцать лет, и он неплохой ходок. Вы согласны?

— Да, сэр! — едва не прокричал Нельсон, все еще не в силах поверить в свое счастье.

В тот же день он писал Фанни, и перо дрожало в его руках от волнения: "Post nobila Phoebus — после туч появилось солнце. В Адмиралтействе мне теперь улыбаются, а я этому удивляюсь не меньше, чем когда они хмурились. Вчера лорд Чатем много раз просил прощения за то, что не предложил мне командование кораблем раньше. Он сказал, что если я соглашусь для начала на 64-пушечный, то меня назначат на любой, который будет подготовлен. И что он переведет меня на 74-пушечный, как только это будет в его власти".

"Агамемнон" был включен в формируемый Средиземноморской флот, командование над которым было поручено лорду Худу. Все словно вернулось на круги своя, и снова Нельсон был капитаном у своего старого начальника. Худ принял командира "Агамемнона" весьма радушно, и Нельсон с облегчением понял, что былая неприязнь между ними исчезла. Старому капитану Локеру он напишет: "Лорд Худ ведет себя очень корректно. Думаю, мы снова будем друзьями".

Едва в Бернем-Торпе узнали о назначении Нельсона капитаном линейного корабля, как к Фанни немедленно выстроилась целая очередь знакомых и соседей, просивших для своих сыновей мичманские места на "Агамемноне" и покровительства капитана. Сама Фанни пребывала в трауре:

окончание опалы мужа совпало с кончиной ее дяди и покровителя Герберта, оставившего ей небольшое наследство.

Вместе с собою на корабль Нельсон взял и своего приемного сына Джосаю. Нельсон убеждал жену, что чем раньше мальчик ступит на палубу, тем для него будет лучше. Кроме того, под его опекой с мальчишкой ничего не случится. Фанни поплакала, как все мамы, но в конце концов уступила воле мужа.

Прощаясь с женой, Нельсон обнял ее:

— Я навсегда соединен супружескими узами с самой хорошей из всех существующих женщин! А потому я оглядываюсь на наше общее прошлое, как на самый счастливый период своей жизни!

Всхлипнув, Фанни уткнулась лицом ему в плечо. Нельсон погладил ее по голове:

— Никогда ничего не бойся! Я однажды с улыбкой вернусь обратно!

4 февраля 1793 года Нельсон отправился к месту службы. Фанни не захотела оставаться одна в доме пастора и решила погостить у своих друзей, а затем снять квартиру в одном из прибрежных городков.

Спустя три дня после отъезда из отчего дома Нельсон ступил на палубу "Агамемнона", корабля, который принесет ему первую славу. Было ему тогда неполных тридцать пять лет.

Прибыв на корабль, Нельсон собрал всех присланных под его покровительство мичманов, в том числе и Джосаю.

— Существует три заповеди, которые вам, молодые джентльмены, необходимо запомнить навсегда! Во-первых, следует неукоснительно выполнять приказы, не задумываясь, правильны ли они. Во-вторых, считать врагом любого, кто плохо говорит о ваших товарищах, и в-третьих, ненавидеть любого француза как самого дьявола! — дал он им свой первый урок. — Вам все понятно?

— Понятно! — недружно, но восторженно прокричали юные мичманы неокрепшими голосами.

В эти дни Нельсон чувствовал себя, наверное, самым счастливым человеком на свете. Он пишет своей Фанни: "Еще никогда не чувствовал себя так хорошо; я думаю, что и ты надеешься на новый этап в жизни".

Чтобы проверить корабль в море, "Агамемнон" определили для конвоирования каравана торговых судов от Чатема в Портсмут. В море провели все возможные учения, составили расписания. На обратном пути до Портсмута опробовали пушки: первая стрельба была плоха, вторая несколько лучше, третья еще лучше, но доволен Нельсон остался только пятой.

Он уже влюблен в свой корабль и, встречаясь с товарищами-

капитанами, азартно его расхваливает, предлагая любому желающему заключить с ним пари, что "Агамемнон" при свежем ветре обойдет любого.

Пока все складывалось для Нельсона как нельзя лучше. На Средиземном море следовало ожидать столкновений с французским флотом, а следовательно, реальной становилась возможность быстро отличиться. Кроме этого, Нельсона вполне устраивал и климат.

Имя Нельсона никому ничего еще не говорило, и поэтому вербующиеся на флот матросы старались попасть к более именитым, а значит, и более везучим капитанам в надежде поживиться вместе с ними в скором времени за счет трофейных судов. Отправленные Нельсоном по портовым городам вербовщики соблазняли вчерашних батраков тем, что у "Агамемнона" хороший ход:

— Записывайся к нам, старина, не прогадаешь! Наш "Ага" догонит любого! Без призов не останемся!

— А как зовут вашего капитана? — интересовались видавшие виды марсофлоты, бренча серьгами в левом ухе.

— Нельсоном!

— Не помним что-то такого! — чесали затылки исходившие не один океан "симэны". — А, все одно с кем драться, записывай! Поглядим, что за птица этот Нельсон!

Приняли запасы продуктов, налились водой. Чтобы укрепить моральный дух, Нельсон заранее попросил общество христианского учения прислать ему Библию и молитвенники. Предстояла борьба с неверующими якобинцами, а потому матросы должны были, по его мнению, черпать духовные силы не в богохульствах, а в близости к Господу. В последнюю очередь с подошедшей баржи загрузили порох и ядра. Свистками собрали команду на шканцах. Старший лейтенант зачитал параграфы морского устава об ответственности каждого в военное время.

Нельсон еще раз придирчиво окинул взглядом такелаж, рангоут: вроде бы все так, как надо. Позади у него было пять лет полного забвения, впереди же ждало море. "Агамемнон" готовился покинуть чатемскую гавань. Вместе с ним готовился начать свой путь к величию и славе его командир, путь, который сможет прервать отныне только смерть.

* * *

Вскоре британский флот лорда Худа уже качался на средиземноморских волнах. Позади был первый долгий переход с

заходом в испанский Кадис. Пока напуганная французским экстремизмом Испания прильнула к Англии и стала ее союзницей, однако придет время и все переменится. Нельсон об этом еще ничего знать не может, но опытным профессиональным глазом он придирчиво оглядывает испанский флот. Испанские капитаны приняли своих английских коллег на 112-пушечном флагмане. Мог ли предположить капитан Нельсон, что последним триумфом его жизни станет спустя двенадцать лет захват именно этого гиганта!

Пока же Нельсона интересует вопрос, насколько можно положиться на этих союзников в случае возможной драки. Вот его первое впечатление: "Корабли хорошие, но команды — ужасают. Я уверен, что если бы экипажи наших шести баркасов — эти отборные парни — взяли на абордаж одно из их первоклассных судов, они бы его захватили. "Доны" делают хорошие корабли, но не умеют готовить моряков!"

Испанцы пригласили англичан на корриду, где при виде бессмысленного массового убийства животных на потеху толпе Нельсона едва не стошнило. Еще более он поразился, когда выделенный для сопровождения покинувшего Кадис английского флота испанский корабль внезапно поднял сигнал, что его команда устала, и повернул в ближайший порт. Нельсон был в полнейшем изумлении.

— Как же так, мы всегда считали, что чем дольше находимся в море, тем становимся выносливее! — высказывался он в кругу своих корабельных офицеров. — А эти испанцы всего две недели провели в море и уже запросились домой! Вот, джентльмены, вам наглядный пример их полной непригодности к морской службе!

В Кадисе Нельсон запасся парой бочонков любимого всеми моряками испанского черного черри. Один для себя, другой — в подарок своему старому другу капитану Локеру, тому самому, под началом которого он начинал когда-то мичманом на фрегате "Ловестов". Ныне Локер служил начальником морского госпиталя в Гринвиче, и Нельсон надеялся передать ему подарок с первой оказией.

Адмирал Худ вел свои корабли к французскому порту Тулон, где было все еще велико влияние роялистов, мечтающих создать в Провансе независимое от революционной Франции Южнофранцузское королевство.

Худ очень торопился успеть к Тулону раньше, чем якобинцы возьмут там власть в свои руки, а потому от Гибралтара флот нигде ни на минуту не задерживался.

Уже вскоре после Гибралтара Худ пригласил Нельсона к себе на корабль и в приватной беседе сообщил, что готов предоставить

ему под начало один из новейших 74-пушечных линейных кораблей. Сердечно поблагодарив командующего за оказанное доверие, Нельсон от заманчивого предложения отказался:

— Сэр! Мы только еще начали сплачивать команду, и мой уход разрушит это едва начатое дело! К тому же я просто не могу оставить своих офицеров, которые стали мне уже весьма дороги!

— Что ж, пожалуй, вы правы, Горацио, — кивнул после недолгого раздумья Худ. — Возвращайтесь к себе на "Агамемнон".

Уже вскоре Нельсон начинает скучать по Фанни. Годы совместной жизни в деревне очень привязали его к жене. Это первая их столь долгая разлука, и Нельсон изливает свою тоску на бумаге: "Как я жду писем от тебя! Это самое большое удовольствие, на какое я могу рассчитывать (конечно, не считая жизни рядом с тобой). Я вспоминаю наше единение как счастливейшее время моей жизни. Ты славная женщина. Но поскольку здесь я никак не могу проявить свою нежность к тебе, я проявляю двойную — к Джосае, который получает и твою долю, и свою собственную. Он хороший мальчик и очень сильно меня любит".

Вскоре объединенный британо-испано-сардинский флот в составе сорока линейных кораблей под командованием адмиралов Худа и дона Жуана де Лангара вошел в гавань Тулона. 29 августа был высажен десант, который быстро занял все бастионы. Над ними сразу же подняли белые с золотыми лилиями английские королевские флаги. В руки англичан попала фантастическая добыча — почти весь средиземноморский французский флот: три десятка линейных кораблей и полтора десятка фрегатов. Ни один из кораблей даже не попытался оказать сопротивление, так как команды попросту разбежались, а подавляющая часть офицеров во главе с контр-адмиралами Шоссегросом и Трогофом с удовольствием вручили свои шпаги союзническим адмиралам.

— Мы помним, как казнили командующего Тулонской эскадрой адмирала д'Альберта де Риона и его младших флагманов де Гландефа и де Флета, а потому не хотим, чтобы подобное произошло и с нами, — объяснил поступок французского командования контр-адмирал Шоссегрос.

— Я принимаю под опеку ваш флот как залог во имя Людовика Семнадцатого! — объявил адмирал Худ французским офицерам, щадя их национальные чувства.

Со своими же капитанами он был более откровенен:

— Поставьте ваши корабли так, чтобы в случае необходимости сжечь французов в течение одного часа!

Разумеется, захват важнейшего средиземноморского порта не

остался без внимания Парижа. К Тулону немедленно двинулись революционные полки. Вскоре команды английских кораблей уже хорошо слышали доносящуюся с берега пушечную пальбу. Это осадившая город республиканская армия начала методический обстрел. Что касается моря, то здесь осажденным боятся нечего: английский флот надежно прикрывал их от любых неожиданностей. В Тулоне роялистские войска тоже были не слишком многочисленны, однако у Худа сухопутных войск не было вовсе. Если начать перевозить войска из Англии, то можно не успеть, ведь республиканцы ждать не станут. Оставался только один выход: доставить в Тулон солдат из Испании и Королевства обеих Сицилий, которое имеет соответствующий договор с Англией. Худ пишет королю Фердинанду письмо с просьбой о поддержке. Письмо необходимо доставить в Неаполь к британскому послу Уильяму Гамильтону, чтобы он передал его сицилийскому королю. Сначала Худ хочет отправить письмо на одном из фрегатов, которые в общем-то для этих целей и предназначены, но затем неожиданно меняет решение. В море могут рыскать французские корабли, и линкору будет все же легче отбиться от них в случае встречи. Он думает, кого послать. Пожалуй, лучше всего подойдет "Агамемнон". У него прекрасный ход, да и Нельсон так и рвется показать, на что он способен. Вот ему как раз и случай! Лорд Худ вызывает к себе Нельсона, ставит задачу, вручает запечатанный пакет и желает удачного плавания.

"Агамемнон" снимается с якоря и быстро исчезает в туманной дымке моря. Так, сам того не ведая, лорд Худ отправил Нельсона на встречу с его судьбой, на встречу с той роковой и последней женщиной, которая станет для него самым близким человеком и чье имя он будет шептать уже холодеющими губами. Лорд Худ отправил Нельсона на встречу с супругой английского посла леди Эммой Гамильтон.

* * *

Ныне весь мир знает ее как Эмму Гамильтон. Настоящего же имени этой женщины — Эми Лайон — не помнит почти никто. Судьба ее настолько необычна, что, не будь даже на ее пути Нельсона, имя ее все равно сохранилось бы в памяти потомков.

Эми Лайон родилась в семье кузнеца в деревушке Нестон, что в графстве Чешир. Рано осталась сиротой, воспитывалась бабушкой. С четырнадцати лет была в услужении, а затем переехала в Лондон. Первым красоту и очарование юной Эми заметил некто Джеймс Грэхем, врач-самоучка, лечивший

состоятельных горожан от импотенции и бесплодия в своем так называемом "Храме здоровья". Методика лечения была незамысловата. Вначале пациента окунали в грязевую ванну, затем отмывали и клали на "звездное ложе", расположенное между магическими магнитами. Рядом с пациентом возлежали почти голые девушки — "жрицы". Как правило, последнее действовало на пациентов лучше всего, и лондонцы находили методику лечения доктора Грэхема весьма эффективной. Главной "жрицей" в этом "Храме здоровья" и была юная Эми Лайон.

Однажды в "Храме здоровья" объявился капитан британского флота Джон Уиллет-Пейн, слывший известным сердцеедом и приятелем развратного принца Уэльского. Заплатив Грэхему хорошие деньги, он получил право провести ночь с главной из "жриц здоровья". Спустя некоторое время Эми наскучила Пейну и он передал ее своему другу Гарри Фезерстоунху. Гарри успешно спускал родительское состояние, и ему нужна была красивая, веселая и не обремененная особой моралью подружка. Фезерстоунх поселил Эми в своем загородном доме, где она развлекала гостей хозяина, танцуя обнаженной на столе. Фезерстоунх не был собственником и великодушно позволял своим друзьям пользоваться благосклонностью Эми. Все было бы, наверное, хорошо, однако в один прекрасный день Эми поняла, что беременна. Деваться было некуда, и она призналась в случившемся своему покровителю. Гарри Фезерстоунх был очень обижен такой черной неблагодарностью в ответ на его гостеприимство и тут же выгнал Эми из своего дома. Эми вернулась в родную деревню к бабушке, где благополучно родила девочку, которую тоже назвала Эммой. После рождения дочери она решила сменить фамилию и стала отныне Эммой Харт. Вернувшись в Лондон, Эмма отыскала одного из друзей сэра Гарри — 33-летнего Чарльза Гревилля, сына графа Уорвика. Из всех многочисленных клиентов Эммы он всегда казался ей наиболее увлеченным ею. Переговоры двух бывших любовников были недолгими, и Эмма стала содержанкой Чарльза Гревилля. Она поселилась в его особняке на Эдгвейр-Роу в Пэддингтон-Грин, а ее бабушка стала жить там же в качестве экономки. Помимо этого, сэр Гревилль взял на себя все расходы, связанные с воспитанием маленькой Эммы. Пара жила довольно дружно, хотя и замкнуто, так как Чарльз Гревилль, разумеется, не мог выводить возлюбленную в свет.

До нашего времени дошло немало портретов Эммы, большая их часть написана как раз во время ее проживания у Гревилля. Дело в том, что сэр Чарльз был дружен с известным лондонским художником Джорджем Ромни, который и написал тогда более

двух десятков портретов Эммы.

Связь сэра Чарльза с Эммой длилась более четырех лет. Но пришел день, когда он захотел жениться на девушке из хорошей семьи. Затянувшаяся связь с проституткой стала его утомлять. Зная бойкий характер своей содержанки, Гревилль не без оснований опасается скандала, который сейчас ему совершенно не нужен, а потому Гревилль как благородный джентльмен решает пристроить Эмму в хорошие руки. Он заметил, что молодая женщина весьма нравилась его престарелому дяде сэру Уильяму Гамильтону и тот, когда бывал в гостях, всегда заглядывался на голубоглазую красавицу.

Уильяму Гамильтону было в ту пору уже шестьдесят лет, возраст для восемнадцатого века весьма преклонный. Гамильтон происходил из древнего аристократического рода, однако, являясь младшим из сыновей, не унаследовал ни титула, ни состояния. Мать его происходила из рода Аберкони и состояла кормилицей Георга Третьего, поэтому в детстве Уильям был дружен с будущим королем. Служил в гвардии, был женат на своей кузине Кэтрин Гамильтон, умершей в 1782 году. От жены он унаследовал крупное поместье в Уэллсе с доходом пять тысяч фунтов в год. Благодаря связям, получил место посла в Неаполе, рыцарский крест ордена Бани и право зваться сэром. Слыл образованным человеком, увлекался античным искусством. В 1774 году Гамильтон оказал немалую услугу России, способствовав графу Алексею Орлову в поимке известной авантюристки княжны Таракановой, предъявлявшей претензии на русский престол.

Дипломатическая служба престарелого вдовца не сложилась, и на протяжении многих лет он оставался послом в незначительной европейской державе. Однако, наделенный философским складом ума, Гамильтон давно уже успокоился, хитросплетения высокой политики его не слишком занимали, в Неаполе же ему нравилось. Посол более двадцати раз совершал восхождения на дымящийся Везувий, весьма серьезно занимался коллекционированием древностей. Принадлежащая Гамильтону коллекция этрусских ваз, к примеру, имела европейскую известность. Однако недруги посла поговаривали, что его усердие в отношении поиска древностей не лишено спекулятивных целей.

Предприимчивый племянник предложил одинокому дяде сделку, суть которой была весьма проста: он отдает дяде надоевшую любовницу, а за это дядя делает его своим наследником. Что и говорить, в практичности сэру Чарльзу не откажешь. Он сразу же решал три немаловажные для себя задачи: избегал скандала с покинутой Эммой, пристраивал ее в хорошие

руки и, наконец, обеспечивал свое собственное будущее. В очередной приезд сэра Гамильтона племянник представил ему Эмму. Когда же дядя оценил его любовницу по достоинству, Гревилль без обиняков заявил:

— Я очень бы хотел, дядюшка, чтобы женщина, сервирующая чай в доме на Эджвэа-роуд, была вашей!

Дядя от предложения племянника пришел в восторг. Все статьи договора его вполне устраивали. Во-первых, он сразу же получал красавицу, а так как своих детей у него все равно не имелось, то ему было в общем-то все равно, кому завещать свои капиталы.

Проблема оставалась только одна: как уговорить Эмму сменить молодого любовника на старого. Но и здесь у хитроумного сэра Чарльза был готов весьма остроумный план.

Для начала он уговорил Эмму поехать погостить в Неаполь к его дяде, обещая, что тоже приедет к ней спустя некоторое время. Эмма появилась в доме Гамильтона как раз в день своего рождения — ей исполнился 21 год. Гамильтон встретил красавицу по-королевски, выделил ей отдельные роскошные апартаменты, слуг и собственный выезд. Почти ежедневно Эмма получала от посла богатые подарки, несколько позднее стали поступать и предложения разделить с ним ложе. Эмма отказывалась и писала Чарльзу Гревиллю полные любви письма. Между тем Гамильтон становился все щедрее и настойчивее. Помимо него любви английской красавицы стал добиваться и король обеих Сицилий Фердинанд. Эмма занервничала. Она не совсем понимала, что происходит. Помимо всего, очень редкими и холодными стали и письма от Чарльза. Наконец ей стал понятен смысл интриги. Разумеется, красавица была оскорблена. "После тебя меня никто не получит", — написала она в Лондон. В ответ Гревилль посоветовал ей не терять даром времени и стать любовницей дяди.

Один из биографов Эммы Гамильтон, некто Джек Рассел (не слишком ей симпатизирующий), констатировал: "То, что такая сделка могла быть заключена двумя цивилизованными джентльменами, обладающими изысканными манерами, которые торговали женщиной, как лошадью, свидетельствует лишь об уровне морали тех дней… То, что любовница перешла от племянника к дяде, считали несколько эксцентричным, чуточку смешным, но никто не поднял шума, никто не порицал, хотя всем было хорошо известно, когда Эмма утвердилась в Неаполе. Гревилль позднее стал членом королевского двора… А сэр Уильям занимал свой пост еще на протяжении пятнадцати лет".

Однако Эмма была уже не той деревенской простушкой, что

не столь давно танцевала на банкетных столах. У нее появился шанс, и она решила его любой ценой использовать. Пусть Гамильтон стар, зато он умен, образован и очень учтив.

Три года Эмма прожила с сэром Гамильтоном на правах содержанки и уже настолько вжилась в роль настоящей леди, что ее оскорбляло, что ее не принимают при дворе. Все эти три года она методично и планомерно убеждала сэра Гамильтона, что ему непременно следует на ней жениться. Чтобы ускорить решение этого вопроса, она сама распространяла слухи, будто они уже давно женаты.

Наконец Гамильтон и сам стал склоняться к женитьбе. Однако как истинный дипломат он первым делом выяснил, не повредит ли будущая женитьба его репутации при королевском дворе. В ответ Гамильтон получил заверения короля Фердинанда и королевы Марии Каролины в том, что жена английского посла всегда будет с радостью принята при их дворе.

А потому во время ближайшего отпуска 62-летний сэр Гамильтон женился на 26-летней Эмме. Произошло это достославное событие 6 сентября 1791 года в церкви Марилебон. Эта женитьба весьма расстроила Чарльза Гревилля, который не на шутку испугался, что теперь дядюшкины капиталы уплывут из его рук. Но благородный Гамильтон успокоил племянника, заявив, что их договор остается в силе, и выразил благодарность за такой подарок, как Эмма. Женитьба старого аристократа на бывшей проститутке сразу же стала достоянием общества. Лондонские поэты изощрялись в эпиграммах:

О рыцарь неаполитанский, правда ль то,
Что, бросив галерею, где хранил
Ты мраморных и бронзовых богов,
Женился на богине, но живой?
Запри чертог на хитрых сто замков
Из опасенья, что красавица твоя
Уйдет бродить — вот так, из баловства.
И если вдруг, хватившись божества,
Ты бросишься на поиски во храм,
Не удивляйся, если ты ее найдешь —
Как следует пошарив по кустам.

Своеобразный итог разговорам о женитьбе сэра Гамильтона подвел понимающий толк в подобных делах знаменитый герой-любовник Джакомо Казанова, бывший одно время хорошо знаком с английским послом: "Он был умным человеком, но кончил тем, что женился на молодой женщине, которая сумела его

околдовать. Такая судьба ждет интеллектуала в старости. Женитьба — это всегда ошибка, а когда умственные и физические способности человека идут на убыль — это уже катастрофа".

Что касается Гамильтона, то он демонстративно игнорировал все пересуды и искренне гордился своим приобретением. Возможно, в его поведении был свой смысл: престарелый дипломат давал всем понять, что, женившись на молодой женщине, он полон и духовных, и физических сил, что вполне способен и дальше исполнять свои служебные обязанности, что его еще рано списывать со счетов.

Безусловно, Эмма была необыкновенно красива. В этот период ее увидел путешествующий по Италии Гете. "Леди очень хороша собой", — записал он в дневнике о супруге английского посла.

Зная живой и веселый характер своей молодой жены, ее необыкновенную общительность, Гамильтон, безусловно, надеялся, что она вскоре установит самые тесные связи с неаполитанской королевой и тем самым переведет отношения английского посла с королем из формально-дипломатических в семейно-дружеские. Что это значило для влияния Англии на расклад политических сил в Средиземноморье, да еще в столь тревожное время, говорить не приходится. Исходя из этого, думается, что помимо своего личного увлечения молодой красавицей сэр Гамильтон преследовал и политические цели. Это лишний раз доказывают и все последующие отношения четы Гамильтонов с Нельсоном. Нет, сэр Уильям вовсе не был, как пишут иные историки, старым сластолюбивым маразматиком. Он был опытным и циничным дипломатом, для которого нравственность и добродетель не имели никакой цены по сравнению с задачами большой политики. Он был сластолюбив, но его сластолюбие касалось не только и не столько предмета его обожания, сколько той великой интриги, которой он посвятил всю свою жизнь и в которой не без оснований считал себя гроссмейстером. Эмме сэр Гамильтон отвел роль не только королевы своего сердца — она должна была стать ферзем на шахматном поле грядущих политических игр, с ее помощью он намерен был выиграть все партии!

Именно поэтому накануне женитьбы Гамильтон интересуется у королевы Марии Каролины:

— Будет ли моя возможная жена принята при дворе вашего величества, несмотря на ее достаточно низкое происхождение?

На что королева недвусмысленно отвечает:

— Мне очень симпатична милая Эмма. И я со всей ответственностью заверяю вас, что в качестве леди Гамильтон она

всегда будет принята при нашем дворе! Я искренне надеюсь, что мы с ней подружимся!

Именно поэтому сразу после женитьбы Гамильтон начинает настоящую "рекламную кампанию" для Эммы, стараясь создать вокруг нее ореол неотразимой и роковой красавицы, законодательницы мод и хозяйки влиятельного политического и светского салона. Эмма подходила для этой роли как нельзя лучше. Она обладала врожденной артистичностью и прекрасными манерами, умела мгновенно перевоплощаться, у нее был превосходный голос и замечательный слух. Вскоре, поняв всю силу обаяния Эммы, Гамильтон устраивает весьма оригинальные представления для избранной публики с участием своей молодой жены, во время которых она драпировалась в полупрозрачные шали и принимала красивые, но несколько вызывающие позы. В неаполитанском высшем свете эти представления именовали достаточно невинно — "живые картины". Действо "живых картин" было настолько смело и дерзко для того времени, что они весьма быстро достигли намеченной цели. Дом Гамильтонов стал самым известным политическим салоном Неаполя, а леди Гамильтон — самой блестящей светской львицей в королевстве.

Из записок Гёте, посетившего такое представление в доме Гамильтонов: "Старый рыцарь (Гамильтон. — *В. Ш.*) заказал для нее греческий костюм, который ей поразительно идет. В тунике, с распущенными волосами, манипулируя парой шалей, жена его принимает самые разнообразные позы, меняет выражение глаз и лица, причем так искусно, что зрителю кажется, что он грезит наяву. Творения художников, которые считали их своей удачей, зритель видит в движении, в восхитительном разнообразии и совершенстве. Вот она стоит, вот опускается на колени; сидит, потом ложится. Мы видим ее серьезной или печальной, игривой или ликующей, кающейся или бездумной; она то угрожает, то страждет — все эти состояния души быстро сменяют друг друга. С удивительным вкусом она драпирует шаль по-разному в зависимости от выражения лица; из одной и той же косынки она способна сделать различные головные уборы. Старый рыцарь держит в руках лампу и всей душой переживает этот спектакль".

На писателя Хараса Уолпола, друга Гамильтона, приехавшего навестить его в Неаполь, леди Гамильтон произвела неотразимое впечатление своим пением: "О! Да ведь она изумительно поет! У нее красивый, сильный голос, она прекрасно исполняет и комические, и трагические вещи. Партию Нины она спела на высочайшем уровне, к тому же ее позы — это целый театр, где царят грация и мимика". Впрочем, Уолпол на правах старого друга все же деликатно поинтересовался, как относится

Гамильтон к не совсем беспорочному прошлому своей жены, которое ни для кого секретом не было.

Гамильтон отреагировал на это замечание философски:

— Общеизвестно, что раскаявшийся распутник превращается в примерного мужа. Почему того же нам не сказать и о женщине?

Что оставалось после этого художнику? Только согласиться со своим другом.

Модный в то время итальянский художник Ромни: "Ее Нина превосходит все, виденное мною, и я думаю, что никогда раньше эта роль не была лучше сыграна. Все общество пришло в состояние глубокой скорби". Впрочем, Ромни был отчаянно влюблен в жену английского посла, а потому к его восторгам в адрес Эммы можно относиться достаточно осторожно. Но также доподлинно известно, что побывавший на одном из ее вечеров менеджер Ганноверской оперы тут же предложил Эмме ангажемент, на что она ответила смехом. А сэр Гамильтон тут же объяснил:

— Извините, сударь, но моя жена уже ангажирована до конца своей жизни на совершенно иную роль!

Сэр Гамильтон нисколько не преувеличивал, ибо Эмме действительно суждено было сыграть одну из самых драматических ролей на подмостках жизни.

Что касается королевы Марии Каролины, то вскоре она стала самой близкой подругой Эммы. Недруги говорили, что в их связи было нечто порочное, и основания для таких подозрений действительно были. Каролина, как и Эмма, была весьма изобретательна в любви и, страдая от невнимания мужа, имела явную склонность к любви однополой. Поэтому, когда королева и Эмма при каждой встрече в нарушение всех существующих правил бросались в объятия друг друга и страстно целовались, это, безусловно, шокировало присутствующих. Однако оговоримся сразу, что, кроме слухов, никаких доказательств любовной связи Марии Каролины с Эммой у историков нет.

Уже знакомый нам биограф Эммы Гамильтон Джек Рассел пишет об отношениях королевы и жены посла: "Причину, по которой Каролина нежно улыбалась Эмме Гамильтон, нужно искать в области политики. Неаполь был уязвим с моря, а первой по мощи морской державой являлась Англия. Именно поэтому Каролина опекала леди Гамильтон, а через нее и престарелого английского посла. По мере того как увеличивалась угроза со стороны Франции, росла и дружба Каролины к Эмме".

Неаполитанская королева была на редкость цельной и сильной личностью. Дочь австрийской императрицы Марии Терезии, родившая восемнадцать детей (из которых в живых

остались восемь), она фактически отстранила от реальной власти своего мужа и единолично правила королевством. Именно поэтому интимная дружба Марии Каролины с Эммой делала последнюю едва ли не соправительницей королевства.

Что касается короля Фердинанда IV, то он являлся типичным Бурбоном: был туп и ленив, любил охотиться, а еще больше — свежевать убитых оленей и кабанов. При всем этом король был еще и патологически труслив, но даже не стеснялся этого. Когда однажды Мария Каролина, требуя подписать какой-то грозный указ, заявила:

— Не бойтесь, ваше величество, ведь все ваши неаполитанцы — трусы!

Король, вздохнув, ответил:

— Но ведь я тоже неаполитанец и тоже трус!

Чтобы понять поведение королевы, необходимо знать, что в тот момент для нее и короля Фердинанда были чрезвычайно важны тесные союзнические отношения с Лондоном. Революционная Франция уже во всеуслышание объявила Королевство обеих Сицилий в числе своих врагов. Общей сухопутной границы между государствами не было, но Франция зарилась на Северную Италию, и за то, как повернутся события в самое ближайшее время, ручаться не мог никто. Но Франция имела сильнейший флот на Средиземноморье, составить конкуренцию которому могли только англичане. А потому для королевской четы были так необходимы дружеские отношения с четой Гамильтонов, которые в этой непростой обстановке могли оказать неоценимую помощь.

Вот как расценивает участие Эммы Гамильтон в большой политике В. Трухановский, бывший на протяжении ряда лет послом России в Англии: "Никто, даже самые явные ненавистники Эммы, не пытается даже намекнуть, что она вела в политике и дипломатии какую-то самостоятельную линию, отличную от линии мужа-посланника. А тот факт, что он точно выполнял задачи, которые перед ним ставило его правительство, является несомненным и никем не оспаривается. Эмма служила орудием британских интересов, причем орудием, в силу объективных и субъективных обстоятельств действовавшим весьма эффективно, точно и удачно… Пытаясь найти повод для упреков, критически настроенные биографы леди Гамильтон используют ее обширную переписку… где достаточно много и часто затрагиваются дипломатические темы. Ее критики забывают — или делают вид, что забывают, — о том несомненном факте, что Эмма в те годы, да и в значительно более поздние времена, не представляла исключения среди жен послов. Многие из них активно

интересовались служебной деятельностью мужей и в меру сил стремились в ней участвовать. И лишь много позже, когда нравы дипломатической службы изменились, а соображения государственной безопасности стали занимать более важное место, роль жен дипломатов значительно сузилась".

Что касается самого Уильяма Гамильтона, то он не раз в разговоре подчеркивал:

— Мой политический авторитет с появлением Эммы значительно возрос, и теперь я могу решать такие вопросы, за которые бы раньше не стал и браться!

Однако в письмах своим друзьям Гамильтон вынужден снова и снова объяснять свою женитьбу на Эмме. Это было достаточно унизительно, но иного выхода у Гамильтона нет, ибо он хотел побороть предубеждение английского света и со временем представить Эмму высшему лондонскому обществу. Для этого ему и нужна была поддержка влиятельных друзей.

"Леди Гамильтон не имеет никакого отношения к моим официальным обязанностям, но оба Их Величества настолько добры, что радушно принимают ее и относятся к ней как к знатной даме. Она здесь завоевала все сердца, даже женские, своей скромностью, умением держаться, и я смею надеяться, что мы будем счастливы. Видимо, ты считаешь, что в девяносто девяти случаях из ста тот шаг, что сделал я, бывает опрометчивым, но я знаю, как себя вести, и намерен прожить с ней большую часть отпущенного мне срока. Без женщины мне невозможно устраивать домашние приемы, а ты, я думаю, услышишь, как уютно в моем доме теперь".

При этом сам Гамильтон, понимая, что в скором времени у него уже не хватит сил удержать рядом с собой свою страстную и любвеобильную супругу, иногда достаточно цинично шутил в узком кругу:

— Неаполь — это тот город, куда можно завлекать мужчин перспективой переспать с женой английского посла!

Впрочем, что касается самой Эммы, то она хранила верность своему пожилому мужу почти семь лет.

Глава седьмая
НА РУМБАХ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ

Адмирал Худ столь поспешно погнал Нельсона в Неаполь, что тот не успел даже пополнить свои порядком истощившиеся припасы. Пришлось обходиться тем, что имелось. Из письма Нельсона жене: "Мы сейчас находимся в виду горы Везувий. Нам видно красивое зарево в Неаполитанском заливе, где мы остановились на эту ночь и надеемся завтра бросить якорь… Мои бедные ребята не видели ни кусочка свежего мяса, ни овощей на протяжении почти девятнадцати недель. И за это время моя нога лишь дважды ступала на берег в Кадисе. Мы совершенно больны от усталости… Мне остается лишь надеяться, что моя миссия к неаполитанскому королю будет успешной".

Вряд ли, глядя со шканцев "Агамемнона" на приближающуюся панораму Неаполя, Нельсон предполагал, какая встреча ожидает его на этом берегу. Думается, в этот момент капитана линкора волновали совсем иные мысли.

Пусть данное лордом Худом поручение было не бог весть каким по трудности, но оно было самым первым в этой кампании. Отправляя Нельсона в плавание, Худ, безусловно, давал ему шанс сразу же выделиться из остальных капитанов, показать себя умелым и инициативным, а сам он мог теперь иметь возможность отличать его на этом основании и в дальнейшем. А потому Нельсон был просто обязан исполнить поручение быстро и четко. Война только начиналась, и было чрезвычайно важно с самого ее начала стать первым на пути к славе и чинам.

Капитана "Агамемнона" встретил лично посол Гамильтон, которому Нельсон и вручил письмо Худа к королю. Теперь следовало ждать ответа. Чтобы ожидание не было слишком тягостным, Гамильтон пригласил Нельсона погостить это время у него дома. Тогда-то и произошла первая встреча Нельсона с леди Гамильтон. Вот как на склоне лет вспоминала о ней сама Эмма Гамильтон, писавшая о себе в третьем лице: "Когда сэр Уильям вернулся домой после первой встречи с капитаном Нельсоном, он сказал своей жене, что собирается представить ей одного человека, который не может похвастаться особой красотой. Однако, добавил сэр Уильям, "этот английский моряк, капитан Нельсон, в свое время станет величайшим из людей, которых Англия когда-либо производила на свет. Я понял это уже из тех немногих слов, которыми успел с ним обменяться, и утверждаю, что в один прекрасный день он приведет мир в изумление.

Никогда еще я не принимал в своем доме офицеров, но его я намерен пригласить к нам. Пусть его разместят в комнате, приготовленной для принца Августа". После чего Нельсон был представлен леди Гамильтон. Он жил в доме ее мужа все то короткое время, что был в Неаполе. С этого момента зародилась пылкая дружба троих людей, которая, становясь все сильнее, продолжалась вплоть до их кончины. Эмме Гамильтон выпала горькая участь умереть последней".

К этим воспоминаниям следует относиться критически. Дело в том, что писала их Эмма уже после смерти Нельсона, когда слава о нем стала поистине мировой, а потому, вероятно, ее позднейшее восприятие его личности было спроецировано на самый ранний период их отношений. Большинство британских историков считают, что в это первое их знакомство 28-летняя красавица отнеслась к Нельсону весьма безразлично: мало ли капитанов в английском флоте! Что же касается того внимания, что было оказано Нельсону со стороны самого посла, то и здесь личность моряка не имела никакого значения: Гамильтон оказывал должное внимание реестровому капитану лишь из соображений большой политики. Согласитесь, весьма сомнительно, чтобы Гамильтон, взглянув на первого пришедшего в Неаполь капитана, сразу же заявил, что это будущий гений английской нации. Напомним, что к этому времени Нельсон еще абсолютно ничем себя не проявил и те небольшие услуги, которые он когда-то оказал Англии, были давно забыты за годы его отставки. Тот факт, что Гамильтон пригласил капитана к себе в дом, несмотря на огромную разницу в служебном положении, имеет совсем иное объяснение.

Дело в том, что Нельсон привез не просто письмо. Он привез просьбу, от выполнения которой зависела будущая карьера Гамильтона. Много лет он уверял Лондон, что имеет влияние на короля Фердинанда. Именно за это его и ценили. И вот теперь началась война, и Лондон в лице лорда Худа просит его добиться от короля фактического вступления в войну на стороне Англии и послать на эту войну свои войска. Учитывая общеизвестную трусоватость Фердинанда, это было весьма не просто. Если Гамильтон справится и уговорит Фердинанда, положение его еще более упрочится. Если нет, то песенка его будет спета. В этой связи для Гамильтона имело большое значение общение с Нельсоном. В интимной домашней обстановке он мог узнать у капитана много важных для него подробностей о ситуации в Лондоне и в Тулоне, а также выяснить особенности характера лорда Худа, от которого зависело сейчас так много. Кроме того, с капитаном следовало подружиться и потому, что именно он будет

рассказывать Худу и о Фердинанде, и о самом Гамильтоне. Вот почему следовало поселить этого капитана у себя дома, расспросить и очаровать. В последнем должна была участвовать Эмма — безотказное "секретное оружие" английского посла. В успехе Эммы сомневаться не приходилось: если перед ее чарами не могли устоять самые изысканные кавалеры Европы, то уж с никогда не видевшим настоящих светских львиц капитаном она должна была справиться шутя.

Впрочем, скромный и неглупый 34-летний Нельсон и на самом деле производил приятное впечатление и общаться с ним было весьма приятно как самому Гамильтону, так и его супруге. В гости к Гамильтонам Нельсон прибыл вместе со своим пасынком Джосаей, которого представил как своего сына.

На решающую аудиенцию к королю Фердинанду Гамильтон взял Нельсона с собой. Это было сделано как минимум по двум причинам: во-первых, присутствие капитана на переговорах снимало часть ответственности с посла, во-вторых, Нельсон мог воочию убедиться, как стойко защищает Гамильтон интересы Англии, а убедившись, сообщить об этом лорду Худу, который затем доложит в Лондон.

Кроме Нельсона на аудиенции присутствовал и премьер-министр Королевства обеих Сицилий английский баронет и лидер проанглийской партии сэр Джон Эктон. Премьер-министр в прошлом был британским морским офицером, а перейдя на неаполитанскую службу, сделал головокружительную карьеру. При этом Эктон так не удосужился выучить ни одного итальянского слова и общался со своими подчиненными исключительно через переводчика. Совершенно очевидно, что Эктон всеми силами поддерживал Нельсона. Однако несмотря на столь солидную подготовку, встреча едва не оказалась проваленной.

Едва пришедшие обменялись любезностями с королем, как тот сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, восставший Тулон пал перед революционными французскими войсками. Возникла немая сцена. Положение спас Нельсон, который в резкой и не допускающей возражений форме опроверг сообщение, назвав его провокационным и нелепым слухом.

— Мой корабль только что из-под Тулона, и смею заверить вас, ваше величество, что его отважный гарнизон так же доблестно защищает город и крепость с помощью британского флота, как и раньше! Роялисты Тулона помнят своего короля и свою королеву!

При упоминании о королеве Фердинанд оживился, ведь казненная Мария Антуанетта была родной и любимой сестрой его

жены, а за родственную королевскую кровь следовало мстить. Тотчас же за немедленную помощь осажденному Тулону высказалась и присутствующая на встрече королева Каролина. Не остались в стороне сэр Эктон и сэр Гамильтон. Не прошло и получаса с начала встречи, как король Фердинанд уже решил послать шесть тысяч своих солдат для защиты Тулона. Первые две тысячи должны были отправиться на этой же неделе морем. Затем вместе с королем, премьер-министром и послом Нельсон отправился смотреть парадный развод дворцовой гвардии.

Вечером Нельсон ужинал в кругу семьи Гамильтонов. О впечатлении, которое произвел Нельсон на Эмму, мы уже говорили, но какое впечатление произвела Эмма на Нельсона?

Из письма Нельсона жене: "Леди Гамильтон удивительно добра и мила по отношению к Джосае. Эта молодая, обходительная женщина делает честь своему положению, которое она занимает в свете".

Эмма, безусловно, произвела сильное впечатление на Нельсона. При этом он очень хочет, чтобы леди Гамильтон непременно понравилась и его жене.

В день отхода "Агамемнона" Нельсон, в соответствии с традициями того времени, пригласил на борт своего корабля представителей высшего общества Неаполя. Первые сановники королевства и их жены должны были воочию убедиться в мощи военно-морского флота Англии и стать проводниками ее политики.

Отведя Нельсона в сторону, Гамильтон попросил его выполнить личное поручение и передать одному из родственников, находящихся в Тулоне, письмо. Позднее это письмо было обнаружено и опубликовано британскими историками. Вот его текст: "Советую тебе обратиться к капитану Нельсону, он может высказать мнение о леди Гамильтон. Она никогда не опозорит семью, в которую попала за свои достоинства. Ее любят и уважают все, меня же она просто осчастливила. Приезжай и сам посмотри — клянусь жизнью, она тебя покорит. Видимо, ты понимаешь, что я не сделал бы этого шага, если бы не видел со всей ясностью, что меня ждет. Не могу сказать, что я внезапно влюбился в хорошенькое личико, поскольку мы уже до этого пять лет жили вместе, а потом — ты знаешь сам, что в моем возрасте все личики кажутся более или менее одинаковыми".

В общем, в письме Гамильтон, как всегда, оправдывается за свою женитьбу перед родственниками, но на этот раз в качестве свидетеля добродетелей своей жены выставляет Нельсона. Капитан "Агамемнона", по мнению Гамильтона, уже достаточно

очарован Эммой, чтобы говорить о ней только в превосходной степени.

В адмиральском салоне к этому времени уже накрыли изысканный стол, шампанское лилось рекой — предусмотрительный Худ перед отплытием выдал Нельсону представительские деньги. Помимо четы Гамильтонов на "Агамемнон" прибыли лорд и леди Плимут, лорд Грандисон с дочерью, епископ Винчестерский с семьей, несколько позднее прибыл и король Фердинанд с придворными.

Чтобы произвести на гостей еще большее впечатление, Нельсон устроил для них настоящее представление. В самый разгар завтрака в салоне внезапно появился первый лейтенант и доложил капитану, что на горизонте показалось французское военное судно. Извинившись перед высокими гостями, Нельсон встал и заявил, что, к его глубокому сожалению, завтрак придется прервать, потому что долг велит ему нагнать и захватить врага.

— Впрочем, я приглашаю всех присутствующих принять участие в погоне и возможном сражении за честь британского флага. Можете не сомневаться, что оно будет хоть и кровопролитным, но, безусловно, победным!

Разумеется, что после таких слов желающих участвовать в сражении на борту "Агамемнона" не нашлось. Поблагодарив хозяина за оказанный прием, гости поспешили откланяться. А по палубе уже бегали матросы, ставили паруса и готовили к бою пушки.

Добравшись шлюпами до берега, визитеры с восхищением смотрели, как, быстро поставив паруса, "Агамемнон" направился в открытое море, чтобы сразиться с едва видимым врагом.

Эффект, на который рассчитывал Нельсон, был полным. Все, начиная с короля, были потрясены британской смелостью, британской выучкой, британским чувством долга и британской мощью.

— Отныне мы всегда будем вместе! — заверил прямо на пристани Гамильтона король Фердинанд.

А Эмма, вытирая кружевным платочком слезинки с глаз, вздохнула:

— Это был настоящий герой и джентльмен! Но почему в моей жизни никогда не было такого героя!

Тем временем Нельсон, сидя в каюте, быстро писал в своем дневнике: "Господи! Пошли нам счастье. Мне верится, что нам будут помогать добрые пожелания Неаполя, сэра Уильяма Гамильтона и леди Гамильтон в особенности. Последние мне дороже всех остальных. До свидания, Неаполь. Пусть тем, кто был ко мне добр, это воздастся десятикратно. Если мне на долю

выпадет успех, я вернусь, а если нет — направлюсь в Тулон".

В Неаполь тогда Нельсон так и не вернулся.

Паруса "Агамемнона" исчезли в безбрежном море. Сейчас Нельсон с Эммой только познакомились. Их следующая встреча произойдет спустя долгих пять лет, но именно она станет решающей для обоих.

* * *

Итак, Нельсон снова вырвался на морские просторы. Догнать и сразиться с французом ему, впрочем, не удалось. Однако "Агамемнон" остановил торговое судно, с которого сообщили, что видели в порту Ливорно французский фрегат. Разумеется, Нельсон тут же повернул в Ливорно. Порт принадлежал тогда Тоскане, которая изо всех сил старалась сохранить нейтралитет в надвигавшейся общеевропейской войне.

Торговец не обманул, и в ливорнской гавани действительно оказался 40-пушечный французский фрегат. "Агамемнон" демонстративно бросил якорь борт о борт с французом и открыл орудийные порты. Расчет Нельсона был прост: едва француз попытается выскользнуть из нейтральной гавани, как немедленно будет расстрелян его пушками. Но Нельсон ошибся, фрегат и не помышлял о прорыве. Его команда, совершенно не обращая внимания на грозного англичанина, решала куда более важные дела.

Только что матросы голосованием лишили должности своего капитана за дворянское происхождение и сейчас избирали нового. После долгих споров, доходящих порой до драки, капитаном был избран лейтенант морской пехоты, его же чин перешел к вчерашнему сержанту, а бывшему капитану пришлось довольствоваться лишь сержантским чином.

Узнав о "государственном перевороте" на вражеском судне, Нельсон был поражен:

— Ну и страна! Эти сумасшедшие способны на что угодно!

Однако и новоизбранный капитан оказался не промах и так и не дал Нельсону возможности атаковать его. Несмотря на все ухищрения английского капитана, французский фрегат и не собирался выходить в море. А Нельсона время уже не ждало. Ему надо было наверстывать упущенное и торопиться к Тулону с письмом короля Фердинанда. Осыпав терпеливых французов проклятиями, "Агамемнон" продолжил свой путь.

К моменту возвращения Нельсона борьба за Тулон приняла самый ожесточенный характер. Из Неаполя прибыли войска, и их

тут же с ходу бросили в бой. На близлежащих холмах республиканцы установили осадную артиллерию и теперь простреливали город и гавань вдоль и поперек. Едва войдя в гавань, "Агамемнон" тут же получил несколько ядер в такелаж.

— Привыкайте, Нельсон, у нас здесь жарко! — этими словами встретил лорд Худ прибывшего к нему на борт капитана "Агамемнона".

Прочитав письмо и выслушав доклад капитана, Худ лишь покачал головой:

— Я весьма признателен королю Фердинанду за его готовность оказать нам помощь, однако, судя по развитию событий, она нам уже не понадобится.

— Неужели все так безнадежно? — расстроился Нельсон.

— Отчаиваться рано, но и питать иллюзии тоже не стоит, — отвечал ему Худ.

В тот же день часть команды "Агамемнона" была свезена на берег, чтобы пополнить ряды обороняющихся. Нельсон рвался с ними, но командующий велел ему оставаться на борту корабля.

Несмотря на драматичность ситуации под Тулоном на душе у Нельсона было хорошо. Худ вновь вернул ему свое расположение, а это значило, что он не преминет помочь ему отличиться при первом удобном случае.

Между тем с каждым днем огонь осадных французских батарей становился все более точным и массированным. Чтобы избежать напрасных потерь, английские корабли начали постепенно выходить на внешний рейд. Исход битвы за Тулон становился все более очевидным.

Так состоялась первая заочная встреча двух будущих великих противников: морского капитана Горацио Нельсона и артиллерийского капитана Наполеона Бонапарта. Нельсон уже ощутил на себе огонь умело расставленных бонапартовских пушек, а Бонапарт видел мачты нельсоновского корабля. Оба еще не знают о существовании друг друга. Однако скоро, очень скоро они друг о друге узнают…

Под свист пролетающих ядер Нельсон пишет письмо жене: "Зачем тебе нервничать? Я здоров, твой сын тоже, и жизнь у нас нормальная. Конечно, насколько это позволяет служба… Лорд Худ сейчас совершенно такой, как раньше; он настолько хороший офицер, что нам всем следует его уважать. Все иностранцы в Тулоне его боготворят, и, если бы с ним что-нибудь случилось, я уверен, что никто на флоте не смог бы его заменить".

Вскоре Нельсон еще раз убедился, что командующий вернул ему свое былое расположение. Однако помимо Нельсона у Худа появился еще один любимец — капитан Сидней Смит.

Значительно моложе Нельсона, Смит делал блестящую карьеру. Большой авторитет ему принесло участие в качестве волонтера в Русско-шведской войне 1788–1790 годов на стороне шведов. Проникнутые безмерным уважением к морским талантам англичан, король Швеции Густав III и командующий шведским флотом герцог Карл Зюдерманландский доверили молодому английскому капитану фактическое командование своим флотом. И несмотря на то, что все свои сражения с русскими Сидней Смит проиграл, апломб его после этого только увеличился. Теперь Смит пытался даже давать советы лорду Худу, и, к ужасу Нельсона, тот к мнению молодого выскочки прислушивался.

Впрочем, и Нельсон был отличен от остальных. Довольный итогами его миссии в Неаполе, лорд Худ решил отправить его с новым дипломатическим заданием в Тунис. Дело в том, что тунисский бей все еще колебался в выборе союзника, и Нельсону надо было постараться убедить его заключить союз с Англией.

— Действуйте решительно и говорите убедительно, тогда у вас все получится! — наставлял его лорд Худ.

Однако по пути к Тунису Нельсону пришлось пережить несколько весьма неприятных часов. У берегов Сардинии "Агамемнон" внезапно нос к носу столкнулся с французской эскадрой, патрулировавшей здешние воды. Три 44-пушечных фрегата и два 24-пушечных корвета против одного 64-пушечного линейного корабля, у которого к тому же отсутствовала почти половина команды.

Однако жажда победы была столь велика, что Нельсон, невзирая на численное превосходство неприятеля, сам ввязался в неравный бой. Умело маневрируя, он пытался разобщить французские суда, чтобы затем расправиться с ними поодиночке. Однако и французы тоже были не лыком шиты. Поняв замысел англичанина, они все время держались вместе и дружно обстреливали "Агамемнон" из всех пушек.

Спустя три часа после начала боя Нельсон понял, что если и далее будет упорствовать, сражение неминуемо обернется его поражением и пленением. Повреждения "Агамемнона" были уже весьма значительны, тогда как французские суда пострадали не сильно. Пока не поздно следовало заканчивать бой, что капитан "Агамемнона" и сделал. Оторвавшись от неприятеля и кое-как исправив повреждения, Нельсон прибыл в Тунис.

Тунисский бей внимательно слушал все доводы англичанина, однако с ответом не спешил. Тогда Нельсон выложил свой последний аргумент:

— Ваше величество, дружить с французами нельзя хотя бы потому, что они имеют обыкновение казнить своих законных

правителей!

— Ода! — закивал огромным белым тюрбаном бей. — В мире нет ничего более гнусного, чем казнь собственного повелителя. Однако, насколько я знаю, вы, англичане, тоже отрубили голову своему королю! Так чем же вы лучше французов?

На это ответить Нельсону было нечего. Переговоры завершились полным провалом. Увы, в Тунисе у капитана "Агамемнона" не было таких влиятельных союзников, как сэр Гамильтон и его очаровательная супруга.

Раздосадованный Нельсон тут же написал о постигшей его неудаче дядюшке Уильяму Саклингу: "Поверь мне, чаще всего результатом дипломатических миссий англичан бывает то, что они становятся посмешищем. Сейчас такое происходит со мной, и это мне совсем не по душе".

Тогда же пришли и последние новости из Тулона. Король Фердинанд, верный своему слову, опять прислал свежие войска, но они прибыли как раз к моменту сдачи города. Никому дотоле не известный артиллерийский капитан Бонапарт столь удачно расположил осадную артиллерию, что в ходе непрерывной 48-часовой бомбардировки смел с лица земли пушки защитников, после чего начался генеральный штурм. Впереди одного из отрядов шел и Бонапарт (уже майор!), который вскоре был ранен английским матросом.

Лорд Худ эвакуировал часть гарнизона и вывел флот в открытое море. Его запоздалая попытка уничтожить французский линейный флот, сохранявший до поры до времени нейтралитет и отстаивающийся в дальнем углу тулонской гавани, была неудачной. Во-первых, не хватило матросов, чтобы укомплектовать такое количество кораблей, во-вторых, против захвата французского флота выступил и испанский адмирал, рассудивший, что не стоит делать Англию единоличной властительницей Средиземноморья. Сопротивлялись и остатки французских команд, причем их активно поддержала с берега артиллерия. В результате удалось вывести в открытое море всего лишь три (по другим данным — четыре) французских линкора и еще девять пришлось сжечь. Но и этим был нанесен большой ущерб французскому флоту.

Новейший французский линейный корабль "Коммерс де Марсель" был отведен в Англию, где по требованию лордов Адмиралтейства его тщательно изучили английские корабельные мастера, после чего началось массовое строительство таких же кораблей.

Несмотря на столь серьезные потери, большая часть французского флота все же осталась целой и попала в руки

республиканцев. Таким образом, тулонская миссия адмирала Худа завершилась позорным провалом. В том же Тулоне французам, спустя несколько месяцев после ухода англичан, удалось ввести в строй семь линкоров и девять фрегатов.

— Худ не только сдал город, но и не смог сохранить то, что лежало у него в кармане! — судачили по всей Англии. — Теперь с этим французским флотом мы еще намучаемся!

Британский историк Улдер пишет: "Английский флот покинул Тулон при самых неблагоприятных обстоятельствах. Французские роялисты были выданы врагу. Оба — и Худ, и английский королевский флот — уронили себя в глазах французов. И, что более важно, в глазах своих испанских и итальянских союзников. Престиж Англии упал в глазах большей части Европы".

В постигшей англичан неудаче многие обвиняли недруга и соперника Нельсона капитана Сиднея Смита, который руководил бездарной атакой на французский флот. Если итог тулонской эпопеи был известием для Нельсона неприятным, то неудача Смита доставила явное удовлетворение.

— Теперь всем уже очевидно, что лорд Худ ошибся в этом человеке! — со злорадством говорил Нельсон в эти дни своим офицерам. — Поистине, права старая поговорка: "От большого болтуна — всегда малый толк"!

Если бы сейчас, на фоне неудачи Сиднея Смита, он добился хоть самой малой победы, то с авторитетом зазнайки было бы покончено навсегда. Но ведь и у него самого дела обстоят не лучше: переговоры с беем провалены, и как отнесется к этому командующий, еще совершенно неизвестно.

От ярости и бессилия Нельсон решил было напасть на находившиеся в порту французские суда, и в первую очередь на республиканский линейный корабль, наплевав при этом на все международные нормы. Однако французы, увидев приготовления на английском линкоре, сразу же обратились за защитой к бею, и тот пригрозил зарвавшемуся капитану, что не только немедленно откроет по нему огонь, но и будет считать Англию своим врагом. Такая перспектива Нельсону совсем не улыбалась, ибо грозила не только снятием с должности, но и судом. Пришлось убираться из Тулона несолоно хлебавши.

Из записи в дневнике Нельсона: "Настроение у меня упало. Если бы я был коммодором, я бы атаковал сразу, потому что наверняка взял бы в плен всех французов без всяких переговоров и даже после переговоров захватил бы французский военный корабль. Я думаю, англичане никогда не осудили бы офицера за то, что он взял в плен французский линейный корабль".

Потерпев неудачу в Тулоне, адмирал Худ перегруппировал свои силы. Часть средиземноморского флота так и осталась у Тулона, осуществляя теперь блокаду города и находящегося там французского флота. Несколько отрядов были разосланы в разные стороны для перехвата французских судов. Небольшой отряд был доверен и Нельсону: несколько малых судов во главе с его "Агамемноном". Худ настойчиво давал своему любимцу еще один шанс отличиться.

К этому времени Нельсон все еще не имел никакой боевой славы, однако приобрел репутацию способного и инициативного капитана.

* * *

Уже после Тулона французские легкие корабли преподали англичанам несколько уроков мужества и стойкости. Сначала фрегат "Симилланте" выдержал без всякого ущерба для себя двухчасовый бой с английским фрегатом "Венус". Отважно сражался с более сильным противником дозорный фрегат "Клеопатра", а фрегат "Эмбаскад" обратил в бегство английский фрегат "Бостон". Изумление вызвала победа, одержанная на глазах жителей американского Нью-Йорка храбрым капитаном "Урании" Тартю, заставившим спустить флаг превосходящий по количеству орудий английский фрегат "Тайме". Все это показывало, что французы по-прежнему храбры и готовы отважно драться за славу своего Отечества.

А во Франции сложилась критическая ситуация — она буквально погибала от голода. Неурожаи нескольких лет подряд и революция поставили еще недавно одно из самых благополучных государств на грань катастрофы. Все надежды были на огромный караван судов с хлебом, закупленным в союзной Северной Америке. Этот караван должен был прорываться под охраной всего двух линейных кораблей и четырех фрегатов. Британское Адмиралтейство было прекрасно осведомлено не только о предполагаемом маршруте каравана, но и о сроках его отплытия из Америки. Для перехвата каравана была послана эскадра в 26 линейных кораблей под командованием опытнейшего адмирала Гоу.

В свою очередь, французы тоже старались сделать все возможное для благополучного прихода столь необходимого каравана. В Бресте была сформирована эскадра в 27 линейных кораблей под командованием недавнего лейтенанта королевского флота, а теперь контр-адмирала революционного флота Вилларе

Жуаеза. В свое время Жуаез храбро сражался в Ост-Индии у адмирала Сюфрена, но опыта у него, разумеется, было еще недостаточно, особенно в сравнении с адмиралом Гоу. Дух матросов и офицеров французской эскадры был высок, так как все, от командующего до юнги, понимали всю важность предстоящей им задачи.

28 мая 1794 года обе эскадры обнаружили друг друга на маршруте перехода каравана. К вечеру начался ожесточенный бой между французским арьергардом и английским авангардом. К ночи каждая из сражающихся сторон потеряла по одному линкору. С рассветом следующего дня сражение возобновилось. Опытный Гоу сумел выиграть ветер, но три его тяжело поврежденных линейных корабля вынуждены были выйти из боя. Однако через несколько часов эскадру Жуаеза догнал английский вспомогательный отряд капитана Ниелли, и равенство сил было восстановлено. На третий день сражения лорд Гоу перешел в решительную атаку, но один из его приказов был неправильно понят большинством капитанов, и маневр не удался. От взаимной яростной пальбы вскоре было выбито из боевой линии по 12 линкоров с каждой стороны. Затем англичане усилили натиск, окружили и вынудили сдаться шесть французских линкоров, хотя те защищались самым отчаянным образом. Французы потеряли до трех тысяч человек, англичане — тысячу двести человек. По общему признанию, английская артиллерия действовала намного лучше французской, однако и английская эскадра понесла столь значительный урон, что Гоу уже не мог рассчитывать не только на возобновление боя, но и на дальнейшее нахождение в открытом море. Противники разошлись. Гоу поспешил к берегам Англии, а Жуаез в Брест. На следующий день после его прибытия в Брест пришел целым и невредимым столь долгожданный караван.

Через шесть месяцев английский вице-адмирал Корнваллис с пятью линейными кораблями, преследуя три линкора французского контр-адмирала Венса, упустил почти верную добычу. Затем англичане еще несколько раз упустили возможность разгромить отдельные французские отряды, которые прорывались в Тулон. Вскоре там собрались пятнадцать линкоров под командованием адмирала Мартина. Тулонская эскадра была таким образом почти восстановлена.

Проиграв битву за Тулон и прозевав прорвавшиеся туда французские линкоры, Худ жаждал реванша. Британскому средиземноморскому флоту нужна была надежная база. Выбор адмирала пал на остров Корсику. Туда он и решает отправить капитана "Агамемнона".

* * *

Теперь перед Нельсоном стояла задача поддержать корсиканского повстанца Паскуале де Паоли, боровшегося сначала с генуэзцами, а затем и с французами. Понимая, что французов ему не одолеть, Паоли был вынужден обратиться к помощи англичан. Те, разумеется, не отказали. Получить столь важный форпост, как Корсика, было для британского флота настоящим подарком.

Изначально все сухопутные операции по уничтожению французского гарнизона Паоли брал на себя. Нельсон же должен был блокировать остров и не давать французам возможность перебросить на него подкрепление. Однако Нельсон не был бы Нельсоном, если бы ограничился только пассивной блокадой. Тем более что на борту судов находился достаточно многочисленный десантный отряд во главе с генерал-майором Дандасом. Едва прибыв к Корсике, Нельсон и Дандас сразу же высадили десант в сто двадцать человек, который захватил мельницу и мучной склад на берегу. Мельницу тут же сожгли, а муку сбросили в море. Теперь французы остались почти без хлеба. Французы попытались было наказать непрошеных гостей, но англичане вернулись на корабли прежде, чем французы успели сделать по ним хотя бы один выстрел.

Радости Нельсона не было предела, ведь это была его пусть маленькая, но первая победа! Теперь надо было развивать успех. Капитан "Агамемнона" вновь высаживает десант, который начинает наступление на городок Бастия, где стоял небольшой французский гарнизон.

Оставив "Агамемнон" на старшего лейтенанта, Нельсон принял участие в этом походе. Продвигались англичане медленно. Местность была гористая, лошадей не было, и пушки приходилось тащить волоком. Нельсон был за внезапный штурм Бастии, Дандас возражал, настаивая на осаде. Раздосадованный Нельсон писал жене: "Тысяча человек наверняка взяли бы Бастию. Я бы попробовал это даже с пятьюстами и с "Агамемноном" в придачу. Мои моряки теперь почти непобедимы, как и следует быть британцам: для них пули не страшнее гороха. Каждый из них считает, что лично заинтересован в победе; генералы их ценят. Я уверен: именно поэтому они сражаются так, словно их вдвое больше".

От местных жителей Нельсон узнал, что гарнизон Бастии почти в два раза больше, чем он полагал. Однако он никому об этом не сказал, пока городок не был захвачен. Только тогда он во всем признался Дандасу.

— Но почему вы молчали? — недоуменно спросил генерал.

— Если бы я сказал вам о том, что знал, пострадала бы моя собственная честь, честь лорда Худа и всего британского флота! — был ответ Нельсона. — Я всегда был уверен, что один англичанин стоит трех французов!

Английские историки пишут об этом поступке Нельсона с восхищением. Как говорится, победителей не судят, но сокрытие от командующего сухопутным отрядом ценных разведданных могло иметь и самые негативные последствия. Так что этот поступок Нельсона весьма сомнителен.

Больших боев на Корсике не было, зато мелких стычек — предостаточно. Нельсон буквально упивался опасностью. Он (хотя как командиру отряда судов ему это было совершенно не обязательно) участвует в этих стычках. И каждая маленькая победа приносит ему радость. Кроме этого, во время блокады его суда захватывают и жгут французские транспорты.

— Смерть со славой — это самая завидная участь! — говорит он своим подчиненным. — Если с каждым из нас что-либо случится, не печальтесь, это всего лишь долг, который всем нам предстоит заплатить. Самое же страшное — жить опозоренным! Будем же храбрыми!

— Будем, сэр! — с энтузиазмом отвечали офицеры и салютовали шпагами.

Постоянное соприкосновение с опасностью быстро сделало Нельсона фаталистом. В одном из писем Фанни он пишет, пугая и без того переживающую за его жизнь женщину: "Если со мной случится несчастье, я уверен, что своим поведением заслужу для себя королевские милости. Это не значит, что я хоть малую толику сомневаюсь, что вернусь к тебе со всеми почестями. Но если не вернусь — значит, на то Божья воля. Я никогда не навлеку позора на головы моих близких. То малое, что у меня есть, я отдал тебе, оставив лишь небольшие средства на жизнь. Хотелось бы, чтобы их было побольше, но ведь я не добыл ни одного фартинга бесчестным путем, это деньги из чистых рук. Какой бы ни была моя судьба, я молю Бога, чтобы он тебя благословил и хранил ради сына".

Повстанцы совместно с английским десантом постепенно освобождали остров от французов. Наконец в руках последних остался лишь город Кальви, который был осажден летом 1794 года. Англичане уже предвкушали скорую победу, когда в их лагере начались повальные болезни.

Глядя, как с каждым днем растет число могильных холмов, Нельсон негодовал:

— Мы измотаемся до смерти, прежде чем успеем навредить

этим треклятым французам!

В один из дней, когда он осматривал позиции неприятеля, шальное ядро ударило рядом с ним в бруствер, осколок камня попал капитану "Агамемнона" в бровь и повредил зрительный нерв.

— Наша жизнь находится в руках Бога, но мое имя, моя честь находятся в моих руках! — так якобы сказал Нельсон после полученной раны.

На этом, собственно говоря, участие Нельсона в боях за Корсику и закончилось.

Теперь мы подходим к весьма нелюбимой британскими историками деликатной истории с невидящим глазом Нельсона. Принято считать, что в бою при Кальви Нельсон был ранен в глаз, после чего на него ослеп. Потому на всех классических портретах он изображен с черной повязкой, закрывающей его ослепший глаз. Однако не столь давно в британской прессе появились статьи, утверждающие, что рана Нельсона была настолько незначительна, что его даже не внесли в официальные списки раненых, так как с глазом почти ничего не случилось, лишь несколько снизилась острота зрения.

Нельсон, ожидавший за Корсику наград и отличий, но не получивший ничего, жалуется, скрупулезно подсчитывая все свои заслуги, не забывая даже самых мелких: "В течение ста десяти дней я фактически участвовал в военных действиях против врага на море и на суше. У меня на счету три морских боя, два — против Бастии на моем корабле и четыре боя на небольших судах, с моей помощью занято две деревни, сожжено двенадцать парусников. Не знаю человека, который сделал бы больше. Я с удовольствием слушал похвалы главнокомандующего, но не получал наград, а что еще обиднее — за верную службу и ранение хвалили не меня, а тех, кто лежал в постели, далеко от поля боя. Меня не оценили по достоинству. Ну ничего, я еще попаду в газеты".

Именно тогда Нельсон объявляет во всеуслышание, что его раненый глаз ничего не видит, что он получил увечье, и если его обошли наградой, то должны хотя бы назначить пенсию как инвалиду. Кто мог проверить, видит Нельсон раненым глазом или нет, а если видит, то насколько хорошо? Никто! Теперь капитан "Агамемнона" везде и всюду появляется с черной повязкой, свидетельствующей о совершенных им подвигах.

Впоследствии, когда Нельсон потеряет руку, история с невидящим глазом утратит всякий смысл, и тогда он навсегда снимет свою черную повязку. Впрочем, чтобы его не заподозрили в обмане, Нельсон будет говорить, что его зрение постепенно

восстановилось. Вот почему история про выбитый глаз британского флотоводца, возможно, не более чем легенда, сочиненная самим Нельсоном от обиды за невнимание к своей особе и в надежде на сострадание начальства.

* * *

После непрерывных походов "Агамемнон" нуждался в хорошем ремонте. А потому, едва завершились бои за Корсику, Нельсону было приказано перегонять корабль в Ливорно, где и заниматься приведением линкора в боеспособное состояние. Одновременно Нельсону было поручено добиться разрешения на пользование портом и местным Адмиралтейством у дожа Генуи.

Пока шли переговоры и работы по ремонту корабля, у офицеров было время, чтобы как следует отдохнуть после перенесенных трудов. Начались скоропалительные страстные романы с местными красотками, благо призовые деньги у "агамемноновцев" на руках были немалые. Не остался в стороне от плотских утех и капитан корабля.

Один из биографов Нельсона Джеймс Гаррисон, как бы извиняясь за своего героя, пишет: "Не стоит умалчивать, что, хотя Нельсон никогда не был бесчестным соблазнителем жен и дочерей своих приятелей, все знали о том, что он питает гораздо большее пристрастие к прекрасному полу, чем это допускают нормы чистейшей христианской морали. Это потворство своим желаниям в сочетании с небольшой долей тех грубых привычек, что присущи всем британским морякам, а именно бездумное употребление бранных слов, — вот это и есть те немногие темные пятна, которые слегка приглушили блеск его морального облика".

В Англии никогда не любили и не любят вспоминать историю ливорнского романа Нельсона. Но он был, и из песни, как говорится, слов не выкинуть…

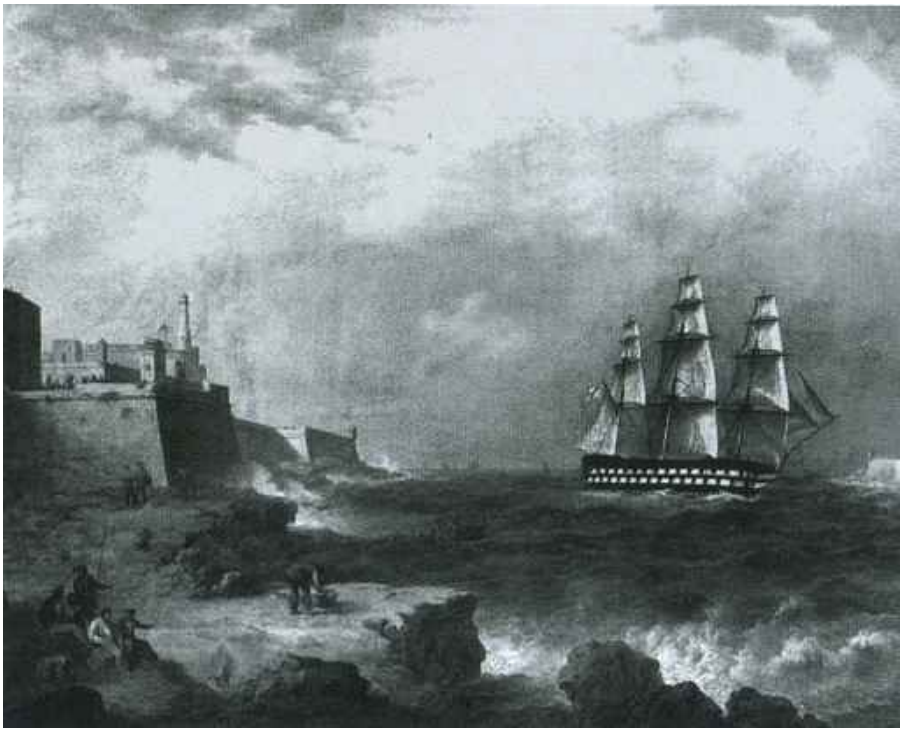
На этот раз объектом страсти капитана стала француженка Аделаида Коррелья. Современники единодушно утверждают, что то была женщина поистине ослепительной красоты. Нельсон увлекся ею настолько серьезно, что сразу же напрочь забыл о своей ненависти к французской нации.

Знакомство с мадемуазель Коррелья произошло в самом конце 1794 года в доме британского дипломата в Ливорно. Думается, появление там красавицы было не случайным. В обязанности британских дипломатов того времени помимо всего

Молодой Нельсон в 1781 году. *Художник Ф. Ригэйд*

Дом в местечке Бернем-Торп, где в 1758 году родился Горацио Нельсон. *Художник Ф. Пококк*

Мать лорда Нельсона Кэтрин Саклинг. *Художник Д. Т. Хеинс*
Отец лорда Нельсона преподобный Эдмунд Нельсон



Британский линейный корабль конца XVIII века входит в гавань

Сражение при Сент-Винсенте в 1797 году

Нельсон возглавляет абордажную атаку в сражении при Сент-Винсенте

Командующий английским флотом в битве при Сент-Винсенте адмирал Джервис

Битва при Тенерифе. Раненого Нельсона спасает на шлюпке его пасынок Джосая. *Художник Р. Вестелл*

Контр-адмирал Нельсон после ампутации руки

Вице-адмирал Кейт, старший флагман Средиземноморской эскадры и непосредственный начальник Нельсона в 1798–1799 годах

Английская эскадра атакует французский флот при Абукире. Начало сражения

Битва при Абукире

Командующий французским флотом при Абукире адмирал Брюес

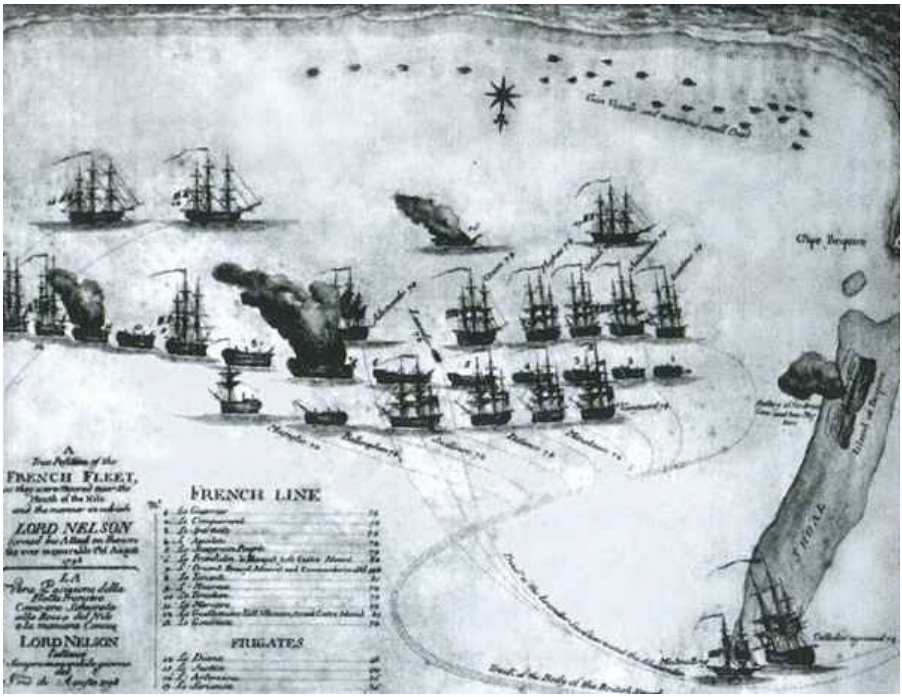
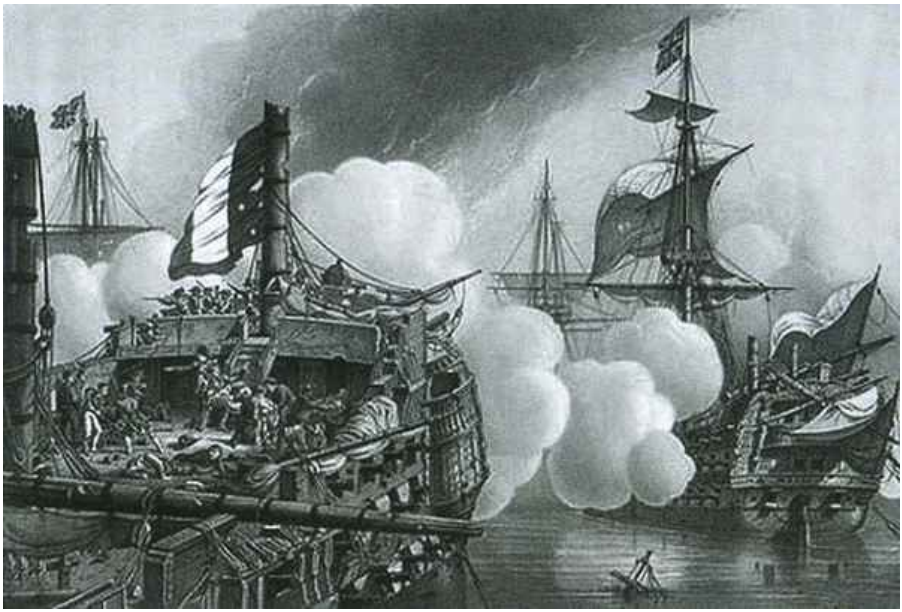


Схема Абукирского сражения

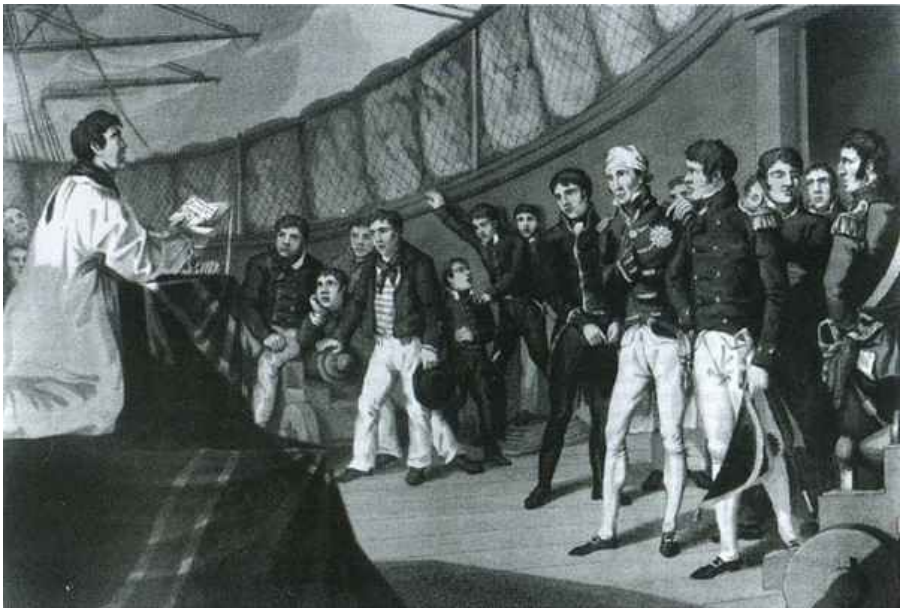
Капитан Томас Фолей — возможный автор знаменитого маневра между берегом и французским флотом при Абукире

Бой при Абукире. Финал уже близок



В Абукирском сражении французы дрались до последнего матроса

Взрыв французского флагманского корабля "Ориент". Конец сражения



Молебен на "Вэнгарде" после одержанной победы. Офицеры поддерживают раненого Нельсона

Нельсон празднует Абукирскую победу с матросами и союзниками-турками. *Народная картинка*

Герой Абукира командир корабля "Орион" Джеймс Сомарец, к которому Нельсон испытывал неприязнь за его независимость

Один из героев Абукира капитан Джон Белл

Нельсон-герой битвы при Ниле. *Народная картинка*

Младший флагман английской Средиземноморской эскадры капитан Трубридж
Воспитанник и любимец Нельсона капитан Берри

Супруги Гамильтон. *Художник Д. Аллен*

Таким Нельсона впервые увидела Леди Гамильтон.
Эмма Гамильтон. *Художник Д. Ромни*

Эскадра Нельсона на рейде Неаполя

Портрет Эммы Гамильтон в образе вакханки. *Художник В. Лебрен*

прочего входила и организация отдыха капитанов судов, заходивших в их города. А потому британский дипломат пригласил эту красивую и не слишком обремененную таким качеством, как нравственность, даму. Скорее всего Аделаида не первый раз выступала в предложенной ей роли, потому что с

первой же встречи их отношения с Нельсоном стали больше чем просто дружескими. Что касается Нельсона, то он, как и раньше, не умел ухаживать, не привлекая к себе всеобщего внимания и не давая повода для разговоров о своей особе. В данном случае ему просто нравилось появляться с красавицей везде и всюду. Капитан "Агамемнона" не отпускал Аделаиду от себя ни на шаг, почему и стал вскоре объектом колкостей и насмешек своих товарищей. Капитан Томас Фримантл во всеуслышание говорил:

— Он выставляет себя на посмешище, таскаясь везде со своей новой куклой!

Что, впрочем, нисколько не мешало Нельсону регулярно слать жене душещипательные письма: "В тебе — все мои радости; ты живешь в моем воображении, где бы я ни находился".

Впоследствии Нельсон старался нигде не упоминать о своей ливорнском романе. Когда же друзья начинали над ним подшучивать, он утверждал, что общался с французской красавицей исключительно для сбора разведывательной информации. Интересно, какие военные тайны Парижа могла знать ливорнская дама полусвета, покинувшая Францию много лет назад? Впрочем, никто не собирается винить Нельсона за его не слишком частые увлечения. В конце концов, он был настоящим моряком, а потому ему были присущи и многие особенности морской морали того времени.

Но вот ремонт "Агамемнона" уже позади, его перебрали, заменили прогнившие доски обшивки, почистили днище, заменили часть рей, вычистили трюмы и выкрасили борта, загрузили припасы и воду. Теперь пора и в море!

Глава восьмая
СРАЖЕНИЕ ПРИ СЕНТ-ВИНСЕНТЕ И ПЕРВАЯ СЛАВА

К началу 1795 года в расстановке политических сил в Европе произошли важные изменения. Франция подписала мир с Пруссией и тем самым вывела ее из антифранцузской коалиции. Голландия, а затем и Испания выступили против Англии на стороне Франции. Такие изменения были как нельзя кстати для французского флота, который за не слишком удачные годы противоборства с Англией на море потерял тридцать три линкора, сорок фрегатов и более шестидесяти мелких судов. Теперь же наряду с французским флотом англичанам предстояло противостоять голландскому и испанским флотам. И хотя каждый из них в отдельности значительно уступал английскому как по качеству кораблей, так и по выучке команд, однако вместе они представляли весьма серьезную силу. Ободренные создавшейся ситуацией, члены Директории, генерал Гош и морской министр Трюге приступили к подготовке десантной операции в Ирландии. Активизировались французы и на Средиземном море.

Выход "Агамемнона" из ремонта ускорило сообщение, что французский флот под командованием адмирала Мартина покинул Тулон и в числе двадцати двух вымпелов направился к Корсике с явным намерением захватить ее.

"Агамемнон" Нельсона был включен в эскадру вице-адмирала Готхэма, человека приятного, но чрезвычайно пассивного и безынициативного. По приказу лорда Худа Готхэм с четырнадцатью линейными кораблями отправился на перехват французского флота. Нельсон, как всегда, напросился идти в передовом дозоре.

Именно там ему улыбнулась удача. Неожиданно "Агамемнон" наткнулся на отставший от своего флота 74-пушечный французский линейный корабль "Сайра". Завязался яростный бой, продолжавшийся два дня. Силы были примерно равными, и противники долго не могли одолеть друг друга. Что касается французов, то покинуть поле боя им мешал слабый ветер. Вскоре Нельсон прицельным огнем лишил французский линкор возможности двигаться, а затем с "Сайра" заметили приближающуюся английскую эскадру и капитан посчитал за лучшее спустить флаг. Сдавшийся неприятельский корабль принял лейтенант Эндрюс, брат несостоявшейся любви Нельсона

в Сент-Омере.

Захват "Сайра" стал первой серьезной морской победой Нельсона, которой он по праву мог гордиться.

Вскоре в Генуэзском заливе был обнаружен и весь остальной французский флот. Завидев англичан, французы сочли за лучшее развернуться и уйти в Тулон. Нельсон, несмотря на большие повреждения "Агамемнона", уговаривал Готхэма пуститься в погоню и попытаться разбить неприятельский флот, но вице-адмирал рисковать был не намерен.

— Удовлетворимся тем, что есть! Мы и так добились успеха!

Раздосадованный Нельсон ни с чем вернулся на свой корабль. Субординация не позволяла ему критиковать действия старшего офицера, а потому все свои чувства он выплеснул на бумагу в виде очередного письма к Фанни: "Даже если бы мы взяли в плен десять судов и позволили бы одиннадцатому удрать, имея возможность захватить в плен и его, — даже тогда я не сказал бы, что мы добились успеха… Если бы битва продлилась — это был бы день, какого еще нет в анналах британской истории. Я хочу стать адмиралом и командовать английским флотом. Очень скоро я либо многого добьюсь, либо погибну. Характер мой таков, что я не признаю медлительных и пассивных мер. Ручаюсь, что если бы 14-го числа я командовал баталией, то либо весь французский флот признал бы мою победу, либо я попал бы в немыслимую ситуацию".

Запомним эту фразу, ибо в ней заключена вся философия Нельсона-флотоводца, таланту которого суждено будет проявиться в полную силу уже совсем скоро.

О своем командующем вице-адмирале Готхэме в узком кругу капитанов Нельсон говорил следующее:

— По своей природе он совершенно не годится для командования эскадрой! Для этого нужен человек куда более решительный и деятельный!

Впрочем, несмотря на так и несостоявшееся поражение французской эскадры, Готхэм поставленную перед ним задачу выполнил полностью: французы ни с чем вернулись в Тулон и Корсика была сохранена.

В июле 1795 года адмирал Мартин еще раз вывел свою эскадру в море. У Гиерских островов она была обнаружена 23 линейными кораблями адмирала Готама. Последовала отчаянная погоня, в ходе которой французский авангард с честью выдержал натиск англичан, потеряв всего один корабль.

Почти весь 1795 год Нельсон занимался конвоированием английских торговых судов и блокадой различных средиземноморских портов. И то и другое он считал скучным и

тягостным делом и мечтал о решающих схватках.

В это время имя Нельсона оказалось на страницах английских газет в связи с достаточно серьезным скандалом. Дело в том, что, когда "Агамемнон" осуществлял блокаду контрабандных грузов около Генуи, Австрия проводила наступательную операцию против французов в Северной Италии. Наступление провалилось и австрийские войска бежали, бросая оружие и обозы. И тогда австрийские офицеры обвинили в своем поражении… Нельсона, заявив, что он за взятку разрешил выгрузить боеприпасы для французских войск под Генуей. Журналисты подхватили сплетню, и Нельсону пришлось пережить немало неприятных минут, пока наконец страсти вокруг его имени улеглись. Что касается командования флота, то оно к версии австрийцев отнеслось весьма скептически и никаких последствий этот скандал для капитана "Агамемнона" не имел.

К концу года выяснилось, что, несмотря на недавний ремонт, корпус "Агамемнона" может рассыпаться прямо в море. Чтобы обшивка окончательно не разошлась, пришлось в срочном порядке протягивать под днищем тросы и скреплять ими расшатанный остов. Мера эта была, разумеется, временная. "Агамемнон" нуждался в серьезном и длительном ремонте.

В это время адмирал Худ отправляется в Лондон, где требует от Адмиралтейства немедленного увеличения своего флота в связи с важностью происходящих на его театре военных действий событий. Лорды Адмиралтейства отказывают, ссылаясь на необходимость комплектования флота Северного моря и поддержания военного присутствия в Вест- и Ост-Индии. Разгневанный Худ подает в отставку, которая немедленно принимается. Средиземноморские капитаны, уважавшие своего начальника, были возмущены.

— Жалкое Адмиралтейство! — дал себе волю в узком кругу единомышленников и Нельсон. — Они изгнали лучшего из морских офицеров, чем оказали неоценимую услугу французам!

* * *

Преемником Худа стал адмирал Джон Джервис. Нового главнокомандующего ждали с нетерпением и надеждой на то, что он оживит ход военных операций. О Джервисе на английском флоте говорили как о дельном, предприимчивом, но очень жестком начальнике. Служить под его началом было нелегко. За любое нарушение устава он взыскивал немилосердно. Еще в Лондоне Джервис имел долгую беседу с Худом, который, введя

своего преемника в курс средиземноморских дел, дал исчерпывающие характеристики и своим бывшим капитанам. Нельсону Худ дал самые прекрасные рекомендации, заметив, что из этого капитана может получиться прекрасный флагман. А потому, едва прибыв на флот, Джервис сразу же перевел Нельсона с уходящего на покой "Агамемнона" на новый 74-пушечный линейный корабль "Кэптен". Воспользовавшись тем, что новый корабль был недоукомплектован, Нельсон взял с собой немало преданных ему "агамемноновцев".

1796 год был несчастлив для Англии. Республиканская Франция захватила Бельгию. Голландское правительство к этому времени заключило союзнический договор с Парижем. Северные французские границы теперь шли уже по Рейну. Итальянская армия генерала Бонапарта громила в Северной Италии австрийцев. Перед французами пали Савойя, Милан, Тоскана с Ливорно. Решив не испытывать судьбу, добровольно сдалась на милость победителей Генуя. Теперь на очереди оставалось Королевство обеих Сицилий. Король Фердинанд поначалу храбрился, но, когда французские полки подошли к границам королевства, беспрекословно подписал все пункты навязанного ему перемирия.

Король Испании Карл IV (брат короля Фердинанда), объявив войну Англии, тоже решил действовать активнее. Оба брата до поры до времени решили держать планы Карла в тайне от Англии, но не тут-то было. Хитрая и умная леди Гамильтон уже имела немало своих осведомителей в королевском дворце. Вскоре она уже знала, что Фердинанд получил от испанского короля важное послание, которое должно коренным образом изменить ситуацию во всей Европе. Остальное сделали деньги. Подкупленные чиновники быстро сняли копию с письма, и вскоре Лондон уже знал о затеваемом против него альянсе.

Биограф Эммы Гамильтон Нора Лофс так пишет об этой услуге Англии своей героини: "Испания стала союзником Франции. Эмма была одной из первых, кто узнал, что Испания намерена сделать это. Король Фердинанд получил секретное письмо от своего брата, короля Испании, и показал жене, которая рассказала о нем Эмме и даже позволила снять копию. Сэр Уильям передал шифром эту плохую новость в Лондон".

Англия была возмущена предательством вчерашнего союзника.

— Этих вероломных донов следует проучить! — раздавалось всюду. — Почему молчат наши адмиралы? Где наш флот? Где, наконец, армия? Во имя чего мы платим такие высокие налоги?

Однако быстро принять кардинальные меры против

испанских ренегатов было не так-то просто. Хотя моря по-прежнему оставались во власти Туманного Альбиона, но берега были уже во власти Франции, а с присоединением к французскому флоту испанского положение дел могло вскоре измениться и на море. В таких условиях Средиземное море могло стать настоящей ловушкой для английских кораблей.

Скрепя сердце Адмиралтейство отослало адмиралу Джервису распоряжение вывести свой флот из Средиземного моря. На произвол судьбы бросалась с таким трудом отвоеванная Корсика и прочие — увы, не слишком многочисленные — союзники. Это было уже признанием своего полного поражения!

Корабли Джервиса разворачивали форштевни к Гибралтару. Нельсон, как и многие другие капитаны, был просто потрясен столь необдуманным решением Адмиралтейства. Крик его души остался для истории:

— В своем ли они уме, эти королевские министры? Они даже не знают, на что способен их флот, — а ведь он может абсолютно все! Как бы я ни хотел увидеть Англию снова, я рыдаю над этим приказом, я обрядился в рубище и посыпал голову пеплом. Приказ покроет позором страну, чей флот может одолеть любого врага. Сколько я видел разных флотов, и ни на одном из них нет таких офицеров и матросов, как у сэра Джона Джервиса. С ним они прославятся!

— Конечно, Горацио, ты абсолютно прав! — кивнул головой его друг и соратник Коллингвуд. — Однако приказ есть приказ, и мы должны его выполнять!

— В Лондоне всё понимают правильно! — отозвался более осторожный капитан Кальдер. — Надо поскорее выбираться из средиземноморской ловушки, пока испанцы не захлопнули ее перед нашим носом!

В высказывании Нельсона сквозила боль за Англию и вера в непобедимость своего флота, однако политическая ситуация складывалась настолько плохо, что впору было искать самого невыгодного мира. Англия оставалась один на один со всей остальной Европой, и помощи ей ждать было не от кого.

2 декабря 1796 года адмирал Джервис собрал свой флот в Гибралтаре. Битва за Средиземное море была проиграна, теперь начиналась битва за Атлантику.

В феврале 1797 года, как и ожидалось, Испания официально объявила войну Англии. Получив известие об этом, лорд Джервис подвел свой флот к порту Кадис, решив продемонстрировать испанцам, что британский лев еще обладает острыми клыками. Почти одновременно вышел в море и испанский флот. Адмирал Жозеф де Кордова спешил на объединение с франко-голландским

флотом. Адмиралу сообщили о присутствии неподалеку английских кораблей, но их численность была определена всего в девять вымпелов. Учитывая, что испанский флот насчитывал двадцать семь линкоров и десяток фрегатов, Кордову это известие не испугало.

— Пусть идут! — кивнул он, выслушав донесение. — Наконец-то мы получим возможность достойно отомстить за давние обиды Непобедимой армады!

Кордову подвела разведка. У Джервиса на самом деле первоначально было всего девять линкоров, однако вскоре подошла отставшая эскадра, о которой испанцы просто не успели прознать. Таким образом, Джервису удалось собрать в единый кулак полтора десятка линейных кораблей и несколько фрегатов. И хотя это все равно было многим меньше, чем имели испанцы, зато на кораблях находились опытнейшие моряки, которые просто рвались в бой, чтобы посчитаться с предателями-испанцами. Столкновение двух враждебных флотов с каждым часом становилось все более неизбежным. Приближалось время славы Нельсона, славы, которую он так давно ждал.

Как гласят исторические хроники, 14 февраля, в день покровителя всех влюбленных святого Валентина, в районе мыса Сан-Висенти (в английском произношении Сент-Винсент), что на крайнем юго-западе Португалии, стоял редкий туман. Когда же ветер разогнал его, оказалось, что английский и испанский флоты находятся друг от друга в половине пределов видимости.

Англичане шли единой кильватерной колонной. Испанцы двумя: первая — в восемнадцать кораблей и вторая — в восемь. При этом дистанция между колоннами была опрометчиво большой.

— Штурман! Дайте наше счислимое место! — потребовал Нельсон, не отрывая от глаз подзорной трубы.

— Траверз мыса Сент-Винсент, сэр! — немедленно отозвался тот.

— Адмирал приказывает изменить курс! — доложил вахтенный лейтенант.

Нельсон молча развернул трубу в сторону флагмана Джервиса.

— Все правильно! — кивнул он. — Главнокомандующий хочет разбить большую колонну испанцев до подхода меньшей! Тем более что испанцам мешает ветер!

Обнаружив, что англичан намного больше, чем ожидалось, адмирал Кордова растерялся. Уходить было уже поздно, и он велел выстраивать традиционную боевую кильватерную колонну, уповая на то, что, обладая большей огневой мощью, ему все же

удастся удержать Джервиса на почтительном расстоянии, а затем постепенно оторваться от него. О том, чтобы самому атаковать, Кордова даже и не помышлял. Разумеется, и от англичан он ждал такого же построения — в лучших традициях давних англо-голландских войн.

Однако Джервис решил иначе. Он велел поднять сигнал, согласно которому его корабли, шедшие такой же кильватерной колонной, должны были повернуть в сторону испанцев и, пересекая их курс под острым углом, постепенно расчленить неприятельский флот на несколько отдельных групп, окружить их и уничтожить.

Видя, что англичане начинают решительно спускаться на его боевую линию, Кордова отдал приказание максимально сократить дистанцию между кораблями, чтобы не дать англичанам прорезать свой строй.

"Кэптен" Нельсона шел третьим в английской колонне. Вовремя поняв намерение Кордовы, Нельсон принимает отчаянное решение помешать ему. Для этого надо было как можно быстрее выйти из общего строя и обрушиться на испанцев. Дорога была каждая минута, и ждать сигналов с флагманского корабля было уже некогда. И Нельсон решил поступить так, как считал нужным в данной ситуации.

Чтобы понять авантюру, на которую решился Нельсон, достаточно вспомнить, что согласно морскому уставу всякое нарушение капитаном установленного боевого порядка каралось смертной казнью.

"Кэптен" резко поворачивает свой форштевень в сторону от неприятеля и поднимает все паруса. Издалека это выглядит как бегство. Но, поймав ветер, линейный корабль Нельсона тотчас разворачивается и, набирая ход, устремляется прямо в середину испанского флота, корабли которого еще только начали смыкать свои ряды. Спустя четверть часа Нельсон уже был посреди испанцев.

Знаменитый американский военно-морской историк Мэхен так оценивал роль Нельсона в сражении при Сент-Винсенте: "К счастью для Джервиса, Нельсон был на третьем корабле, считая от концевого. Вполне усвоив цель своего начальника, он увидел, что усилиям достичь ее грозит поражение, и, не дожидаясь приказаний, немедленно вышел из линии и направил свой корабль "Кэптен" на пересечение курса передних кораблей противника. В этом своевременном, но в величайшей степени смелом движении, которое чрезвычайно ярко иллюстрирует огромную разницу между отчаянным и бесстрашным поступком, 74-пушечный корабль Нельсона прошел впереди испанского

отряда и затем атаковал 130-пушечный "Сантиссима-Тринидад" — самый большой из кораблей того времени". (На самом деле на "Сантиссиме-Тринидад" было в то время 136 орудий.)

Теперь рядом с "Кэптеном" оказались сразу семь испанских линейных кораблей, которые немедленно открыли ожесточенный огонь. Энергичней всех палил из огромных пушек "Сантиссима-Тринидад". На "Кэптен" в одно мгновение обрушились сотни ядер, и, стреляй испанские комендоры более метко, Нельсону пришлось бы плохо. Некоторое время его линкор один выдерживал натиск доброй трети неприятельских кораблей. Однако было ясно, что долго так продолжаться не может. Вся надежда была на то, что Джервис поймет маневр Нельсона и придет к нему на помощь. И он понял его! Главнокомандующий немедленно приказал заднему мателоту[4] "Кэптена" "Экселенту" поддержать Нельсона всем, чем можно.

Энергично паля из пушек, "Экселент" под командованием старого и верного друга капитана Коллингвуда пробился к "Кэптену", следом за ним прорвались еще два линейных корабля.

Согласно официальным отчетам о сражении пушки "Экселента" палили в неприятеля с интервалом в какие-то полминуты, в то время как испанцы могли отвечать всего лишь раз в пять минут. Таким образом, на одно испанское ядро англичане отвечали десятью! Даже учитывая численное превосходство испанцев, ситуация складывалась не в их пользу. Помимо всего прочего, английские корабли, умело сманеврировав, зашли испанцам в корму и теперь буквально вычищали их палубы беспощадным продольным огнем. Не выдержав такого неистового напора, вскоре два испанских линейных корабля спустили свои флаги. Но это было только начало разгрома. Затем Нельсон взял один за другим на абордаж еще два испанских корабля.

Из отчета капитана Нельсона о сражении у мыса Сент-Винсент: "К этому моменту "Кэптен" потерял стеньгу, на нем не осталось ни одного целого паруса, веревки или ванта; штурвал был также сбит, и так как корабль не мог более служить в линии или в погоне, то я приказал капитану Миллеру положить руль вправо и, вызвав команду абордажников, приказал идти на сближение.

Особое рвение, которое делает им честь, проявили солдаты 69-го полка во главе с лейтенантом Пирсоном; они были среди лучших в этом деле. Первым, кто прыгнул на вражеский бизань-руслень, был капитан Берри, бывший мой первый лейтенант, его поддержали со стороны парусного склада, потом солдат 69-го полка, разбив окно верхнего кормового балкона, вскочил туда же,

за ним — я со всеми остальными. Двери кают были заперты, испанские офицеры стреляли в нас из пистолей через окна, но, высадив двери, наши солдаты продолжали стрелять, и испанский бригадир упал, отступая к корме.

Пробившись к корме, я увидел, что капитан Берри завладел полуютом, а испанский прапорщик спускает флаг. В этот момент с "Сан-Жозефа" поднялась стрельба из мушкетов и пистолей, нас расстреливали из адмиральской кормовой галереи. Но теперь уже весь корабль целиком был занят нашими бойцами. Примерно семеро моих людей были убиты, несколько человек ранено, испанцев пострадало около двадцати.

Поставив часовых на разных трапах и приказав капитану Миллеру бросить побольше солдат на "Сан-Николас", я направил своих людей на захват этого корабля 1 — го класса, что и было сразу исполнено. Вбежав на грот-руслень, я увидел испанского офицера без оружия, который сообщил мне, что корабль сдается. Эта радостная весть заставила меня выскочить на корму; здесь испанский капитан, преклонив колено, вручил мне свою шпагу и доложил, что смертельно раненный адмирал находится внизу. Я пожал капитану руку и предложил сообщить офицерам и команде, что корабль сдался, что он и выполнил. Итак, на корме испанского корабля 1-го класса я получил шпаги поверженных офицеров — это кажется невероятным — и передал их Уильяму Ферни, одному из матросов с баркаса, который с величайшим хладнокровием сунул их под мышку. Со мной были: капитан Берри, лейтенант Пирсон, Джон Сайке, Джон Томпсон, Фрэнсис Кук и Уильям Фернел — все старые "агамемноновцы", а также другие солдаты и матросы. Так были повержены эти корабли".

(Взятие на абордаж сразу двух кораблей, переходя при этом с одного на другой, английскими остряками было названо "мостом Нельсона".)

Полной победы англичанам добиться, однако, не удалось. Потеряв четыре линейных корабля, остальной испанский флот все же сумел оторваться от неприятеля и уйти в свои порты. Британские корабли были так сильно избиты в сражении, что о серьезном преследовании испанцев не могло быть и речи.

Когда после сражения Нельсон прибыл для доклада к Джервису, то сильно нервничал. Причины для этого были: он нарушил все параграфы морского устава, не подчинился приказам главнокомандующего и дрался с неприятелем исключительно по своему усмотрению.

Джервис встретил Нельсона на корме своего флагмана.

— Я даже не знаю, как вас благодарить за ваш подвиг, мой дорогой Горацио! — сказал он.

И капитан почувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Учитывая, что "Кэптен" был разбит буквально в щепы, Джервис велел Нельсону перебраться на менее пострадавший "Иррезистибл" и, не дожидаясь официального повышения в чине и наград, поднять на нем брейд-вымпел младшего флагмана, минуя всякое старшинство.

Последнее сразу же вызвало ропот среди капитанов, и завистники не преминули тут же напомнить главнокомандующему о нарушении Нельсоном целого ряда положений морского устава. Капитан Роберт Кальдер от имени недовольных заявил, что неожиданный для всех маневр Нельсона — это настоящее преступление перед законом. Однако Джервис оказался на высоте.

— Все это так, но если когда-нибудь вы так же нарушите мой приказ, то я прощу и вас! — ответил он.

Нельсон более всего был благодарен своему другу Коллингвуду за оказанную помощь в бою. Между друзьями состоялся обмен любезностями. В записке, которую передал Нельсон, значилось: "Друзья познаются в беде. Эта поговорка как нельзя лучше подтвердилась вчера, когда вы своим благороднейшим и доблестным поведением спасли "Кэптена" от дальнейших потерь".

Коллингвуд не остался в долгу и в ответном послании наскоро начертал растрепанным пером: "Я поздравляю вас с выдающейся ролью, которую вы всегда берете на себя, когда на карту поставлены интересы и честь страны. Небольшая помощь, которую я оказал, значительно усилила мое чувство удовлетворения по поводу разгрома испанцев".

Победа при Сент-Винсенте была нужна Англии как воздух. Только что страна получила две пощечины: Тулон и изгнание флота из Средиземноморья. Лопнула с таким трудом создаваемая антифранцузская коалиция. На островах со страхом ждали вторжения французов, которые уже собрали силы в голландском Текселе.

Победа при Сент-Винсенте обрушила на Нельсона настоящий водопад наград. Через неделю он уже был контр-адмиралом синего флага с одновременным назначением младшим флагманом Средиземноморского флота и рыцарем ордена Бани, а следовательно — и дворянином. Но более всего обрадовался Нельсон большой золотой медали на массивной цепи, которую получили все участвовавшие в битве при Сент-Винсенте старшие офицеры. Он тут же повесил медаль на шею и почти с нею не расставался.

— Такую цепь и такую медаль нельзя получить по связям или купить за деньги! — с гордостью говорил Нельсон. — А потому я всегда буду гордиться ею больше, чем всеми титулами, которыми меня уже наградил и наградит в будущем король!

Что касается присвоения контр-адмиральского чина, то считается, что как раз к моменту сражения при Сент-Винсенте Нельсону подошла очередь на этот чин согласно старшинству. Проверить правомерность этого утверждения не представляется возможным, но более вероятно, что очередь была все же несколько подправлена, чтобы ускорить награждение героя. На это, кстати, намекали и сразу же во множестве появившиеся недоброжелатели, нашедшиеся даже среди участников сражения. Однако вклад Нельсона в победу оказался столь велик, что позволил и Джервису, и лордам Адмиралтейства проигнорировать все жалобы на него.

Друзья и родственники слали полные восхищения поздравительные письма. Фанни мгновенно освоилась с новым положением адмиральши и уже с высоты своего положения наставляла не в меру храброго мужа: "Я, может быть, и смогу как-то пережить это огромное счастье, но что мне сказать по поводу твоих абордажей? До сих пор тебя хранила небесная сила, и ты совершил много отчаянных подвигов. А теперь, хочешь ты этого или нет, но я настоятельно тебя прошу — больше не участвуй в абордажах. Для этого есть капитаны!"

Особенно был горд подвигом Нельсона его отец. Принимая поздравления соседей и старых друзей семьи, он был столь возбужден, что не мог спать. Сыну он писал: "Благодарю Господа всем сердцем, всей благодарной душой за величайшую милость, оказанную мне: он сохранил жизнь моему сыну. Не только мои немногие приятели в Бате, но и люди незнакомые останавливали меня на каждом шагу и говорили добрые слова. Их было так много, что мне пришлось скрыться. Слава, которую ты заслужил благодаря профессиональным знаниям, разумной храбрости и хранившему тебя Провидению, подняла тебя, мой дорогой мальчик, до высот, которых достигают немногие из сыновей; к тому же немногие отцы доживают до того, чтобы такое увидеть. Слезы радости невольно бегут по моим морщинистым щекам. Кто может выдержать такой натиск поздравлений? Имя и подвиги Нельсона на устах у всех жителей Бата, от простого уличного певца до актеров городского театра. Глаза всех сверкают от радости, и грустная Британия заулыбалась, откинув с лица вуаль".

Не был обойден наградой и сэр Джон Джервис, ставший отныне графом Сент-Винсент и увековечивший, таким образом, в своем титуле ничем дотоле не примечательный мыс.

* * *

На фоне всеобщей эйфории от одержанной при Сент-Винсенте победы совершенно неожиданным стало известие о восстании на эскадре, прикрывающей пролив Ла-Манш от французского вторжения. Восстание произошло буквально через пару недель после сражения. Почти сразу к матросам боевых кораблей примкнули матросы Портсмута, а вслед за ними и Плимута. Затем, словно по команде, почти в полном составе восстал базирующийся на Ярмуте флот Северного моря. Капитаны и офицеры повсеместно изгонялись со своих кораблей. Неведомо какими путями, но известие о восстание дошло даже до судов, несущих службу у берегов Южной Африки, и волнения начались и там. Боевые действия на всех морских театрах сразу же затихли. Неприятель получил весьма выгодную передышку, которой, разумеется, не мог не воспользоваться.

Подобного в Англии еще не бывало никогда. В одно мгновение победный флот превратился во врага собственного государства, причем все это случилось в один из самых драматичных моментов его истории!

Честно говоря, в Адмиралтействе уже давно знали, что среди матросов происходит что-то неладное. Еще в 1795 году контрадмирал Паттон прислал в Адмиралтейство меморандум о царящем среди матросов недовольстве жестокими порядками и низким жалованьем. С меморандумом лорды во главе с графом Спесером ознакомились.

— Потерпят! — высказал затем общую мысль первый лорд, и меморандум положили под сукно.

Год спустя забил тревогу некий капитан Пэкинхэм, предупредивший первого лорда, что жалованье матросов из-за инфляции стало настолько мизерным, что возможен бунт. После этого командующий эскадрой адмирал Хау получил подряд сразу несколько писем, предупреждающих о готовящемся бунте. Но и это не вразумило лордов-адмиралов.

Разумеется, что помимо издевательств и нищеты на матросов большое влияние оказали и события в соседней Франции. Вполне естественно, что если здесь тебя не считают за человека, а у соседей такие же, как ты, матросы являются полноправными гражданами и могут заседать хоть в Конвенте, то невольно задумаешься: чем же ты хуже?

Английский историк Г. Маркус пишет: "К весне 1797 года на нижней палубе преобладало всеобщее, имевшее глубокие корни недовольство размерами и сроками выплаты жалованья… Оно выплачивалось все еще в размерах, установленных в царствование

короля Карла Второго. В то же время матросы на торговых судах получали в четыре раза больше военных моряков… Существовало недовольство порядком распределения и выплаты призовых денег, питанием, одеждой, отпусками и дисциплиной".

А вот мнение очевидца событий врача Джонсона: "Ни один человек, который смог бы придумать, как попасть в тюрьму, не стал бы моряком. Ибо быть на корабле — это все равно что быть в тюрьме, но вдобавок к этому иметь шанс утонуть… Человек в тюрьме имеет более просторное жилище, лучшую пищу и, как правило, лучшее общество".

Пока в Лондоне думали, что же предпринять для наведения порядка, у матросов появились уже и политические требования: амнистия всем участникам восстания, введение в состав военных судов своих представителей, изменение ряда уставных параграфов, касающихся наказаний, возвращение на корабли офицеров только после голосования каждой кандидатуры среди матросов. Последний пункт был явно позаимствован у французских коллег, которые с началом революции именно таким образом решали судьбы своих офицеров.

Самыми решительными казались матросы, восставшие в Грейт-Норе во главе с мичманом Ричардом Паркером. В свое время его силой забрали на корабль. Благодаря своим способностям и образованию он дослужился до мичмана, после чего ушел с флота. Но с началом войны его вновь забрали на флот. Не чуждый революционных взглядов и пользующийся большим авторитетом среди матросов, Паркер быстро стал настоящим вожаком восстания. Именно по совету Паркера матросы избрали от каждого из кораблей делегатов, которые совместно и принимали все решения. На кораблях поддерживался строгий порядок и соблюдался распорядок дня, было запрещено спиртное и присутствие женщин.

Затем восставшие обратились с письмом в английский парламент. Это уже само по себе было неслыханно, но еще более поразительным был сам текст этого матросского письма: "Соотечественники! Нам нужно объяснить свое поведение. Министры его величества знают, что наши намерения исходят из закона гуманности, чести и безопасности народа, с давних пор брошенных под ноги теми, кому следовало бы быть его друзьями и защитниками собственности и законов.

Пресса допускает ложь и заставляет вас верить вещам, столь же далеким от наших целей, как далеко поведение правителей от чести и приличий. Мы, несшие тяготы утомительной и позорной войны, — станем ли мы жертвами тиранов, которыми подлые мошенники, раззолоченные и разжиревшие, утопающие в

изобилии и роскоши, намерены обременить вас?

Мы, взбиравшиеся среди бурь и военной грозы по качающимся снастям на смертельную высоту гнущихся мачт, — будем ли мы терпеть, чтобы с нами обращались хуже, чем на улицах Лондона с собаками?

Мы, кто в яростной схватке сбивали и покоряли гордого врага, защищая берег от нашествия, ваших детей от смерти и ваше имущество от грабежа, — будем ли мы марионетками в руках своры людей, добывших титулы, награды и богатство благодаря нашим рукам? Нет! Настал век разума наконец! Мы долго пытались найти в себе человека, теперь мы себя нашли.

Мы бесконечно далеки от мысли о ниспровержении правительства нашей любимой родины. Мы самого высокого мнения о нашем короле, и мы убеждены, что не по его указанию принимаются против нас меры, дабы лишить нас прав человека.

Соотечественники! Вы и отдаленно не можете представить условий, в которых мы живем уже не один год. В Риме были Нерон и Калигула, но они есть и во флоте Британии. Без следов добродетели, способностей, образования, они позволяют себе позорные жестокости над теми, кто из-за нужды или патриотических чувств поставлен под их власть. Они пребывают под светилом благополучия, а мы — незачем объяснять, кто мы, — работаем под страхом мучений, которые только может придумать бесчеловечный скот.

Матросы Британии — львы великодушные и благородные. Никто не должен причинять им вреда. До сих пор мы работали для вас и для нашего короля. И теперь мы вынуждены подумать о себе. Многие из нас были в плену и с начала войны не имели ни фартинга. Разве мы не имеем права на жалобу? Да прикажет король уплатить нам, и огорчение, которое мы доставили ему, будет уничтожено, и мы с энергией приступим к любимому делу для защиты нашей родины. Но до вашего согласия на наши требования мы решили остановить всю торговлю и перехватить все продовольствие ради нашего существования.

Военное командование повысило себе плату, чтобы закрепостить и оскорбить нас. Но нас не испугать! Наш девиз: "Бог и мое право!" (Этот девиз начертан на гербе Англии. — *В. Ш.*), и мы презираем попытки обмануть нас. Мы не склонны следовать примеру соседней страны, хотя и могли бы. Но мы хотим лишь добиться того, чего требуем, пусть даже дорогой ценой.

Соотечественники! Мы открыли проделки правительства, снабжающего наших врагов товарами. Возможно, что спустя несколько дней мы придем к большому открытию. Дорогие

соотечественники! Мы ваши преданные и любящие братья!"

Не считаться со своим восставшим флотом английское правительство не могло. Полным ходом шли боевые действия, и надо было что-то срочно решать. Поэтому парламент в считаные дни принимает закон об удовлетворении части требований восставших, и в первую очередь — об увеличении им денежного содержания. Затем король подписал указ об амнистии всем участникам восстания. Указ зачитали на кораблях и продемонстрировали матросам королевскую печать. Накал восстания сразу спал. Среди матросов начался разброд: одни хотели продолжать борьбу, другие, которых было большинство, считали, что уже добились своего, и продолжение мятежа считали опасным делом. Постепенно офицеры возвращались на корабли и брали власть в свои руки. Вскоре порядок в британском флоте был восстановлен. В Лондоне вздохнули спокойно — и тотчас же забыли о дарованной амнистии, среди матросов начались повальные аресты.

Предвидя такое развитие событий, зачинщики восстания бежали в Голландию и Францию. Не бежал лишь Ричард Паркер, безусловно, понимавший, что ему пощады не будет. Так оно и случилось.

8 течение трех месяцев на борту линейного корабля "Нептун" шли заседания военного суда. В результате вынесенных приговоров были повешены 25 человек, несколько сотен избиты плетьми. К повешению был приговорен и Паркер, державшийся на суде с большим достоинством. Он отказался просить короля о помиловании и 30 июня 1797 года был вздернут на рее "Нептуна".

Что касается флота графа Сент-Винсента, то матросские волнения не обошли стороной и его. Однако энергичному командующему все же удалось удержать власть в своих руках.

9 июля 1797 года он собрал весь свой флот у Кадиса. Команды были выстроены на палубах. Затем на виду всего флота на флагманском "Сент-Джордже" были повешены четверо зачинщиков.

Было воскресенье, а согласно старой английской традиции в этот день казни никогда не проводились, но Сент-Винсент так спешил расправиться со смутьянами, что наплевал на все традиции. Часть офицеров во главе с младшим флагманом вице-адмиралом Томпсоном возмутились таким неуважением к неписаным флотским законам. Томпсон написал главнокомандующему письмо, в котором просил не нарушать установленных порядков и не осквернять воскресенье казнями.

— Мне не нужны слюнтяи! — в бешенстве топал ногами Сент-Винсент, прочитав письмо своего младшего флагмана. — Я

лишаю его права командования! Пусть немедленно спускает свой флаг!

В тот же день вице-адмирал Томпсон был лишен своей должности и отозван в распоряжение Адмиралтейства. Казни состоялись в точно установленное время. Что касается Нельсона, то он был полностью на стороне своего главнокомандующего.

— Какая разница, в какой день вешать! — возмущался Нельсон тем же воскресным вечером в адмиральском салоне "Сент-Джорджа". — Главное, чтобы наказание свершилось! Будь сегодня даже не простое воскресенье, а Рождество, то вожаков восстания все равно следовало бы казнить!

— У восставших ныне остался последний оплот — порт Грейт-Нор, но и там их усмирят в течение нескольких дней! — удовлетворенно заметил граф Сент-Винсент.

— Сэр! — вскочил со своего стула Нельсон. — Я посчитал бы за честь командовать кораблем, который вы отправите на усмирение мятежников!

— Там управятся и без нас! — хмыкнул адмирал, пристально поглядев на своего подчиненного.

(Пройдет совсем немного времени, и Нельсон все же запятнает свое имя казнями, причем такими, в которых не было никакой необходимости.)

— С матросским мятежом мы сегодня покончили, но меня волнуют мои офицеры! — поморщился граф Сент-Винсент. — Я боюсь неосмотрительных разговоров среди них и вредной привычки обсуждать полученные приказания!

На требование Лондона объяснить свое поведение относительно воскресных казней Сент-Винсент ответил: "Я надеюсь, что епископы не осудят меня за осквернение воскресенья… Преступники просили дать им пять дней для приготовления к смерти — за эти дни они успели бы организовать еще пятьсот заговоров".

В этих строках — истинная причина торопливости Сент-Винсента. Главнокомандующий был просто не уверен в своих командах и боялся новой вспышки неповиновения. Для этого следовало произвести публичную казнь вожаков, и как можно быстрее.

Свой контр-адмиральский флаг Нельсон поднял в те смутные дни на 74-пушечном линейном корабле "Тезей". Адмирал Джервис заставил Нельсона принять именно "Тезей" не случайно. В недавнем всеобщем матросском бунте команда "Тезея" была одной из заводил.

— В средствах не стесняйтесь! — наставлял Джервис Нельсона. — Если будет надо, перепорите хоть всю команду! Не

поможет — вешайте! Я заранее одобряю все ваши действия!

Однако никого наказывать Нельсону не пришлось. Едва он ступил на палубу своего нового флагмана, как обнаружил подброшенное письмо. Открыв его, контр-адмирал прочитал: "Да сопутствует успех адмиралу Нельсону! Благослови Бог капитана Миллера! Спасибо за офицеров, которых над нами поставили. Нам хорошо сейчас и спокойно, а если будет нужно — отдадим за вас каждую каплю крови, что течет в наших жилах. Прославим имя корабля так же, как славится имя его начальника!"

Глава девятая
ДРАМА ПРИ ТЕНЕРИФЕ

Улеглись восторги по поводу победы у мыса Сент-Винсент, и продолжилась утомительная и изнуряющая блокадная служба. "Тезей" должен был осуществлять блокаду испанского порта Кадис, того самого, в котором еще совсем недавно так радушно принимали английских моряков.

Блокада была последним шансом Англии поставить на колени своих противников, лишить их всей морской торговли и связи со своими колониями, расшатывая их экономику. А потому от блокады более всего страдали старые колониальные державы, и в первую очередь почти полностью зависящая от своих многочисленных колоний Испания.

Напуганные недавним разгромом, испанцы не рисковали больше выходить в море. Нельсон откровенно тяготился однообразными блокадными буднями. Уже вкусив победы, он желал побеждать снова и снова. Именно поэтому он на свой страх и риск организовал ночные обстрелы Кадиса, а затем в одну из ночей подобрался на вооруженной мортирами барже в гавань к стоявшему в дозоре испанскому линейному кораблю и взял его на абордаж. В этой яростной ночной схватке Нельсон едва остался жив. Его спас случайно оказавшийся рядом матрос Джон Сайке.

Из воспоминаний одного из участников этого боя: "Казалось, ему (Сайксу. — *В. Ш.*) больше дорога жизнь адмирала, чем своя собственная; каждый удар, нанесенный им, спасал его храброго командира. Дважды Сайке отводил от него удары, которые были бы для Нельсона смертельны. Мы резали, кололи, стреляли, перезаряжать мушкеты было некогда. Испанцы дрались как черти. Казалось, они хотят отомстить Нельсону за его недавнюю победу. Они, видимо, знали его в лицо, потому что направляли свои удары как раз на него и на других офицеров. Сайке успел уже дважды спасти адмирала, когда увидел занесенную над ним саблю, наверняка размозжившую бы ему голову. В долю секунды он понял, что не сможет отвести удар: испанец стоял между ним и Нельсоном. Еще миг, и Нельсон был бы убит… Матрос подставил свою руку. Мы все это видели, мы — свидетели этого подвига. Издав победный клич, мы с удвоенной яростью бросились на врага. Восемнадцать испанцев пали замертво. Мы взяли корабль на абордаж и увели его; на нем оставались только убитые и раненые. "Сайке, — сказал Нельсон, обнимая храброго матроса, — я никогда этого не забуду". Мой раненый товарищ

только посмотрел в глаза адмиралу и сказал: "Слава богу, вы живы, сэр!""

Удивительно, но никогда и нигде Нельсон не упоминал имени своего спасителя. Что стало с однoруким инвалидом Сайксом, тоже неизвестно. При этом Нельсон, хвастаясь этой ночной вылазкой, любил при каждом удобном случае похвалить самого себя:

— В этой драке моя личная храбрость была, как никогда, огромна!

А спустя несколько дней адмиралу Джервису доставили известие, что на остров Тенерифе Канарского архипелага прибыл из Мексики груженный золотом испанский галеон. Едва узнав об этом, Нельсон начал осаждать своего начальника, прося отпустить его на Тенерифе.

— Вспомните, сэр, еще в 1657 году адмирал Блэйк предпринимал набег на Тенерифе, где захватил шесть галеонов с серебром! Неужели мы не в состоянии захватить и одного? — вопрошал Нельсон своего неуступчивого начальника.

Джервис отнекивался, понимая, что испанцы будут защищать свой галеон отчаянно и потерь при его захвате не избежать. Однако в конце концов граф Сент-Винсент сдался.

Вне всяких сомнений, что Нельсона помимо жажды славы на Тенерифе влекла и жажда обогащения. В случае захвата галеона его процент был бы столь велик, что сразу же решил бы все материальные проблемы до конца жизни. Думается, не устоял перед соблазном испанского золота и Джервис. Как бы то ни было, но разрешение на набег он дал. Тогда же Джервис и Нельсон выработали план операции. Выделенный контр-адмиралу отряд кораблей должен был в сумерках подойти к гавани Санта-Крус на Тенерифе, где, согласно разведданным, все еще находился "золотой галеон". Затем произвести неожиданный обстрел гавани и одновременно высадить десант. Предполагалось, что из-за внезапности удара и темноты испанцы не окажут серьезного сопротивления и разбегутся. После этого захватывался галеон. Золото и все самое ценное с него переправлялось на корабли английского отряда, после чего Нельсон должен был возвращаться обратно.

В подчинение Нельсону были выделены три линейных корабля, три фрегата и несколько мелких судов. Младшим флагманом отряда был назначен капитан Трубридж.

Зная нрав своего младшего флагмана, Джервис особо оговорил, чтобы тот не лез в бой, а лишь руководил им. Нельсон в том его полностью заверил.

Однако экспедиция сразу же не заладилась. Штормы и

встречные ветры сильно замедлили продвижение отряда к острову. Не удалось рассчитать и время подхода к Тенерифе, а потому Нельсон подошел туда в середине дня. Фактор внезапности был полностью потерян. Кроме этого, в самый последний момент выяснилось, что испанцы уже разгрузили галеон и спрятали золото в подземельях главной цитадели. Теперь, чтобы добраться до него, надо было штурмовать крепость. Правда, в гавани стояло груженное ценными товарами манильское судно, но овчинка выделки явно не стоила. К большой досаде англичан, выяснилось, что береговые форты Санта-Круса находятся в намного лучшем состоянии, чем предполагалось. Даже невооруженным глазом было видно, как испанцы на береговых батареях энергично готовятся к бою, как подтягиваются в гавань пехотные батальоны. В таких условиях надо было начинать отход. Капитаны, тоже понюхавшие пороха на своем веку, советовали Нельсону если не уходить, то хотя бы не высаживать десант, а ограничиться обстрелом. Так, наверное, мог поступить кто угодно, но только не Нельсон! Приказ контр-адмирала был категоричен:

— Через десять часов я буду победителем или же потерплю поражение! Мы захватим все, что движется по водной поверхности! Начинать атаку!

Десант устремился к фортам Санта-Круса. Несмотря на отчаянную храбрость англичан, испанцы без особого труда отбили несколько атак. Но Нельсон был упрям.

— Ничего страшного! — сказал он, собрав капитанов. — Мы повторим атаку через два дня, а пока начнем бомбардировку порта!

Приемный сын Нельсона Джосая умолял разрешить ему участвовать в готовящейся атаке. Нельсон поначалу был против:

— Что будет с твоей матерью, если мы с тобой погибнем? Однако мальчишка не отставал и Нельсон, вспомнив себя в таком возрасте, в конце концов уступил под напором просьб, доводов и даже слёз.

Испанцы, понимая, что раз англичане не уходят, то будут пытаться их атаковать вновь, укрепляли свои позиции. Было очевидно, что легкой победы Нельсону на Тенерифе не видать. Понимая это, контр-адмирал составил завещание, подробно расписав, как распорядиться его нехитрым имуществом. Затем написал письмо и адмиралу Джервису, в котором оправдывался за то, что был убит, и объяснял неудачу своего предприятия: "Не буду затрагивать вопрос о том, почему мы не захватили Санта-Крус раньше. Ваше хорошее отношение ко мне поможет вам понять, что все возможное было сделано, однако —

безрезультатно. Сознавая свою скромную роль, я все же поведу за собой этой ночью всех, кому предстоит высадка под обстрелом городских орудий. Завтра моя голова будет увенчана либо лаврами, либо ветвями кипариса"…

Заключительная часть письма Нельсона выглядит не слишком оптимистичной, ведь кипарис, как известно, в античном мире являлся деревом траура и печали.

Не забыл Нельсон и о сорванце Джосае. Понимая, что в случае его смерти мальчишка лишится поддержки и с его карьерой будет покончено, Нельсон просит за пасынка у Джервиса: "Позволю себе поручиться за Джосаю Нисбета перед вами и родиной. Уверен, что в случае моей гибели герцог Кларенс заинтересуется моим пасынком, для чего будет достаточно лишь упомянуть его имя".

Капитаны как один сомневались в успехе. Нельсон был с ними честен:

— Я полностью разделяю ваше мнение, однако честь Англии требует новой атаки, командование которой я беру на себя!

— Но это слишком опасно! — подал голос один из капитанов.

— Не стоит волноваться! — сухо заметил контр-адмирал. — Я уверен, что не вернусь из этой атаки!

В одиннадцать вечера, когда над островом опустилась черная южная ночь, от борта английских кораблей неслышно отошли шлюпки с десантом. Матросам и солдатам было строжайше велено молчать. Чтобы не скрипели уключины, их обернули тряпками. Но ничего не помогло. Едва шлюпки приблизились к берегу, как на них обрушился яростный огонь защитников Санта-Круса. Несмотря на сильнейший огонь и огромные потери, передовые шлюпки все же пробились к берегу, а солдаты и матросы даже сумели кое-как на нем закрепиться. Теперь надо было доставить на остров основную часть десанта. Во главе этого отряда шел сам Нельсон. Ему удалось добраться до берега, однако, едва ступив на песок, он был в упор поражен картечью. Нельсон упал как подкошенный. Выпрыгнувший рядом из шлюпки Джосая услышал его сдавленный стон:

— Я умираю!

Из правой руки Нельсона фонтаном хлестала кровь. Мушкетная пуля раздробила ему кость выше локтя. Несмотря на весь ужас ситуации, мальчик не растерялся. С помощью одного из матросов он затащил отчима в шлюпку. Затем сорвал с шеи свой шелковый платок и туго перевязал им руку выше локтя. Чтобы Нельсон не видел своей обезображенной руки и обилия крови, Джосая прикрыл раздробленную руку адмиральской треуголкой. Затем юный мичман велел матросам взяться за весла и повез

Нельсона на ближайший из кораблей. Этот короткий переход был далеко не простым, так как испанцы простреливали из пушек всю гавань. Умело уклоняясь от ядер, Джосая достиг ближайшего из кораблей, которым оказался "Сихорс". Однако Нельсон наотрез отказался подниматься на корабль, так как на борту находилась жена капитана и он не желал пугать ее своим растерзанным видом. Даже в полумертвом состоянии Нельсон оставался джентльменом…

— Я скорее умру, чем побеспокою миссис Фримантл! Кроме того, я не могу ничего сообщить ей о судьбе ее мужа!

Матросы снова взялись за весла и Джосая направил шлюпку к "Тезею". Встречавшие шлюпку матросы хотели поднять командующего на борт, но Нельсон их остановил:

— Оставьте! У меня есть еще одна рука и две ноги. Этого вполне достаточно, чтобы подняться. Передайте врачу, чтобы скорее готовил инструменты к операции. Я знаю, что руку придется отнять, и чем скорее, тем лучше!

С борта кинули веревку, Нельсон схватился за нее левой рукой, и контр-адмирала, помогавшего себе ногами, быстро втащили на палубу. Вид окровавленного командующего был ужасен. В адмиральском салоне его уже ждал хирург, вместо анестезии — два стакана рома. Кость оказалась раздробленной, и врачу пришлось ампутировать руку чуть не до плеча. Во время операции Нельсон не издал ни звука, иногда лишь глухо стонал и кусал в кровь губы.

Из медицинского журнала линейного корабля "Тезей": "Адмирал Нельсон. Открытый перелом правой руки, причинен пулей мушкета; пробита кость выше локтевого сустава, разорвана артерия. Рука незамедлительно ампутирована, раненому дан опиум".

Пока верный Джосая спасал своего отчима из-под пуль, пока Нельсон лежал на операционном столе, капитан Трубридж, возглавивший десант, попал под перекрестный огонь крепостных пушек и выбросил белый флаг. Песчаный берег был завален трупами матросов и солдат. Из числа высаженных десантников вернуться посчастливилось немногим. Часть погибла еще по дороге к берегу, часть была расстреляна прямо на пляже, остальных расстреляли пушками уже на обратном пути. На корабли вернулись лишь жалкие остатки.

Всего погибли 114 офицеров и матросов, еще больше были ранены. Это значительно превышало потери английского флота при Сент-Винсенте. Таким образом, испанцы рассчитались с Нельсоном за позор Сент-Винсента, и хотя потерь в кораблях англичане не имели, оплеуху они получили увесистую: вместо

бочек с золотом — саваны с мертвыми телами.

Впрочем, губернатор Тенерифе дон Антонио Гутиеррес оказался исключительно благородным и сострадательным человеком. Всех подобранных на залитом кровью берегу раненых английских солдат и матросов он приказал поместить в городской госпиталь и лечить наравне со своими. Захваченных в плен в тот же день вернул на английские корабли, предоставив для этого свои шлюпки. Позднее Нельсон был вынужден признать: "Он распорядился, чтобы наших раненых поместили в госпиталь, а всем остальным выдали лучшую провизию из той, что можно было достать: он объявил, что матросы с кораблей, стоящих на рейде, могут брать увольнение на сушу и покупать любые продукты, которые нам будут нужны".

Такое благородное отношение к противнику объяснялось, вероятно, тем, что неглупый Антонио Гутиеррес прекрасно понимал: ему, находящемуся вдалеке от митрополии, возможно, еще предстоит встретиться со всем английским флотом, нападение Нельсона — это наверняка лишь разведка боем, потому следовало, во-первых, не злить лишний раз и без того униженных поражением англичан, а во-вторых, подстраховаться на случай собственной неудачи в будущем. После столь радушного приема англичане уже никогда не посмели бы сделать ничего плохого ни его подчиненным, ни ему самому.

Поведением победителя Нельсон был растроган и написал ему признательное письмо: "Я не могу покинуть остров, не выразив Вашему Превосходительству самую искреннюю благодарность за Ваше внимание ко мне, за Вашу человечность по отношению к английским раненым, которые находятся в Вашем ведении или под Вашим присмотром, а также за Вашу щедрость, проявленную ко всем, кого высадили на Ваш остров. Все это я не премину доложить своему королю, надеясь также на то, что в свое время смогу лично засвидетельствовать свое почтение. Остаюсь Вашим преданным и скромным слугой. Горацио Нельсон".

С письмом он переслал губернатору пиво и сыр, а также предложил переправить его донесения испанскому правительству. Этот поступок был не менее галантным, чем разрешение Гутиерреса об увольнении англичан в город.

Британские корабли покидали рейд Тенерифе. Нельсон отлеживался в своем салоне, страдая не только от болей в кровоточащей культе, но и от осознания того, что именно он явился главным виновником поражения. Ему было совершенно очевидно, что известие о неудаче при Тенерифе погасит славу Сент-Винсента, а недруги и недоброжелатели вновь припомнят ему и внеочередной адмиральский чин, и дворянство, славу и

внимание короля. Раздадутся голоса, требующие судить его за напрасную гибель нескольких сотен людей и за позор британского флота. Левой рукой он с трудом писал своему начальнику и покровителю графу Сент-Винсенту: "Я стал обузой для друзей и бесполезным для своей страны; из моего предыдущего письма Вы почувствуете, какую тревогу я испытываю по поводу карьеры моего пасынка, Джосаи Нисбета. Когда я оставлю Вашу эскадру, я умру для всего мира: "Уйдя отсюда, стану невидимкой…" Я надеюсь, Вы дадите мне фрегат, который доставит в Англию то, что от меня осталось".

Печальную новость доставил графу Сент-Винсенту самый быстрый фрегат отряда "Эмерелд". Хорошо знавший четкий почерк своего подчиненного, Джервис с некоторым изумлением разбирал корявые строки и лишь в конце понял, что было тому причиной…

Соединившись с флотом, Нельсон все еще пребывал в тяжелейшей депрессии. Адмирал Джервис отнесся к нему с полным пониманием. Об этом говорит хотя бы тот немаловажный факт, что из уст своего начальника Нельсон не услышал ни единого упрека по Тенерифской операции. Конечно, в том, что произошло, была немалая вина и самого Джервиса, который поддался на уговоры Нельсона и прельстился злосчастным "золотым галеоном". Теперь он делал все от него зависящее, чтобы сгладить впечатление в Лондоне от неудачи. Сделать это можно было, только доказав, что все непременно бы получилось, если бы не тяжелое ранение знаменитого героя Сент-Винсента Нельсона, а потому, спасая его репутацию, адмирал Джервис спасал и свою собственную.

А Нельсон по-прежнему не мог обрести душевного равновесия. Джервису при встрече он говорил:

— Сэр! Я твердо знаю, что однорукий адмирал никогда и никому не понадобится, а потому чем скорее я укроюсь от всех в своей скромной хижине, тем будет лучше. Я просто обязан освободить место для более здорового и деятельного человека, который сможет принести пользу Англии!

Растроганный Джервис отвечал:

— Дорогой Горацио! Любой опыт — это прежде всего опыт, а потому после Тенерифе вы еще более нужны Англии, чем раньше. Рука для адмирала не самое главное, важно, чтобы у него была на месте голова. Несмотря на ваши раны, я буду ходатайствовать перед Адмиралтейством, чтобы вас оставили у меня в прежней должности. Война только начинается, и главные сражения с врагом еще впереди. Неужели у вас хватит совести бросить меня одного в столь непростое время и наслаждаться отдыхом в своей

хижине?

После разговора с главнокомандующим Нельсон понял, что винить его ни в чем не будут и в действующем флоте скорее всего оставят. Уже вполне ободренный, он пишет жене: "Это было невезение, обычное на войне, и у меня есть все основания все-таки благодарить судьбу. Я знаю, тебя очень обрадует весть, что именно Джосая, руководимый Божьим провидением, был моим главным спасителем. Не удивлюсь, если меня забросят и забудут; может быть, меня даже сочтут совсем бесполезным, однако я буду чувствовать себя счастливцем, если ты не перестанешь любить меня, как прежде. Умоляю тебя и отца не думать слишком много о моем несчастии, лично я уже давно был готов к чему-либо подобному".

— Если бы не случайное счастье Нельсона при Сент-Винсенте, то за Тенерифе его следовало бы отдать под суд! — злословили недруги.

— Нашему Горацио фатально не везет в береговых операциях! — сокрушались друзья. — В Никарагуа он едва не стал жертвой малярии, на Корсике потерял глаз и вот теперь на Тенерифе — руку! Пусть уж лучше командует на море, там у него все получается лучше!

* * *

Несмотря на все свои обещания оставить Нельсона в строю, Джервис, да и сам Нельсон, понимал, что без квалифицированного домашнего лечения ему на ноги не подняться. А потому, несмотря на слабые протесты раненого, адмирал Джервис дал ему отпуск по ранению и отправил в Англию поправлять здоровье. Итак, спустя четыре года после убытия на "Агамемноне" Нельсон возвращался на родину.

Воспоминания о Нельсоне того периода остались в мемуарах жены тогдашнего первого лорда Адмиралтейства леди Спенсер: "Когда я впервые увидела его в приемной Адмиралтейства, я подумала: какой странный человек. Он только что вернулся с Тенерифе, где потерял руку, и казался таким больным, что на него было тяжело смотреть. Создавалось впечатление, что человек этот "не в себе", поэтому, когда он заговорил и обнаружил блестящий ум, это было полной неожиданностью. На нем сосредоточилось все мое внимание".

Даже самые восторженные почитатели Нельсона среди английских историков вынуждены признать, что Тенерифская операция с самого начала была чистейшей авантюрой, из которой

не могло выйти ничего путного. Известный английский адмирал У. Джеймс писал в 1948 году: "Как могло случиться, что контр-адмирал… допустил эту грубейшую тактическую ошибку? Объяснение состоит в том, что… как он сам говорил, его гордость была уязвлена провалом его плана. И его сознание… на какое-то время было помрачено эмоциями, которые не должны воздействовать на принятие решений в ходе сражения". Что и говорить, при Тенерифе Нельсона подвели его гордыня и безрассудный азарт.

1 сентября 1797 года на фрегате "Сихорс" Нельсон прибыл в Англию. Фанни ждала мужа в курортном Бате, куда он должен был приехать, чтобы залечивать рану. Из письма Нельсона жене: "Я настолько уверен в твоей любви, что чувствую: ты получишь одинаковое удовольствие от моего письма, будет ли оно написано правой или левой рукой. Это случайность войны, и у меня есть большие основания быть ей признательным. Я знаю, ты получишь дополнительное удовольствие, узнав, что Джосая, благодаря Божьему промыслу, сыграл главную роль в спасении моей жизни. Что касается моего здоровья, то оно никогда не было таким хорошим, как сейчас… Но я не удивлюсь, если мной пренебрегут или забудут меня, поскольку, вероятно, меня уже сочтут бесполезным. Несмотря на это я буду чувствовать себя счастливым, если ты будешь по-прежнему любить меня".

Наш герой выдавал желаемое за действительное: на самом деле в это время его культя отчаянно болела, причиняя невыносимые страдания. Однако он храбрился и особенно на людях стремился выглядеть молодцом.

Именно благодаря своему тяжелому ранению Нельсон сразу же был возведен народной молвой в ранг мученика, а потому и не понес никакого наказания за тенерифскую неудачу. Чрезвычайно помогла Нельсону и пресса, создавшая образ героя-страдальца. Все газеты превозносили его роль при Сент-Винсенте и обвиняли других за Тенерифе. Главным виновником поражения объявили Джервиса, который поставил перед несчастным Нельсоном невыполнимую задачу. Храбрый Нельсон, выполняя приказ, потерял руку, а его начальник сидел в своей флагманской каюте за сотни миль от места боя… Джервис ничего ответить в свою защиту не мог, так как в это время находился далеко в море. Нельсон же и не подумал защитить своего начальника, поведав правду о том, кто был действительным вдохновителем тенерифской авантюры. Он молчал и наслаждался своим новым образом. Именно в эти дни простой народ Англии узнал о Нельсоне и сразу же полюбил его. Ведь в отличие от большинства других адмиралов Нельсон был таким же, как многие из них, —

сыном обычного сельского священника, ведь в отличие от подавляющего большинства холеных и самодовольных тучных адмиралов, маленький и тщедушный, он был весь покрыт боевыми ранами. Дотошные газетчики вызнали и о бедности израненного героя, что тоже прибавило ему популярности в народе. Удивительно, но тенерифское поражение принесло Нельсону славу не меньшую, чем победа при Сент-Винсенте, и вскоре он принял участие в двух весьма приятных для него церемониях. Городской магистрат Лондона объявил его почетным гражданином города, а несколько позднее то же сделал и магистрат города Бата. Нельсона от души поздравил его бывший начальник лорд Худ, а также первый лорд Адмиралтейства герцог Кларенский. По существующему обычаю Нельсону должны были вручить грамоту почетного гражданина Лондона в резиденции лорд-мэра в Гилд-холле при большом стечении народа и прессы. Нельсон очень волновался. Как оказалось, контр-адмирал совершенно не умел публично выступать, однако нашел выход и ограничил свою речь несколькими фразами.

Георг III лично вручил контр-адмиралу звезду ордена Бани. Это говорило о многом, ведь обычно ордена вручали командующие флотами. Но награду тяжело раненному герою вручить решил сам король! Церемония происходила во время большого приема. По старой традиции Нельсону предоставлялось право выбрать двух сопровождающих его на прием лиц. Он остановился на своем брате священнике Уильяме и верном боевом друге капитане Берри.

Во время церемонии встречи короля Нельсон, низко поклонившись, представился Георгу III. Тот несколько мгновений рассматривал контр-адмирала выцветшими голубыми глазами.

— О, Нельсон! Вы потеряли правую руку! Какая жалость! — воскликнул король, будто только сейчас узнал о случившемся несчастье.

— Но не своего верного помощника и соратника! — ответил Нельсон. — Ибо сейчас я имею честь представить вам, ваше величество, моего верного друга капитана Берри!

— Но ваша страна ждет от вас, Нельсон, еще кое-что! — улыбнулся король.

Нельсон просиял. Фраза короля свидетельствовала, что он не будет оставлен на береговой должности, а после лечения вновь получит назначение на боевой корабль.

— Требование его величества совершать новые подвиги во славу Англии дороже мне всех наград! — говорил в те дни Нельсон своим близким. — Потерю же своей руки я не считаю препятствием, и пока у меня останется хоть одна нога, на которой

могу стоять, я не перестану сражаться за моего короля и мое Отечество!

Эти слова Нельсона каким-то образом попали на страницы газет и еще более прибавили ему популярности.

Помимо награждения орденом Бани король назначил Нельсону ежегодную пенсию в тысячу фунтов. Сумма для Нельсона поистине фантастическая!

По существующим правилам Нельсон для оформления пенсии составил особый мемориал — краткое описание своих заслуг перед Англией. Там значилось, что он "принял участие в четырех сражениях с вражескими флотами, а именно 13 и 14 марта 1795 года, 13 июля 1795 года и 14 февраля 1797 года; в трех случаях атаковал фрегаты, шесть раз атаковал батареи, десять раз участвовал в лодочных операциях по блокированию гаваней и уничтожению отдельных судов, принимал участие во взятии трех городов. Служил также в армии на берегу четыре месяца и командовал батареями при осаде Бастии и Кальви. Во время войны содействовал захвату семи линейных кораблей, шести фрегатов, четырех корветов и одиннадцати катет ров, захватил или уничтожил около пятидесяти торговых судов. Участвовал в сражениях и стычках с врагом до ста двадцати раз".

Что и говорить, цифры весьма впечатляющие! Однако справедливости ради следует отметить, что нечто подобное могли написать о себе многие тогдашние британские капитаны. За долгие годы почти непрерывных франко-испанских войн их послужные списки выглядели весьма внушительно. И все же Нельсон был первым из первых!

Вот лишь некоторые высказывания о Нельсоне английских газет тех дней.

"Адмирал сэр Горацио Нельсон… который первого числа был встречен в Портсмуте всеобщими приветствиями, прибыл в Бат вечером в воскресенье в добром здравии и хорошем настроении, к великой радости его жены и преподобного отца и удовольствию всех, кто восхищается британской доблестью…"

"Бравый адмирал, безусловно, не в долгу перед своей страной. Он проявил себя самым примерным образом как герой, украшающий анналы военно-морского флота Англии…"

"Защищаемые такими людьми, как Нельсон, мы можем не обращать внимания на злобные угрозы наших врагов и с презрением относиться к диким проектам вторжения (в Англию. — В. Ж)".

Последняя цитата наиболее показательна, ибо упоминание фамилии без всяких титулов означало по английской традиции, что Нельсон уже возведен газетчиками в ранг национальных

героев, знать которых обязан каждый англичанин.

Художники наперебой просили написать портрет героя двух жестоких битв. Довольный Нельсон охотно позировал. Почти в каждом магазине теперь продавались репродукции наскоро написанных сюжетов: Нельсон в парадном мундире; Нельсон, задумчиво смотрящий в морскую даль; Нельсон при Сент-Винсенте и Нельсон при Тенерифе; Нельсон с двумя руками и двумя глазами и Нельсон с одной рукой и черной повязкой на глазу. Каждый мог выбрать образ по своему вкусу. Суета вокруг героя двух битв была несусветная. Когда графу Сент-Винсенту рассказали о происходящей вокруг Нельсона шумихе, он передернул плечами:

— Глупый малыш! Неужели он думает, что, позируя каждому лондонскому художнику, что-то добавляет к своей славе? Впрочем, может быть, ему будет полезно натешиться своей известностью! Чем скорее ему это наскучит, тем будет лучше для дела!

Что касается Фанни, то, думается, ей было нелегко увидеть вместо молодого и милого мужа однорукого и одноглазого седого калеку, однако она ничем не выдала своей тревоги.

Несколько месяцев Нельсон залечивал свою тяжелую рану, которая причиняла ему много страданий. Фанни в это время показала себя настоящим и преданным другом. Она не отходила от мужа ни на шаг, была ему и слугой, и нянькой, и медсестрой. Сама меняла повязки на медленно заживающей культе, кормила, читала книги и газеты, помогала разрабатывать левую руку, ободряла и развлекала. Наверное, Горацио и Фанни никогда еще не были столь близки душой и сердцем, как в эти месяцы.

Несмотря на лечение, Нельсон продолжал испытывать сильные боли в культе и, хотя старался бодриться на людях, спать теперь мог, только приняв опиум. Лихорадочное состояние вызывало боли во всем теле. Нельсон считал, что это следствие присущего всем морякам ревматизма. Однако было ясно, что долго так продолжаться не может. Супруги решают ехать в Лондон и проконсультироваться у лучших врачей. Медицинские светила быстро установили, что причиной острых болей является ошибка корабельного эскулапа, который в горячке боя плохо перевязал рану, в результате чего плечевая артерия оказалась пережатой, что и служило источником всех неприятностей.

— Что же мне делать? — поинтересовался удрученный Нельсон.

— Принимайте лекарства, делайте травяные компрессы, и со временем все придет в норму! — посоветовали ему.

— Но в том-то и дело, что у меня нет времени! — возмутился

контр-адмирал. — Идет война, и я обязан быть на своем посту!

— Тогда остается только терпеть! — развели руками седовласые хирурги.

С этого дня безрукий герой Сент-Винсента безропотно выполнял все медицинские предписания, стремясь как можно быстрее встать в строй. Одновременно он учился писать и действовать левой рукой.

Первое время Нельсон сильно переживал, что полученное ранение лишит его возможности служить на действующем флоте, но после обещаний короля успокоился. Из себя его теперь выводили лишь бесконечные вызовы на медицинское освидетельствование. Морские врачи не желали давать Нельсону никаких поблажек, и его это сильно задевало.

— Они заставляют меня являться для освидетельствования каждого из моих ранений отдельно, как будто этого нельзя сделать за один раз! И почему прием мне назначают только на вечер, когда я почти ничего не вижу и двигаюсь как слепой! — в сердцах жаловался он Фанни.

Биограф адмирала Карола Оман сетует по этому поводу: "Офицеру, который не располагал экипажем и ежедневно переносил тяжелую перевязку после ампутации руки, приглашение явиться в Сити после того, как стемнеет, в разгар сезона лондонских туманов для обследования раны, полученной три года назад, не представлялось разумным".

Нельсон не был бы самим собой, если бы не объявил "войну" докторам. Вначале он сообщил лордам Адмиралтейства, что готов являться на осмотр хоть каждый день, но только в утренние или дневные часы. Врачам пришлось уступить.

В свободное время, которого у него теперь было вдосталь, Нельсон много и с удовольствием общается со своими старыми друзьями: капитаном Локером и Александром Дэвисоном (ставшим к этому времени преуспевающим призовым агентом). Близко сходится Нельсон и с лордом Минто (Джилбертом Эллитом), занимавшим пост вице-короля Корсики в то время, когда он ее освобождал.

* * *

Тем временем ход войны принял для Англии весьма неприятный оборот. Созданная антифранцузская коалиция рассыпалась как карточный домик. Мир с Парижем, как уже известно, одна задругой подписали Пруссия, Испания и Голландия. Итальянский поход генерала Бонапарта завершился

захватом почти всей территории страны. В октябре 1797 года подписала вынужденный мирный договор с Францией и разбитая Австрия. Чтобы избежать полного разгрома, Вена уступила французам Бельгию и все свои владения по левому берегу Рейна. Тогда же прекратила свое многовековое существование и захваченная французами Венецианская республика, в силу чего Парижу достались ранее принадлежавшие ей Ионические острова. Англичане остались совершенно одни, их флоту пришлось покинуть пределы Средиземного моря.

Единственным успехом для Лондона стала блестящая победа адмирала Адама Дункана над голландским флотом при Кампердауне. Этот успех вывел из строя союзную Франции Голландию. Однако было очевидно, что успех этот все же второстепенен, ибо окончательное решение вопроса об обладании морем могло решиться только в генеральном столкновении с главным противником — французским флотом.

В лондонских кабинетах напряженно гадали: куда теперь двинут французы свои главные силы, откуда ожидать новой беды. Военный министр Дандас советовался с первым лордом Адмиралтейства о том, что кроется за военными приготовлениями в Тулоне.

— Из всех возможных целей экспедиции я более всего боюсь за Индию! — говорил он лорду Спенсеру. — Может быть, вы посчитаете это игрой воспаленного ума, но я никак не могу избавиться от этих мыслей. Через своих агентов я имею проверенную информацию, что еще в апреле из Парижа сухим путем был отправлен офицер-разведчик. Есть определенные опасения насчет индийского проекта и у сэра Гренвиля[5], который установил по своим каналам, что Директория строит далеко идущие планы в отношении Леванта и Индии.

— Через Гибралтар и мимо Африки французам никогда не добраться до берегов Ганга! — пытался успокоить своего собеседника первый лорд. — Наш флот уничтожит их огромный и громоздкий караван в пути.

— Но есть же еще один, куда более безопасный путь!

— Какой же?

— Египет!

Спустя несколько дней уже сам лорд Спенсер получил письмо, тайно пересланное из Парижа от находящегося там в плену капитана Сиднея Смита. Капитан писал, что в Париже спешно набирают в какую-то военную экспедицию геологов, математиков, этнографов и историков. Разговоры же ходят о покорении и изучении Египта и Индии. Тут уже призадумался и первый лорд Адмиралтейства, ведь ошибка в определении

направления неприятельского удара будет стоить Англии слишком дорого…

* * *

11 октября 1797 года в Северном море, недалеко от побережья Западной Фрисландии, произошло генеральное сражение между английским и голландским флотами, вошедшее в историю как сражение при Кампердауне. Шестнадцать голландских линейных кораблей под флагом контр-адмирала Винтера вышли из Текселя и были атакованы шестнадцатью линейными кораблями адмирала Дункана. Винтер пытался прорваться в Брест на соединение с французским флотом, но был перехвачен. Используя малую осадку своих кораблей, Винтер старался заманить противника на прибрежные мели, но опытный Дункан был настороже. Дальше все решил случай. Английский командующий пытался, как и положено по всем классическим канонам линейной тактики, лечь на параллельный голландцам курс, но из-за свежего ветра все вышло иначе. Английский флот оказался разделенным на две части, которые и атаковали противника без всякого сигнала со стороны своего командующего, прорезав голландскую боевую линию и создав при этом численное превосходство в месте прорыва. Результат не замедлил сказаться. И хотя упорный бой продолжался более трех часов, тактическое превосходство англичан оказалось полным. В результате сражения девять линейных кораблей и два фрегата голландцев были взяты в плен. Среди пяти тысяч пленных оказался и сам незадачливый контр-адмирал Винтер. Отдавая шпагу адмиралу Дункану, голландский флотоводец с нескрываемой обидой сказал:

— Вы погубили меня только потому, что не выждали, покуда мои корабли выстроятся в правильную линию. Если бы я находился ближе к берегу, то, вероятно, увлек бы вас на мель, и тогда победа принадлежала бы мне!

На что Дункан вполне резонно заметил:

— Дело уже сделано, а потому не стоит гадать на кофейной гуще!

Известие о победе британского флота при Кампердауне вызвало ликование по всей Англии. Участники сражения были щедро осыпаны наградами и деньгами. Имя Адама Дункана было на устах у всех от мала до велика, о нем писали газеты, его портреты выставляли в витринах магазинов. О Нельсоне же все забыли, словно его и не было. Эту перемену самолюбивый

Нельсон почувствовал сразу.

— Я отдал бы все свои награды и звания, лишь бы оказаться в кампердаунской драке! — не раз говорил он своим друзьям, и те понимали, что он говорит искренне.

Нельсон самым внимательным образом ознакомился со всеми деталями сражения. Особенно его интересовал вопрос отказа от классического боя двух параллельных линий и последующее весьма рискованное прорезание неприятельской колонны.

— Этот маневр — лишь следствие ошибки Дункана! — говорили ему друзья. — И слава богу, что все так хорошо для него закончилось!

— Этот маневр и стал залогом победы Дункана, и слава богу, что у него хватило ума его не отменить! — отвечал Нельсон. — Поверьте, морская тактика не стоит на месте, и в скором времени нас ждут еще большие перемены!

К концу 1797 года здоровье Нельсона стало быстро улучшаться. В жизни Нельсона произошла огромная радость. Вечером 29 ноября он заснул без всякого обезболивающего и спокойно проспал до самого утра. Едва проснувшись и не смея еще поверить, что дело пошло на поправку, Нельсон призвал врачей. Те сняли повязку, и от легкого прикосновения из гноящейся раны вышла вся лигатура. С этого момента рана начала заживать очень быстро.

Немедленно Нельсон отправляет два письма. Первое — в ближайшую приходскую церковь с просьбой отслужить благодарственную обедню по поводу его выздоровления, а вторую — своему другу капитану Берри, которого он приглашает командовать кораблем, на котором намерен в самое ближайшее время поднять флаг. Зная, что Берри собирается обзавестись семьей, он пишет: "Если вы собираетесь жениться, я советую сделать это побыстрее. В противном случае будущая г-жа Берри очень недолго сможет находиться в вашем обществе. Ибо я чувствую себя хорошо, и вас могут позвать в любой момент… Наш корабль стоит в Чатеме. Это 74-пушечное судно, и на нем будет отборный экипаж".

Воспрянувший духом Нельсон зачастил в Адмиралтейство с просьбой о новом назначении.

— Я совершенно здоров и готов показать свою культю сотне медицинских комиссий! — заявлял он на все вопросы о его здоровье.

А газеты тех дней пестрели статьями о победном марше молодого генерала Бонапарта по Италии, о растерзанных австрийских дивизиях, об изгнанном им с престола римском папе Пие VI. Затем Англия вздрогнула, получив известие, что

властолюбивый и удачливый Бонапарт публично грозит нанести удар Англии там, где она его меньше всего ожидает. Это не сулило Туманному Альбиону ничего хорошего. И точно! Вскоре поползли тревожные слухи о большом французском флоте, формируемом в Тулоне. Лазутчики доносили об отборном 35-тысячном корпусе, который был сосредоточен в лагерях неподалеку от Тулона. Было известно, что и сам генерал Бонапарт объезжает южные порты Франции, где усиленно занимается военными приготовлениями. Было совершенно ясно, что настоящая битва за Средиземное море еще впереди. Французы явно что-то затевали в южных водах, но что именно и где? Необходимо было срочно наращивать военно-морские силы в средиземноморских пределах. Желающих возглавить вновь формируемую эскадру было хоть отбавляй. Седые и заслуженные флотоводцы буквально толпились в коридорах Адмиралтейства в надежде на столь престижный и ответственный пост. Однако адмирал Джервис заваливал первого лорда письмами, требуя назначить на эту должность только его любимца Нельсона. В кампанию обсуждения кандидатур на пост нового командующего включилась и пресса. Решение журналистов было однозначным: новую эскадру должен возглавить истинный герой контр-адмирал Нельсон.

Так как отказать в должности всеобщему герою и народному любимцу в столь сложной политической ситуации было никак нельзя, то вскоре Нельсон получает назначение одним из младших флагманов на флот графа Сент-Винсента, осуществлявшего блокаду Кадиса и ответственного за Средиземноморской регион.

Назначению предшествовала долгая беседа лорда Спенсера с лордом Минто. Поводом к разговору послужила статья в "Таймсе", в которой говорилось о военных приготовлениях французов в Тулоне.

— Французы, кажется, замышляют что-то серьезное! — озабоченно говорил первый лорд. — А потому нам следует как можно скорее усилить флот Джервиса и быть готовыми к любому повороту событий.

— Именно к Джервису следует направить и нашего общего знакомого сэра Нельсона, — попыхивая трубкой, кивнул лорд Минто.

Лорд Спенсер неопределенно пожал плечами. Поняв этот жест как неуверенность, лорд Минто вынул трубку изо рта:

— Он знает Средиземное море так же хорошо, как вы, ваша светлость, знаете комнату, в которой мы сейчас сидим.

— Да, я знаю Нельсона только с лучшей стороны, — кивнул

первый лорд, — но как обстоит дело с его раной?

— Не волнуйтесь, ваша светлость! — снова затянулся трубкой лорд Минто. — Он уже совсем здоров и прямо-таки рвется в бой! Кому, как не ему, разобраться с тулонской загадкой.

— Что ж, — поразмыслив, согласился лорд Спенсер, — я, разумеется, могу назначить Нельсона к Сент-Винсенту, однако окончательное решение, как вы сами понимаете, будет принимать сам граф Сент-Винсент. Своей очереди на должности у меня ждет не менее десятка адмиралов, и, если я подпишу указ о назначении Нельсона командующим отдельной эскадрой, поднимется настоящий скандал. Мы поступим следующим образом: направим Нельсона в распоряжение графа Сент-Винсента, и пусть он сам решит, как ему лучше использовать нашего протеже.

— Уверен, что граф поступит именно так, как мы с вами думаем! — усмехнулся лорд Минто. — Во всяком случае, он никогда не упрекнет вас в том, что вы прислали к нему ни на что не годного адмирала.

На следующий день в кабинете лорда Спенсера сидел уже сам Нельсон. Первый лорд объяснил контр-адмиралу все тонкости его назначения, затем перешел непосредственно к разъяснению задачи:

— Самое главное — это следить за каждым шагом тулонцев. Ни один из французских кораблей не должен выскользнуть в море незамеченным! Вы должны знать о каждом их шаге и немедленно принимать ответные меры. Кораблей у вас, конечно, меньше, чем у французов, но ведь на ваших кораблях английские моряки.

— Я вас понял, сэр! — вскинул голову Нельсон. — На меня вы можете полностью положиться!

— Не сомневаюсь! — кивнул первый лорд.

Нельсон ушел, а лорд Спенсер, сев за рабочий стол, несколько минут молча смотрел на оплывающие в подсвечниках свечи. Несмотря на тонкость назначения Нельсона, ему предстоял не один тяжелый разговор с отвергнутыми претендентами, каждый из которых был старше Нельсона как по возрасту, так и по выслуге лет.

— Буду-ка я ссылаться в разговоре на строптивость Джервиса. Пусть свои счеты они сводят не со мной, а с ним! — решил после некоторых раздумий лорд Спенсер, и у него сразу стало легче на душе.

На следующий день первый лорд был приглашен премьер-министром. Уильям Питт Младший был озабочен.

— Сведения из Тулона с каждым днем все тревожнее, —

начал он. — Сегодня мы не можем серьезно рассчитывать на создание новой антифранцузской коалиции, пока не восстановим нашу репутацию на море! Нужна решительная победа над французским флотом!

— Я уже отдал соответствующие указания графу Сент-Винсенту, — кивнул лорд Спенсер. — Думаю, что возвращение нашего флота в Средиземное море явится именно тем фактором, который решит судьбу Европы. Вчера я подписал указ о назначении в его распоряжение контр-адмирала Нельсона.

Уильям Питт помолчал.

— Вы знаете, что я не являюсь поклонником этого безрукого храбреца, однако надеюсь, что ваш выбор окажется удачным!

* * *

К этому времени Нельсон приобрел загородную усадьбу Раундвуд, неподалеку от городка Ипсвич, и усадьба пришлась обоим супругам по душе. Однако чем меньше времени оставалось до ухода Горацио в новое плавание, тем больше тревожилась Фанни. Предчувствие говорило ей, что будущее не сулит ничего хорошего.

В те дни по Лондону ходила злая шутка, что лорд Спенсер не мог найти лучшего наблюдателя и ловца французов, чем одноглазый и безрукий Нельсон. Особенно много спорили и обсуждали новое назначение в портовых кабаках, где собирались люди, морское дело знающие и обо всем свое суждение имеющие.

— Видно, совсем уж плохи наши дела, коль убогих в море посылать начали! — говорили одни, далеко не первую кружку пива пропускающие.

— Адмиралу убогость не помеха! — отмахивались другие, только что заказавшие себе по первой.

— А что же тогда помеха, коль слепой да однорукий?!

— Главное, чтобы удача была. Будет удача, тогда и без глаза, и без руки можно! Все само придет!

— Ну а есть ли у вашего Нельсона удача-то? — не унимались заядлые спорщики.

— А кто ж его знает, поживем — увидим! — приходили к общему выводу и те и другие и, шумно сдув пену, припадали к холодному и терпкому ячменному напитку.

На вооружение корабля, вербовку команды, загрузку припасов ушло несколько месяцев, и только в апреле 1798 года Нельсон оставил за кормой Спитхедский рейд. Его синий контр-адмиральский флаг трепетал на бизань-мачте линкора "Вэнгард".

Прощание Нельсона с женой было грустным и трогательным. Ранение Горацио и самоотверженность Фанни очень сблизили супругов.

Из воспоминаний леди Спенсер: "За день до своего отплытия адмирал Нельсон заехал ко мне, как обычно, но, уезжая, стал прощаться со мной весьма торжественно; он сказал, что надеется на мою доброту и думает, что в случае его гибели я не оставлю его жену, которая его выхаживала как ангел. Здесь я должна сказать, что, пока лорд Спенсер возглавлял Адмиралтейство, я приглашала каждого капитана к ужину, перед тем как он уходил в плавание, но я раз и навсегда решила не приглашать капитанских жен. Нельсон сказал, что из уважения к моим незыблемым правилам он не просит меня знакомиться с леди Нельсон, но, если я соблаговолю ее как-то заметить, он станет счастливейшим человеком. Он сказал: я уверен, что она вам понравится, она красива, умна, а главное — ее ангельская доброта превосходит все ожидания. Он рассказал, что жена сама перевязывала ему раны и что только ее забота спасла ему жизнь. Короче, он настаивал на нашей встрече, причем настаивал так убедительно, как это умеет делать только Нельсон. Мне ничего не оставалось, как просить его привезти жену на ужин в тот самый вечер. Адмирал привез леди Нельсон и ухаживал за ней как любовник. Он сам повел ее к столу и сел рядом; извинившись, он сказал, что бывает с женой так редко, что не хотел бы оставлять ее ни на минуту".

Прощаясь с женой, Нельсон нежно ее обнял:

— Дорогая, честолюбие мое уже удовлетворено, теперь я хочу, чтобы ты знала то высокое положение, которого достойна! Я хочу прославиться в грядущих битвах, чтобы заслужить титул пэра Англии, который обеспечил бы тебе прочное положение среди высшей аристократии!

— Ах, мой милый Горацио, как ты добр ко мне! — только и сказала Фанни и заплакала.

Линейный корабль "Вэнгард" был включен в состав флота графа Сент-Винсента. В письме графу первый лорд Адмиралтейства писал: "Я очень счастлив направить Вам опять сэра Горацио Нельсона не только потому, что уверен, что не смог бы послать более усердного, деятельного и испытанного офицера, но также и потому, что имею основания полагать, что его пребывание под Вашим командованием будет соответствовать Вашим желаниям".

Ответ графа Сент-Винсента не заставил себя ждать: "Уверяю Вашу Светлость, что прибытие адмирала Нельсона вдохнуло в меня новую жизнь. Его присутствие в Средиземном море

настолько важно, что я имею в виду поставить под его командование "Орион" и "Александер" и, придав три-четыре фрегата, отправить по назначению, чтобы попытаться выяснить истинную цель приготовлений, осуществляемых французами".

74-пушечный "Вэнгард" под флагом Нельсона покидал Портсмут. Впереди его ждали нелегкие боевые будни, штормы и блистательная победа.

Глава десятая
КОНТР-АДМИРАЛ СИНЕГО ФЛАГА

Переход в Средиземное море прошел вполне успешно. У Кадиса "Вэнгард" присоединился к флоту, и Нельсон снова поступил под начало графа Сент-Винсента.

Адмирал Джервис встретил своего старого соратника радушно.

— Обстановка, мой милый Горацио, не располагает к безделью! — сразу же предупредил он. — Только что я получил донесение нашего консула из Ливорно, что французы собрали до четырех сотен вымпелов в портах Прованса и Италии, готов к выходу и весь военный флот, и 40-тысячная армия. Куда двинет Париж эту армаду, нам не известно: может, в Португалию или Ирландию, возможно, к Сицилии или на Мальту, а может, даже и в Египет!

— Какова вероятность последнего пункта? — спросил Нельсон.

Сент-Винсент пожал плечами:

— Пока маловероятна. Зачем французам лезть в Африку, когда у них еще полно дел в Европе! Впрочем, если Директория решила соединиться с Типпу-Султаном[6], чтобы изгнать нас из Индии, то тогда, думаю, они готовы будут пожертвовать половиной своей армии.

— Чем мне предстоит командовать?

— У Кадиса вам пока делать нечего. Я справлюсь здесь и сам. Возьмете для начала три линейных корабля, четыре фрегата и бриг. Отправитесь к южным французским портам и попробуйте на месте разобраться в ситуации. Держите меня постоянно в курсе всех дел. Когда потребуется, я немедленно вышлю к Тулону еще десять линейных кораблей.

— Кто будет ими командовать? — сразу насторожился Нельсон.

Сент-Винсент ухмыльнулся: Нельсон явно не желал идти в подчинение к кому бы то ни было, кроме самого главнокомандующего. Но дело в том, что на флоте, блокировавшем Кадис, были еще два младших флагмана, причем оба — значительно выше Нельсона по старшинству: контр-адмирал первоклассного красного флага Уильям Паркер и контр-адмирал второклассного белого флага Джон Орд. При этом оба имели безупречные послужные списки. Нельсон же со своим третьеклассным синим флагом был самым младшим, а значит,

имел меньше прав на самостоятельное командование отдельной эскадрой. Задача младшего — состоять при главнокомандующем и быть у него на посылках.

— Отдельной эскадрой будете командовать вы! — стукнул кулаком по столу Сент-Винсент. — В критические для страны моменты я должен вверять передовую эскадру не старейшему, а достойнейшему. С остальным же разберемся после, сейчас важен результат. А я в вас верю!

— Сэр! — порывисто вскочил Нельсон со своего стула. — Я сделаю все, чтобы оправдать ваше доверие!

— Только что мы перехватили французский бриг из Тулона. Матросы проболтались, что в Тулон прибыл известный своими победами в Италии генерал Бонапарт, который якобы и назначен командовать экспедицией. На рейд выведены 15 линейных кораблей под флагом адмирала Брюэ. Войска готовы к погрузке на транспорты. Не сегодня, так завтра экспедиция будет начата, а потому вам, милый Горацио, следует выступать к Тулону немедленно!

Остановив свой выбор именно на кандидатуре Нельсона, умный Сент-Винсент предварительно посоветовался в письме с первым лордом, предлагая ему разделить ответственность за назначение самого младшего из флагманов на столь ответственный пост. Лорд Спенсер намек понял: "Если вы полны решимости послать эскадру в Средиземное море, я думаю, что нет нужды давать вам советы о целесообразности поручить командование ею сэру Горацио Нельсону, чье знание этой части мира, равно как и его активность и характер, кажется, делают его особенно подходящим для выполнения данной задачи".

Как и предвидел Сент-Винсент, его откровенное протежирование самому младшему из его флагманов обернулось серьезным скандалом. Обиженные Паркер и Орд немедленно написали возмущенные протесты на действия своего главнокомандующего в Адмиралтейство. Узнав об этом, разъяренный Сент-Винсент велел обоим немедленно спустить свои флаги и убыть в Англию.

— Мне не нужны кляузники! Мне нужные боевые офицеры! — бросил он своим контр-адмиралам на прощание.

Нельсону в письме он написал следующее: "Сэр Уильям Паркер и сэр Джон Орд написали энергичный протест против поручения вам, а не им командования отдельной эскадрой!.. Как только их письма поступят, им обоим будет приказано отбыть в Англию".

Но и на этом дело не кончилось. В Англии оба обиженных развернули кампанию против попрания всех флотских правил и

традиций вероломным Сент-Винсентом и его любимчиком Нельсоном. В скандал должен был вмешаться первый лорд. После этого Уильям Паркер несколько поутих, но его коллега Джон Орд только еще больше вошел в раж. Он продолжал шумно протестовать против нанесенных ему незаслуженных обид, налево и направо давал обличительные интервью газетчикам. Когда позднее Сент-Винсент вернулся в Англию, Орд немедленно вызвал его на дуэль. Главнокомандующий принял вызов своего бывшего подчиненного. Чтобы предотвратить адмиральское смертоубийство, должен был вмешаться сам король. Орда подвергли домашнему аресту, Сент-Винсенту также велели некоторое время не покидать своего дома.

И все же граф Сент-Винсент ни разу впоследствии не усомнился в правильности своего выбора. Он был непоколебим: эскадрой, отправленной в Средиземное море, мог командовать только Нельсон!

* * *

Тем временем слухи о цели французской экспедиции все множились и множились. Газеты цитировали речь директора Поля Барраса:

— Мы просто обязаны увенчать столь прекрасную жизнь нашей Франции завоеванием, которое удовлетворило бы оскорбленное достоинство великой нации!

От таких заявлений становилось не по себе. Затем вместо первоначальных известий, что французы нацелились на Гибралтар, Сицилию или Сардинию, стали говорить, что Директория решила оказать помощь турецкому султану против России, чтобы помочь ему вернуть Крым и вольность Польше.

— Зачем сейчас французам Россия? — недоумевали наиболее здравомыслящие. — У них что, нет других проблем?

— Это же якобинцы! — отвечали им. — А у этих все не как у людей!

Англичане тешили себя робкой надеждой, что Париж оставит их в покое. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

А вскоре прибывший из Италии генерал Бонапарт выступил с речью:

— Сограждане! Приложим все наши усилия на море и уничтожим Англию! После этого вся Европа будет лежать у наших ног!

Вторя ему, французский посол в Генуе Сотен заявил, поглядывая на английского посланника:

— Наша экспедиция направлена против Англии, а потому пусть она заранее готовится к капитуляции. У Франции теперь лишь два противника: Англия и она сама!

Некоторое время французы действительно думали высадить десант в Англии и разом покончить со всеми проблемами. На побережье подошла армия генерала Луи Шарля Дезе, в Бресте начали собирать флот, перебросив туда с Корфу эскадру вице-адмирала Брюеса.

— У нас есть печальный опыт ирландской экспедиции 1796 года, которая кроме потерь и позора не принесла ничего! Пока мы не завоюем господство на море, о вторжении в Англию нечего и думать! — внушал Наполеон депутатам. — Мы нанесем удар, но там, где англичане его ожидают меньше всего!

— Куда же мы ударим? — вопросили решительного генерала депутаты.

— А ударим мы по британским колониям!

Истинную цель операции — Египет — Бонапарт держал пока втайне почти от всех. О цели экспедиции знал лишь самый узкий круг избранных. Говоря о Египте, Бонапарт мечтал о славе Александра Македонского. Директория, в свою очередь, уже начала опасаться этого не в меру энергичного и честолюбивого генерала и считала за лучшее слышать о его победах в африканской пустыне, чем видеть в Париже. Кроме этого, египетский поход непременно оттянул бы в Средиземное море часть британского флота и тем самым облегчил подготовку к вторжению на Британские острова через пролив.

Вскоре, чтобы ввести англичан в заблуждение, Бонапарт потребовал от Директории принять на службу всех бывших морских офицеров, изгнанных за годы революции. В Англии опять заволновались:

— Французы собираются высадить десант через канал!

Началось спешное укрепление своих берегов, туда стягивались войска и свозились пушки. Боевых кораблей для выполнения одновременно всех задач не хватало. Пришлось идти на поклон к российскому императору Павлу I. Тот согласился помочь.

Командующему эскадрой на Балтике вице-адмиралу Макарову доставили императорский рескрипт: "По отношению к Нам Его Величества Короля Великобританского в требовании помощи морскими Нашими силами вследствие заключенного с Нами союзного оборонительного договора противу французов, покушающихся ныне сделать нападение на берега Его Величества Короля Великобританского, решились Мы послать эскадру Нашу, состоящую в 10 линейных кораблей, 3 фрегатов и одном катере

под вашею командою в соединение с английскими флотами, в число которой повелели Мы следующей эскадре от города Архангельского под начальством вице-адмирала Е. Е. Тета иттить прямо к английским берегам для соединения с вами и быть под вашим началом".

Одновременно Павел I подписал указ об организации крейсерства в Балтийском море еще трех эскадр: адмирала Круза, вице-адмирала Скуратова и контр-адмирала Шишкина. В Кронштадте готовилась еще и резервная эскадра контрадмирала Карцова.

А посол Сотен уже вещал в Генуе, что Бонапарт хочет перерезать Суэцкий перешеек, затем прорыть канал из Средиземного моря в Красное, чтобы переправить флот на Индию. В самом же Париже распускали слух, что десант Бонапарта будет высажен в Вест-Индии. Европа терялась в догадках, а французы тем временем заканчивали последние приготовления.

28 апреля в Тулон для генерального смотра войск прибыл Бонапарт. Обойдя полки, он взобрался на холм.

— Солдаты! — обратился он к своей армии. — Я принял над вами командование, когда вы были голы и безоружны! Я повел вас в Италию, я наградил вас за вашу храбрость! Ныне же я хочу вести вас в Новый Свет за новой славой. Я обещаю каждому из вас по четыре десятины земли в самой богатой и плодородной из стран!

Речь командующего была встречена криками восторга.

Для участия в экспедиции был собран 36-тысячный корпус, в состав которого помимо регулярных полков входили несколько батальонов *colonnes mobiles*, собранных из приговоренных к каторге уголовников. Кроме этого, в экспедицию отправлялись почти две сотни ученых, художников, археологов и инженеров со всем необходимым оборудованием. Французский военный флот состоял из семидесяти двух судов, транспортный — из четырехсот. В состав флота были включены захваченные венецианские суда. Республика Святого Марка прекратила свое существование, но ее большой торговый флот тут же обрел нового хозяина.

Перед самым отплытием был пущен слух, что экспедиция отправляется к Дарданеллам, чтобы изгнать турок из Европы. Для чего это понадобилось французам, не мог понять никто, однако все твердо усвоили, что "якобинцы" желают "ограбить области, принявшие их порядок, и отнять у них все золото и серебро".

8 мая флот вышел в море, взяв курс на Корсику. На траверзе Аяччо состоялась встреча с еще одним подошедшим отрядом кораблей. Генерал Бонапарт поднял свой флаг на 120-пушечном

линейном корабле "Ориент", где находился и командующий флотом вице-адмирал Брюес.

Стоя на квартердеке[7] флагманского корабля, Бонапарт вглядывался в длинную вереницу боевых и транспортных судов.

— С такой силой мы непобедимы! — самодовольно заметил он, опустив подзорную трубу.

— Пока не напоремся на англичан! — сухо заметил Брюес.

* * *

В это время эскадра Нельсона на всех парусах мчалась на перехват французского флота. В ее состав входили 74-пушечные линейные корабли "Вэнгард" под командой капитана Эдвара Берри, "Орион" Джеймса Сомареца и "Александер" Джона Белла, а также четыре легких фрегата и бриг для ведения разведки. Чтобы сохранить секретность, корабли Нельсона отделились от основного флота глубокой ночью. Вскоре они уже миновали Гибралтар. И сразу же повернули к южным берегам Франции. А затем на английский отряд обрушился жесточайший шторм. Ветер отнес английские корабли от французского побережья и разбросал по морю. "Вэнгард" потерял в битве со стихией фок-мачту и две стеньги. Ни мастерство флаг-капитана Берри, ни опыт самого Нельсона, сутками не сходившего с квартердека, не могли помочь.

— Это не просто шторм, это небесная кара за мою непомерную гордыню! — признался в минуту отчаяния капитану Берри Нельсон.

Ветром "Вэнгард" отнесло к Сардинии. Линейный корабль "Александер" под командой храброго капитана Белла успел взять своего флагмана на буксир, иначе того выбросило бы на скалы. Некогда Нельсон познакомился с Беллом во Франции, куда ездил изучать язык, а заодно и едва не женился. Тогда Белл Нельсону почему-то не понравился. Не был он в восторге и от назначения Белла в свой отряд. Зато отныне контр-адмирал объявил Белла своим лучшим другом и не изменил этого отношения к капитану до конца своей жизни.

Повреждения "Вэнгарда" были столь серьезны, что требовали долгого ремонта в доке. Но этого Нельсон позволить себе не мог. Обстановка требовала иного решения, и он приказывает ремонтироваться прямо на переходе своими силами. Что-что, а мобилизовать команду Нельсон всегда умел. К счастью, на корабле оказался некто Джеймс Моррисон — лучший плотник всего королевского флота, под началом которого матросы за

каких-то четыре дня поставили стеньги и соорудили временную фок-мачту. Теперь "Вэнгард" был вполне способен выполнять боевые задачи.

Пока на палубе визжали пилы и стучали топоры, контр-адмирал наскоро писал в каюте письмо своей жене: "Я должен рассматривать случившееся с "Вэнгардом" не как простое приключение, ибо я твердо уверен, что Господь Бог попустил это, чтобы обуздать мое безумное тщеславие. Я надеюсь, что этот урок сделает меня лучше как офицера; я чувствую, что как человек я уже стал лучше… Представь себе в воскресенье вечером на закате горделивого человека, прохаживающегося в своей каюте. Вся эскадра, устремив взоры на своего начальника, видела в нем одном того, кто ведет ее к славе. И этот начальник, полный доверия к своей эскадре, был уверен, что нет во Франции таких кораблей, которые в равном числе не спустили бы перед ним свои флаги. Вообрази себе теперь того же человека, такого тщеславного и гордого, на восходе солнца в понедельник — с обломанным рангоутом, с рассеянной эскадрой, то есть в столь отчаянном положении, что самый дрянной французский фрегат явился бы ему в ту минуту неблагоприятной встречей".

Но на этом испытания Нельсона не закончились. Прибыв с линейными кораблями в условленное место, он не обнаружил там ни одного из своих фрегатов. Как оказалось, их капитаны, видя бедственное положение уносимого к Сардинии "Вэнгарда", не сомневались, что тот будет вынужден идти для ремонта в Гибралтар, а потому и сами направились туда. Нельсон рвал и метал. Фрегаты — это глаза и уши любой эскадры, и теперь он остался без таковых, причем в самый ответственный момент!

31 мая он в том же духе писал уже и графу Сент-Винсенту: "Мой дорогой лорд! Моя гордыня была слишком велика для человека, но я верю, что мои друзья будут думать, что я вынес посланное мне наказание как настоящий мужчина. Господу Богу было угодно оказать мне благодеяние, и я опять здесь, у Тулона".

Однако пока контр-адмирал собрал свои потрепанные корабли и пока они добрались до Тулона, там было уже пусто: огромный флот Бонапарта с десантным корпусом на борту скрылся в неизвестном направлении.

Как оказалось впоследствии, противники прошли буквально в паре миль друг от друга, но взаимному обнаружению помешали густой туман и отсутствие у Нельсона легких разведывательных судов. Пока удача была на стороне Бонапарта.

Немедленно преследовать ускользнувшего противника Нельсон не мог. Корабли все еще нуждались в ремонте. Разбитую волнами обшивку латали прямо на плаву в открытом море. Это

было чрезвычайно трудно, но иного выхода не было. Кроме этого, Нельсон поджидал обещанный ему резервный отряд от адмирала Джервиса.

25 мая, когда отряд Нельсона находился на широте Корсики, его настиг бриг "Мутайн" под командой любимца Нельсона капитана Томаса Харди. Прибыв на борт "Вэнгарда", Харди бойко доложил:

— За мной следуют одиннадцать кораблей под брейд-вымпелом капитана Трубриджа!

— Отлично! — обрадовался контр-адмирал. — Теперь наступает время самых активных действий!

Вскоре на горизонте показались паруса эскадры Трубриджа. Это были: "Куллоден" (капитан Томас Трубридж), "Минотавр" (капитан Томас Луис), "Дефенс" (капитан Джон Пейтон), "Зилиес" (капитан Самуил Гуд), "Голиаф" (капитан Томас Фолей), "Меджестик" (капитан Джон Блегден Уэсткотт), "Беллерофонт" (капитан Генрих д'Эстер Дарби), "Тезей" (капитан Ральф Уильет Миллер) и "Свифтшур" (капитан Бенжамин Галлоуэль). Все линейные корабли имели по 74 орудия. Уже на переходе к Тулону к Трубриджу присоединились 74-пушечный "Одасьез" (капитан Дэвид Гульден) и 50-пушечный "Леандр" (капитан Томас Бульден Томпсон).

Прибыв на "Вэнгард", Трубридж доложил о ходе плавания и состоянии кораблей и вручил контр-адмиралу пакет. Нельсон сломал сургучные печати. Приказ графа Сент-Винсента на этот раз был предельно краток: "Уничтожить!"

— Их светлость приказал искать и топить неприятеля всюду, куда бы он ни направился, вплоть до Черного моря! — дополнил содержание послания Трубридж.

Присланное Нельсону пополнение был настолько мощным, что позволяло теперь сразиться со всем французским флотом. Однако среди присланных судов также не было ни одного фрегата, а значит, контр-адмирал по-прежнему не имел возможности вести разведку и в поисках французов мог полагаться только на свою логику и везение. Кроме этого, необходимо отметить, что английская эскадра на всем Средиземноморье не имела ни одной базы. Одновременно с поиском французов Нельсону необходимо было провести переговоры с дружественными Англии Королевством обеих Сицилий и Тосканским герцогством.

Нельсон вызвал своего флаг-капитана:

— Мы немедленно выходим в море на поиск сбежавших французов!

Пока корабли выбирали якоря и ставили паруса, Нельсон

написал короткую записку своему главнокомандующему: "Даже если он (Бонапарт. — *В. Ш.*) направится к Антиподам[8], Вы можете быть уверены, Ваша Светлость, что я не упущу возможности навязать ему бой".

Одновременно Нельсон пишет письмо в Неаполь английскому послу Гамильтону. Письмо деловое и достаточно официальное: Нельсон напоминает послу о их былом знакомстве и просит помощи в деле установления местонахождения французского флота, если у сэра Гамильтона будет хоть какая-то возможность что-то о нем узнать. Вскоре он получает ответ из Неаполя: "Леди Гамильтон и я были счастливы узнать, что Вы назначены главнокомандующим эскадрой, которая оберегает пока еще свободную часть несчастной Италии как ангел-хранитель. P. S. Эмма питает к Вам самые теплые чувства".

К письму была приложена и записка самой леди Гамильтон: "Благослови Вас Бог и пошли Вам победу. О, если бы я могла увидеть Вас вместе с плененным Бонапартом! Я бы заболела от волнения. Не хочу говорить, как я буду рада видеть Вас. Честное слово, не могу выразить словами мои чувства по поводу того, что Вы находитесь так близко… Всегда Ваша, обязанная и благодарная Вам Эмма Гамильтон".

Любопытно, что посол торопится возобновить дружеские отношения с новым командующим эскадрой, которого некогда знал еще рядовым капитаном. Гамильтон намекает на старое знакомство, напоминает об обязательствах Нельсона по защите Королевства обеих Сицилий. Помимо всего прочего, помня, какое впечатление на молодого и не слишком искушенного в любви Нельсона произвела его красавица жена, скромно передает от нее весьма неформальный привет.

Что касается леди Гамильтон, то в своем письме она достаточно ясно дает понять Нельсону, что готова стать его любовницей. Однако ставит при этом одно непременное условие — победу над французским флотом. Эмма желает за свою любовь даже большего — пленения Бонапарта. Искушенная в амурных делах, она прекрасно помнит, какое впечатление произвела в свое время на Нельсона. Знает она и о его ранах, и о том, что у него за все это время не было женщин, кроме его скучной жены. А потому расчет ее верен: получив это письмо, Нельсон вспомнит ее, и это воспоминание, и прозрачные намеки не оставят новому командующему Средиземноморской эскадрой никакого шанса на спасение от ее чар. Гамильтон и его жена понимали, насколько повысится их авторитет в глазах короля Фердинанда, если они будут иметь при себе "ручного" командующего эскадрой. Помимо всего прочего, зная дальнейшее развитие событий, вполне можно

предположить, что и намеки о возможной любовной связи с победителем французов Эмма делала не без ведома, а то и по прямой указке своего хитромудрого мужа.

В эти дни в Неаполь зашел пополнить запасы воды фрегат "Бон Ситоен", на котором служил пасынок Нельсона Джосая Нисбет. Фрегат искал эскадру Нельсона. На правах старого знакомого Джосая посещает Гамильтонов, и те передают ему послание для контр-адмирала.

Обстановка в Неаполе к этому времени была крайне напряженная. Париж демонстративно назначил своим послом в Королевстве обеих Сицилий одного из членов суда над Людовиком XVI и его женой Марией Антуанеттой. И теперь королеве Марии Каролине на официальных приемах приходится улыбаться убийце своей родной сестры. Из Северной Италии к Неаполю движутся победоносные французские войска, и их приход не сулит королевству ничего хорошего. Вся надежда только на английский флот, но он где-то безрезультатно гоняется за флотом французским. Надежд на благополучный исход остается с каждым днем все меньше, поэтому и тон письма Эммы Гамильтон к Нельсону уже совсем не тот, что раньше. Она уже не делает тонких намеков, не пытается его очаровывать, в ее письме — лишь страх и мольба о помощи: "…Короче говоря, я боюсь, что здесь — все кончено. Надеюсь, что Вы не уйдете из Средиземного моря, бросив нас на произвол судьбы. Мы свободны и готовы сняться с места, получив предупреждение всего лишь за день. Но все же я надеюсь на волю Божью и на Вас, на то, что эти чудовища будут разгромлены еще до нашего отплытия, не может же их власть продлиться долго. Если у Вас будет возможность писать — умоляю Вас, пишите. Вы представить себе не можете, как нас успокаивают Ваши письма".

Обеспокоенный Гамильтон продолжает вести свою тонкую психологическую игру и прилагает к письму жены собственное послание: "Нам ничего другого не остается, как горячо молить Бога за Ваши успехи, а Эмма с тех пор, как Вы появились в нашей гавани, носит ленту, на которой вышито: "Да поможет Нельсону Бог"".

Последнее утверждение — откровенная ложь. С какой стати жене посла в течение пяти лет носить ленту, посвященную какому-то рядовому капитану, которого она толком-то и узнать не успела? Однако ситуация настолько тревожна, что Гамильтон врет напропалую, лишь бы вызвать у Нельсона положительные воспоминания о своем доме и о своей жене.

* * *

Еще надеясь настичь и атаковать французский флот, Нельсон делит свою эскадру на три колонны. Первую из них составили флагманский "Вэнгард", "Минотавр", "Леандр", "Одасьез" и "Дефенс". Вторую — "Зилиес" (брейд-вымпел капитана Гуда), "Орион", "Голиаф", "Меджестик" и "Беллерофонт". Эти две колонны должны были атаковать боевые корабли и связать их боем. Третья же колонна — "Куллоден" (брейд-вымпел капитана Трубриджа), "Тезей", "Александер" и "Свифтшур" — должна была в это время уничтожить транспортные суда с войсками.

Но пока у Нельсона ничего не получалось. Куда бы ни направляли свои корабли англичане, море по-прежнему оставалось пустынным и французов нигде не было видно.

— Я прекрасно понимаю, что репутации многих высоких особ приколочены гвоздями к верхушкам моих мачт, но что поделать, если детям дьявола и везет дьявольски! — невесело иронизировал Нельсон в те дни.

Нервничал граф Сент-Винсент, нервничал лорд Спенсер, не находил себе места Уильям Питт. Тревожное ожидание витало над всей Англией.

В отчаянных попытках разыскать хоть какой-то след французской армады, Нельсон завернул к Неаполю. На берег он не сходил и никакими записками с Гамильтонами не обменивался. Было не до того. На берег съехал только капитан Трубридж, и к послу у него было лишь три вопроса: где находится флот Бонапарта; предоставит ли неаполитанский король свои фрегаты в распоряжение Нельсона; могут ли британские корабли заходить в неаполитанские порты?

На эти вопросы был получен более чем лаконичный ответ:

— Не знаю. Нет. Нет.

Политическая ситуация в Средиземноморье менялась явно не в пользу Англии, и неаполитанский двор быстро сориентировался. Чтобы хоть как-то умилостивить разъяренного Нельсона, ему неофициально было сообщено, что король Фердинанд не будет возражать, если корабли английского флота будут заходить в его порты, но только по одному, на короткое время и тайно.

— Впрочем, по Неаполю ходят непроверенные слухи, что французы отправились на захват Мальты! — завершил свой доклад Трубридж.

— Спасибо хоть на этом! — кивнул контр-адмирал. — Поднимаем якоря! Курс на Мальту!

Чтобы магистра Мальтийского ордена не застали врасплох, Нельсон с самым быстрым кораблем посылает ему письмо, в котором предупреждает о грозящей опасности и советует как

можно скорее выслать навстречу ему весь свой флот до последних фелюг включительно, чтобы, объединясь, разгромить французский флот.

* * *

Намерения Нельсона были весьма правильными, но, увы, уже запоздалыми.

27 мая французская армада приблизилась к Сицилии, приведя в трепет все местное население. Обыватели начали вооружаться, готовясь к защите своего острова. Однако Бонапарт послал на берег своего адъютанта — поляка Сулковского.

— Я уполномочен сообщить вам, что французский флот приблизился к сицилийским берегам исключительно по причине неблагоприятного ветра! — заявил он губернатору. — А потому никаких агрессивных намерений мы не имеем!

— Куда же, если не секрет, вы направляетесь? — с невинной улыбкой поинтересовался итальянец.

— В том-то и дело, что секрет! — усмехнулся Сулковский. — Однако ждать уже осталось недолго и вы непременно все узнаете!

Через несколько дней, к облегчению сицилийцев, французский флот действительно исчез с горизонта.

— Передайте в Неаполь, что французы удалились на юго-запад, а намерения их по-прежнему неизвестны! — велел губернатор.

29 мая французский флот подошел к Мальте, где соединился с еще одним транспортным отрядом, подошедшим из Чивитавеккьи.

Мальта была крепостью первоклассной, Ла-Валлетта славилась своими бастионами на всю Европу, гарнизон: три тысячи солдат и десять тысяч ополченцев.

Штурмовать Ла-Валлетту дело безнадежное. В XVI веке под ее стенами турки целую армию положили, но так с позором и ушли. Однако генерал Бонапарт знал, что делал. Задолго до начала экспедиции на Мальте уже объявились его эмиссары, они убеждали жителей французского происхождения вспомнить о своей родине и ее интересах. А так как французов на острове было большинство, агитация имела должный успех. Когда же к Мальте подошел французский флот, все уже было подготовлено к сдаче крепости.

В полночь 31 мая на "Ориенте" подписали договор о сдаче крепости, а уже на следующий день над Ла-Валлеттой подняли трехцветный французский флаг. Помимо важнейшего

стратегического пункта Бонапарту достались почти полторы тысячи пушек, сорок тысяч ружей, пятьсот тысяч фунтов пороха. Пополнился и французский флот: в порту были захвачены два линейных корабля, фрегат и несколько галер.

3 июня в ознаменование бескровной победы были устроены торжества с шампанским и салютом. Затем французы начали подготовку к дальнейшему походу. Надо было поторапливаться, так как пришло известие о появлении в Средиземном море эскадры Нельсона. Не дожидаясь отплытия главных сил, генерал Бонапарт выслал вперед отряд фрегатов, приказав захватывать все попадающиеся на пути английские, турецкие и российские торговые суда, чтобы сохранить в тайне маршрут следования своего флота. Одновременно был обнародован манифест, запрещающий под страхом смерти всем грекам с бывших венецианских островов вести переписку с Россией.

Многие из мальтийских рыцарей решили следовать за своими соотечественниками, часть из них тут же поступили офицерами во французский флот.

Вице-адмирал Брюес докладывал генералу Бонапарту:

— Пока мы имеем перед Нельсоном преимущество лишь во времени — в две недели. Однако если Нельсон настигнет и атакует нас, то мы можем потерпеть поражение, ибо никто из моих офицеров не знает своей должности. Я до настоящего времени не могу приучить их строиться в линию баталии. Кроме этого, у меня не хватает шесть тысяч матросов!

Из донесения российского агента на Мальте: "Брюес весьма жаловался своим знакомым мальтийским кавалерам на Бонапарта и в доказательство о невежестве сего генерала в морском знании сказал им в рассуждении неискусства корабельных капитанов и офицеров, что Бонапарте дал ему приказание, когда встретится с английскою эскадрою, идти на сцепление с неприятельскими кораблями, ибо, имея более людей на своих кораблях, можно будет скорее преодолеть неприятеля. Брюес дал ему приметить, что сего невозможно сделать, буде сами англичане не пожелают сцепления. Но Бонапарте с вспыльчивостью ему отвечал: "Мой план таков и сообщен уже Директории!"".

8 июня французский флот покинул Мальту. Для защиты острова Бонапарт оставил четырехтысячный гарнизон под началом генерала Вобоа. А потому к моменту подхода Нельсона Мальта уже давно находилась в руках противника. Французского флота у острова уже тоже не было. Капитан торгового генуэзского судна, сам чудом избежавший французского плена, сообщил Нельсону, что генерал Бонапарт с флотом и армией направился куда-то на юго-восток.

— Итак, Неаполь как цель нападения Бонапарта отпадает, ибо давно подвергся бы атаке, — рассуждал Нельсон, собрав у себя капитанов и нервно расхаживая по кают. — Не была конечной целью экспедиции и Мальта, раз после ее захвата французский флот и армия не вернулись в Тулон. Спрашивается: куда мог направиться Бонапарт? Ответ остается только один: в Египет!

Того же мнения были и его капитаны Сомарец, Трубридж, Белл, Дарби и Берри.

И снова эскадра Нельсона спешит на всех парусах, чтобы перехватить и уничтожить французов.

Историк В. Г Трухановский пишет: "Напряжение и нервозность Нельсона нарастали, он плохо владел собой. Контрадмирал днем и ночью жил только предстоящим сражением с французами. Он вынашивал планы битвы на все возможные случаи, вызывал капитанов и обсуждал с ними свои замыслы. Через некоторое время капитаны уже подробно знали, как их командующий поступит в любой из возможных ситуаций, знали и свои задачи. Эскадра превратилась в единый организм, способный четко действовать и мгновенно реагировать на все манёвры противника. В свою очередь, капитаны в походе вели непрерывные артиллерийские учения, неустанно тренируя офицеров и матросов".

Наконец показались берега Египта. И снова разочарование: французов в Египте нет! Так где же Бонапарт?

Увы, судьба сыграла с Нельсоном злую шутку: он так стремился догнать Бонапарта, что обогнал его и прибыл в Египет раньше французского флота. Бонапарт, понимая, что англичане ищут его по всему морю, решает идти в Египет не кратчайшим курсом, а кружным путем мимо африканского побережья. Нельсон конечно же мчится к Египту кратчайшим путем. И снова промахивается! В Египте все тихо, о французах там и слыхом не слыхивали. Вот тут-то неугомонному Нельсону и передохнуть бы дня два-три! Если бы он поступил именно так, то французы сами приплыли бы к нему в руки и английскому контр-адмиралу оставалось бы только топить их суда и пленять их беспомощную армию. Но Нельсон был слишком нетерпелив. Он рассуждал так:

— Если французов нет в Египте, значит, они или еще в пути, так как обременены большим количеством тихоходных транспортов, или же я опять ошибся в цели их экспедиции! В таком случае, остается последнее — Сицилия! Впрочем, Бонапарт мог нанести удар и прямо по Константинополю. Сначала осмотрим остров, а затем — Дарданеллы!

— У нас почти не осталось воды! — напомнили капитаны.

— Мы не можем задерживаться! Сократить нормы выдачи вдвое, и курс на Сицилию! — решает он, и английские корабли, словно свора изможденных гончих, продолжает погоню за французским флотом.

На пути от Египта ночью противники вновь разминулись, на этот раз едва не прорезав походные порядки друг друга. Дистанция была настолько минимальна, что французский командующий адмирал Фрэнсис Брюес слышал даже сигнальные выстрелы английских пушек, но благоразумно отмолчался. Французские матросы запаниковали было, однако офицеры быстро навели порядок. Что касается Бонапарта, то он велел Брюесу не менять курса, а сам провел ночь за чтением книги о кругосветных плаваниях капитана Кука.

Можно только представить, что было бы с французским флотом, обремененным большим количеством тихоходных судов, набитых войсками. Его ждал бы настоящий разгром, после которого звезде будущего императора Франции вряд ли суждено было разгореться. Но удача вновь была на стороне Бонапарта.

Итак, противники в очередной раз разминулись. Англичане торопились на северо-запад, чтобы проверить, не направился ли Бонапарт на покорение Константинополя, а последний продолжил путь к египетским берегам. Спустя каких-то три дня после ухода Нельсона с александрийского рейда Бонапарт был уже там. Он беспрепятственно высадил армию, занял Александрию, разбил войско мамлюков и вступил в Каир.

Оставив в Александрии небольшой гарнизон, Бонапарт велел вице-адмиралу Брюесу отвести флот в Абукирскую бухту, расположенную в двадцати милях от Александрии.

— Если бухта окажется неудобной для стоянки, то следуйте на Корфу! — сказал он Брюесу, уезжая к армии.

Брюес с тринадцатью кораблями и четырьмя фрегатами перешел в Абукирскую бухту и встал там на якорь.

А Нельсону тем временем снова не повезло. Его эскадра попала в полосу встречных ветров и, бесконечно лавируя, едва продвигалась вперед. Но вот, наконец, и Сиракузы, где о французах тоже никто ничего не знает.

— Я чувствую, что в чем-то ошибся! — в сердцах говорит капитану Беллу Нельсон. — Но в чем?

Он показывает Беллу свое письмо к Сент-Винсенту, в котором кается в совершенных ошибках и просит прощения за то, что не смог отыскать французский флот.

К удивлению Нельсона, Белл рвет письмо в клочья:

— Сэр! Никогда не надо оправдываться до того, как вас начали обвинять!

Из Неаполя доставляют почту. В столице Королевства обеих Сицилий царит настоящая паника: все ждут французский десант. Среди прочей корреспонденции Нельсон находит и письмо жены английского посла. Явно напуганная леди Гамильтон пишет: "Я боюсь, что здесь все потеряно… Я надеюсь, что вы не уйдете из Средиземного моря, не захватив нас".

Сразу же покинуть Сиракузы Нельсон не мог. Надо было пополнить запасы воды и продовольствия. Губернатор Сиракуз, однако, оказать помощь англичанам не торопился.

— Я обеспечу ваши корабли мясом и овощами, а затем придут французы и вздернут меня за это! — честно признался он посланному на переговоры Трубриджу.

Пришлось Нельсону слать письмо в Неаполь и просить посла Гамильтона воздействовать на короля. С помощью своей жены сэру Уильяму удалось уговорить короля Фердинанда отдать распоряжение о тайном обеспечении английской эскадры всеми необходимыми припасами. В этом же письме Нельсон вновь просит посла склонить короля к союзу с Англией и войне с Францией, а заодно и похлопотать о предоставлении в его распоряжение нескольких неаполитанских фрегатов. Эта просьба остается без ответа.

Пока все это тянулось, уходили драгоценные дни. Нельсон метался по своей каюте как раненый лев, но ничего ускорить не мог. Но вот, наконец, трюмы забиты бочками со свежей водой и провиантом, можно выходить в море. После долгих сомнений Нельсон решает еще раз поискать французов у берегов Египта, а затем уже идти к Дарданеллам.

* * *

Вскоре слухи о высадке французской армии в Египте достигли Лондона и вызвали там настоящий шок. Это было неслыханно: запертый и блокированный со своими кораблями в Тулоне, генерал Бонапарт сумел вырваться из западни, дважды обмануть Нельсона и без малейших потерь перевезти армию в Египет. Главным виновником такого позора всей нации был ее недавний любимец Нельсон. С таким же усердием, с каким еще вчера расписывала добродетели храброго контр-адмирала, пресса начала обливать его грязью. Нельсону припомнили все: и неуживчивый характер, и отставку, стремительную карьеру, и неудачу при Тенерифе. Если раньше его раны почитались как свидетельства геройства, то теперь писалось о том, что слепым и безруким инвалидам следует сидеть дома, а не воевать на морях,

где и здоровым-то приходится несладко.

Обойденные Нельсоном в чинах и должностях тут же подняли страшный шум. Лорд Спенсер только перекрестился, что вовремя переложил ответственность на адмирала Джервиса, которого теперь обвиняли в том, что он выдвинул на пост командующего отдельной эскадрой своего протеже, этого выскочку Нельсона.

Больше иных злорадствовал все еще не сложивший оружия в борьбе против Сент-Винсента и Нельсона контр-адмирал Джон Орд, который публично заявлял: "Вот что бывает, когда зарвавшемуся сопливому мальчишке дают взрослые поручения!"

Озадаченные беспрепятственным плаванием Бонапарта в Египет и кажущимся бездействием (или неумением) Нельсона, лорды Адмиралтейства уже прикинули текст письма графу Сент-Винсенту об отстранении неудачливого контр-адмирала от командования Средиземноморской эскадрой и назначение на эту должность более умелого и опытного адмирала.

— Проход французов мимо нашей эскадры факт настолько вопиющий, что нуждается в судебном разбирательстве, ибо по своим последствиям равен тяжелому поражению! — говорили самые нетерпеливые из лордов. — Давно уже пора почистить конюшни Сент-Винсента!

Пока в Лондоне злословили и интриговали, эскадра Нельсона вновь возвращалась к египетским берегам. Первый пункт — Александрия. Но александрийский рейд оказался пустынен. Для Нельсона это было ударом. Он решает не задерживаться у города и направляет эскадру вдоль берега на восток.

Так как французов нигде не было видно, на эскадре объявили обед. Капитан "Ориона" Джеймс Сомарец впоследствии вспоминал: "Уныние чуть не захватило меня, и я никогда еще не чувствовал себя так скверно и так не в духе, как когда мы сели за обед".

1 августа в час тридцать пополудни впередсмотрящие с салингов передового "Зилиеса" почти хором прокричали:

— Прямо по курсу видим большой флот! Это французы! У них полтора десятка боевых повозок!

— Слава Господу! — снял шляпу Нельсон. — Кажется, догнали!

Из воспоминаний капитана "Зилиеса" Самуила Гуда: "В исходе первого часа человек с фор-салинга дал знать на низ, что видит корабль, и через несколько минут потом донес, что целый флот стоит на якоре. Я послал с трубою на салинг, и тогда могли ясно различить 18 больших судов, из которых 14 казались линейными кораблями. Сигналом известил я об этом адмирала. Он немедленно поставил все паруса и сделал сигнал по

способности построиться в линию и приготовиться к сражению".

Однако приоритет "Зилиеса" в обнаружении противника вот уже более двухсот лет оспаривает линейный корабль "Голиаф". По воспоминаниям мичмана Джорджа Эллиота, который тогда стоял сигнальную вахту на салинге "Голиафа", французский флот самым первым заметил именно он. Однако, обнаружив неприятеля, Эллиот кричать не стал, а скользнул вниз по бакштагу и побежал с этой важной новостью к капитану Фолею. Тот велел немедленно поднять сигнал "Неприятель находится в виду". Но поднимали его столь поспешно, что нижний флаг сорвался. По мнению Эллиота, на идущем рядом "Зилиесе" заметили поспешно поднимаемые флаги и угадали значение сигнала. К большому огорчению капитана Фолея, над "Зилиесом" сразу же взвился долгожданный для всех сигнал.

Известие об обнаружении противника вызвало бурю ликования. Снова обратимся к воспоминаниям капитана Сомареца: "Посудите, какая произошла перемена в настроении, когда в конце обеда прибежал вахтенный офицер и доложил: "Сэр, только что сделан сигнал, что неприятель находится на якоре в линии баталии в Абукирской бухте". Офицеры вскочили и подняли бокалы, чтобы выпить за успех предстоящего боя, а затем поспешили наверх".

Когда же поднялся на квартердек сам Сомарец, команда встретила своего капитана криками восторга. То же самое происходило и на других кораблях. Всеобщая радость матросов была хорошим стимулом для предстоящей битвы.

Вскоре Нельсон с удовлетворением рассматривал лес корабельных мачт в Абукирском заливе: там отстаивался на якорях весь линейный французский флот.

Над "Вэнгардом" взвились флаги: "Приготовиться к сражению". А сам командующий в прекрасном расположении духа распорядился подать себе обед, пригласив на него капитанов. Поднимаясь из-за стола, он с присущей ему прямотой громко объявил:

— Завтра к этому времени я заслужу или титул лорда, или Вестминстерское аббатство![9] Третьего мне не дано, да и не надо!

Впереди было генеральное сражение с французским флотом, которое войдет в историю как битва при Абукире.

Глава одиннадцатая
СРАЖЕНИЕ ПРИ АБУКИРЕ

Было бы наивно думать, что вице-адмирал Брюес не понимал, чем ему грозит стоянка на таком незащищенном рейде, как Абукирский. Французский командующий намеревался пополнить запасы в Абукирской бухте, а затем отправиться к Корфу, под защиту неприступных фортов, где можно было находиться уже в полной безопасности.

В первый же день Брюес собрал у себя капитанов. Обсуждался вопрос, что делать в случае появления англичан. Все присутствующие были единодушны:

— Принимать сражение следует, только стоя на якоре! Особое мнение объявил лишь младший флагман контр-адмирал Бланке.

— На якоре выгодно сражаться лишь под защитой береговых батарей! — сказал он веско.

Но большинство капитанов контр-адмирала не поддержали.

— Разумеется, без береговых батарей нам придется плохо, но маневрировать во время боя с нашими плохо обученными командами будет еще хуже, — возразили они.

— К тому же я отдал приказание, чтобы на берегу немедленно начали возводить артиллерийскую батарею. А потому кое-какое прикрытие у нас все же будет, — подал свой голос и командующий.

Бланке не оставалось ничего иного, как согласиться.

— Я поддерживаю решение большинства, — сказал он, — однако хотел бы просить командующего поставить мой "Франклин" рядом с флагманом, чтобы я мог прикрыть его в бою.

— Решено! — кивнул Брюес. — Будем драться на якоре!

Позднее исследователи тех далеких событий придут к выводу, что в тогдашних условиях решение принять бой на якоре было единственно верным. Но, приняв верное решение, Брюес по непонятной причине не сделал ничего, чтобы укрепить свою позицию. Он недодумался выгрузить с кораблей орудия тыльного борта, а сами корабли перевести на мелководье к самому берегу. Освободившиеся орудия можно было бы с успехом использовать для береговой обороны[10].

Помимо этого, на эскадре так по настоящему и не была начата подготовка к отражению возможной атаки, а часть экипажей и вовсе была свезена на берег для пополнения запасов воды и для отдыха.

На прикрывающем рейд островке Абукир была установлена одна батарея, но она имела всего две мортиры и четыре пушки, которые были совершенно беспомощны против многих сотен стволов английской эскадры.

Помимо всего прочего, Брюес не позаботился даже о том, чтобы поставить свои корабли на шпринг![11] Это была уже не небрежность, а преступная халатность!

* * *

Держа курс в Абукирскую бухту, Нельсон принял решение атаковать прежде всего авангард и центр французского флота. Свежий норд-норд-вест вполне способствовал быстрому сближению. (Небезынтересно, что согласно военно-морским теоретическим взглядам того времени флот, имея наветренное положение, должен атаковать только арьергард противника. Считалось, что атакующий авангард рискует потерпеть поражение.)

Подойдя к бухте, Нельсон оценил диспозицию французов. Весь французский флот, построенный в единую линию протяженностью в милю, стоял на якоре. Ближе к берегу располагались четыре фрегата. С правого крыла обороняющихся прикрывала небольшая береговая батарея. Акватория вокруг французского флота была окружена песчаными отмелями, не позволяющими кораблям подходить к берегу ближе трех миль.

Когда эскадра подошла к траверзу первой отмели, Нельсон приказал лечь в дрейф, а сам в жестяной рупор окликнул капитана шедшего передовым "Зилиеса":

— Достаточно ли далеко мы держим к осту от мели и можем ли ее обогнуть?

В ответ Гуд прокричал своему командующему в точно такой же рупор:

— Сейчас нахожусь на семидесяти семи футах[12] глубины. Карты залива не имею! Но если мне будет позволено, то я спущусь и со всем вниманием буду обозначать глубины, чтобы провести эскадру как можно ближе к мели и в то же время безопасней!

— Хорошо! — прокричал Нельсон. — Действуйте, Гуд, но будьте осторожны!

Было около четырех часов дня. "Зилиес" медленно двинулся по самой кромке отмели, следом за ним повернул и "Голиаф" Томаса Фолея.

— Держать на подветренный крамбол[13] переднего

мателота! — велел Фолей вахтенному лейтенанту.

— Есть, сэр! — с готовностью отозвался тот.

Пока передовые линейные корабли медленно втягивались в Абукирскую бухту, капитан Харди на своем юрком "Мутайне" перехватил местную рыбачью фелюгу. Предприимчивый Харди тут же снял с суденышка рыбаков и шлюпкой переправил их на "Вэнгард", чтобы Нельсон мог использовать рыбаков в качестве лоцманов.

В это время "Зилиес" и "Голиаф" продолжали быстро сближаться с противником, но, заметив, что значительно обогнали эскадру, несколько поубавили парусов.

— Что это они заробели? — тут же отреагировал Нельсон. — Немедленно поднимите сигнал: "Продолжать движение. "Голиафу" быть первым".

Отрепетовав сигнал, капитан Фолей на своем "Голиафе", обойдя французский флот с носа, протиснулся между стоящими на якоре неприятельскими кораблями и берегом. "Благородный и храбрый поступок этот, — вспоминал позднее один из офицеров "Голиафа", — примеру которого немедленно последовал капитан Гуд, решительность продолжать идти под всеми парусами, между тем как прочие корабли английской эскадры привелись в дрейф, поджидая шлюпки с "Мутайна", все это имело весьма важные последствия".

— Сейчас поглядим, у кого боевые повозки крепче! — в азарте кричали матросы на двух передовых британских линкорах.

* * *

Появление английской эскадры и сигнал с линейного корабля "Эре": "Неприятель приближается и держит к заливу!" — были для французских моряков громом среди ясного неба.

На тот момент французский флот был построен в следующем порядке: передовой 74-пушечный "Геррье" (капитан Жан-Тимотэй Трюллет-старший), затем 74-пушечные "Конкеран" (капитан Этьен Дальбард), "Спартанец" (капитан Морис-Жюльен Эмерио), "Аквилон" (капитан Генрих Тевенард), "Пепль-Суверен" (капитан Пьер-Поль Раккорд), 80-пушечный "Франклин" (капитан Морис Жильет), 120-пушечный "Ориент" (командор Коза-Банк), 80-пушечный "Тоннант" (командор Дюпти Туар), 74-пушечные "Эре" (капитан Жан-Пьер Этьен) и "Меркурий" (капитан Камбон), 80-пушечный "Вильгельм Телль" (капитан Сольнье), 74-пушечные "Женере" (капитан Лежойл) и "Тимолеон" (капитан Жан-Тимотэй Трюллет-младший). Сам вице-адмирал Брюес держал свой флаг

на "Ориенте". Там же находился начальник его штаба контр-адмирал Гонорэ Гантома. Авангардом, составлявшим семь передовых кораблей, командовал контр-адмирал Бланке-Дюшайла, флаг которого развевался на "Франклине". Во главе арьергарда был поставлен контр-адмирал Сильвестр Вильнёв, расположившийся на "Вильгельме Телле". Стоящие под берегом фрегаты (44-пушечные "Диана" и "Джустик", 36-пушечные "Артемиз" и "Сэрьез") возглавлял контр-адмирал Дионисий Декре.

Считается, что суммарный бортовой залп французской эскадры составлял 1186 орудий, а с английской — 1030 орудий.

Обнаружив приближение англичан, Брюес велел как можно быстрее доставить людей с берега на корабли. Но было уже поздно, большинство из них так и не смогли до конца боя попасть на свои боевые посты и стали лишь свидетелями грандиозного сражения. Чтобы хоть как-то пополнить команды линейных кораблей, пришлось передавать часть команд с фрегатов. Это внесло гораздо больше неразберихи, чем принесло пользы.

Навстречу английской эскадре устремились два брига — "Алерт" и "Райлер". Они должны были ложным манёвром навести передовые английские линкоры на мель. Капитан "Алерта" действовал особенно отчаянно: он почти вплотную приблизился к "Голиафу", затем дерзко развернулся прямо перед ним и, поставив все паруса, помчался прямо на каменный риф. "Алерту" повезло, и он, благодаря своей малой осадке, чудом проскочил через риф невредимым. На французском флоте затаив дыхание смотрели: клюнут англичане или нет. Англичане не клюнули! Нельсон быстро разгадал эту незамысловатую хитрость и приказал своим капитанам не отвлекаться на подобные штучки.

А день уже медленно клонился к закату. И снова надежда! Заметив, что английские корабли ложатся в дрейф, Брюес решил, что свою атаку Нельсон, по-видимому, отложил до следующего утра: кто же нападает в сумерках! Если все будет обстоять именно так, то в течение ночи он вполне поспеет подготовить свой флот к обороне и уж тогда утром англичанам не поздоровится!

— Впрочем, — советовался со своим начальником штаба Брюес, — ночи здесь весьма темные, а потому мы вполне можем попытаться выскользнуть из бухты и уйти на Корфу!

— Думаю, это верный шанс еще раз оставить одноглазого героя в дураках! — кивнул контр-адмирал Гантом.

На французских кораблях дружно заскрипели блоки — начали поднимать тяжелые брам-реи, верный признак того, что флот готовится вступить под паруса.

Однако то, что было понятно французским адмиралам, было столь же очевидно и для Нельсона, а потому он своей атаки

откладывать никак не желал, и в шестом часу вечера движение английской эскадры было продолжено. Первым, как и прежде, резали форштевнями волну "Голиаф" с "Зилиесом", за ними следовали "Орион", "Одасьез", "Тезей", "Вэнгард", "Минотавр", "Дефенс", "Беллерофонт", "Меджестик" и "Леандр". Несколько севернее продвигался "Куллоден", а далее на значительном удалении к западу "Александер" и "Свифтшур", посланные Нельсоном в свое время для разведки александрийского порта и теперь отчаянно догонявшие своих ушедших вперед товарищей. Быстрота, с какой англичане сумели выстроить боевую линию, была поразительная. Это не укрылось от глаз французских офицеров и особого оптимизма им не прибавило.

Теперь вице-адмиралу Брюесу стало окончательно ясно, что сражение последует незамедлительно, как только английские корабли приблизятся на расстояние залпа. Никаких отсрочек до завтра быть уже не может! Теперь из последних сил, торопясь, французы выправляли свою боевую линию, заводили дополнительные якоря, чтобы была хоть какая-то возможность разворачиваться бортом к противнику во время боя. Однако в спешке и при всеобщей неразберихе успели сделать далеко не всё.

Тем временем передовые "Голиаф" и "Зилиес" уже проследовали мимо французской береговой батареи на острове Абукир. С берега по англичанам палили, но без особого успеха. Затем, сблизившись с передовым французским линкором "Геррье", английские корабли убрали все паруса, кроме крюйселя[14].

* * *

Итак, сражение началось. "Конкеран" и "Спартанец" разрядили по англичанам орудия своего правого борта, но ядра их легли на воду. "Голиаф" уже успел проскочить зону поражения, а "Зилиес" до нее еще не дошел. Пока же французы перезаряжали пушки, мимо них благополучно проскочил и "Зилиес". "Геррье" же вообще не сделал ни одного выстрела. Как оказалось, столь безграмотная стрельба передовых французских линкоров объяснялась отсутствием на своем месте командира авангарда. Контр-адмирал Бланке-Дюшайла в это время спешил к своим кораблям на катере с "Ориента", где получал последние указания на сражение. Прибудь французский адмирал на свой корабль на каких-то десять минут раньше или же хоть немного задержись с атакой Нельсон, Абукирское сражение началось бы с больших потерь для англичан, но Бог в тот день был явно на их стороне!

За двумя передовыми английскими кораблями тем временем подтянулась вся остальная эскадра, и сразу же несколько кораблей обрушили шквал своего огня на несчастный передовой "Геррье".

Наконец французы опомнились. Свою первую порцию ядер получил от них "Голиаф". На нем сразу же был перебит такелаж. Пришлось отдавать якорь и, расположившись со стороны берега между вторым и третьим французскими линкорами, вступать с ними в бой. Неподалеку от "Голиафа" бросил якорь и "Зилиес": вдвоем драться с французами было легче. И снова англичане не могли нарадоваться тому, что французский огонь был так слаб. "Такое быстрое исполнение манёвра надобно приписать отчасти тихой погоде и отчасти неготовности неприятеля встретить нас с левой стороны. На "Геррье" пушки нижнего дека с этой стороны не были выдвинуты за борт и порта других деков были завалены кисáми[15] и разными вещами!" — писал позднее один из участников сражения.

Именно поэтому на один залп "Зилиеса" "Геррье" мог отвечать только одним. Результат такого поединка не замедлил сказаться. В тот момент, когда заходящее солнце коснулось горизонта, фок-мачта "Геррье" упала за борт. Первое серьезное повреждение противника вызвало бурю ликования на английской эскадре. В честь героев "Зилиеса" на всех кораблях трижды прокричали "ура!". Спустя каких-то пять минут с "Геррье" упали грот- и бизань-мачты. Почти одновременно рухнула в волны и грот-мачта "Конкерана", перебитая артиллеристами "Голиафа".

К этому времени основная часть английской эскадры уже приблизилась к французской линии вплотную и стала обходить ее со стороны моря, беря тем самым противника в два огня. В шесть часов сорок минут вечера флагман Нельсона "Вэнгард", бросив якорь напротив "Спартанца" и "Аквилона", открыл по обоим кораблям яростный огонь. По кратчайшему пути достигли своих мест боя "Одасьез" и "Тезей".

"Одасьез" расположился между изувеченным "Геррье" и "Конкераном" и сразу же начал палить по ним почти в упор.

Тем временем со стороны моря французов уже обходил третий корабль — это был "Орион". Разрядив мимоходом свои орудия в многострадальный "Геррье", Сомарец двинулся дальше, чтобы завершить окружение французского авангарда. Описав большой круг, он прошел по правому борту "Тезея", который к тому времени уже вовсю дрался с французским "Спартанцем". В ходе этого маневра "Орион" подвергся храброй атаке маленького фрегата "Сэрьез", капитан которого отважно бросился спасать свои линейные корабли.

Старший лейтенант "Ориона" подошел к Сомарецу:

— Сэр! Давайте отгоним этого наглеца!

— Ни в коем случае! — повернулся к нему Сомарец. — Пусть наш маленький друг подойдет как можно ближе. Прикажите убавить парусов и зарядить орудия правого борта!

Когда фрегат сошелся с "Орионом" почти вплотную, последовала команда "Огонь!" и десятки ядер устремились к цели. Минута — и на месте храброго "Сэрьеза" плавала лишь куча обломков.

Впрочем, впоследствии честь уничтожения фрегата оспаривала команда "Голиафа", утверждая, что это именно она нанесла "Сэрьезу" серьезные повреждения, а "Орион" только добил обреченное судно.

Как бы то ни было, но без четверти семь вечера "Орион" отдал якорь между "Пепль-Сувереном" и "Франклином". Таким образом, теперь французский авангард был полностью окружен и спасти передовые французские корабли не могло уже ничто.

Нельсон, расхаживая по квартердеку "Вэнгарда", некоторое время озабоченно поглядывал на корабли французского арьергарда, но затем махнул на них рукой.

— Думаю, находясь под ветром, они не смогут оказать помощь своим передовым кораблям, — сказал он капитану Эдварду Берри. — Не будем их пока даже трогать! Арьергард — это наш десерт!

Но тут первая неудача постигла и англичан: линейный корабль "Куллоден", намереваясь обойти "Леандр", плотно сел на риф у острова Абукир. Капитан Трубридж рвал и метал. Но что поделать, теперь ему надо было думать не об атаке противника, а о спасении собственного корабля.

В это время напротив французского "Аквилона" помимо "Вэнгарда" бросил якорь и "Минотавр", а следовавший за ним "Дефенс" встал напротив "Пепль-Суверена". Шедшие следом за ним "Беллерофонт" и "Меджестик" прошли дальше с твердым намерением атаковать французскую кордебаталию. В скором времени "Беллерофонт" несколько опрометчиво бросил якорь против 120-пушечного "Ориента", а "Меджестик" встал борт в борт с "Тоннантом".

Над Абукирской бухтой быстро опускалась густая темнота, и с каждой минутой опознавать противника становилось все трудней. Чтобы капитаны не потеряли ориентиры и не спутали свои корабли с французскими, Нельсон распорядился поднять белые флаги и вывесить на бизань-мачтах по четыре зажженных фонаря.

Несчастный "Геррье", три часа кряду нещадно обстреливаемый со всех сторон, был разбит почти в щепки, на нем едва успевали тушить пожары, но трехцветного флага, гордо развевающегося на обломке грот-мачты, упорно не спускал. Капитан "Зилиеса" уже в который раз предлагал французскому капитану Трюллету сдаться, но тот молчал и отстреливался из последних пушек. Но с каждым залпом "Зилиеса" ответный огонь становился все слабее. В девять часов вечера Гуд направил к Трюллету шлюпку с офицером, чтобы еще раз предложить сдаться, и на этот раз его предложение было наконец принято.

Последнее, что успел сделать капитан Трюллет перед сдачей, это пустить брандер на палящий в отдалении по его собрату "Аквалону" "Орион". К этому времени "Орион" потерял уже почти все свои плавсредства и его команда с ужасом ждала приближения самодвижущегося снаряда. На счастье "Ориона", брандер прошел всего в двадцати метрах от его левого борта.

Когда англичане взошли на сдавшийся им "Геррье", их взору предстала жуткая картина: повсюду горы трупов и реки крови. При всем этом якорный канат французского линкора остался цел и крепко держал разбитый корабль под огнем английских пушек.

Почти одновременно с "Геррье" пришла очередь и его ближайшего соседа "Конкерана". Против этого бедолаги дрались "Голиаф" и "Одасьез". Вскоре после начала сражения был тяжело ранен капитан "Конкерана" Дальбард. Спустя четверть часа интенсивного обстрела "Конкеран" потерял все свои мачты и выбросил белый флаг.

Следующий во французской линии корабль "Спартанец" сошелся в поединке с "Тезеем". Однако вскоре справа его атаковал еще и "Вэнгард". В довершение всего огонь по "Спартанцу" из своих кормовых орудий открыл и "Минотавр". А едва сдался "Конкеран", как в "Спартанца" полетели ядра и с "Одасьеза". Выстоять при таком огне было просто немыслимо. Некоторое время "Спартанец" кое-как держался, но затем потерял все мачты, большую часть команды и вынужден был тоже спустить свой флаг.

На помощь "Спартанцу" пытался было прийти "Аквилон". Не имея против себя конкретного противника, он начал расстреливать продольными залпами "Вэнгард". Флагман английской эскадры в считаные минуты получил тяжелые повреждения и потерял больше сотни человек. Отлетевшей щепой Нельсон был ранен в голову и на некоторое время ему пришлось даже сдать командование эскадрой. Впрочем, "Вэнгарду" повезло: у него уцелели все мачты. Однако вскоре обстановка для англичан улучшилась. На "Аквилон" обрушил всю мощь своего

огня "Минотавр", а с левого борта по нему почти одновременно начал палить и "Тезей". Теперь "Аквилону" стало уже не до "Вэнгарда". Впрочем, капитан Тевенард сопротивлялся отчаянно. На "Минотавре" он несколькими залпами выбил еще сотню человек и с полсотни — на "Тезее".

К этому времени гремело и полыхало уже по всей линии. В ночной темноте то там, то здесь вспыхивали выстрелы, слышались треск ломаемого ядрами дерева и отчаянные крики сражающихся. От огня "Дефенса" и "Ориона" рухнули мачты на "Пепль-Суверене". Обрубив якорный канат, он с большими повреждениями выбрался из линии и бросил якорь невдалеке от флагманского "Ориента", под защитой его пушек. В перестрелке досталось и "Дефенсу": у него рухнула за борт фор-стеньга, разлетелся в куски бушприт, потери составили два десятка матросов. "Орион" потерял не менее сорока человек.

Попал в хорошую переделку и "Беллерофонт". Он опрометчиво занял боевую позицию против 120-пушечного "Ориента" и поплатился за это. Французы быстро сняли ему сначала бизань-, а потом и грот-мачту, по всей палубе полыхал пожар, выглядевший на фоне ночного неба особенно зловеще. К половине девятого вечера "Беллерофонт" не выдержал огня, обрубил канат и начал выходить из зоны огня. Но ему вновь не повезло: беспомощно дрейфуя вдоль линии сражения, он попал под огонь сначала "Тоннанта", а затем еще и "Эре". Когда "Беллерофонту" все же удалось выбраться из боя, на его борту было более двухсот убитых и раненых. На этом участие "Беллерофонта" в сражении завершилось.

Против французского линкора "Тоннант" дрался "Меджестик". И ему не слишком повезло. Через полтора часа напряженного боя он потерял своего капитана Джона Уэскотта, сраженного меткой пулей. Место капитана тут же заступил лейтенант Куберт, который сражался с не меньшим мужеством.

Что касается концевых кораблей нельсоновской эскадры "Александера" и "Свифтшура", то, заходя на Абукирский рейд, они направили форштевни своих кораблей прямо на каменный риф. Спасло их только то, что уже сидящий на соседнем каменном рифе на своем "Куллодене" Трубридж предупредил капитанов о грозящей опасности. Оба линкора вовремя отвернули в сторону.

В девятом часу вечера, ориентируясь в темноте по орудийным вспышкам, "Свифтшур" поравнялся с горящим кораблем. Посчитав его недобитым французом, капитан Бенжамин Галлоуэль приказал готовиться к атаке, но все-таки дал запрос "свой — чужой". И вовремя, ибо это оказался разбитый "Беллерофонт". Быстро сориентировавшись в обстановке, Галлоуэль направил

свой корабль к "Ориенту" и сразу же открыл по нему яростный огонь. Рядом храбро дрался с французским "Франклином" 50-пушечный "Леандр". Открыл огонь по "Ориенту" и подошедший корабль английской эскадры "Александер".

Французский флагман бился с неслыханным упорством. Наверное, если бы победа в тот день присуждалась храбрейшему, то именно вице-адмирал Брюес заслужил бы ее. Уже в самом начале сражения он был ранен в руку и лицо, но продолжал руководить боем. В восемь часов вечера английское ядро разорвало его едва не пополам. Последними словами умирающего были:

— Не уносите меня вниз! Французский адмирал должен умирать на шканцах!

Спустя полчаса Брюеса не стало. Смерть избавила его от тяжкой участи быть свидетелем разгрома своего флота.

А сражение было в самом разгаре. "Орион" бил по "Франклину" до тех пор, пока "Леандр" не подошел его подменить. Периодически к обстрелу "Франклина" подключался и "Минотавр". В половине девятого "Пепль-Суверен", не выдержав ураганного огня, вышел из боя и освободившийся "Дефенс" тоже принялся расстреливать "Франклина".

"Франклин" из последних сил держался до без четверти десять, а потом, не видя иного выхода, сдался. И тут наступил самый драматический момент сражения, настолько поразивший всех его участников, что пальба с обеих сторон была на несколько минут прекращена.

Еще в девять часов вечера начался сильный пожар на "Ориенте". Пламя поднималось настолько высоко, что его видели все.

— Не ясно, кто горит, но ясно, что ему конец! — мрачно констатировал Нельсон, наблюдая за полыхающим в ночи гигантским костром.

Несмотря на это, "Ориент" продолжал упрямо отбиваться. Тогда дравшийся с ним "Свифтшур" навел пушки на огромный корабль и дал несколько точных залпов. Этого оказалось достаточно. Пламя в один миг охватило весь французский флагман, превратив его в пылающий факел. В десять часов вечера "Ориент" взлетел на воздух с ужасающим грохотом.

Сражавшиеся с ним английские линейные корабли "Александер", "Свифтшур" и "Орион" немедленно поставили по бортам матросов с ведрами, и те едва справились с каскадом искр и горящих обломков, которые обрушились на их корабли. От взрывной волны у трех британских линкоров разошлись пазы в корпусе, и теперь наверху одна часть их команд боролась с огнем,

а другая внизу — с водой. Горящие обломки попали и на стоявший рядом "Свифтшур", не причинив, впрочем, ему большого вреда. Часть обломков досталась и "Александеру", экипаж которого с трудом погасил возникший пожар, но пришлось обрубить часть такелажа и отойти подальше от линии баталии.

Из французских кораблей более иных от взрыва "Ориента" пострадал близстоящий "Франклин". Корабль вспыхнул, словно свечка, но храбрый экипаж успел вовремя потушить пламя. "Тоннант", "Эре" и "Меркурий" перед самым взрывом успели обрубить якорные канаты и отойти от обреченного флагмана.

Матросы "Ориона" по приказанию капитана Сомареца спасали французских матросов с "Ориента". Раненых, обожженных вытаскивали из воды, переодевали в сухое платье и помещали в трюм.

На протяжении четырех убийственных для французов часов их арьергард только наблюдал за ходом боя, но даже не предпринял попытки поддержать своих изнемогающих в неравной битве товарищей. Один лишь "Тимолеон", поставив марсели, напрасно ждал сигнала сняться с якоря, но такового ему так никто и не дал.

Наступила полночь, а над Абукирской бухтой продолжали греметь залпы. К этому времени из всех французских кораблей продолжал сражаться только неустрашимый "Тоннант", главным противником которого был "Меджестик". Они отчаянно бились друг с другом еще целых три часа. В начале четвертого часа утра "Тоннант" сбил грот- и бизань-мачты "Меджестика", однако почти сразу после этого успеха полетели за борт и мачты самого "Тоннанта".

В ту ночь было много храбрецов, однако капитан "Тоннанта" Дюпти Туар дрался с невиданной отвагой. Он вел огонь со своего корабля, пока не были сбиты все мачты, пока у немногих уцелевших орудий не осталось уже живых артиллеристов, способных их заряжать. Но даже и тогда он не сдался, а обрубил канат и вышел из-под огня. К этому времени "Тоннант" был практически полностью разбит и лишь каким-то чудом держался на воде. По свидетельству очевидцев (которым просто страшно верить!), Дюпти Туар потерял в начале боя руку, потом другую, затем ему оторвало обе ноги. Несмотря на это, Дюпти Туар не разрешил, чтобы его унесли вниз. По приказу капитана матросы сделали ему перевязку, а затем поставили истекающий кровью человеческий обрубок в кадку с отрубями. Находясь в таком положении, капитан "Тоннанта" еще некоторое время руководил

боем, но вскоре истек кровью и умер. Надо ли говорить, что, видя такой пример отваги и чести своего капитана, матросы сражались как одержимые. Уже умирая, Туар подозвал к себе одного из немногих оставшихся в строю офицеров и прошептал:

— Корабль ни в коем случае не сдавать, при безвыходном положении затопить!

Это были его последние слова…

Ныне Дюпти Туар — национальный герой Франции, на его примере воспитано уже не одно поколение французских моряков. И это справедливо, ибо только самые высокие подвиги способны зажечь огонь самопожертвования в молодых сердцах.

Вскоре прекративший отвечать на огонь англичан "Тоннант" удалился под ветер и занял новое место в строю впереди "Вильгельма Телля". Преследовать его противник не решился.

В полной темноте сражение несколько поутихло, лишь в отдельных местах пальба так и не прекратилась. Однако с первым лучом солнца оно было снова продолжено, причем с еще большим ожесточением. В четыре часа утра французы силами четырех кораблей (среди которых был и неутомимый "Тоннант"!) обрушились на "Александер" и уже порядком избитый "Меджестик". Однако и здесь добиться перевеса французам не удалось. Вскоре к двум британским линкорам подошли "Тезей" и "Голиаф". Дав несколько залпов, спустил флаг французский фрегат "Аретуза". С "Тезея" шлюпкой отправили было на "Артемиз" призовую партию, но французы, съехав на берег, взорвали свой фрегат. Тем временем еще четыре французских линкора и два фрегата, дрейфуя под ветер от английских кораблей, оказались вне досягаемости их пушек.

Около шести часов утра "Зилиес", "Голиаф" и "Тезей" снялись с якоря. Повинуясь сигналу Нельсона, они снова атаковали французские корабли. Вскоре французские линкоры "Эрю" и "Меркурий" выбросились на мель и подняли белые флаги.

В одиннадцать часов утра линейные корабли "Женере", "Вильгельм Телль" и "Тимолеон", фрегаты "Джустик" и "Диана", до этого практически не участвовавшие в сражении, подняли все паруса и устремились к выходу из бухты. Шедший последним линкор "Тимолеон", находясь под ветром, не сумел выйти из бухты и выбросился на берег. Бежавших французов пытался преследовать "Зилиес", однако был возвращен к эскадре приказом Нельсона.

Командующий не желал более рисковать, так как дело и так было сделано, и сделано блестяще. Из тринадцати французских линейных кораблей один был взорван, а восемь захвачены, два линкора и два фрегата бежали, а разбитые линейные корабли

"Тимолеон" и храбрый "Тоннант" стояли неподалеку от английской эскадры, не в силах дать ход. На "Тоннанте" матросы, выполняя приказ своего погибшего командира, прибили флаг к мачте гвоздями. Но и у Нельсона уже не было сил атаковать. В таком неопределенном положении противники провели остаток дня и всю ночь.

Лишь утром 23 июля "Тезей" и "Леандр" снялись с якоря и подошли к "Тоннанту". Тот отбиваться уже не мог. Немногие оставшиеся в живых члены французской команды взорвали свой корабль и переправились на берег. С собой они унесли и обезображенное тело мужественного Дюпти Туара.

Вскоре на "Вэнгард" к Нельсону шлюпкой прибыл капитан Джеймс Сомарец. Нельсон встретил его на шканцах. Голова контр-адмирала была забинтована. Сомарецу тоже досталось: он был ранен в бедро и бок. Вначале капитан поздравил Нельсона с победой, и тот заулыбался в ответ. Но затем Сомарец решил сказать и об ошибках Нельсона.

— Очень жаль, что мы не… — только и успел произнести он. Не желая слушать от подчиненного критику своих действий, Нельсон оборвал Сомареца:

— Слава богу, что мы не находились в желаемом вами порядке!

С этими словами он бросился вниз со шканцев и скрылся в своей каюте. Обескураженному Сомарецу не оставалось ничего другого, как отбыть к себе на корабль. Историки считают, что Сомарец решил упрекнуть Нельсона за маневр между французским флотом и берегом, который он считал излишне рискованным и невыгодным. Именно эта стычка на шканцах "Вэнгарда" будет стоить Сомарецу карьеры. Нельсон никогда не мог простить опытнейшего капитана (который был к тому же старше его по возрасту) за попытку критики и даже отказался представить его к награждению по итогам сражения, в котором Сомарец сыграл далеко не последнюю роль!

Итогом Абукирского сражения была потеря французами одиннадцати кораблей и пяти тысяч человек. Потери англичан составили 895 человек. Французского средиземноморского флота больше не существовало!

23 июля на эскадре победителей был отслужен благодарственный молебен, на котором все стояли со слезами на глазах. Затем Нельсон горячо благодарил своих капитанов. Тогда же офицеры английской эскадры собрали 600 фунтов, чтобы раздать их вдовам и детям погибших матросов.

Через день Нельсон отправил в Лондон 50-пушечный корабль

"Леандр" под командой капитана Томпсона с донесением об одержанной победе. Среди трофеев Томпсон вез и шпаги плененных французских капитанов, которые Нельсон презентовал лондонскому лорд-мэру. На "Леандре" в Лондон отправился и капитан флагманского "Вэнгарда" Берри. Однако до Лондона "Леандр" так и не добрался.

Утром 7 августа на траверзе острова Кандия он был перехвачен 74-пушечным французским линейным кораблем "Женере", тем самым, что несколько дней назад чудом вырвался из Абукирской бухты. Капитан Томпсон пытался избежать боя, но противник ему этого не дал. Разъяренные гибелью своих товарищей французские матросы требовали от своих офицеров решительной атаки. Томпсону удавалось несколько раз уклоняться от сближения вплотную. Повреждения Абукира не позволяли отвечать из всех пушек, а ослабленный такелаж избежать непрекращающихся атак. Один за другим были ранены Томпсон и Берри, выбыло из строя более сотни матросов. В 15 часов 30 минут, после шестичасового непрерывного боя, разбитый "Леандр" спустил свой флаг. Французы ликовали. Им удалось если не рассчитаться с англичанами за Абукир, то хотя бы значительно испортить настроение победителям.

Спустя некоторое время "Леандр" снова вернется к англичанам. Сделает это адмирал Федор Ушаков, захвативший "Леандр" при штурме крепости Корфу.

Тем временем в Абукирской бухте Нельсон провел ревизию захваченным французским кораблям. Три из них из-за больших повреждений были сожжены. Остальные шесть под командой Джеймса Сомареца отправлены в Гибралтар в распоряжение командующего британским средиземноморским флотом адмирала Сент-Винсента.

Весть о разгроме французского флота быстро достигла Тулона. Приморские города погрузились в траур. Почти в каждом доме оплакивали отца, сына, брата. Люди проклинали Директорию, однако до уличных беспорядков дело не дошло: еще свежи были воспоминания о якобинском терроре.

Причинами сокрушительного поражения французов при Абукире (в Англии и сегодня принято называть его сражением при Ниле) историки единодушно считают выдающиеся командные качества Нельсона, прекрасную выучку команд на его кораблях, нерешительность адмирала Брюеса и трусость командующего французским авангардом адмирала Вильнёва. Последнее обстоятельство особенно волнует французских историков, которые вот уже более двухсот лет пытаются найти

объяснение более чем странному поведению командира французского арьергарда.

В отношении преступного поведения Вильнёва историк французского флота адмирал Жульен де ла Гравьер писал: "Во власти Вильнёва была единственная вероятность склонить перевес на сторону французов, и между тем, удерживаемые какою-то пагубною инерцией, корабли эти так долго оставались спокойными зрителями этой неравной борьбы! Они были под ветром у сражавшихся, но только мертвый штиль мог помешать им преодолеть слабое течение, господствовавшее у этого берега; штиля, однако, не было, и они одним галсом могли бы занять место, более чем приличное. Длина линии не превышала полторы мили, а им достаточно было подняться на несколько кабельтов, чтобы принять участие в деле. Корабли Вильнёва имели в воде по два якоря, но они могли бы обрубить канаты в восемь, в десять вечера, чтобы идти выручать авангард, точно так же, как на другой день, в одиннадцать часов утра, они обрубили их, чтобы избежать поражения. Если бы даже они лишились средства вновь встать на якорь, то они могли бы сражаться под парусами или, наконец, абордировать какой-нибудь из неприятельских кораблей. Словом, что бы они ни сделали, все было бы предпочтительнее, чем их бедственное бездействие…"

Что касается англичан, то и у них есть своя нераскрытая тайна Абукира. Дело в том, что по сегодняшний день остается вопрос: кто же принял судьбоносное решение обойти французский флот и атаковать его со стороны берега — Фолей или Нельсон? Этот спор весьма напоминает аналогичный спор английских историков о том, кто является автором знаменитого маневра прорезания французского флота в сражении при Мартинике — адмирал Родней или его флаг-капитан?

В случае Абукира авторство Нельсона, как и авторство Фолея, имеет множество свидетельств. Увы, даже этот частный факт наглядно показывает, как мало можно полагаться на память и на мнения людей! Достоверно известно, что Нельсон не давал никакого сигнала своим кораблям обходить неприятельскую линию. Очень характерное признание по этому поводу сделал капитан Гуд, который на своем корабле следовал за "Голиафом" Фолея, с которым они вместе атаковали французский линкор "Геррье": "Этот корабль стоял всего на 35-футовой (10,5 метра) глубине, и я все время боялся, что "Голиаф" и "Зилиес" станут на мель, и никак не допускал мысли, что мы попытаемся пройти между ними и берегом". Это признание доказывает, что Нельсон не давал на обход французов никаких указаний. Однако

некоторые капитаны утверждают, что такой маневр обсуждался Нельсоном ранее и Фолей исполнил только то, что от него хотел командующий. Приоритет Фолея подтверждает и английский адмирал Броун, который служил позднее с Фолеем и не раз слышал от последнего рассказ об Абукире. Броун пишет: "… положительно могу подтвердить тот факт, что Фолей вел британскую эскадру без предварительных условий и указаний".

Капитан Берри утверждал: "Составленный Нельсоном план сражения был точно выполнен в бою".

Не соответствует истине утверждение английских историков об уникальности нельсоновского маневра. Именно проходом вдоль берега в 1676 году знаменитый французский адмирал Турвиль разбил объединенный голландско-испанский флот. А еще за 300 лет до этого английский же король Эдуард III аналогично выиграл сражение при Слюи. И совсем уж невозможно поверить, что англичане (включая и самого Нельсона) не знали о маневре с обходом под берегом турецкого флота, примененном в 1791 году вице-адмиралом Ушаковым в сражении у мыса Калиакрия.

Глава двенадцатая
ЛАВРЫ ТРИУМФАТОРА И НОВАЯ ЛЮБОВЬ

Известие о полном разгроме французского флота при Абукире вызвало в Лондоне состояние шока, столь неожиданном и радостным оно было.

А потому награды за Абукир на Нельсона посыпались как из рога изобилия. В одночасье он достиг всего, о чем только мог мечтать. Нельсон стал пэром Англии, то есть выполнил все, что обещал достичь своей жене. Кроме этого, он сразу же стал бароном Нила и Бернем-Торпа, то есть мест, где родился и где одержал победу. Возбужденный победой парламент почти единодушно проголосовал за назначение герою Нила пожизненной пенсии в две тысячи фунтов в год, суммы, о которой не избалованный деньгами Нельсон никогда не мог раньше и мечтать.

Когда королю Георгу III доложили о подробностях битвы на Ниле, он от волнения некоторое время даже не мог говорить и выражал свои чувства жестами. Затем король выступил с речью в парламенте. Вот как оценил он Нильскую победу Нельсона: "Морские триумфы наши озарены новым блеском решительного и достопамятного боя, в котором отряд моего флота под командой контр-адмирала Нельсона атаковал и почти совершенно истребил неприятеля, имеющего все выгоды сильной позиции. Блистательная победа эта обратила во вред французам предприятие, которого несправедливость, вероломство и безрассудность привлекли на себя внимание целого света. Удар этот потряс силу Республики и, уничтожив ее влияние, дал нам возможность при помощи других держав освободить Европу!"

Премьер-министр Уильям Питт оказался более сильным духом, чем его король. Сразу же после победного известия он взял слово в палате общин и под шквал аплодисментов заявил:

— Слава адмирала Нельсона будет отныне навсегда связана с именем его родины! Весь мир всегда будет помнить, что он одержал величайшую морскую победу в мировой истории!

Хитроумный Питт уже прикидывал, что Абукирская победа дает ему неплохие шансы на создание очередной антифранцузской коалиции. Россия, Австрия, Неаполь и Турция были готовы поддержать Англию и сообща выступить против Парижа. Улучшилась и внутриполитическая обстановка в Англии.

Сразу же возрос авторитет правительства, более твердым стал фунт, притихли сторонники революционных преобразований.

Совсем уж расчувствовался от известия о победе при Ниле первый лорд Адмиралтейства Спенсер. Потеряв сознание, он свалился на пол, и его долго приводили в чувство перепуганные чиновники. Куда более стойкой к радостному известию оказалась супруга лорда. На правах старой знакомой героя она послала Нельсону самое восторженное письмо: "Поздравляю, поздравляю Вас, храбрый, доблестный, отныне бессмертный Нельсон! Храни и благослови Вас великий Боже, чье дело Вы так мужественно защищаете, — храни Вас до самого конца Вашей блестящей карьеры. Сердце мое переполняют разные чувства: радость, благодарность, гордость; эти чувства всегда согревали душу британской женщины в минуту торжества ее родины. И все это — благодаря Вам, мой дорогой, добрый друг. Я пишу, а в это время пушки палят в Вашу честь, готовится иллюминация. Ваше доблестное имя повторяют на каждой улице, и каждый британец чувствует, как безмерно он Вам обязан".

"Великая победа", "Английский гений разгромил врага", "Угроза Индии снята навсегда", "Угроза вторжения отныне исчезла" — вот лишь некоторые из тогдашних газетных заголовков.

В городах и деревнях Англии в честь победы на Ниле жгли костры и прямо на улицах накрывали огромные столы, за которыми все пили за героя Нельсона. По английским дорогам в те дни ездили дилижансы с намалеванными краской надписями: "Нельсон" и "Виктори". А предприимчивые дельцы уже во всю торговали грубо нарисованными портретами героя Нила и изображением самой битвы, где огромные английские корабли буквально сметали маленькие французские посудины. Картины эти шли нарасхват. В официальном и чопорном "Таймсе" на первой странице были напечатаны крупным шрифтом следующие поэтические строки:

Нельсон! Великое, славное имя твое
Нынче от моря до моря победно звучит,
Радость принес ты и нации, и королю.
Нельсона доблесть достойна великих наград,
Будет Британия всеми морями владеть!

Если для Англии Абукир стал настоящим триумфом, то для Франции явился настоящим крахом, разом перечеркнув все далекоидущие замыслы.

Свидетель сражения генеральный контролер финансов

французской Египетской армии так охарактеризовал значение случившегося для Франции: "Фатальное столкновение уничтожило все наши надежды. Оно лишило нас возможности получить оставшуюся во Франции и Италии часть сил, предназначавшихся для участия в экспедиции. Оно создало условия, при которых англичане смогли убедить Порту объявить нам войну, вновь воспламенило почти совсем было погасшее в сердце австрийского императора желание воевать против нас, открыло Средиземное море для русских и позволило им утвердиться на наших границах, привело к потере Италии и бесценных владений в Адриатике, которые мы приобрели в результате успешных кампаний Бонапарта. И наконец, оно одним махом свело к неудаче все наши проекты, ибо лишило нас надежды причинить англичанам хоть какое-то беспокойство в Индии. К этому нужно добавить воздействие на народ Египта, который мы хотели превратить в друга и союзника. Он превратился в нашего врага, и, будучи полностью окружены турками, мы оказались вовлеченными в самую трудную оборонительную войну, без малейшей надежды получить хотя бы минимальный выигрыш от этого".

Египетская армия Бонапарта была еще сильна и способна на многое, но после Абукира оказалась полностью отрезанной от метрополии и, следовательно, обречена на поражение, которое неминуемо должно было наступить рано или поздно.

Вскоре после одержанной победы Адмиралтейство повысило Нельсона в чине, сменив ему флаг: отныне он становился уже не самым младшим контр-адмиралом синего флага, а контр-адмиралом красного (то есть второго по значению) флага. Еще вчера самый младший из всех контр-адмиралов флота, теперь он был всего лишь в одном шаге от следующего вице-адмиральского чина, обойдя сразу нескольких куда более старших по службе соперников.

Не поскупились на награды для победителя и союзники Англии. Российский император Павел I подарил Нельсону свой портрет, усыпанный бриллиантами и вправленный в крышку золотого ларца. Золотую шкатулку с бриллиантами передал для героя Нила и король Сардинии.

Однако более всех иных расщедрился турецкий султан Сулейман III, для которого победа Нельсона имела жизненно важное значение, ибо она останавливала дальнейшую французскую экспансию против Турции. От султана Нельсону были переданы золотой челенг (украшение в виде пера), усыпанный бриллиантами (его контр-адмирал тотчас прикрепил к своей треуголке), и огромная соболья шуба. Мать султана от

себя лично передала шкатулку с бриллиантами.

Особую награду учредила для победителя и Ост-Индская компания: десять тысяч фунтов за спасение Индии от вторжения Бонапарта. Справедливости ради надо сказать, что почти все эти деньги Нельсон разделил между своими многочисленными родственниками.

Были подарки и куда более оригинальные, но не менее дорогие для Нельсона. Так, капитан Бенджамин Галлоуэл подарил своему командующему… гроб, выдолбленный из грот-мачты уничтоженного французского линкора "Ориент".

— Сэр! Когда вы устанете от жизни, вас смогут похоронить в одном из ваших трофеев! — сказал он, вручая свой жутковатый дар.

Нельсон, однако, пришел от подарка в полнейший восторг и приказал, чтобы гроб закрепили у переборки его салона рядом с рабочим столом. Лишь спустя некоторое время, вняв настойчивым мольбам суеверного вестового, он распорядился перенести гроб в трюм своего флагманского корабля, где тот и хранился до самой его смерти.

Как всегда, впрочем, в бочку меда оказалась подмешанной и ложка дегтя. После Абукирской победы Нельсон не без основания рассчитывал получить как минимум титул виконта, а быть может, и графа, на что были основания. Так, адмирал Джервис получил графский титул за Сент-Винсент, графом после победы при Кампердауне стал и адмирал Дункан. И это при том, что обе эти победы имели для Англии куда меньшее значение, чем Абукир. Но король посчитал, что для сына сельского священника будет вполне достаточно титула барона. Эту несправедливость Нельсон сильно переживал, но ничего поделать не мог, ибо раздача титулов зависела лично от короля и никто иной не мог вмешиваться. Пришлось ему удовлетвориться титулом барона.

Оживилась после Абукира и вся нельсоновская родня. Контр-адмирала буквально завалили письмами с просьбами протежировать сыновьям и внукам, зятьям и племянникам. И Нельсон всем старался помочь. Более всех отличился брат Морис, который внезапно возомнил, что брату героя Абукира негоже прозябать приходским священником и пора уже водрузить на голову епископскую митру. Он завалил Нельсона слезными письмами. Тому ничего не оставалось, как отписать соответствующие прошения премьер-министру и ряду высокопоставленных лиц. Вельможи недоуменно промолчали. Лишь лорд Спенсер в силу своих приязненных отношений к Нельсону деликатно сообщил, что абсолютно не представляет, чем может быть полезен Морису Нельсону в его сугубо церковном

вопросе.

* * *

Особую радость известие о победе над французским флотом вызвало в Неаполе. Для Королевства обеих Сицилий это означало возможность дальнейшего существования и определенные гарантии поддержки британского флота в дальнейшем. Разумеется, король и королева были заинтересованы в том, чтобы посол Гамильтон поддерживал отношения с командующим Средиземноморской эскадрой. В этом был кровно заинтересован и сам Гамильтон, ведь таким образом из обыкновенного посла он превращался в главного советника короля и мог проводить ту политику, которая была выгодна Англии. Это был звездный час Гамильтона, и упустить свой шанс он просто не имел права.

Однако при этом сразу возник вопрос: как развить и углубить дружеские отношения с Нельсоном? Дальновидный Гамильтон несколько лет назад оказал гостеприимство никому еще не известному капитану Нельсону, что давало возможность на продолжение отношений, но нужна была и личная заинтересованность Нельсона в дружбе. Строить ее лишь на политической и военной необходимости было не слишком разумно: интересы британского флота и интересы Королевства обеих Сицилий могли в какой-то момент разойтись, и тогда командующий эскадрой, вне всяких сомнений, пренебрежет итальянскими делами. Как опытный и хитрый политик Гамильтон понимал, что Нельсона надо связать с собой каким-то иным способом. Но каким? Большой дружбы между ним и контр-адмиралом быть не могло из-за разницы в возрасте, воспитании, увлечениях и интересах, в самом стиле жизни. И тогда у Гамильтона родилась гениальная идея: привязать к себе Нельсона посредством своей красавицы жены.

Вне всяких сомнений, сэр Гамильтон сразу после назначения Нельсона на пост командующего эскадрой навел о нем справки в Лондоне. Что же он мог узнать? Прежде всего то, что Нельсон моряк до мозга костей и совершенно не искушен в светских делах, что у него болезненная и довольно скучная жена, что он способен на романтические чувства и готов на самые глупые поступки ради возлюбленной, что в данный момент сердце контр-адмирала свободно (жена, разумеется, не в счет!). Помимо этого Гамильтону не стоило особого труда выяснить, что Нельсон одержим славой и крайне падок на самую грубую лесть.

Гамильтон не мог не помнить, какое впечатление произвела

его жена на Нельсона во время их первой встречи, когда молодой капитан краснел и терял дар речи от одного взгляда на нее. В том, что Эмма сделает все возможное, чтобы привязать к себе Нельсона, Гамильтон не сомневался. Да и вся предыдущая жизнь Эммы была залогом того, что ей не составит особого труда влюбить в себя неискушенного в подобных делах моряка.

Именно поэтому, едва Нельсон получил назначение командующим эскадрой, Гамильтоны возобновили с ним переписку, причем в каждом письме посла была неизменная чувственная и полная эротических намеков приписка, сделанная рукой его жены.

Когда же Нельсон разбил французский флот, стало ясно, что пора переходить в решающее наступление и Гамильтонам. Теперь Эмма лично пишет письмо нильскому герою, в котором старается сделать все возможное, чтобы заставить его искать с ней встречи. Она прекрасно знает: если они встретятся, она сумеет сделать так, чтобы Нельсон стал ее любовником, и тогда он будет предан ей, а значит, и ее мужу всецело. Письмо Эммы Гамильтон настолько важно в понимании всех последующих отношений со странной четой Гамильтонов, что его необходимо привести полностью: "Милый, дорогой Нельсон, с чего же мне начать? Что мне Вам сказать? С самого понедельника я от радости словно в бреду; уверяю Вас, что причины моей лихорадки — только возбуждение и счастье. Великий Боже, какая победа! Никогда еще, никогда не было события, даже наполовину столь великолепного и совершенного. Услышав радостную весть, я потеряла сознание. Я упала в обморок и ушиблась, но что из этого? Я была готова умереть ради такого дела. Но нет, я не хочу умирать, пока не увижу и не обниму Вас, победителя Нила! Как мне передать вам чувства Марии Каролины? Невозможно. Она тоже упала в обморок, потом заплакала, бросилась целовать мужа, детей, она радостно металась по комнате, целовала и обнимала всех, кто был рядом, говоря: "О, храбрый Нельсон, мы ему обязаны всем, о, победитель, спаситель Италии, о, если бы я могла сказать ему от всей души, как мы ему обязаны!" Вы сможете сами представить себе всё остальное, дорогой сэр, но я не смогу описать Вам нашу радость даже наполовину. Неаполитанцы просто с ума сошли; если бы Вы здесь оказались, они удушили бы Вас в своих объятиях. Сочинили уйму сонетов, везде иллюминация и веселье. Французы прячутся — ни одна собака не показалась. Как я горжусь своей родиной и моим соотечественником! От радости я не хожу, а летаю, я знаю, что родилась на одной земле с победителем Нельсоном, с его мужественной командой.

Мы готовим Вам апартаменты. Мне так не терпится увидеть

Вас, обнять Вас… Как хотелось бы, чтобы Вы увидели наш дом в те три ночи, когда он был иллюминирован, он весь сверкал Вашим славным именем. Горело три тысячи ламп, а если бы мы успели — зажгли бы три миллиона. Все англичане в Неаполе соперничают: каждый хочет лучше другого отпраздновать ту самую великолепную и незабываемую победу. Получив счастливое известие, сэр Уильям помолодел на десять лет, сейчас ему для полного счастья только недостает увидеть Вас, своего друга. Как он Вами гордится! Он не может скрыть радости даже при одном упоминании о Вас. Нам присылают столько стихов и поздравительных писем; передаю Вам некоторые, чтобы Вы видели, как здесь воспринимают Ваши успехи… Мне жаль всех, кто не участвовал в сражении. Я бы хотела подносить порох или драить палубу, но участвовать в той великой битве, а не быть императором вдали от нее.

Я заказала себе платье — все целиком в стиле "Нельсон". Шаль у меня голубая, расшитая золотыми якорями. Серьги — тоже в форме якорей. Можно сказать, что мы здесь *обнельсонились* с головы до пят".

Не менее восторженно-льстивым было и письмо самого Гамильтона: "Ни древняя, ни современная история не помнит битвы, прославившей своих героев больше, чем та, которую вы выиграли 1 августа. Вы завоевали себе столько, сколько Вам нужно, чтобы насладиться упоением победы; Вы приумножили славу своей родины. Вероятнее всего, Вы положили конец тому хаосу и горю, в которые могла бы быть ввергнута вся Европа. Вы не можете себе представить, как счастливы мы с Эммой, сознавая, что именно Вы, наш близкий друг Нельсон, совершили это дивное благодеяние — усмирили наглых грабителей и тщеславных хвастунов… Ради бога, дорогой друг, приезжайте к нам, как только позволит служба. В нашем доме для Вас уже приготовлены удобные комнаты, а Эмма подбирает самые мягкие подушки, чтобы покоить на них те усталые конечности, которые у Вас еще остались…"

Не надо обладать большой проницательностью, чтобы понять: Гамильтон весьма откровенно толкал Нельсона в постель к своей жене, которая уже вовсю подбирала для этого "самые мягкие подушки".

* * *

Сам Нельсон после Абукира сильно страдал от почти непрерывных головных болей — следствия перенесенного

ранения. Успокоительные помогали мало.

До середины августа он держал свою эскадру в Абукирском заливе. Повреждения кораблей были столь серьезны, что ни один из них не выдержал бы перехода морем. Материал для починки добывали тут же — с разбитых французских кораблей.

Надо было подлататься хотя бы до той степени, чтобы добраться до Неаполя или Гибралтара. Ни о каком продолжении боевых действий речи быть уже не могло. Разбив противника, английская эскадра сама пришла в состояние полнейшей негодности и беспомощности. Если бы сейчас в Абукир завернул неприятельский отряд хотя бы фрегатов, ему было бы чем поживиться. Но у французов не было теперь даже и этого. Помимо всего Нельсон не оставлял надежды снять с мели французские линейные корабли, привести их в порядок и взять с собой. Призовой фонд плененного корабля намного превышал те деньги, что причитались за уничтоженный корабль.

15 августа к Нельсону наконец-то прибыли присланные Сент-Винсентом фрегаты. Они доставили приказ главнокомандующего: немедленно следовать в северо-западную часть Средиземного моря. Как ни сокрушался Нельсон, но пришлось сжечь три еще не готовых к плаванию и стоящих на мели французских линейных корабля. Бóльшую часть фрегатов он оставил для блокады Египта, сам же с остальной эскадрой 19 августа вышел в море.

На траверзе Апеннин эскадра разделилась: основная ее часть с шестью захваченными французскими линейными кораблями и пленными под началом Трубриджа взяла курс на Гибралтар, Нельсон с тремя наиболее поврежденными кораблями завернул в Неаполь, так как боялся, что до Гибралтара они просто не дойдут.

Штормов, к радости англичан, за время следования не было, но ветры дули большей частью встречные, а это сильно замедляло ход. Нельсон к этому времени почти слег в кровать и только изредка показывался наверху. Сказывались и ранение, и сверхчеловеческое напряжение последних месяцев. Корабельные врачи советовали контр-адмиралу немедленно взять отпуск и отправиться для основательного лечения в метрополию. Сам Нельсон писал графу Сент-Винсенту: "Моя голова раскалывается, раскалывается, раскалывается…"

В Неаполе он рассчитывал, используя расположение Фердинанда и Марии Каролины и влияние Гамильтона, заняться ремонтом кораблей, лечением и отдыхом, управиться со всем за одну-две недели, а затем догонять свою эскадру. Увы, он даже не мог себе представить, какая встреча ожидает его в Неаполе, и уж тем более не предполагал, что начинается совершенно новый период его жизни.

Все биографы Нельсона будут отмечать эти два года его жизни как особый этап. Одни будут считать его наиболее бесславным и противоречивым, другие, наоборот, наиболее плодотворным и счастливым.

11 (22) сентября 1798 года эскадра Нельсона, ведомая разбитым "Вэнгардом", вошла в воды Неаполитанского залива. Победителей Абукира встречали как настоящих героев.

Навстречу медленно идущим кораблям устремилась целая карнавальная флотилия мелких Судов. Впереди остальных спешил сверкающий золотом отделки гребной катер самого короля. Вторым — ослепительно-белый катер английского посла, на корме которого, словно античная статуя, восседала в платье из белого муслина, расшитого якорями, Эмма Гамильтон. Наступал ее звездный час. Оркестры гремели "Правь, Британия морями!" и "Боже, храни короля". С "Вэнгарда" гремел орудийный салют из двадцати одного залпа.

Любопытное описание прибытия Нельсона оставил потомкам российский посланник в Неаполе В. В. Мусин-Пушкин-Брюс: "Состояние, в котором находился "Вэнгард" касательно до мачт, было несравненно хуже, нежели то, в котором были пришедшие четыре дня прежде его "Александер" и "Куллоден". Нижние части большой мачты и бизани да фок-мачта составляли весь остаток снастей корабля сего. Оные и подделанная слабая передовая мачта не могли нести больших парусов. Для сей причины корабль шел весьма неспешно и столь опоздал прибытием своим сюда. Корабли сии явлением своим возобновили и вяще оживили те чувствования, которые в городе сем произвела предварившая их весть о торжестве их. Изображенные на них знаки жестокого и опасного боя, храброго, но счастливо преодоленного ими сопротивления представляли победоносные сии суда особливого почтения достойными зданиями… Берег и море покрыты были множеством зрителей…"

На последних метрах катер посла обогнал катер короля, что было вопиющим нарушением всех мыслимых правил. Однако сейчас Гамильтонам было не до церемоний. Они начинали большую игру, в которой была важна каждая мелочь. А потому первой по спущенному парадному трапу на борт флагманского линкора взошла Эмма. Это было нарушением не только придворного этикета, но и просто приличий, однако важность события свела на нет эту бестактность.

Едва очутившись на палубе, леди Гамильтон без лишних слов бросилась на шею несколько ошарашенному таким проявлением восторга Нельсону, а затем поникла без чувств на его руках. Проделано это было столь естественно, что в искренности

красавицы по отношению к герою можно было не сомневаться.

Сам Нельсон несколько позднее простодушно описал это великолепно срежессированное театральное действо в своем письме Фанни: "Сцена на корабле была безумно трогательной; леди Гамильтон взлетела на палубу и, воскликнув: "О Боже, возможно ли это?" — упала в мои объятия ни жива ни мертва. Правда, всплакнув, она пришла в чувство. Потом рядом оказался король, он пожал мне руку, назвал "освободителем и хранителем" и произнес еще много добрых слов. Если быть кратким, то весь Неаполь называет меня Nostro liberatore (наш освободитель), а сцена встречи с простым людом была очень волнующей… Я надеюсь, что когда-нибудь буду иметь удовольствие представить тебя леди Гамильтон. Это одна из самых лучших женщин в мире. Очень немногие могли бы достичь того, чего достигла она. Она делает честь женскому полу вообще, и ее пример доказывает, что доброе имя можно восстановить, но я уверен, что для этого нужна большая душа… Если бы Джосая остался здесь, Ее Светлость сделала бы из него человека; я уверен, что, несмотря на свою грубоватость, он симпатизирует леди Гамильтон больше, чем любой другой женщине. За полгода она бы вылепила из него то, что надо, даже против его воли".

Ознакомившись с письмом Нельсона, нетрудно понять: леди Гамильтон удалось осуществить все, что она задумала. Ослепленный собственной славой, всеобщим поклонением и восхищением красивой женщины, Нельсон, кажется, даже не понимал, насколько бестактным было его письмо жене, которой он расхваливал добродетели своей любовницы.

Эмма Гамильтон была воистину необыкновенной женщиной. Пройдя суровую жизненную школу, она стала настоящим гением по части очаровывания мужчин и полного подчинения их себе. Природный ум и красота, умение льстить и угождать, окружать свою жертву заботой и вниманием — для достижения поставленной цели в ход шло буквально всё. Устоять против арсенала ее средств было практически невозможно. А потому герой Нила был обречен на поражение, и он, разумеется, пал…

* * *

Чтобы судить об отношениях Нельсона и Эммы Гамильтон, необходимо помнить, что на мнение историков большое влияние оказала тогдашняя французская пресса, которая имела все основания ненавидеть как английского адмирала, так и жену английского посла, доставивших Франции немало неприятностей.

А потому именно во Франции на протяжении последующих десятков лет рождалось и распространялось большинство самых скандальных сплетен об этой необычной паре. Свою руку, вне всяких сомнений, приложили и многочисленные недоброжелатели в самой Англии. Впрочем, Нельсон и Эмма Гамильтон давали столь обильную пищу для разговоров, что придумывать что-либо не было никакой необходимости.

До нас дошла характеристика леди Гамильтон, данная ей одной из ее приятельниц по Неаполю: "Леди Гамильтон не выносила соперниц рядом с собой, а лесть была ей необходима как воздух. Она тоже умела льстить другим и делала это очень искусно. Нет сомнения: она убедила бедного Нельсона, что влюблена в него, притом не как в Марса, а как в Адониса. Мария Каролина знала об этом и использовала ее для достижения тех целей, в которых нужна была помощь британского адмирала. Королева прекрасно понимала, какое влияние оказывает эта женщина на такого человека, и покупала преданность леди Гамильтон подарками и лестью. Что касается сэра Уильяма, то это был истинный неаполитанец и по уму, и по поведению. Тот небольшой авторитет, которым он владел как посол, он сохранял благодаря интригам своей жены. Политика мало его интересовала; он хотел, чтобы ему не мешали быть при должности, получать жалованье и коллекционировать вазы, а политику он доверял своей супруге".

Исходя из военной необходимости, еще перед приходом в Неаполь Нельсон поставил своим капитанам задачу произвести ремонт максимально быстро.

— Мы нанесем удар по Мальте, а затем займемся Корфу, чтобы выбить оттуда французов!

— Но у нас нет десанта… — неуверенно подали голос капитаны.

— Это неважно! — усмехнулся Нельсон. — Солдат мы возьмем у неаполитанского короля! К тому же нам надлежит любой ценой найти и отбить захваченный французами "Леандр" — это дело чести! Поэтому я приказываю в самое ближайшее время привести свои корабли в надлежащий порядок, пополнить припасы и быть готовыми к возобновлению боевых действий!

К этому времени в средиземноморские пределы уже вступила объединенная русско-турецкая эскадра под командованием адмирала Федора Федоровича Ушакова. Именно ему, а не Нельсону, суждено будет вскоре стать победителем Корфу.

Явно не желая никого обременять, контр-адмирал решил на время ремонта кораблей эскадры остановиться в местной

гостинице. Гамильтоны восприняли это как личное оскорбление. Чуть ли не силой они увезли Нельсона в свой роскошный палаццо Сесса. По дороге Нельсона восторженно приветствовал народ. Посол с супругой и здесь придумали для героя Нила сюрприз, загодя купив сотню голубей. По взмаху платка леди Гамильтон специально нанятые люди разом выпустили из клеток птиц, и они стремглав взлетели вверх, радуясь простору и свободе. Зрелище было настолько восхитительное, что Нельсон едва не прослезился. В своем дворце Гамильтоны окружили Нельсона столь изысканной заботой, что он мгновенно позабыл обо всем на свете.

Вот как описывает эту трогательную заботу биограф Нельсона Г. Эджингтон: "Нельсон жил в отведенных во дворце комнатах, и леди Гамильтон с большим энтузиазмом за ним ухаживала. Ранение в голову, видимо, вызвало небольшое сотрясение мозга, Эмма лечила шрам, промывая его молоком ослицы, и одновременно смотрела на Нельсона с нескрываемым восторгом. Молоко не помогало совершенно, зато ее явное восхищение делало чудеса: к адмиралу возвращались бодрость духа и вера в себя. Когда Эмма была в комнате, он не спускал с нее глаз: она была воплощением цветущей женской прелести. Она не носила ни длинных панталон, ни нижних юбок, и легкие муслиновые платья едва прикрывали ее соблазнительное тело. Вскоре больной, слепой на один глаз и однорукий адмирал, почувствовал, что с каждым днем все больше влюбляется в свою преданную "сиделку"".

Из письма Нельсона графу Сент-Винсенту, написанному в доме Гамильтонов: "Пишу Вам, а напротив сидит леди Гамильтон, поэтому не удивляйтесь восхитительной неразберихе в этом письме. Если бы Вы, Ваша Светлость, были на моем месте, Вы, несомненно, тоже писали бы бессвязно. Наши сердца и руки трепещут. Неаполь — опасное место, и следует держаться от него подальше".

В благодарность за заботу Нельсон подарил Эмме Гамильтон вывезенную им из Египта юную девушку — нубийку Фатиму. В свое время иметь чернокожих невольниц в аристократических домах Англии считалось особым шиком, однако в 1774 году рабство было официально отменено, и подарок Нельсона выглядел достаточно странно[16].

Если что и портило настроение Нельсону в это время, так это поведение его приемного сына Джосаи. Получив благодаря протекции своего приемного отца лейтенантский чин в неполных двадцать лет, он стал вести самый разгульный образ жизни, не занимаясь ни судном, ни своим образованием.

Адмирал Джервис передал через самого Джосаю письмо Нельсону, в котором с горечью писал: "Скрывать что-то от Вас было бы недостойно нашей дружбы. Должен сообщить Вам, что юноша любит выпивку и плохую компанию, он понятия не имеет о службе, он невнимателен и упрям и к тому же безмерно упорствует в своих заблуждениях. Если бы он не был Вашим пасынком, мы бы его списали несколько месяцев назад. С другой стороны, он честен и правдив; я думаю, он подтвердит все сказанное мной, если Вы у него спросите".

Однако Нельсон слишком любил Джосаю, который, ко всему прочему, спас ему жизни на Тенерифе, а потому не придал письму своего друга и начальника должного внимания. Да, честно говоря, в этот момент контр-адмирала занимали совершенно иные мысли…

В это время Нельсону исполнилось ровно сорок лет. Могла ли упустить такую прекрасную возможность Эмма, чтобы еще раз не продемонстрировать своему подопечному всю силу своей любви? Разумеется, такого шанса она не упустила. Размах праздника, который организовала жена посла, был поистине фантастическим. Из письма Нельсона жене: "Леди Гамильтон затеяла такие приготовления, что я начинаю пыжиться от гордости".

В честь Нельсона был устроен грандиозный бал, на котором присутствовали почти две тысячи гостей. Все торжества проходили под девизом: "Славное 1 августа Горацио Нельсона". Всюду, даже на лентах и пуговицах приглашенных, значилось имя английского адмирала. Уже при входе каждому вручали медаль, на которой было выбито: "Нельсон" и которую следовало носить на ленте на шее в течение всего празднества. В главном зале соорудили ростральную колонну с выгравированной знаменитой фразой Цезаря "Veni, vidi, vici"[17] и именами английских капитанов, сражавшихся при Абукире.

Подаваемые на столы блюда были выполнены в виде кораблей нельсоновской эскадры, бутылки с вином стояли на миниатюрных корабельных лафетах, а на каждой из многих сотен тарелок была надпись: "Г. Н. Великий день 1 августа". Даже национальный британский гимн в тот день исполнялся с добавлением нового куплета:

С нами великий Нельсон,
Первый в списке героев,
Славу ему воспоем,
Хвалу ему вознесем.

Англию он возвеличил,
Разбив Бонапарта на Ниле,
И слышим мы эхо битвы:
"Боже, храни короля".

Нельсон аккуратно переписал все сочиненные в его честь стихи и переслал их жене, сопроводив послание припиской: "Я знаю, что ты с удовольствием будешь это петь. Я не могу показаться на улице ни пешком, ни в карете из-за популярности среди населения, но добрая леди Гамильтон собирает все газеты — для тебя это будет самый приятный подарок. Чем больше я вижу и слышу здесь, тем больше удивляюсь тому, что все это — результат нашей победы".

Трудно сказать, с удовольствием ли пела песни в честь Нельсона его жена, но то, что строки о "доброй леди Гамильтон" она прочла без всякого удовольствия, в этом можно не сомневаться.

Празднества в Неаполе проходили в обычной для тамошних жителей манере — чересчур шумно и театрально. Однако, принимая во внимание не столь давний отказ короля Фердинанда хоть как-то помочь измотанным английским кораблям, можно усомниться в искренности внезапно проснувшейся любви к Нельсону. Впрочем, Абукирская победа на некоторое время снимала угрозу французского вторжения, а значит, была желанна. Если раньше неаполитанские власти выжидали, чья возьмет, то теперь наконец-то определили свою позицию и решили примкнуть к победителю. Лучше всего эту позицию характеризует весьма откровенное письмо королевы Марии Каролины неаполитанскому послу в Лондоне: "Мужественный адмирал Нельсон одержал над флотом цареубийц полную победу… Я бы хотела снабдить крыльями вестника, который понесет к Вам сообщение об этом. Италии теперь нечего бояться со стороны моря, и своим спасением она обязана англичанам… Нельзя описать, какой энтузиазм вызвало в Неаполе такое известие, вдвойне счастливое, если учитывать критическое время, когда произошло это событие. Вы были бы глубоко тронуты, если бы видели, как мои дети бросились ко мне в объятия, плача от радости. Страх, жадность и происки республиканцев вызвали почти полное исчезновение звонкой монеты, и не нашлось никого, кто рискнул бы предложить необходимые меры, чтобы восстановить денежное обращение. Многие, рассчитывая на приближение кризиса, уже начали приподнимать маску, но известие о том, что флот Бонапарта уничтожен, вынудило их

вновь к осторожности. Теперь, если бы император австрийский обнаружил несколько больше активности, мы могли бы надеяться на освобождение Италии от французов. Что касается нас, то мы готовы дать доказательства того, что мы достойны дружбы и союза с бесстрашными защитниками морей".

А Нельсон продолжал бомбардировать супругу посланиями, которые не могли прибавить ей душевного спокойствия:

"Наше время заполнено делами и тем, что здесь называют развлечениями; я и пяти минут не распоряжаюсь собой. Доброта и внимание ко мне сэра Уильяма и леди Гамильтон бесконечны, и мы с тобой должны любить их; они заслуживают любви и восхищения целого мира… Горжусь тем, что я — твой муж, сын своего дорогого отца и друг супругов Гамильтон. Пока они одобряют мои поступки, мне не страшна никакая зависть, даже зависть тысячи людей".

Упоенный собственным величием и наконец-то догнавшей его славой, он с завидным упорством в каждом письме жене расписывал прелести своей любовницы. Объяснить это можно только или совершенным непониманием Нельсоном всего происходящего вокруг него, или же ослепленностью собственным величием.

Единственной неприятностью, несколько подпортившей впечатление от празднования 40-летия героя Нила, стал пьяный дебош, устроенный его приемным сыном Джосаей. Напившись до невменяемого состояния, юный капитан учинил безобразную драку. Пришлось не в меру зарвавшегося юнца приводить в чувство и читать нотации о необходимости достойного поведения в достойном обществе.

* * *

К этому времени средиземноморский флот Англии организационно состоял из двух эскадр. Первая (основная) под командой лорда Кейта была сосредоточена в Лиссабоне и на Гибралтаре. Она прикрывала Гибралтарский пролив и осуществляла блокаду главных сил французского флота в Тулоне. При этой эскадре ббльшую часть времени находился и главнокомандующий флотом адмирал Джервис.

Вторая (вспомогательная) эскадра под командой Нельсона должна была защищать от французов Центральное и Восточное Средиземноморье и Адриатику. Базироваться эта эскадра должна была в итальянских портах, а в случае покорения Мальты — в Ла-Валлетте.

Тем временем прибывший в Средиземное море адмирал Федор Федорович Ушаков не терял времени даром. Пока англичане почивали на лаврах Абукира, русская эскадра уже освободила почти весь Ионический архипелаг.

28 сентября был высажен десант на остров Цериго, а через день, не выдержав решительной атаки, тамошний французский гарнизон капитулировал.

13 октября русским морякам сдался гарнизон острова Занте.

Еще через четыре дня та же участь постигла Кефалонию, а затем и Святую Мавру. Везде французы складывали оружие, а местное греческое население встречало своих освободителей-единоверцев колокольным перезвоном, хоругвями и радостными криками. Теперь перед нашими моряками была главная цель — Корфу, важный опорный пункт Наполеона на Адриатике, большой и стратегически важный остров с двумя мощными крепостями, большим гарнизоном и укреплением на прилежащем островке Витто.

На фоне убедительных побед Ушакова успехи англичан после Абукира выглядели весьма скромно. Все их действия, по сути, ограничились лишь тем, что Мальта была взята в блокаду союзнической португальской эскадрой контр-адмирала Ницце и отрядом кораблей капитана Балля.

Нельсон же по-прежнему ничего не предпринимал и упивался своей любовью. О том, что творилось тогда в его душе, лучше всего свидетельствует его письмо графу Сент-Винсенту: "Не удивляйтесь неясности этого письма. Я пишу, сидя лицом к лицу с леди Гамильтон, и если бы Вы, милорд, были на моем месте, то я сомневаюсь, чтобы Вы также смогли хорошо писать. Тут есть от чего дрогнуть сердцу и руке".

Читая такие послания, главнокомандующий только чесал затылок:

— Кажется, наш Нельсон снова увлекся. Любопытно, как долго это продлится на сей раз? Кажется, пора ему хорошенько проветриться!

Пребывание Нельсона в Неаполе явно затягивалось, поэтому граф Сент-Винсент, а вслед за ним и Адмиралтейство вынуждены был деликатно намекнуть победителю, что празднование даже столь громкой победы должно когда-то закончиться, тем более что война с Францией все еще продолжается. Впрочем, лорды предложили Нельсону выбор: если он по-прежнему себя плохо чувствует, сдать дела другому адмиралу, а самому отправиться в Англию для основательного лечения. Получив такое предложение (равносильное почетной отставке), Нельсон сразу же опомнился и

стал срочно готовиться к выходу в море. Теперь он уже сам требовал подробных инструкций.

В присланном вскоре письме Сент-Винсента ему предписывалось перехватывать все французские транспортные суда на линии Тулон — Александрия, чтобы полностью изолировать Египетскую армию Бонапарта. Одновременно на Нельсона возлагалась и плотная блокада захваченных французами стратегически важных островов: Мальты — как контролирующей пути из Восточного Средиземноморья в Западное, и Корфу — как ключевого пункта всей Адриатики. При благоприятных условиях Нельсон должен был овладеть обоими этими островами. На эскадру Нельсона также возлагалась защита берегов Сицилии, Неаполя и Адриатики. В случае же возобновления войны в Италии он должен был самым активным образом взаимодействовать с австрийскими и неаполитанскими войсками.

Одного перечня поставленных Нельсону задач достаточно, чтобы понять: время праздников миновало и для контр-адмирала красного флага Нельсона начиналась весьма жаркая пора. Засиживаться более в Неаполе, несмотря на все чары леди Гамильтон, он больше просто не имел права. А потому, когда Уильям Гамильтон в очередной раз стал завлекать его к себе, намекая, что склонен оставить Нельсона наедине со своей женой на весьма продолжительное время, контр-адмиралу ничего не оставалось, как ответить:

— Я не могу больше пользоваться вашим гостеприимством, так как не рассчитываю пробыть больше двух-трех суток в Неаполе. Время безделья для меня закончилось!

Уже перед отплытием Нельсон доложил графу Сент-Винсенту о готовности к руководству военными действиями на Средиземном море: "Придворные круги Неаполя и Вены теряют такое драгоценное время! За три месяца можно было бы освободить Италию, но двор этот настолько безволен, что упустит удачный момент. Полагаю, милорд, что через неделю мы выйдем в море. Я очень болен, но думаю, что бессмысленное времяпрепровождение здешнего двора вряд ли избавит меня от раздражительности. Эта страна скрипачей и поэтов, проституток и негодяев".

Курс нельсоновской эскадры был проложен к Мальте. При этом укрепления Ла-Валлетты Нельсон трогать не решился. Грозные форты госпитальеров внушали должное уважение. В ответ на требование Нельсона о немедленной капитуляции комендант Мальты генерал Вобоа искренне возмутился:

— Во-первых, республиканцы никогда не идут на какие-либо

уговоры, во-вторых, я не вижу для капитуляции никакого повода и, наконец, в-третьих, я вообще удивляюсь, почему капитуляции требуют англичане, никогда не имевшие к острову никакого отношения!

Пригрозив бомбардировкой Мальты и получив решительный ответ, Нельсону все же удалось добиться капитуляции небольшого островка Гоццо, расположенного неподалеку от Мальты. Французский гарнизон Гоццо (неполная рота солдат-инвалидов) сдался, и над тамошним замком был торжественно поднят английский флаг. Затем, оставив отряд кораблей для блокады острова, Нельсон повернул обратно в Неаполь.

Тем временем в Неаполе произошел весьма откровенный разговор между королевой Марией Каролиной и Эммой Гамильтон. Предметом разговора был, разумеется, Нельсон. От проницательной королевы не укрылось больше чем дружеское отношение подруги к ставшему знаменитым контр-адмиралу.

— Догадываюсь, милая Эмма, что отъезд доблестного Нельсона сильно огорчил тебя! Однако не расстраивайся так сильно, ведь тебя ждет счастье новой встречи с ним! Ты же, кажется, влюблена? — приободрила она опечаленную леди Гамильтон.

— О да! — призналась Эмма. — Теперь он повелитель моего сердца! Я, кажется, нашла главного героя своей жизни и никому его уже не отдам!

— Но ведь он женат, да и у тебя есть муж! — подняла бровь королева.

— Жену Нельсона я в расчет даже не беру. Пройдет еще немного времени, и он бросит ее ради меня! Уильям мне тоже не помеха. Он все знает о моих отношениях с Горацио и даже гордится ими! Он готов даже, чтобы мы жили втроем!

— О, как это мило с его стороны! — закивала королева, сама никогда не считавшая супружескую верность своей главной добродетелью. — Однако я хотела бы тебя предупредить: как только твой герой будет покидать тебя, его привязанность будет ослабевать, а любовь к жене, наоборот, возрождаться!

— Я знаю об этом! — согласилась Эмма. — Но я об этом уже подумала и приняла соответствующие меры!

"Соответствующими мерами" были письма, которыми Эмма забрасывала своего героя, чтобы тот не смел думать ни о ком, кроме нее: "Если бы Вы могли понять, как несчастны мы были эти несколько дней, но сейчас надежда на Ваше возвращение слегка привела нас в чувство. Пишите мне и возвращайтесь, Вас ждут при дворе. Все их головы, вместе взятые, не стоят одной Вашей. Навсегда, навсегда Ваша. Эмма".

"Живите долго, долго, долго, на благо Вашей страны, Вашего короля, Вашей семьи, на благо всей Европы, Азии, Африки и Америки и ради погибели Франции. Но прежде всего — ради счастья сэра Уильяма и моего".

Нельсон ей отвечал: "Ваши письма так интересны; я безмерно Вам за них благодарен, а Ваше отношение ко мне настолько превосходит мои заслуги, что я не нахожу слов".

В конце октября Нельсон вернулся в Неаполь. Эмма Гамильтон встретила его собственноручно написанной восторженной одой:

Спешите, спешите героя встречать,
Бейте барабаны, трубите трубы,
Несите лавры, богатыри,
Пойте песни триумфа, певцы.
Встречайте, доблестный Нельсон идет,
Бейте барабаны, трубите трубы.
Песни триумфа Эмма поет,
Несите венки из мирта и роз,
Венчайте божественное чело.

Но Нельсону было не до возвышенных стихов. Его сильно донимали приступы лихорадки и мучительный кашель. Преодолевая болезнь, контр-адмирал все же прибыл к королю Фердинанду и бросил к его ногам французский флаг с острова Гоццо.

— Я поздравляю ваше величество с приобретением шестнадцати тысяч подданных! — гордо объявил Нельсон, чем несказанно польстил недалекому королю.

Почему Нельсону понадобилось столь беззастенчиво врать о покорении Мальты, остается только догадываться. Ведь ни для кого не было особым секретом, что французский гарнизон Мальты по-прежнему уверенно держит оборону и все население острова находится под властью французской Директории. Скорее всего, Нельсон просто не удержался от желания предстать победителем перед леди Гамильтон и неаполитанским двором. Что касается короля обеих Сицилий Фердинанда IV, то ему никогда так и не придется властвовать над Мальтой.

Вскоре Нельсону стало совсем плохо и Эмме снова пришлось его выхаживать. Всё повторилось: Нельсон болел, Эмма его лечила, и оба часами не сводили глаз друг с друга. При этом леди Гамильтон добровольно возложила на себя и обязанности личного секретаря контр-адмирала, писала под его диктовку письма, выступала посредником при переговорах с королевской

семьей. Видя любовь Нельсона к своему приемному сыну, Эмма активно взялась за воспитание Джосаи. Чего на самом деле удалось добиться леди Гамильтон на педагогическом поприще, история умалчивает, однако Нельсона ее стремление образумить Джосаю привело в восторг.

Не понимая, что своими словами унижает жену, Нельсон пишет Фанни: "Что я могу сказать о доброте сэра Уильяма и его жены? Они практически самые близкие мне люди, за исключением тебя и дорогого отца. В их доме я живу как сын сэра Уильяма, и моя слава им так же дорога, как собственная. Короче, я так обязан им, что могу отплатить только вечной благодарностью… Леди Гамильтон добилась изумительных успехов в воспитании Джосаи. Кажется, она единственный человек, с которым он считается. Она не замалчивает его промахи, но говорит о них шутливым тоном, и ему это нравится. Я, ты и он — мы все бесконечно обязаны ей в этом смысле".

Адмирал Джервис, до которого, конечно, доходили слухи о безумствах его друга и подчиненного, не без иронии говорил в тесном кругу:

— Нельсона ни в коем случае нельзя было пускать в Неаполь. Он обладает великим духом, но сделан из столь слабой плоти, что не в состоянии устоять даже перед малейшим соблазном!

* * *

Тем временем эскадра Ушакова блокировала Корфу. После сильной бомбардировки был высажен десант на прилежащий к Корфу небольшой, но крайне важный остров Видо. Десант захватил тамошний форт и развернул его пушки против французской крепости. После этого еще один десант был высажен уже на сам Корфу, где его радостно встретили местные греки. Вскоре обе французские крепости были окружены русско-греческими отрядами. Со стороны моря к неприятельским фортам вплотную подошли линейные корабли Черноморского флота.

Именно в это время российский адмирал Федор Федорович Ушаков получает письмо английского контр-адмирала Нельсона, который указывал: "Только что пришел из Александрии английский фрегат, и я с истинным сожалением узнал, что… прибыли всего лишь один или два фрегата и десять канонерок, тогда как, конечно, дблжно было послать не меньше чем три линейных корабля и четыре фрегата с канонерками и мортирными судами. Египет — первая цель, Корфу — второстепенная".

Чтобы понять всю вопиющую бестактность этого письма, напомним, что Нельсон являлся всего лишь контр-адмиралом красного флага, а Ушаков уже был полным адмиралом того же красного флага. В силу этого их разница в служебной иерархии составляла пять ступеней! При этом следует помнить, что Ушаков был очень щепетилен в вопросах субординации. Разумеется, после столь явного неуважения младшего по чину уже ни о каком взаимопонимании, а тем более дружбе, речи быть не могло.

Понимая, что английским союзникам его действия не понравятся, Ушаков сразу после взятия крепости, 5 марта, пишет российскому посланнику в Константинополе В. С. Томаре: "Требования английских начальников морскими силами… я почитаю не за иное, что они малую дружбу к нам показывают, желая нас от всех настоящих дел отстранить и, просто сказать, заставить ловить мух, а чтобы они вместо того вступили на те места, от которых нас отделить стараются. Корфу всегда им была приятна: себя они к ней прочили, а нас разными и напрасными видами без нужды хотели отделить… Однако… Корфу нами взята… Англичане требования делают напрасные и сами по себе намерение их противу нас обличают. После взятия Корфу зависть их к нам еще умножится…"

Глава тринадцатая
НЕАПОЛИТАНСКИЕ ИНТРИГИ

Взятие русскими моряками острова Корфу полностью изменило военно-политическую ситуацию. Теперь уже именно русские, а не англичане стали хозяевами Адриатики и восточной части всего Средиземноморья. Это был огромный удар по самолюбию Нельсона, а потому в этот период он много пишет в письмах о своей неприязни к русским. Что же касается Корфу, то вскоре Нельсон все же прислал Ушакову свое поздравление: "С усердием поздравляю Ваше Превосходительство с победою Корфы. Уверяю Вас, что слава оружия верного союзника столь же для меня лестна, как и слава моего государя".

Между тем Нельсону стало лучше, и, встав на ноги, он принялся склонять короля Фердинанда к боевым действиям. Его активно поддерживал и премьер-министр королевства англичанин Джон Эктон.

— Давайте двинем вашу армию на север и освободим от французов Папскую область! — настаивал Нельсон.

— Но моя казна совершенно пуста! Как же я буду воевать? К тому же и Австрия еще не вступила в войну с французами, — возражал король.

— Когда Англия увидит мужественные усилия неаполитанцев в борьбе с французами, она не бросит своих друзей в беде и не оставит их в нужде! А если Австрия вступит в войну, то быстро приберет к рукам всю Италию, и вам, ваше величество, останется в утешение лишь одна Сицилия!

Таким образом, хотя и в весьма туманной форме, деньги и помощь королю от Англии были обещаны.

Фердинанд вздыхал и отнекивался, выяснять отношения с французами он явно боялся, однако Нельсон был неумолим:

— Воевать, ваше величество, гораздо лучше на чужой территории! Если вы не пойдете на французов, то они скоро сами придут к вам, и тогда что-либо изменить будет поздно! К тому же вы только что заключили весьма выгодные военные договоры!

Фердинанд действительно заключил два договора — с Австрией и Россией — о совместных действиях против Франции.

Император Павел I обещал своему неаполитанскому собрату девять батальонов пехоты и несколько казачьих сотен. Это несколько прибавляло уверенности в завтрашнем дне.

— Но как мне нападать? — сдался в конце концов неаполитанский король.

— Лучше всего вам двинуть свою армию на Рим. Если вы освободите от якобинцев Святой престол, то слава вашего величества не будет иметь границ! Вы сразу же станете первым из первых европейских монархов! Одновременно я возьму часть ваших войск на борт своих кораблей и произведу их высадку в Ливорно, в неприятельском тылу. Это завершит разгром врага!

Король колебался (уж очень хотелось стать первым из первых), потел (так как по-прежнему всего боялся) и жалобно вздыхал.

— Вам остается либо идти вперед, доверившись Богу и его благословению правого дела, и умереть со шпагой в руке, либо быть вышвырнутым из своих владений!

— Хорошо, — согласился, повздыхав, Фердинанд. — Пусть будет по-вашему!

Капитаны нельсоновской эскадры к затее своего командующего отнеслись скептически:

— Наш Горацио опять суется в сухопутные дела, а значит, успеха ждать не приходится! Лишь бы сам живой остался!

План Нельсона в целом был не так уж плох, но его успеху мешали два обстоятельства. Во-первых, опереточная неаполитанская армия могла сколько угодно поражать воображение обывателей на парадах своими разноцветными перьями, но по-настоящему воевать никогда не умела. Во-вторых, Нельсону всегда везло в морских сражениях, но ни одно из сухопутных дел, в которых он когда-либо принимал участие, не было успешным. Над британским флотоводцем словно довлел какой-то рок, в который уже раз предупреждающий, что не своим делом заниматься не следует. Увы, так случилось на этот раз.

Больше всех, как это ни покажется странным, возражала против похода, и в особенности против плавания Нельсона в Ливорно, Эмма Гамильтон. Секрет ее поведения был очень прост: она прекрасно знала об увлечении Нельсона тамошней красавицей француженкой Аделаидой Коррелья и страшно боялась, как бы влюбчивый контр-адмирал вновь не вернулся в объятия своей старой пассии. Узнав, что Нельсон готовится к отплытию, она слала ему на "Вэнгард" тревожные записки: "Умоляю, берегите себя ради нас, не сходите на берег в Ливорно, Вы не найдете там успокоения… Очень прошу, у Вас нет причин бывать на суше в Ливорно".

Леди Гамильтон волновалась напрасно: у Нельсона просто не было времени для возобновления старого ливорнского романа.

Вскоре в Неаполе появился и австрийский генерал Карл Макк фон Либерих, приглашенный главнокомандующим армией и произведенный по этому случаю в неаполитанские

фельдмаршалы.

— Не сомневаюсь, что имя вашего величества не потерпит в этой войне ни малейшего ущерба! — заверил короля новый фельдмаршал и велел выступать в поход.

* * *

Всего в поход на Папскую область отправилась 32-тысячная армия. Еще пять тысяч солдат взял на борт своей эскадры Нельсон. Перед походом король Фердинанд, посол Гамильтон с супругой и фельдмаршал Макк вместе с Нельсоном произвели смотр неаполитанских войск. Те браво маршировали и лихо вскидывали "на караул" тяжеленные ружья.

— Это лучшая армия Европы! — удовлетворенно кивал головой Макк. — С этими храбрецами я быстро дойду до Парижа!

Пестрые костюмы неаполитанских гвардейцев привели австрийского генерала в полнейший восторг:

— Я словно побывал на карнавале! Ему вторил и стоявший рядом Нельсон:

— Насколько я разбираюсь в сухопутных делах, лучшей армии нельзя себе и представить!

Фердинанд от таких слов приободрился и выпятил грудь. Увы, вскоре выяснилось, что и австрийский генерал, и английский адмирал нисколько не разбирались в армейских делах, коль спутали опереточную армию с боевой.

Первый удар по Риму был столь стремительным, что там никто и не пытался обороняться. Французов было слишком мало, и командовавший ими генерал Шампинье предпочел оставить город почти без боя. Со стороны моря армию Макка прикрывал своими семью линейными кораблями и двумя фрегатами контр-адмирал Нельсон, который, несмотря на отчаянные протесты правительства Тосканы, заявляющего о своем нейтралитете, высадил десант. Но первые же стычки неаполитанцев с французами заставили английского контр-адмирала в корне пересмотреть свое отношение к боевым качествам союзников: бравые неаполитанцы разбежались при первом же выстреле.

— Вы никакие не герои! — кричал Нельсон побросавшим свое оружие союзным офицерам.

— Нет, сеньор, вы ошибаетесь! — отвечали те, с трудом переводя дух от быстрого бега. — Мы герои, но… мирного времени!

6 декабря в письме первому лорду Адмиралтейства взбешенный Нельсон пишет: "В немногих словах я Вам обрисую

положение дел. Армия в Риме, Чивитавеккья (стратегически важный порт на Тирренском море. — В. III.) занята, но в замке Святого Ангела французы оставили еще пятьсот человек. Их главный корпус, насчитывающий 13 тысяч человек, занимает очень сильную позицию в Кастеллане. Генерал Макк идет против них с 20 тысячами. По моему мнению, результат предстоящего сражения сомнителен, а между тем только от него зависит судьба Неаполя. Если Макк будет разбит, то Неаполитанское королевство пропало. Оно само не в состоянии противостоять французам, а австрийцы еще не двинули свои армии… Но нельзя было колебаться. Необходимость требовала, чтобы был принят наступательный образ действий, прежде чем французы успеют собрать значительные силы".

Король Фердинанд, гордый первым успехом, сразу же поспешил в Вечный город, чтобы самолично принять его ключи. Со всей возможной пышностью король обеих Сицилий въехал в поверженный Рим. Тогда же он велел готовить празднование настоящего триумфа по подобию древнеримских императоров. Но триумфа Фердинанд отпраздновать так и не успел.

Французы (причем это были резервные части) нанесли столь сильный ответный удар, что опереточная неаполитанская армия тут же обратилась в бегство. Попытки ее остановить ни к чему не привели. Впереди всех на телеге, переодевшись в лохмотья лаццарони, удирал сам король. Только на подходах к столице королевства генералу Либериху удалось немного привести в чувство своих храбрецов.

Бегство неаполитанцев заставило Нельсона забрать ставший ненужным десант и вернуться в Неаполь.

— Это же надо быть такими трусами, чтобы всей 50-тысячной армией бежать от 12 тысяч французов, даже не пытаясь вступить с ними в перестрелку! Эти негодяи разбегаются при одном только виде заряженной пушки! — ругался Нельсон. — Теперь свержение короля и провозглашение республики вопрос решенный!

Никаких угрызений совести от того, что именно он является одним из виновников краха Королевства обеих Сицилий, Нельсон не испытывал. Наоборот, он даже чувствовал себя обиженным: бестолковые неаполитанцы с позором провалили его гениальный план!

Несчастный Фердинанд тем временем запросил помощи у российского императора Павла I. Тот в ней не отказал. Фердинанду была обещана присылка в Италию 10-тысячного корпуса генерала Германа и трех батальонов пехоты с артиллерией под началом генерала Волконского для взятия Мальты. Последнее, однако, не входило в планы англичан.

— Если русские появятся на Мальте, они оттуда уже не уйдут! Император Павел является гроссмейстером Мальтийского ордена, а потому и сам остров вскоре станет русским! Пусть уж лучше до поры до времени на нем сидят французы! — так или примерно так рассуждали в Лондоне.

И вынудили короля Фердинанда от русской помощи вежливо отказаться.

А французы продолжали стремительно наступать. Минуло еще несколько дней, и положение королевства стало уже безнадежным. Понимая всю безвыходность ситуации, Нельсон отдал приказ капитанам своих кораблей готовиться покинуть порт. Несколько раз он вместе с фельдмаршалом Макком пытался убедить Фердинанда как можно скорее перебраться на Сицилию. Но тот впал в депрессию и полностью потерял чувство реальности.

Марии Каролине пришлось взять дело в свои руки, и только тогда в столице началась лихорадочная подготовка к отъезду королевской семьи и двора на Сицилию. Золото и драгоценности на сумму в два с половиной миллиона фунтов тайно свезли во дворец Гамильтонов. Там хозяйка лично приклеивала к ящикам ярлыки "Припасы для Нельсона", а затем английские матросы, сгибаясь под непосильной тяжестью, перевозили их на "Вэнгард".

В Неаполе уже начались беспорядки, погромы торговых лавок и убийства. Король утратил контроль над своей столицей. Людей резали прямо под окнами его дворца, а он ничего не мог поделать.

В ночь отплытия королевская чета организовала во дворце прием. В разгар веселья супруги с узким кругом избранных тайно бежали в порт, оставив остальной двор веселиться дальше. Вместо себя для организации сопротивления король оставил князя Пиньятелли.

Той же ночью Фердинанд и Мария Каролина с детьми тайно перебрались на борт нельсоновского флагмана. Архиепископ Неаполя кардинал Руффо попытался было уговорить Фердинанда хотя бы еще ненадолго остаться со своим народом.

— Я с удовольствием бы вернулся во дворец, если бы увидел, что мои подданные исполняют свой долг! — заявил Фердинанд и велел кучеру как можно быстрее гнать в порт.

Что имел в виду король Фердинанд, так и осталось загадкой, думается, в первую очередь для него самого.

Перед самым отплытием, несмотря на всю неразбериху, Нельсон не оставил без внимания и флот союзников: нескольким неаполитанским кораблям, на которых еще оставалась хоть часть команды, он приказал присоединиться к английской эскадре,

остальные распорядился сжечь, чтобы не достались французам. Спустя час в порту огромными кострами уже полыхали линейные корабли, фрегаты и бриги. Неаполитанский флот перестал существовать.

О причинах поражения неаполитанцев и бегстве короля на Сицилию российский посланник в Турции В. С. Томара доносил в Петербург: "Победою лорда Нельсона возмечтали король и министры неаполитанские и предприняли прежде времени… выступить в области церковные. Сей безрассудный поступок может причинить великие несчастия и пагубу всей Италии".

23 декабря 1798 года английская эскадра покинула неаполитанский порт, взяв курс к берегам Сицилии. Туда, в Палермо, Фердинанд решил временно перенести свою столицу. Пока Фердинанд находился под охраной британского флота, за свою безопасность на Сицилии он мог быть спокойным.

Переход был тяжелым. В море эскадру застиг жесточайший шторм. Сорвало паруса и пришлось крепить штормовые. Нельсон не покидал шканцев. Фердинанд с Марией Каролиной все время стояли на коленях, молясь о спасении своих жизней. Сэр Гамильтон лежал на койке с заряженным пистолетом, считая, что в случае кораблекрушения лучше сразу застрелиться, чем мучительно захлебываться водой.

Едва закончился шторм, как королевскую семью постигло новое горе: умер шестилетний принц Альберт, сын короля Фердинанда.

В палермскую гавань "Вэнгард" входил с приспущенным флагом. С берега палили пушки. Лил проливной дождь. Собравшиеся сицилийцы мрачно глядели на прибытие своего незадачливого монарха, не предвидя для себя ничего хорошего.

* * *

В этот же день французские войска заняли Неаполь. Неаполитанские солдаты почти без боя сложили оружие. Генерал Макк безропотно отдал свою шпагу генералу Шампинье и был отпущен на родину. Одновременно в городе вспыхнуло восстание бедноты, в ходе которого были убиты несколько королевских вельмож.

Едва беглецы из Неаполя сошли на сицилийский берег, как начались проблемы. Палермский королевский дворец оказался в запущенном состоянии, так как там давно никто не жил.

Придворных расселяли по частным квартирам и монастырям. Цены на жилье мгновенно возросли в несколько раз. Гамильтонам

отвели расположенное недалеко от дворца палаццо Палагония, служившее летней королевской резиденцией. Разумеется, там сразу же объявился и Нельсон. Сэр Уильям, у которого обострились боли в желчном пузыре, ворчал:

— Здесь все в гобеленах и отделано мрамором, но нет ни одной печи или камина! Я не смогу прожить здесь и нескольких дней!

— Это дело поправимое! — ответил Нельсон и вызвал с кораблей матросов.

Те ловко взломали мраморные стены, пробили потолки и сложили из кирпича несколько печей. Печи нещадно дымили, но сразу стало теплее.

Сэру Гамильтону в соответствии с его должностью пришлось заниматься размещением прибывших на кораблях многочисленных английских подданных. Кое-как он это дело уладил. Англичан сицилийцы приняли если не с радостью, то вполне спокойно — союзники все-таки! Хуже пришлось толпе французских аристократов, бежавших в свое время из Франции и нашедших пристанище у Марии Каролины. Видя в них источник всех своих бед, палермцы наотрез отказались принимать французов у себя. Их судьбой пришлось заниматься Нельсону, и эмигранты были переправлены в австрийский Триест.

Основной обязанностью Эммы Гамильтон были ежедневные посещения королевы во дворце, во время которых обе горько плакали над постигшей их бедой.

Тем временем французы разгромили остатки неаполитанской армии и на руинах Королевства обеих Сицилий образовали марионеточную Партенопейскую республику. Наместнику Пиньятелли осталось лишь подписать капитуляцию и уплатить установленную контрибуцию.

Узнав об исчезновении с политической карты мира своего королевства, Фердинанд нисколько не опечалился. На Сицилии была прекрасная охота, и король как ни в чем не бывало занялся любимым делом — стрелял кабанов и свежевал их туши. Зато большую активность проявила Мария Каролина.

— Если союзники оставили нас в беде, то нам следует обратиться за помощью к русским! — заявила она Нельсону при очередной встрече.

Все возражения на сей счет королева отвергла и настоятельно попросила отправить фрегат на Корфу к адмиралу Ушакову с просьбой о помощи. Исчерпав все доводы, Нельсон согласился. Вскоре фрегат был послан, для переговоров на нем отправился министр королевского двора Антоний Мишеру.

С собой министр вез письмо Нельсона Ушакову: "Его

Сицилийское Величество послал письма и доверенную особу, чтобы говорить лично с Вашим Превосходительством о нынешнем состоянии дел в этой стране, с просьбой направить часть Вашего флота к Мессине для оказания помощи этому королевству, чтобы предотвратить переход его в руки французов… Я буду просить Вас только об одной очень большой услуге, которую Вы можете оказать общему делу, в частности Его Сицилийскому Величеству, а именно послать столько кораблей и войск, сколько будет возможно".

Как изменился тон этого письма по сравнению с первым!

* * *

Когда Ушаков срывал печати с переданного ему конверта, пушки его кораблей еще не успели остыть от бомбардировки Корфу, к тому же на отправку эскадры в Италию у него не было полномочий. Однако бросить в беде союзников Ушаков тоже не мог, а потому на свой страх и риск отправил к берегам Бриндизи отряд капитана 1-го ранга Александра Сорокина с приказанием атаковать французов. С Сорокиным отправился в поход и министр Мишеру.

Действуя быстро и решительно, Сорокин за короткое время освободил несколько городов. В Барлетто был высажен десант капитан-лейтенанта Григория Белли, который двинулся маршем к городу Фоджа. После его взятия отряд поспешил к Неаполю на соединение с войсками кардинала Руффо, который еще оказывал сопротивление французам. Вскоре союзники уже подходили к Неаполю.

Как мы видим, пока Нельсон отдыхал с Гамильтонами на Сицилии, война не прекратилась. Отсутствие на морских коммуникациях адмирала с целой боевой эскадрой вызвало законное возмущение других британских флотоводцев, тем более что сил для поддержания блокады всего захваченного французами побережья стало явно не хватать.

В этих условиях энергичный капитан Сидней Смит, отвечавший за район Средиземного моря в районе Сицилии, видя, что от Нельсона нет никакого проку, решил для пользы дела подчинить себе несколько нельсоновских кораблей, которые уже немало времени бесполезно отстаивались в гаванях. Нельсон оскорбился и написал гневную жалобу графу Сент-Винсенту: "Я действительно чувствую, ибо я живой человек, что для меня невозможно служить в этих морях, когда здесь будет эскадра под командованием младшего офицера. Могли я ожидать этого, и еще

от кого, от графа Спенсера! Нужно ли это терпеть? Очень прошу Вас, позвольте мне уйти в отставку. Надеюсь, Вы разрешите команде "Вэнгарда" доставить в Англию меня и моих друзей, сэра Уильяма Гамильтона и его супругу".

Возмущенное письмо Нельсон отправил и первому лорду Адмиралтейства. Фанни же написал, чтобы она присмотрела хороший дом в Лондоне.

Разумеется, это был шантаж. Прекрасно понимая, что никто в столь трудное для страны время не посмеет отправить в отставку героя Абукира и любимца всего народа, Нельсон просто вынуждал Адмиралтейство наказать своевольного Смита. Интересно, вспоминал ли Нельсон в это время свое назначение командиром отдельной эскадры, когда граф Сент-Винсент также обидел ради него двух заслуженных адмиралов?

Как отличается этот Нельсон от того, который еще несколько лет назад обивал пороги Адмиралтейства, прося дать ему под команду хоть какое-нибудь судно! Трудно понять поведение Нельсона, который ведет себя как избалованный и капризный ребенок, и просто невозможно объяснить его требование, чтобы в разгар боевых действий Адмиралтейство предоставило для его любовницы и ее мужа линейный корабль!

Естественно, в отставку Нельсона не отпустили. Вскоре он получил бумагу, в которой его успокаивали, что капитан Смит не имеет никакого права командовать контр-адмиралом Нельсоном и его кораблями.

Единственным человеком, кто воспринял шантаж Нельсона всерьез, оказалась его жена. Фанни была в восторге, что ее запропавший муж наконец-то решил вернуться домой. Когда же Нельсон написал, что остается на Средиземном море, верная Фанни решила сама ехать к нему. В этом не было для того времени ничего особенного. Многие жены морских офицеров перебирались тогда поближе к местам базирования судов своих мужей, а наиболее храбрые даже участвовали с ними в боевых походах. Фанни имела все основания приехать к мужу: ведь на Средиземном море воевал и ее сын, который нуждался в постоянной опеке. И она предложила Нельсону два варианта. В первом случае она была готова приехать к нему прямо в Палермо, а во втором — перебраться поближе, хотя бы в Лиссабон. Нельсон отклонил оба варианта и велел жене оставаться дома. Он заявил, что ей нельзя переезжать в Лиссабон, потому что это самый грязный город в Европе, да еще с частыми туманами. Относительно Палермо аргументировать отказ было гораздо сложнее, и поэтому Нельсон просто написал жене, что если она

посмеет появиться там, то ему придется спустить свой флаг на "Вэнгарде" и отплыть с ней в Англию. Причиной упорного нежелания видеть рядом с собой жену конечно же была леди Гамильтон. Окажись Фанни в Палермо, она бы разрушила идиллический мир двух влюбленных, а этого Нельсон и Эмма позволить никак не могли.

Отчаявшаяся Фанни обращается за поддержкой к другу семьи Александру Дэвисону, полагая, что его советы произведут на мужа большее впечатление. Дэвисон ей не отказал. В письме Нельсону он пишет: "Я должен еще раз повторить мое искреннее сожаление в связи с тем, что Вы все еще остаетесь в Средиземном море. В то же время я был глубоко огорчен, если бы Вы оказались вынужденным покинуть этот район и это хотя бы в малейшей степени задело Ваши чувства. Вы сами, конечно, являетесь наилучшим судьей в этом вопросе. И все же Вам следовало бы позволить Вашим лучшим друзьям выразить их озабоченность… Ваша драгоценная лучшая половина пишет Вам. Она находится в добром здравии, но очень встревожена и озабочена, чему не следует удивляться. Завтра она отправляется в Бат с добрым стариком (отцом Нельсона. — В. Ж)… Леди Нельсон сейчас у нас и беседует с моей женой. Она просит меня сообщить, что, если Вы не возвратитесь домой в течение ближайших месяцев, она приедет к вам в Неаполь. Извините нежные чувства женщины; они слишком обострены, чтобы их можно было выразить".

Письмо старого друга Нельсон оставил без ответа. В то же время его собственные письма полны жалоб и недовольства буквально всем: от начальства до самого себя. Его раздражают приказы, ему кажется, что его обходят должностями, он недоволен даже своим вчерашним кумиром — графом Сент-Винсентом. Почти в каждом письме Нельсон пишет, что устал от кораблей, от войны и даже от жизни.

Помимо безусловной вины, которую Нельсон испытывал, понимая, что рано или поздно ему придется делать выбор между Фанни и Эммой, у него было явное нервное перенапряжение, сказывались и прежние раны, и абукирское ранение головы.

Как считают биографы Нельсона, именно в палаццо Палагония Нельсон и леди Гамильтон приняли решение открыто жить вместе. Все внешние приличия в их отношениях, которые любовники до той поры еще соблюдали, были теперь преданы забвению. Письма Нельсона к Фанни с этого момента становятся редкими и лаконичными, из них исчезает всякая сердечность. Что касается сэра Гамильтона, то он молча уступил свое брачное ложе молодому и более именитому сопернику, оставшись при любовниках на положении "друга". Король Фердинанд и королева

Мария Каролина только приветствовали решение Нельсона и Эммы жить вместе, так как это гарантировало дальнейшую защиту Сицилии от возможного вторжения французов.

В море, как и прежде, Нельсон не торопился, а все время проводил в прогулках с Эммой и визитах к королевской чете. За любовниками всюду следовал сэр Гамильтон, отвергнутый и безропотный.

Эмму Гамильтон современники совсем не зря именовали самой испорченной женщиной своего времени. Едва завоевав сердце Нельсона, она сочла, что ей этого мало, и тут же завела роман с одним из его капитанов. Самое удивительное, что об этом романе Нельсон был прекрасно осведомлен, но это его нисколько не смущало. Наоборот, он гордился тем, что обладает столь красивой женщиной и что она нравится всем без исключения мужчинам.

Из письма Нельсона одному из друзей: "Светское общество не в силах сказать о доброте леди Гамильтон всего того, что она заслуживает. Мы хорошо знаем эту доброту, и нам следует рассказать о ней всем, до кого это может дойти, устно и письменно, потому что ни у кого нет более чистого, благородного и преданного сердца, чем у нее".

Влюбленные всегда склонны идеализировать предмет своей любви, и Нельсон не был в том исключением.

Весьма откровенные отношения отчима с леди Гамильтон конечно же не укрылись от глаз Джосаи. Для юноши, который боготворил Нельсона, это был настоящий удар. И до этого времени не бывший примером образцового поведения, Джосая буквально начинает спиваться. Причем напивался он всегда прилюдно и вызывающе — во время официальных приемов на глазах сотен гостей, чем ставил Нельсона в очень неловкое положение. Отныне для юноши уже не существовало никаких авторитетов. На фрегате, где он служил, его вообще не видели трезвым.

Из письма капитана фрегата "Бон Ситоен" Нельсону: "Когда я указал ему на его неблагодарность по отношению к Вам, странное и оскорбительное отношение ко мне — и все это публично, — он пропустил это мимо ушей. Единственный ответ, которого я добился, был таков: он знал, что так и будет, что Вашей Светлости не следовало брать его в море и что он Вам много раз об этом говорил. Получалось, что во всем виноваты Вы. Я снова, очень выразительно, повторил ему, что говорить так может только неблагодарный человек. Но никакие доводы не смогли его убедить. У меня нет других мер воздействия на него. Я убежден, что он попал в плохое окружение, поэтому беру на себя смелость

убедительно просить Вас не позволять ему иметь друзей из нижних чинов".

Думается, Нельсон прекрасно понимал, в чем причина вызывающего поведения приемного сына. Он явно хочет снять с себя всю ответственность за Джосаю и пишет по этому поводу Фанни: "Хотелось бы сообщить тебе о Джосае нечто такое, что порадовало бы тебя и меня, но, к своему сожалению и прискорбию, я должен сказать, что ничего хорошего в нем нет. Уверен, что ни я, ни ты не можем этому помочь. Не хочу говорить на эту тему, это бесполезно".

Теперь уже Нельсон ничего не пишет об "удивительных успехах" леди Гамильтон в воспитании его пасынка…

Понимая, что он утратил всякое влияние на Джосаю, Нельсон попросил адмирала Джервиса хоть как-то воздействовать на него. Но и Джервису неуправляемый Джосая Нисбет к этому времени тоже основательно надоел, и он отсылает его к отчиму на Сицилию. Там Джосая продолжает пить, и его, смертельно пьяного, не раз выносил на своих плечах с королевских приемов верный Трубридж. Джосая буквально возненавидел Нельсона, и с каждым днем его поведение становилось все более вызывающим. Увидев, как однорукий и одноглазый отчим с трудом взбирается по трапу на корабль, пасынок во всеуслышание заявил:

— Как хорошо было бы для всех нас, если бы он сейчас сорвался и сломал себе шею!

Слова Джосаи немедленно передали Нельсону, но он промолчал и, пользуясь своим правом командующего отдельной эскадрой, назначил Джосаю капитаном фрегата "Талия". Контрадмирал лично подобрал в помощь Джосае двух прекрасных лейтенантов, а фрегату поручил легкое и почетное задание эскортировать судно, на котором возвращался в Константинополь турецкий посол. Но Джосая продолжал беспробудно пить. Спустя короткое время почти спившийся Джосая был спроважен в Англию и там уволен в отставку.

Мирная гражданская жизнь, однако, довольно быстро оказала на юношу самое благотворное влияние. Он бросил пить, поступил на государственную службу, удачно женился и впоследствии сделал весьма неплохую карьеру.

Не успел Нельсон спровадить с Сицилии своего неуправляемого пасынка, как на безропотного сэра Уильяма обрушился новый удар судьбы. Дело в том, что, оставляя Неаполь, английский посол попутным транспортным судном "Колосс" переправил в Лондон часть своей огромной коллекции античных ваз. При входе в Ла-Манш "Колосс" попал в шторм и затонул. Потрясение для страстного коллекционера было

настолько сильным, что он стал заговариваться, сгорбился и ходил отныне, едва передвигая ноги. Позднее пришло письмо, что вторая часть коллекции в целости и сохранности доставлена в Англию, но Гамильтона это уже мало утешило.

Неспокойно было на душе и у Нельсона. Его угнетали неизбежное объяснение с Фанни, неодобрение его любовной связи со стороны отца, чувство вины перед всеми родственниками. "Ты помнишь, каким я всегда был веселым и как смеялся, сейчас я так изменился, что вряд ли ты меня узнаешь, — пишет он одному из своих старых друзей. — Но кто может в моем положении сохранить оптимизм?"

Основания для беспокойства у Нельсона были. К этому времени разговоры о его предосудительной связи с женой посла при неаполитанском дворе достигли Лондона. В светских кругах Англии леди Гамильтон всегда была далеко не в почете, а теперь, помимо всех своих прошлых похождений, она покусилась на всенародного любимца и героя. Сплетни о палермском любовном треугольнике стали одной из самых модных салонных тем. Бедная Фанни, боясь пересудов, старалась как можно меньше появляться на людях. Когда же ее донимали рассказами об амурных похождениях ее мужа в средиземноморских портах, она отвечала:

— У моего Горацио слишком много завистников! — и гордо удалялась.

Нельсон писал жене, чтобы она выслала модные косынки и чепчики для леди Гамильтон. Фанни послушно высылала. Она самоотверженно ухаживала за тяжелобольным отцом Нельсона и была его самой преданной сиделкой. "Положа руку на сердце я могу сказать, что всегда старалась угодить тебе и сделать всё, чтобы ты был счастлив", — писала она ему, проявляя завидную выдержку.

Но кто может сказать, чего стоила эта выдержка бедной Фанни!

Заместитель главнокомандующего средиземноморским английским флотом лорд Кейт писал по поводу поведения Нельсона своей сестре в Лондон: "Говорят, что лорд Нельсон скоро отправится домой и, по словам графа Сент-Винсента, не на "Вэнгарде". В свете говорят, что он попал в сети к леди Гамильтон и бездельничает в Палермо в то самое время, когда должен быть совсем в другом месте. Так утверждают Г. Хоуп и другие офицеры, прибывшие оттуда. Корабль из Палермо привез совсем плохие новости о Сицилии: народ презирает и оскорбляет короля, тот в свою очередь выколачивает деньги, надеясь сбежать с ними в Триест; королева, леди Гамильтон, генерал Эктон, лорд Нельсон

— все являют собой нелепое зрелище, все заносчивы и глупы".

Если лорд Кейт относился к Нельсону достаточно нейтрально, то лорд Минто считался его другом, он пишет в одном из писем: "Он (Нельсон. — *В. Ш.*) словно не понимает, что все это его дискредитирует, и не думает о причине. Он все еще пишет о леди Гамильтон и обо всем прочем, а это с его стороны неосторожно. Но трудно обвинять и осуждать героя за то, что он связался с этой женщиной: она смогла обвести вокруг пальца многих мужчин, более мудрых, чем адмирал".

Вскоре в Палермо прибыл английский пехотный полк генерала Чарльза Стюарта, незадолго до этого отбившего у французов остров Минорку, за что генерал получил титул рыцаря и орден Бани. С прибытием английских солдат за безопасность Сицилии можно было не волноваться, однако для того, чтобы отбить у французов Неаполь, этих солдат все же было недостаточно.

Капитаны Нельсона рвались в бой, но командующий в море по-прежнему не спешил, наслаждаясь спокойной жизнью и любовью. Дошло до того, что старший из капитанов эскадры Трубридж от имени всех остальных обратился к Нельсону с официальным письмом, призывая его к активности: "Простите меня, мой лорд, но только мое глубокое уважение к Вам заставляет меня заговорить об этом. Я знаю, что Вы не можете испытывать удовольствие, просиживая всю ночь за картами. Зачем же в таком случае приносить Ваше здоровье, комфорт, деньги, свободу — в общем, все — в жертву обычаям страны, где Ваше пребывание не может быть длительным? Я не согласился бы, мой лорд, остаться в этой стране, даже если бы мне отдали всю Сицилию. Я верю, что война скоро закончится, мы покинем это гнездо всяческого позора и будем испытывать удовольствие от улыбок наших соотечественниц… Об азартных играх в Палермо открыто говорят повсюду. Я умоляю Вашу Светлость оставить их… Верю, что Ваша Светлость извинит меня. Лишь глубокое уважение, которое я питаю к Вам, заставляет меня пойти на риск возбудить Ваше неудовольствие".

Удивительное письмо! Старший из капитанов умоляет своего адмирала прекратить участие в оргиях и карточных играх во имя чести нации! Он деликатно напоминает ему о ждущей жене, о его долге. Но ответа на свое послание Трубридж не получил, не пригласил контр-адмирал его к себе и для личного разговора. Ничего не изменилось: Нельсон продолжал как ни в чем не бывало развлекаться, а эскадра простаивала без всякой пользы для общего дела.

Было бы несправедливо утверждать, что Нельсон только

развлекался. Находясь в Палермо, он следил за перемещением торговых английских караванов и выделял суда для их сопровождения. Вел большую переписку с Петербургом, Константинополем, с адмиралом Ушаковым, с британскими представителями в Смирне и Триесте, Вене и Тоскане, на Майорке, подробно информировал графа Сент-Винсента и лорда Спенсера о состоянии средиземноморских дел. Но покидать Палермо отказывался наотрез.

В Неаполитанском заливе Нельсон оставил отряд кораблей под началом своего любимца капитана Трубриджа. Помимо блокады города Трубридж захватил два небольших острова у побережья — Искья и Прочида. На островах начались расстрелы всех сочувствующих республиканцам. Однако карательные методы англичан лишь озлобили островитян, и они начали оказывать сопротивление. Теперь почти каждую ночь отчаянные лаццарони вырезали английские патрули. Картина получилась та же, что и при приходе французов: начальная эйфория, затем разочарование и, наконец, ненависть. К чести Трубриджа, он быстро все понял и вернул матросов на корабли.

— Пусть итальянцы разбираются со своими делами сами! — заявил он и потребовал, чтобы из Палермо прислали на острова королевского судью.

Тот прибыл. Вынес множество смертных приговоров, а затем стал проситься перебраться на корабль Трубриджа. Недовольный Трубридж отослал Нельсону письмо: "Сейчас долго разговаривал с судьей, присланным сюда королевским двором. Судья сказал, что на будущей неделе закончит свои дела и что люди, занимающие такие должности, как его, обычно уезжают в безопасное место после того, как объявят приговоры. Поэтому судья просил отправить его обратно и при этом намекнул, что хотел бы отправиться на военном корабле. В этой беседе я узнал также, что осужденные священники должны быть доставлены в Палермо, там будет произведено в присутствии короля их расстрижение, и затем они будут привезены сюда обратно для казни. Использовать английский военный корабль для такой цели! Кроме того, судья просил у меня палача. Я решительно отказал ему в этом. Если не может найти палача здесь, пусть ищет в Палермо. Я догадываюсь об их цели — они хотят выставить нас вперед в этом деле, чтобы потом всю гнусность его свалить на нас".

Честный и благородный Трубридж! Несмотря на все свои боевые заслуги, он так и не станет адмиралом. Нам неизвестен ответ Нельсона своему капитану, однако действия, которые он предпримет в скором времени в Неаполе, свидетельствуют, что

упоминаемый королевский судья был контр-адмиралу ближе, чем собственный капитан.

Вскоре Трубридж был отозван в Палермо, а на его место назначен менее щепетильный в подобных делах капитан Фут.

Глава четырнадцатая
ВЛЮБЛЕННЫЙ ВЕШАТЕЛЬ

На севере Италии начала свой славный поход армия Суворова. Блистательные победы при Адде, Нови и Требии в самые короткие сроки положили конец французскому господству. Парижу было уже не до Неаполя. Теперь впору было думать о том, как удержать в сохранности собственные границы. К тому же, начав хозяйничать в Неаполе, французы перегнули палку: наложив огромную контрибуцию, они настроили против себя всех состоятельных горожан, а начав насильственно вводить республиканские порядки — и неимущих крестьян. В стране началось мощное роялистское движение не столько за Фердинанда, сколько против французской оккупации. Сменившему генерала Шампинье Макдональду пришлось, чтобы не оказаться окруженным в Италии, спешно выводить свою тридцатитысячную армию из пределов Неаполя и Рима. Оставив символический гарнизон в замке Сант-Эльмо, французы отошли на север.

Французский флот был крайне слаб, британский же, пополнившись после Абукира захваченными французскими кораблями, властвовал над всем Средиземноморьем.

В октябре 1798 года на Мальте восстало местное население, англичане поддержали его огнем своих эскадр и французский гарнизон был заперт в укреплениях Ла-Валлетты. Тогда же была отбита и Минорка. Адмирал Дункан совместно с русской Балтийской эскадрой вице-адмирала Макарова полностью контролировал Северное море. Эскадра лорда Бриджпорта сторожила французов у Бреста. Тяжело болевший граф Сент-Винсент большую часть времени находился в Гибралтаре. Отдельные эскадры адмиралов Кейта и Дукворта он держал попеременно у Кадиса и в порту Маон на Минорке, пресекая любые попытки французов предпринять какие-либо действия в Средиземном море.

Вести о победах Суворова вселили некоторую бодрость в сердце короля Фердинанда, который поверил, что ему не суждено будет до конца своих дней прозябать на Сицилии.

Едва российские полки нанесли французам первые поражения, как по всей Италии начали стихийно образовываться так называемые христианские отряды, которые возглавил уже знакомый нам кардинал Фабрицио Руффо.

Поддерживая повстанцев, Нельсон выслал отряд кораблей в

Неаполитанский залив, были освобождены несколько прибрежных островов, а затем блокирован неапольский порт.

Наконец в мае Нельсон решает идти к Неаполю, не без оснований опасаясь, что русские могут его опередить. К плаванию срочно готовятся четырнадцать линейных кораблей и фрегаты, они должны были принять на борт 1600 человек королевской гвардии. Собралась "освобождать" Неаполь и чета Гамильтонов. Последнее не было одобрено ни королем, ни королевой. Однако, понимая всю пикантность ситуации, Мария Каролина все же решила отправить Гамильтонов в плавание. Своим приближенным она объяснила свое решение следующим образом:

— Пусть лорд Нельсон еще раз выкажет леди Гамильтон свою любовь и представит ее на короткое время королевой в Неаполе! Я не возражаю, лишь бы дело было сделано!

В назначенное время эскадра оставила Палермо и взяла курс на Неаполь. Но через два дня, ко всеобщему удивлению, снова вернулась в палермскую гавань. Оказалось, что в пути Нельсона встретили два линейных корабля с известием от главнокомандующего, что французский флот адмирала Брюи рискнул покинуть Тулон. Одновременно покинули Картахену и испанцы. Англичане сразу засуетились. К Тулону бросился адмирал Кейт, Нельсону было предписано спешить на перехват неприятеля и занять позицию у острова Маритимо, чтобы воспрепятствовать возможному соединению французского и испанского флотов. С большой неохотой Нельсон покинул Эмму. Под его командой было шестнадцать линейных кораблей.

Едва выйдя в море, он с первой же оказией отправляет ей письмо: ""Вэнгард" выглядит мрачным и неудобным, потому что я сменил приятнейшее общество на одиночную камеру или самых дорогих друзей на чужаков. Сейчас я в полном смысле великий человек — рядом ни души. Всем сердцем хотелось бы снова стать маленьким человеком. Вы и добрый сэр Уильям меня испортили: мне не подходит ни одно общество, кроме вашего. Не можете себе представить, что я чувствую, когда вызываю в памяти вас всех… Ваш верный, любящий Нельсон".

* * *

В это время противоборство с французским флотом складывалось у англичан следующим образом. Французский флот численностью в 25 линейных кораблей был блокирован в Бресте шестнадцатью кораблями английской эскадры лорда Бриджпорта и адмирала Александра Гуда. В марте в Брест прибыл морской

министр Франции вице-адмирал Евгений Брюи с предписанием Директории выйти в море при первом же благоприятном ветре. 14 апреля, воспользовавшись туманом, Брюи вывел свой флот в море и скрылся от англичан в неизвестном направлении. Одновременно во французских газетах появились сообщения, что флот с десантом будет направлен в Ирландию. Адмирал Гуд, поверив этому, поспешил к берегам Англии, о планах французов он известил и сторожившего неприятеля в Гибралтаре лорда Сент-Винсента. На самом деле планы французов были совершенно иными и английские адмиралы стали жертвой хитроумного плана Евгения Брюи. Французский флот должен был соединиться с испанским, а затем общими силами прорваться в Средиземное море, чтобы деблокировать Корфу, Мальту и Египет, где еще из последних сил оборонялись остатки брошенной Наполеоном армии. Перед самым выходом в море французы узнали о взятии Корфу адмиралом Ушаковым, но в остальном планы операции изменять не стали.

23 апреля лорд Кейт, блокировавший испанский Кадис, получил известие о приближении французского флота. Не исключая выхода из Кадиса двадцати испанских кораблей, он понимал, что никак не сможет со своими пятнадцатью кораблями противостоять сорока неприятельским линкорам.

24 апреля французский флот подошел к Кадису. Брюи, имея наветренное положение и превосходство в силах (24 линкора против 15), решил атаковать англичан и вместе с испанцами попытаться взять их в два огня. Но свежий ветер помешал испанскому флоту вовремя выйти в море, и Брюи, решив не испытывать судьбу, поспешил к Гибралтару. Кейту ничего не оставалось, как двинуться вслед за удаляющимися французами. Тогда-то и были посланы сообщения на Минорку контр-адмиралу Дукворту и Нельсону — в Палермо.

30 апреля, стремясь защитить Минорку, Сент-Винсент направился туда с шестнадцатью линкорами. В это время, воспользовавшись отсутствием у Кадиса англичан, оттуда вышел испанский флот вице-адмирала Лакроссе и, войдя в Средиземное море, подошел к Картахене. Но в пути испанский флот попал в сильный шторм и до Картахены добрался в небоеспособном состоянии. Что же касается лорда Сент-Винсента, то он допустил непростительную ошибку. Вместо того чтобы поджидать французов между Картахеной и Тулоном, что гарантировало их уничтожение до соединения, он отправил часть эскадры в Палермо, опасаясь, как бы французы не напали на корабли Нельсона. После этого лорд Сент-Винсент окончательно занемог, передал дела вице-адмиралу Кейту и отбыл в Англию.

16 мая французский флот в составе двадцати двух линейных кораблей и большого количества малых судов покинул Тулон.

Именно это обстоятельство помешало Нельсону отправиться на покорение Неаполя.

Что касается нового главнокомандующего английским флотом на Средиземном море, то он действовал столь же неудачно, как и его предшественник. Вместо того чтобы надежно блокировать испанцев в Картахене и дать бой французам, вице-адмирал Кейт не торопясь направился к Тулону. Когда же он туда подошел, французский флот уже покинул порт.

В этом походе Нельсону явно не повезло. Прикинув все "за" и "против", он решает, что франко-испанский флот будет прорываться в Египет, а потому занимает указанную ему позицию западнее Сицилии, перекрыв самый узкий проход из западной части моря в восточную и разослав дозорные фрегаты. Несколько судов Нельсон отправил на поиски эскадры Ушакова, чтобы объединить союзные силы, но те ее не нашли.

К большому неудовольствию Нельсона, старшим адмиралом на Средиземном море Сент-Винсентом был определен не он, а вице-адмирал Кейт и в случае обнаружения противника Нельсону следовало поступать в его подчинение.

Отправившись во главе эскадры в район острова Маритимо, Нельсон две недели безрезультатно ждет французов. Почти каждый день специальные почтовые пакетботы доставляют ему послания от возлюбленной. Из письма Эммы Гамильтон от 12 июня 1799 года: "Любезный лорд! Я провела вечер у королевы. Она очень несчастна! Она говорит, что народ неаполитанский вполне предан королю, однако только одна эскадра Нельсона может восстановить в Неаполе спокойствие и покорность законной власти. Вследствие того королева просит, умоляет, заклинает Вас, любезный лорд, если только возможно, отправиться в Неаполь. Ради бога, подумайте об этом и сделайте то, что просит королева. Если Вы позволите, мы отправимся вместе с Вами. Сэр Уильям нездоров, я также чувствую себя дурно: это путешествие будет нам полезно. Да благословит Вас Бог!"

21 июня терпению Нельсона приходит конец и он возвращается в Палермо к Эмме.

Не найдя флот Брюи у Тулона, вице-адмирал Кейт решает сторожить его у Минорки, а потому, готовясь к генеральному сражению, приказывает Нельсону прислать ему несколько линейных кораблей. Но тот игнорирует приказ, ссылаясь на то, что вынужден отправить часть эскадры к итальянскому берегу для

действий против тамошних республиканцев. К счастью для Нельсона, французы у Минорки не появились, но Кейт все же написал жалобу на неподчинение ему контр-адмирала. На некоторое время его жалобу положили под сукно: сначала надо было разобраться, куда же улизнули французы.

Тем временем изменившаяся политическая обстановка в Италии в связи с прибытием туда Суворова изменила и планы Брюи. Теперь флот было решено использовать для эвакуации французских войск из Ливорно и доставки подкрепления генералу Моро в Геную. Уже в море Брюи получил распоряжение Директории соединиться с испанцами, следовать к Мальте, деблокировать ее, а потом спешить в Александрию, чтобы вывезти оттуда хотя бы часть блокированной там армии. Получил Брюи и пакет для генерала Бонапарта, которому приказывалось срочно прибыть в Италию, чтобы принять командование французскими войсками.

25 мая Брюи прибыл в Геную. Высадив подкрепление для генерала Моро, он вышел в море и в ночной темноте благополучно разошелся с английской эскадрой Кейта. 12 июня Брюи был уже в Картахене, где успешно соединился с испанским флотом. Теперь под флагом Брюи было уже сорок линейных кораблей. Тем не менее от плавания в Египет осторожный Брюи отказался и послал туда лишь несколько легких фрегатов. Он также предложил испанскому командующему выманить англичан из Средиземного моря, после чего осуществить экспедицию на Мальту, но испанский адмирал, боясь блокады Картахены, предложения не принял.

Что касается англичан, то и они времени даром не теряли, стянув к этому времени в Средиземное море 50 линейных кораблей. Но ничего путного вся эта армада сделать не смогла. Пока английская эскадра металась по всему Средиземноморью, франко-испанский флот вновь миновал Гибралтар и без всяких происшествий прибыл в Кадис, а оттуда, пополнив запасы, французы перешли в Брест.

Несмотря на полное господство на море англичан, французы в этот раз обвели их вокруг пальца. Пока Кейт и Нельсон в поисках противника денно и нощно рыскали от Тулона до Сицилии, Брюи беспрепятственно прошел Гибралтарским проливом и благополучно достиг конечного пункта своего похода — Бреста. Кейт погнался было за ним, но без успеха. Ловушки англичан на этот раз не сработали. Но несмотря на несомненный успех в угадывании намерений английских адмиралов, почти никаких практических результатов смелый рейд франко-испанского флота в Средиземное море не имел.

Адмирал Ушаков получил известие о прорыве неприятельского флота в Средиземное море во время блокады Анконы. После чего с десятью линейными кораблями, девятью малыми судами и трехтысячным десантом немедленно направился к Мессине на соединение с Нельсоном.

Теперь в Атлантике утвердился мощный франко-испанский флот, явно нацеленный на Англию. Средиземное море стало второстепенным театром военных действий. Узнав о том, что французы вернулись в Брест, Нельсон повернул свою эскадру к Палермо. Там он сообщил королю обеих Сицилий, что главнокомандующий дал ему полную свободу действий. Фердинанд весьма обрадовался такому сообщению и сразу же попросил Нельсона поспешить в Неаполь.

— Я только приведу в порядок такелаж и пополню запасы, после чего на всех парусах поспешу к вашей столице! — отвечал Нельсон, хотя особого желания покидать Эмму не испытывал…

Несомненные успехи русских как на Ионических островах, так и в Италии вызвали определенное раздражение у союзников. Появление мощной русской эскадры Ушакова, а затем и экспедиционного корпуса Суворова на театре военных действий было не случайным. Намерение Франции достичь индийских пределов через Балканы и Египет не могло не волновать как Петербург, так и Стамбул. В Петербурге в связи с этим не без оснований опасались за Крым, в Константинополе — за Малую Азию. Общая опасность вынудила двух непримиримых врагов объединиться. Союз с Турцией был для российских дипломатов столь необычен, что канцлер России Александр Безбородко в сердцах воскликнул:

— Это же надо быть такими уродами, чтобы породить наш союз с турками!

Разумеется, всякий противник Франции сразу же становился другом Англии, а потому вопрос о военном союзе с Петербургом для Лондона был делом решенным. Центром сосредоточения всех антифранцузских сил на Средиземном море стала Сицилия, последний осколок Неаполитанского королевства. А потому вскоре последовала целая череда военных договоров: между Россией и Англией, Россией и Неаполем, Турцией и Англией, Турцией и Неаполем, новый договор заключила с королем Фердинандом и Англия.

Однако, как это обычно бывает в большой политике, каждая из сторон при заключении договоров преследовала прежде всего свои личные интересы. Особенно преуспели в том англичане.

Академик Е. В. Тарле пишет по этому поводу: "…Оказалось,

что два других главнейших партнера по затевавшейся тяжелой борьбе — Австрия и Англия — не только относятся неискренне, но уже наперед держат против нее (России. — *В. Ш.*) камень за пазухой. Английский кабинет во главе с Уильямом Питтом Младшим, конечно, жаждал, чтобы на помощь англичанам как можно скорее пришли русские эскадры в Средиземное и Северное моря. Но австрийцы и англичане боялись русских, не доверяли им, завидовали их успехам, хотя, по существу, эти успехи шли на пользу общему делу. А главное — эти союзники мечтали уже наперед не только о победе над французами при помощи русских, но и о том, чтобы сами-то русские не очень задерживались на этих местах, где эти победы произойдут. Это сразу почувствовал на севере Италии и в Швейцарии Суворов. Сразу это понял и действовавший на Ионических островах и на юге Италии Федор Федорович Ушаков, и он вовремя сумел приготовиться к скрытым ударам и парировать их".

Традиционно в отечественной исторической литературе преобладает мнение, что в отношениях с Ушаковым Нельсон проявил себя как весьма коварный и вероломный человек. Думается, столь однозначная оценка взаимоотношений двух великих флотоводцев и незаурядных политиков в данном случае весьма субъективна. Слов нет, Нельсон не всегда проявлял благородство. Однако при этом следует понимать, что и Ушаков, и Нельсон действовали в точном соответствии с имевшимися у них инструкциями. При этом каждый из них, не слишком-то считаясь с интересами другого, выполнял то, что считал в данный момент наиболее полезным для своей страны. А потому все разногласия двух адмиралов следует относить не за счет их личной неприязни, а за счет расхождений во взглядах между Петербургом и Лондоном. Не вызывает сомнений, что если бы вместо Ушакова и Нельсона в то время и в том же месте действовали два других адмирала России и Англии, характер взаимоотношений между ними был бы примерно таким же.

Что же касается целей союзников, то на самом деле они были различны. Англии было необходимо обеспечить безопасность своих колоний в Индии. Для этого оказывалась поддержка Турции и блокировался Египет. Помимо этого, как показал ход войны, Англия нуждалась в стратегически важном острове на Средиземном море, где можно было бы разместить военно-морскую базу. Для этого наиболее подходили Мальта и Корфу, но оба острова пока были в руках французов. Российскую эскадру англичане рассматривали лишь как вспомогательную силу, которая действовала бы в их интересах: блокировала Египет и освобождала английские корабли от утомительного крейсерства.

Россия поддерживала в борьбе с французами Австрию, видя в этом противодействие распространению революции по Европе. Помимо этого Павел I (только что избранный магистром Мальтийского ордена самими же мальтийскими рыцарями, которые видели в нем единственного, кто сможет вернуть им их владения) хотел вернуть Мальту ордену, а следовательно, сделать его и базой своего флота. Кроме этого, Россия так же, как и Англия, была нацелена на Ионические острова, господствующие над всей Адриатикой, и прежде всего на Корфу. Положение в Адриатике для русских в отличие от англичан облегчалось тем, что и ионические греки, и славяне материкового побережья являлись православными и с радостью встречали корабли под Андреевским флагом.

Адмирал Ушаков как в воду глядел, когда после взятия Корфу сказал в кругу своих капитанов:

— Теперь у англичан зависти да ревности к нам прибавится преизрядно!

Когда Нельсон узнал о падении Корфу, ярости его не было границ. Он столько времени безрезультатно торчит под Мальтой, а русские управились с не менее сильной цитаделью всего за каких-то три дня! И теперь Ушаков предлагал английскому союзнику свою помощь во взятии Мальты.

Нельсон начинает интриговать, пытаясь посеять разлад между русскими и турецкими моряками. Уполномоченный великого визиря Келим-эфенди слушает, кивает, но ссориться с русскими не желает.

А тут еще капитан Белл, ответственный за блокаду Мальты, сообщил, что к острову подошел русский фрегат, с которого передали на берег воззвание, подписанное императором Павлом I, который, как магистр ордена, призывал жителей к свержению французов и восстановлению орденских порядков.

— Русские и здесь меня опередили! Им мало, что они отобрали у меня Корфу, так теперь собираются увести из-под носа и Мальту! — бушевал Нельсон и отправил Беллу злое и несправедливое письмо: "Нам донесли, что русский корабль нанес вам визит, привезя прокламации, обращенные к жителям острова. Я ненавижу русских, и если этот корабль пришел от их адмирала с острова Корфу, то адмирал — негодяй".

Увы, проигрывать достойно Нельсон не умел. Когда же эскадра Ушакова по просьбе англичан перешла из Анконы в Мессину, Нельсон снова самым вежливым тоном просит российского адмирала отправить хотя бы небольшой отряд своих кораблей к Генуе, чтобы блокировать подвоз подкреплений и снаряжения войскам генерала Моро. Разумеется, Ушаков

согласился, и вскоре к Генуе ушел отряд вице-адмирала Пустошкина. Тогда же адмирал получил известие из Палермо о прибытии туда с Балтики еще одной русской эскадры вице-адмирала Карцова. В это время Ушаков получил письмо от Нельсона с уведомлением, что ему надлежит передать захваченный при Корфу линейный корабль "Леандр" англичанам с одобрения российского императора. Новость была не только огорчительной, но и обидной. Во имя высокой политики надлежало вернуть англичанам без всякой компенсации трофей, взятый в самом жестоком бою.

А затем было известие о блистательной победе Суворова над французами в Северной Италии при Нови. В те дни Нельсон писал Суворову: "Меня осыпают наградами, но сегодня удостоился я высочайшей из наград — мне сказали, что я похож на Вас".

К этому времени русско-турецкая эскадра Ушакова перешла в Палермо. Там адмирал Федор Федорович Ушаков и турецкий адмирал Кадыр-бей были представлены королю Фердинанду, а затем в резиденции Гамильтонов встретились и с Нельсоном. Обсуждалось положение дел с Мальтой. Доклад делал Нельсон. Он сообщил, что гарнизон острова состоит из четырех тысяч солдат и большого количества артиллерии, кроме этого в гавани находятся три линкора и три фрегата. Участники совещания сошлись на том, что для штурма нужны десантные войска, так как с одними кораблями штурмовать неприступные стены Ла-Валлетты невозможно. После совещания Ушаков объявил, что готов со своей эскадрой идти к Мальте немедленно. Но на следующий день король попросил Ушакова направиться сначала к Неаполю, где все еще не прекращались волнения. Но выйти в море Ушакову и на этот раз не удалось: подняли восстание и устроили настоящую резню в городе матросы турецкого флота. Когда бунт был подавлен, турки потребовали незамедлительного возвращения домой, грозя в противном случае перебить своих собственных начальников. Через несколько дней турецкая эскадра оставила Палермо и взяла курс к родным берегам.

Вскоре, готовя корабли к переходу в Неаполь, английский контр-адмирал уже уговаривал короля Фердинанда.

— Ваше величество, не желаете ли присоединить к своей короне такую жемчужину, как Мальта?

Король только что вернулся с охоты и был полон приятных ощущений.

— Не надо мне вашей Мальты, Нельсон! — замахал он руками. — Я не знаю, как мне возвратиться в Неаполь, а тут еще

Мальта! Там же французы! Зачем мне новая головная боль?!

— Но, ваше величество, — не унимался Нельсон, — я просто напоминаю вам указ императора Карла Пятого, который, отдавая в шестнадцатом веке остров в правление монашествующим рыцарям, оговорил, что если они когда-нибудь покинут остров, то он перейдет под власть сицилийских королей.

— Что бы ни говорил Карл Пятый 250 лет назад, но мне сейчас не до Мальты! Там и без меня целая очередь желающих! — ответил Фердинанд вполне разумно.

— Тогда не будете ли вы против, если Великобритания от вашего имени возьмет на себя заботу об острове? — снова перешел в наступление Нельсон.

— Ради бога! — махнул рукой Фердинанд. — Делайте с ней что угодно, меня это не касается!

— Прекрасно! — вступил в разговор сэр Гамильтон и достал бумаги. — Скрепим наше соглашение подписями и печатями!

Фердинанд IV безропотно черкнул пером, его секретарь скрепил подпись гербовой печатью.

— Разрешите откланяться, ваше величество! — склонили головы Нельсон и Гамильтон.

— Кажется, дело сделано! — обменялись они мнением, когда покинули королевский дворец. — Рано или поздно, но Мальта будет нашей!

На следующий день Нельсон с Эммой уже обговорили все вопросы с Марией Каролиной, а еще несколько дней спустя король Фердинанд IV официально объявил, что провозглашает себя законным правителем Мальты.

Таким образом, теперь на Мальту претендовали два "законных" властителя: император Павел I, ставленник не смирившихся с потерей острова рыцарей, и король Фердинанд — в силу стародавнего испанского документа, вытянутого на свет божий Нельсоном и леди Гамильтон.

О своем ставленнике Нельсон сразу же известил блокировавшего остров капитана Белла: "Король Неаполитанский есть законный государь острова Мальта, и я согласен с тем, что его флаг должен развеваться во всех пунктах острова. Но так как можно не сомневаться, что неаполитанский гарнизон сдаст остров любому, кто пожелает заплатить, то необходимо, чтобы Мальта находилась под покровительством Великобритании на всем протяжении войны. Поэтому король Неаполитанский желает, чтобы во всех пунктах, где развевается неаполитанский флаг, рядом с ним был поднят английский флаг. Я уверен, что неаполитанское правительство без каких-либо возражений уступит владение Мальтой Англии. На днях я вместе с сэром

Уильямом Гамильтоном добился у короля тайного обещания не уступать Мальту никому без согласия британского правительства. Вы не должны допустить, чтобы на острове развевался какой-либо флаг, кроме английского и неаполитанского. В случае, если какая-либо группа мальтийцев захочет поднять русский флаг, то впредь ни король, ни я не позволим мальтийцам ввозить из Сицилии хлеб для собственных нужд".

Что и говорить, это был сильный ход. Впрочем, обладать Мальтой должен был тот, кто ее захватит. Для того чтобы оправдать владение островом, аргументы имелись у всех. Однако если Ушаков вел себя в отношении англичан весьма корректно, как и подобает союзнику, то Нельсон, не без оснований боясь энергичного и предприимчивого русского адмирала, действовал откровенно враждебно.

Удивительно, но неприязнь к русским, которую обнаруживает в своих письмах Нельсон, совершенно не помешала ему выпрашивать у них награды. В эти дни Нельсон трижды пишет в Петербург, прося российского императора наградить мальтийскими крестами капитана Белла, который уже больше года блокирует Мальту, и… леди Гамильтон — за ее невиданную заботу и гостеприимство к бежавшим с острова мальтийцам.

Подумав, Павел I велел переслать Нельсону два креста. Что касается награждения капитана Белла, то оно было вполне объяснимо, однако награждение леди Гамильтон было явно притянуто за уши. В Англии известие, что жена посла удостоена российской награды, вызвало немало разговоров и популярности леди Гамильтон не прибавило.

Сам Нельсон сразу же заказал портрет любимой с мальтийским крестом на груди и повесил его в своей каюте. А Мария Каролина сочла скромный крест недостойным своей блистательной подруги и велела украсить его бриллиантами.

Тем временем отряд капитан-лейтенанта Белла вместе с итальянскими повстанцами уже вышел на окраины Неаполя.

— Нам на короля, что на острове Сицилийском отсиживается, наплевать с грот-мачты! — говорили между собой русские матросы. — Нам батюшке Суворову помочь надобно! Он на севере италийском француза колотит, а мы здесь, на юге, его по холке двинем! Пусть чешется!

Русский отряд капитан-лейтенанта Белла, в несколько недель освободив Калабрию и соединившись с ополченцами кардинала Руффо, уже стоял у стен Неаполя, готовясь к штурму.

Из донесения прикомандированного к отряду Белла неаполитанского министра Мишеру на имя Ушакова: "Я написал

Вашему превосходительству несколько писем, чтобы уведомить Вас о наших успехах. Они были чудесными и быстрыми до такой степени, что в двадцать дней небольшой русский отряд возвратил моему государству две трети королевства".

Поразительно, но Нельсон при всей своей любви к неаполитанским делам не решился на то, на что решился Ушаков. Как оказалось, русский адмирал многим лучше оценил политическую и военную ситуацию в материковой части королевства, а оценив, начал энергично действовать. К этому времени французы были вынуждены перебросить бóльшую часть войск на север, где фельдмаршал Суворов в кровопролитных сражениях при Адде, Требии и Нови перемалывал одну за другой французские армии. Одновременно восстали крестьяне, недовольные бесконечными поборами со стороны французов. Малочисленные русские отряды сыграли роль спички, от которой вспыхнул большой пожар.

Пока Нельсон и Гамильтоны ублажали королевскую семью на Сицилии, русские моряки продолжали освобождение Неаполитанского королевства. По совету капитан-лейтенанта Белла во избежание напрасного кровопролития Руффо заключил перемирие с французским гарнизоном Неаполя. Французам гарантировалась отправка на судах в Тулон. Но помимо французов в Неаполе было много и итальянских республиканцев. Решено было отправить и их. Однако республиканцы, зная коварство и жестокость своего кардинала, потребовали, чтобы условия капитуляции скрепил своей подписью и представитель Нельсона — английский капитан Фут. Капитан свою подпись под документом поставил. Над сдавшимися фортами Кастель д'Ово и Кастель Нуово и над английским фрегатом "Сихорс" подняли флаги перемирия.

Спустя несколько дней Нельсон узнает о том, что русские уже находятся на подступах к Неаполю. Он понимает, что освобождение столицы Неаполитанского королевства дело нескольких дней. Он, как и прежде, не хочет покидать Эмму, он разрывается между долгом и любовью. Он то приказывает своим капитанам немедленно готовиться к походу на Мальту, то начинает жаловаться на здоровье и ссылаться на необходимость устранения каких-то технических неисправностей. Он не находит себе места и срывает зло на подчиненных.

— Мы выходим в Неаполь, и я укажу русским их место! Как можно было подписывать мир с этими гнусными безбожниками, порочными чудовищами, подлыми тварями и негодяями![18]

Ко времени своего пребывания на Сицилии Эмма Гамильтон успела вкусить не только горечь разочарований и радость любви:

она успела вкусить еще сладость власти и остроту интриги. Леди Гамильтон начала вмешиваться в дипломатические дела и проводить свою собственную политическую линию. При этом ее расчет строился на преданности ей Нельсона, в котором Эмма не сомневалась. В Лондоне быстро поняли всю сложность ситуации при неаполитанском дворе. Конечно, Гамильтона можно было немедленно отозвать и отправить в отставку, однако в министерстве пока не хотели портить отношения с королем Фердинандом, благоволящим к нему, но и оставлять без контроля потерявшую чувство меры супругу посла тоже было нельзя. Поэтому в Палермо срочно командируется генеральный консул Чарльз Локк, который должен был приглядывать за Гамильтонами и в случае, если проводимая ими линия не будет соответствовать британским интересам, немедленно извещать министерство иностранных дел.

Когда же в Палермо пришло известие о том, что русский морской десант успешно продвигается к Неаполю, а навстречу ему идет ополчение кардинала Руффо, первым забил тревогу лорд Гамильтон.

— Надо срочно действовать, а то все лавры освободителей Неаполя достанутся русским! — вразумлял он любовника своей жены.

А чтобы Нельсон не искал повода не разлучаться с Эммой, заверил, что и он, и жена будут сопровождать его в этом плавании. Леди Гамильтон и королева Мария Каролина уже разработали план возвращения Неаполя. Для этого им требовалась помощь английской эскадры и лично Нельсона.

Разумеется, Нельсон не посмел отказать даме своего сердца. Некоторое время он колебался, а потом все же решил, что Кейт справится с Брюи и без него.

В нарушение всех указаний Кейта Нельсон отдал приказание готовить эскадру к походу к Неаполю. На английские корабли начала грузиться неаполитанская гвардия.

В который уже раз контр-адмирал не выполняет распоряжений высшего руководства. До поры до времени это сходило ему с рук как победителю французов при Абукире, но бесконечно продолжаться не могло. Политическая обстановка на Средиземном море и сложнейшая многоходовая игра, которую вели Джервис и Кейт с французским и испанским флотами, была куда важнее для Англии, чем мышиная возня вокруг Неаполя, который в данной ситуации имел даже не второстепенное, а третьестепенное значение.

На борт флагманского "Фоудройанта" в качестве почетных посетителей поднялись сэр Гамильтон с супругой. Чарльз Локк

хотел было присоединиться к ним, чтобы быть в курсе всех событий, которые начнут вскоре разворачиваться на побережье Италии, но леди Гамильтон распорядилась генерального консула на борт не брать, и тот был оставлен на берегу в Палермо. Это было неслыханно, однако супруга посла и любовница адмирала, кажется, потеряла всякое чувство меры, возомнив себя едва ли не королевой.

Разумеется, Чарльз Локк тут же известил свое лондонское начальство: "Сэр Уильям и леди Гамильтон в большой тайне отплыли в Неаполь на "Фоудройанте", который пришел специально за ними с лордом Нельсоном на борту. Я претерпел большое унижение: меня не пригласили сопровождать сэра Уильяма и совершенно не посвятили в их планы. Я полагался на его неоднократные обещания по поводу того, что отправлюсь в Неаполь вместе с ним… За всё мне следует благодарить эту пустую, жадную, вульгарную женщину; она жаждет сохранить своему мужу положение, для которого он уже не подходит ни по возрасту, ни по склонностям, она не остановится ни перед чем, чтобы держать все в тайне, она помешает своему мужу давать мне задания… Сэр Уильям хотел посвятить меня в политику королевского двора и практику ведения дел, но власть Ее Светлости над мужем (и лордом Нельсоном) безгранична. Она сама выполняет все скучные ежедневные обязанности и вертит мужем как хочет. Что касается Нельсона, то его сумасбродная любовь сделала его посмешищем целого флота, лишила его власти и дипломатических способностей. Друзья же сэра Уильяма сожалеют о том, что он сохраняет свое звание, отказавшись от обязанностей!"

При всей злости письма, все же следует признать, что многое изложено в нем достаточно объективно. Вмешательство Эммы Гамильтон в большую политику становилось бесцеремонным. Падение Гамильтонов было уже предопределено, оставалось только дождаться подходящего момента. Своим властолюбием леди Гамильтон нажила себе немало влиятельных врагов. Если раньше в высшем английском свете ее только презирали, то теперь уже ненавидели как выскочку с непомерными амбициями. Пройдет не так уж много времени, и ей все это припомнят…

Ко времени отхода из Палермо английской эскадры перемирие в Неаполе было уже подписано и пленные французы с местными республиканцами готовились к отправке во Францию. И в этот момент в Неаполитанский залив вошли 13 линейных кораблей лорда Нельсона.

— Передайте всем, что я взорву весь Неаполь и не оставлю от него камня на камне, если встречу хоть какое-то

сопротивление! — объявил он.

Эта фраза документальна, а потому можно только удивляться, что ненависть британского адмирала была направлена не против французов, а против самого города. Угроза довольно странная, ведь боевые действия к этому времени в Неаполе уже закончились.

Шлюпки подходили к пустым береговым фортам, и морские пехотинцы без боя их занимали. Нельсон был доволен: у него в активе появилась новая победа, которая ровным счетом ничего не стоила!

Но в момент, когда под восторженные возгласы леди Гамильтон над неаполитанскими фортами стали подниматься британские флаги, в гавань на всех парусах влетел посыльный бриг адмирала Кейта. Капитан брига вручил Нельсону письмо, в котором лорд Кейт приказывал ему немедленно следовать к острову Минорка ввиду возможного нападения французской эскадры. После недолгого раздумья Нельсон тут же пишет Кейту, что не намерен выполнять его приказ, а считает в данный момент более важным боевые действия у Неаполя.

Решение Нельсона привело в восторг супругов Гамильтон. Эмма бросилась контр-адмиралу на шею, что вызвало аплодисменты матросов. Бриг ушел, а Нельсон во всеуслышание объявил:

— Я не приемлю подписанной капитуляции и аннулирую ее!

— Это невозможно! — попробовал возмутиться кардинал Руффо. — Мы же цивилизованные люди! Уже два дня, как мы подписали все параграфы, и обратного хода быть просто не может!

— У меня под началом тринадцать боевых кораблей, а значит, возможно всё! — ответил Нельсон. — Враги получат свое сполна! Договор был подписан без ведома короля, а потому он недействителен и незаконен!

Капитану Футу он тут же велел:

— Спустить переговорный флаг!

Пленных французов и итальянцев вместо Франции отправили в тюрьмы.

— Мы же добровольно сложили оружие и подписали капитуляцию! — возмущались они.

Их лупили прикладами в спины и гнали на рыночную площадь. Там бедолаг окружили разъяренные монархисты и началось… Из воспоминаний очевидца: "Режут ежедневно тысячи якобинцев и более. Мертвые их тела сожжены бывают из опасения заразительных болезней. Посажено в тюрьму до двух тысяч якобинцев и держать станут в заключении, пока невиновность их

доказана будет. Казни и аресты, производимые над якобинцами, привели всех таковых в совершенную трусость и подлость, каковое исключение вселило в народе, преданном королю, превосходный дух мщения противу якобинцев и французов".

Неправомерность действий Нельсона по отмене условий капитуляции признает и известный британский военно-морской историк Д. Джеймс: "К стыду английского адмирала, капитуляция была утверждена обеими сторонами и по всем законным формам… и лорд Нельсон обязан был исполнить свято все статьи договора без исключения".

Однако Нельсон пожертвовал своей репутацией. Почему? Скорее всего в угоду не столько неаполитанскому королю, сколько той, которая пыталась руководить всей англо-неаполитанской политикой. Эмма жаждала кровопролития, и ее желание было тут же исполнено!

Позднее Нельсон, оправдываясь за свои действия, будет так описывать происшедшее: "Я предложил кардиналу Руффо передать французам и мятежникам от моего имени, что перемирие прервано уже одним тем, что перед Неаполем находится английский флот, что французов не будут считать даже военнопленными… что касается мятежников и изменников, то никакая власть не вправе посредничать между нами и их милостивым монархом и они должны совершенно положиться на его милосердие, ибо никаких других условий им даровать нельзя. Кардинал отказался скрепить эту декларацию своим именем, и я, подписав ее один, отослал к мятежникам. Только после этого они вышли из своих фортов, как надлежало мятежникам и как надлежит, надеюсь, всем тем, которые изменяют своему королю и своему отечеству, чтобы быть повешенными или иначе наказанными по усмотрению их государя".

К этому времени непокоренной оставалась только крепость Сант-Эльма. На предложение Нельсона о сдаче ее комендант ответил вполне логично:

— Я не могу капитулировать перед тем, кто не держит слова!

Раздосадованный Нельсон бросил против крепости своих матросов и неаполитанских гвардейцев. Приступ был, однако, без особых усилий отбит. Стало очевидно, что с Сант-Эльмом придется немало повозиться. Снова начались долгие переговоры. Наконец французы добились для себя приемлемых условий и были переправлены в Тулон.

К этому времени в Неаполь на фрегате "Сабелла" прибыл король Фердинанд. Вызвав к себе кардинала Руффо, он зачитал ему свой манифест, в котором указал, что спасением королевства всецело обязан ему.

На это кардинал справедливо заметил:

— Ваше величество! Что касается меня, то я обязан овладением столицы пяти сотням русских солдат. Именно они разбили французов и освободили Неаполь!

Того же мнения была и королева Мария Каролина:

— Верю, кардинал, что без русских вы ни за что не отважились бы напасть на Неаполь!

Что касается российского императора Павла I, то, получив известие о взятии Неаполя и подвиге капитан-лейтенанта Григория Белла, он воскликнул:

— Белла хотел меня удивить, так я удивлю его тоже!

И пожаловал молодому офицеру орден Святой Анны первой степени, положенный только полным адмиралам.

А над Неаполем поднимались языки пламени и столбы дыма — то наводили порядок английские морские пехотинцы и королевские гвардейцы. Повстанцев и всех, кто случайно попадался под руку, расстреливали у ближайшей стены. В числе приговоренных к смерти оказался и всемирно известный композитор Доменико Чимароза, автор известной оперы "Тайный брак". За музыканта вступились и спасли русские офицеры. Впрочем, наши спасли тогда многих. Министр Мишеру, по долгу службы находившийся в русском отряде, не переставал восторгаться:

— Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Неаполь будет боготворить вас! Память о русских останется в нашей стране на вечные времена!

В какой-то момент Нельсон ужаснулся делу рук своих. На совещании капитанов у него невольно вырвалась фраза:

— Нельзя, однако, рубить головы всем в королевстве, будь оно даже полностью составлено из мошенников!

Но на этом его недовольство происходящим и ограничилось.

Мария Каролина, а за ней и Эмма Гамильтон требовали залить Неаполь кровью. Королева писала из Палермо своей подруге: "Я бы посоветовала лорду Нельсону обойтись с Неаполем так, как он обошелся бы с каким-нибудь мятежным городом в Ирландии".

Леди Гамильтон передала совет подруги своему возлюбленному, и тот в точности ему последовал: Неаполь был залит кровью. Британские историки признают, что в те дни на улицах города гвардейцы Фердинанда и матросы Нельсона убивали, убивали, убивали… Людей расстреливали, вешали, четвертовали и даже сжигали живьем. В дни террора особенно много было убито детей и женщин. Точное число жертв

неизвестно, однако ряд историков считают, что их было не менее сорока тысяч… Имущество убитых тут же конфисковывалось королевскими агентами. И чем больше было в городе трупов, тем больше богател король.

Увы, как ни печально это признавать, но очаровательная леди Гамильтон оказалась столь охоча до человеческой крови, что не отказывала себе в удовольствии лично присутствовать на многочисленных казнях. Именно с ее "легкой" руки начал свою карательную деятельность в Неаполе Нельсон.

По прошествии двухсот лет исследователи жизни английского адмирала ломают голову, для чего понадобилось Нельсону с такой жестокостью убивать престарелого командующего неаполитанским флотом князя Карачиолло. Вся вина старого моряка, которого, кстати, Нельсон давно и хорошо знал, состояла лишь в том, что после бегства королевской семьи он попытался сберечь остатки неаполитанского флота. Князь Франческо Карачиолло долго и верно служил королевству, участвовал в сражениях с варварийцами, ловил контрабандистов. Будучи капитаном линейного корабля, отличился под началом английского адмирала Готама в боях с французами. В 1798 году Карачиолло стал командором[19].

Во время эвакуации короля из Неаполя Карачиолло категорически возражал против сожжения своих кораблей. Тогда-то, видимо, и началась его взаимная неприязнь с Нельсоном, который велел сжечь все, что еще оставалось в порту. Спустя некоторое время Фердинанд отпустил Карачиолло из Палермо на материк для устройства дел в оставшемся без присмотра имении. Едва командор ступил на неаполитанскую землю, как был арестован республиканцами. Те предложили князю возглавить "флот" Партенопейской республики: несколько канонерок и торговых бригов. Особого выбора у Карачиолло не было: или командовать, или сложить голову. Он избрал первое. Впрочем, никаких боевых действий его "флот" ни с кем не вел, а все время существования республики безвылазно простоял в порту.

Когда в Неаполь вернулась прежняя власть и начались массовые убийства, Карачиолло, не слишком рассчитывая на правый суд, решил до поры до времени отсидеться за городом и объявиться, когда кончатся казни. Переодевшись крестьянином, он отправился в одну из деревень, но был выдан собственным слугой, польстившимся на обещанную за голову князя награду.

Нельсон, узнав о пленении Карачиолло, приказал кардиналу Руффо немедленно доставить князя к нему на корабль. Кардинал не посмел ослушаться, хотя никакого отношения к деятельности неаполитанского командора британский адмирал не имел. Вскоре

Карачиолло, а с ним еще несколько бывших офицеров королевской армии в кандалах были доставлены на "Фоудройант", где пленников посадили под замок, а у дверей выставили нескольких часовых с лейтенантом во главе.

Решение о публичной казни принимали Нельсон и Эмма Гамильтон. Все делалось в лихорадочной спешке. Для проформы собрали несколько неаполитанских офицеров, которые под присмотром Нельсона проголосовали за казнь.

Выписка из вахтенного журнала линейного корабля "Фоудройант": "Суббота 29-го: несколько важных офицеров восставших были подвергнуты заключению на различных судах. В 9 часов утра на борту собрался военно-морской суд для рассмотрения дела по обвинению в восстании кавалера Франческо Карачиолло".

— Вы обвиняетесь в мятеже против короля и боевых действиях в качестве командующего республиканским флотом! — объявили князю.

— Ни в каком мятеже я не участвовал и никаких боев за республику не вел! — отвечал Карачиолло. — Вы же прекрасно это знаете! К чему весь этот театр?

Пожав плечами, судьи удалились. Спустя несколько минут был оглашен приговор: за казнь — четверо, за тюрьму — двое. О приговоре сообщили Нельсону.

— Повесить как можно скорее! — распорядился он.

— По закону полагается дать приговоренному хотя бы двое суток, чтобы он мог закончить все свои дела и приготовиться к смерти! — возразил председатель суда.

— Какие еще, к черту, сутки! — возмутился Нельсон. — Повесить немедленно!

В пять часов утра следующего дня Карачиолло был перевезен на неаполитанский фрегат "Минерва", которым он не так давно командовал. Грохнула пушка, пробили "дробь" барабаны, и командор был вздернут на рее.

Выписка из вахтенного журнала линейного корабля "Фоудройант": "Воскресенье 30-го. Вынесенный вчера военно-морским судом приговор кавалеру Франческо Карачиолло приведен в исполнение на борту неаполитанского фрегата; приговоренный собственно повешен".

Король Фердинанд высказал пожелание, чтобы труп командора висел как можно дольше.

— Это ободряюще действует на моих подданных! — смеялся он. — Что же до запаха, то труп врага всегда хорошо пахнет!

Когда от запаха разложения находиться на палубе "Минервы" стало просто невыносимо, труп Карачиолло вынули из петли,

привязали к ногам ядро и выбросили за борт[20].

— Пошел рыб кормить! — веселился король.

А спустя десять дней Фердинанду было уже не до смеха. К борту "Фоудройанта" неожиданно подошла рыбацкая фелюга, и перепуганный рыбак прокричал:

— Князь Карачиолло поднялся с морского дна и плывет в Неаполь, чтобы снова командовать флотом!

— Ты пьян? — вопросил его с палубы король.

— Как можно, ваше величество! С утра ни глотка не сделал! — закрестился рыбак.

— Так что же Карачиолло? — нервно спросил король.

— Своими глазами видел, вот прямо как вас сейчас! Плывет их светлость прямо к городу и только на волнах покачивается!

— Неужели это Божья кара? — перепугался Фердинанд.

— Плыть — это еще не значит ожить! — философски заметил поднявшийся на палубу Нельсон и навел на море подзорную трубу.

Он увидел плывущее по волнам тело Карачиолло, ветром его быстро несло прямо на флагман.

Бывший тут же сэр Гамильтон со свойственной ему ироничностью принялся успокаивать короля:

— Душа Карачиолло не может успокоиться из-за содеянного им зла, а потому он плывет к вам, чтобы получить прощение у вашего величества!

— Не надо! Не надо! Я его уже прощаю! — замахал руками еще более перепуганный Фердинанд.

Нельсон тем временем отдал распоряжение матросам спустить шлюпку и отбуксировать тело подальше от города во избежание пересудов и слухов. Приказание было выполнено, и в ближайшей рыбачьей деревушке тело Карачиолло наконец-то предали земле и отслужили заупокойную мессу.

Король Фердинанд был настолько труслив, что за месяц своего пребывания в Неаполе так ни разу и не рискнул показаться на берегу, опасаясь, как бы его собственные подданные не учинили над ним расправу. Все это время он безвылазно отсиживался у Нельсона на "Фоудройанте". Именно там он подписывал бесчисленные смертные приговоры. Ежедневные казни на рыночной площади Неаполя продолжались ровно год!

Сам Нельсон хвастался в письме герцогу Кларенскому: "Все мои предложения принимаются с усердием, и немедленно отдаются приказания, чтобы с ними соображались… Недавно его величество приказал отдать под суд двух генералов, обвиненных в измене и трусости. Он предписал их расстрелять или повесить, как только признают, что они виновны. Если эти приказания

выполнят, то я буду надеяться, что принес здесь некоторую пользу".

Сегодня даже самые большие почитатели Нельсона вынуждены признать, что карательные акции в сдавшемся на его милость Неаполе — это самая черная страница в биографии выдающегося адмирала. Британский биограф Нельсона Уолдер так и пишет: "Неаполь выявил самую худшую сторону Нельсона… Нельсон был высшей властью, созвавшей военно-морской суд, утвердившей его решение и отдавшей приказ о казни. Критика в его адрес основывается на неподобающей спешке… Не было никакой нужды в том, чтобы за захватом Карачиолло так быстро последовали трибунал, осуждение и казнь… Восстание закончилось, и не требовалось преподать урок, который бы остановил развитие насилия и неповиновения. И судьям военно-морского суда, и Нельсону, имевшему власть пересмотреть или утвердить приговор, необходимо было время для размышлений. В конечном итоге Нельсон забыл, что он не является агентом-мстителем у Бурбонов, а был флаг-офицером, причем прославленным офицером королевского военно-морского флота короля Георга Третьего".

Но почему всегда бывший столь благородным Нельсон внезапно превратился в жаждущего людской крови карателя? Биограф Карола Оман считала, что этой казнью Нельсон показал всем, что "полон решимости на ярком примере продемонстрировать быстрое наказание, что он в принципе считал основой деятельности хорошего правительства". Говорили английские биографы и о сложном психическом состоянии Нельсона в данный момент, о неком помутнении его рассудка. Однако думается, что отказ от выполнения приказов вышестоящих начальников, как и внезапно проснувшаяся страсть к казням, — всё это две стороны одной медали, имя которой — Эмма. Именно эта, ставшая роковой для Нельсона, женщина пробудила далеко не лучшие качества нашего героя. Именно она, умело играя на его слабостях, сумела сделать из него марионетку в своих руках. Всё это прекрасно понимали современники, а потому дружно ненавидели леди Гамильтон. Но пока Эмма купается в лучах славы, успеха и своей незаменимости в неаполитанских делах, упивается властью и возможностью миловать и карать тысячи людей. Но слава ее иллюзорна, незаменимость временна, а совершенное зло наказуемо. Придет время, и за все это с ней рассчитаются сполна…

Глава пятнадцатая
СКАНДАЛ И ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Всему приходит конец. Вскоре все мятежники и сочувствующие им были казнены, а Карачиолло нашел упокоение на рыбацком кладбище. Леди Гамильтон подустала с танцами на палубе "Фоудройанта". Поутихли и восторги по поводу "блестящего освобождения" Неаполя.

Пришло время раздумий о содеянном, и, возможно, Нельсон понял, что явно преступил порог вседозволенности. Нет, его нисколько не мучила совесть за содеянное в "освобожденном" им городе, его волновала личная судьба. Что касается действий в Неаполе, то по этому поводу у Адмиралтейства никаких нареканий не было. Наоборот, лорд Спенсер неаполитанскими делами командующего Средиземноморской эскадрой остался доволен: "Намерения и мотивы, из которых исходили все Ваши меры, были чистыми и добрыми, а их успех был полным".

Впрочем, слухи о творимых в Неаполе казнях вскоре облетели всю Европу и достигли Англии. Лидер оппозиции Фокс, выступая в палате общин, гневно вещал:

— Я первый указываю парламенту на это вопиющее злоупотребление властью! Подобное нельзя оставлять безнаказанным! Я требую расследования, и пусть виновные совершенных злодеяний будут строго наказаны!

Но оппозиция на то и оппозиция, чтобы искать недостатки у правящей партии, а власть на то и власть, чтобы происки оппозиции не замечать. Возмущение Фокса так и осталось не услышанным.

Но память об английской карательной акции в Неаполе оказалась столь живуча, что деяния Нельсона и его друзей там помнили и через сто лет. Английский историк Карола Оман пишет: "…И через столетие англичане-туристы, посещавшие неаполитанские общественные и частные художественные галереи, со страхом смотрели на портреты представителей знати, придерживавшихся либеральных настроений, и женщин с детскими личиками. О каждом из них рассказывали страшные истории, как они были казнены, когда восемнадцать английских кораблей под командованием Нельсона стояли на якоре в Неаполитанском заливе…"

К этому времени в Неаполь пришла и эскадра адмирала

Ушакова. С появлением в городе русских патрулей стихли последние погромы и прекратились убийства. Ремонтируя потрепанные штормами корабли, Ушаков деятельно готовился к походу на Мальту и штурму Ла-Валлетты. Однако вскоре пришло известие о разрыве русско-английских отношений и немедленном отзыве эскадры в Севастополь. Павел I разочаровался в Англии, а потому решил больше не платить русской кровью за британские интересы. На этом Средиземноморская кампания адмирала Ушакова была завершена.

А вокруг Нельсона уже начал разрастаться скандал из-за невыполнения им приказа адмирала Кейта по отправке части линкоров к Минорке. Этому делу дали в Адмиралтействе должный ход, и Нельсону надо было держать ответ. Последствия этого разбирательства, судя по всему, могли быть нешуточными.

Если до этого Нельсон осмеливался игнорировать лишь те указания своих начальников, что носили чисто рекомендательный характер, то теперь он открыто отказался исполнять конкретный приказ, а это было уже делом подсудным. Теперь все зависело от того, как на произошедшее отреагируют Кейт и Джервис и как на это посмотрят в Адмиралтействе. Впрочем, Нельсон не был столь прост, чтобы сидеть сложа руки и ждать решения своей участи. Надо было действовать, а потому, запершись в салоне, он принялся писать оправдательные письма во все инстанции, чтобы успеть предупредить обвинительные бумаги в свой адрес.

Из письма Нельсона в Адмиралтейство: "Получив приказ в такой момент, мне пришлось поразмыслить, что именно подвергать риску — Менорку или Королевство Неаполя и Сицилии. Я решил рискнуть Меноркой".

Из письма первому лорду Адмиралтейства графу Спенсеру: "Я прекрасно сознаю, какой проступок совершил, но намерения мои были вполне лояльны, и я готов принять все, что повлечет за собой мое неповиновение. Утешусь тем, что я завоевал королевство, вернул трон преданному союзнику моего короля и благополучие миллионам людей… Как только французские сволочи уйдут из королевства, я вышлю к Минорке восемь или девять линейных кораблей".

Забегая вперед следует сказать, что этого своего обещания, данного первому лорду Адмиралтейства, Нельсон так и не выполнит.

Из письма наследному принцу Уильяму: "Прекрасно понимаю, каковы могут быть последствия моего своеволия, но по-

Портрет вице-адмирала Нельсона в полной парадной форме. *Художник А. Фрэнсис*

Командующий российской Средиземноморской эскадрой адмирал Ф.Ф.Ушаков-союзник и конкурент Нельсона

Штурм неприступных фортов острова Корфу кораблями Ф.Ф.Ушакова

Контр-адмирал Сидней Смит — герой обороны Акры и недоброжелатель Нельсона

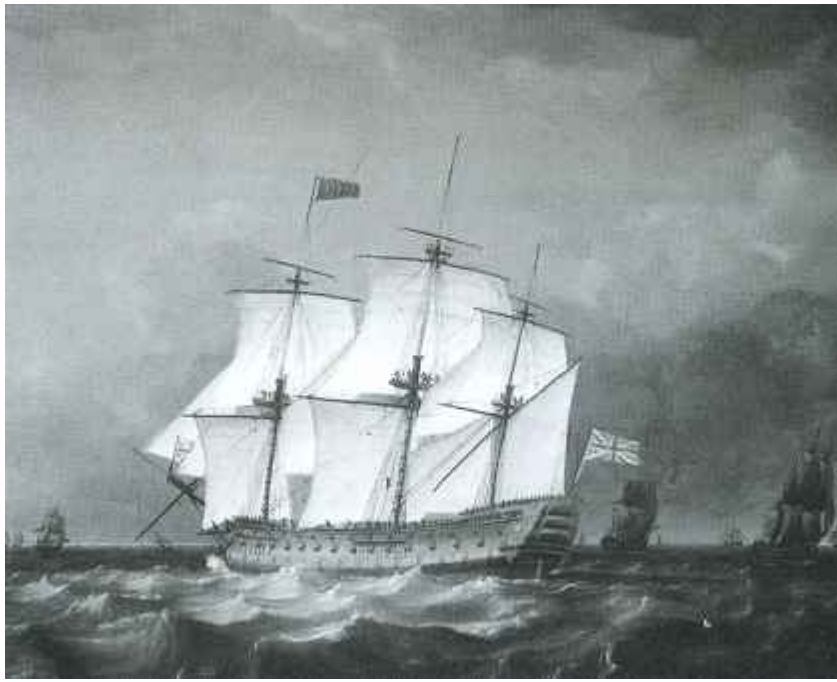
Мальтийские форты в конце XVIII века, так и оставшиеся неприступными для Нельсона

Виконт Нельсон. Гравюра начала XIX в.

Вице-адмирал Хайд Паркер — незадачливый командующий английским флотом на Балтике

Битва при Копенгагене

Лорд Нельсон и Эмма Гамильтон. *Народная картинка*



Флагман Нельсона линейный корабль "Виктори" во время погони за французским флотом в Атлантике. *Художник М. Свэинс*

Командующий Французским флотом при Трафальгаре адмирал Пьер Вильнев

Лорд Нельсон. Раздумья перед Трафальгаром

Вице-адмирал Коллингвуд — младший флагман Нельсона в Трафальгарском сражении

Командир "Виктори" Томас Харди. *Художник Д. Пэллендж*

Воспитанник Нельсона капитан Берри. Во время Трафальгара командовал кораблем "Агамемнон". *Художник Д.* Кэплей

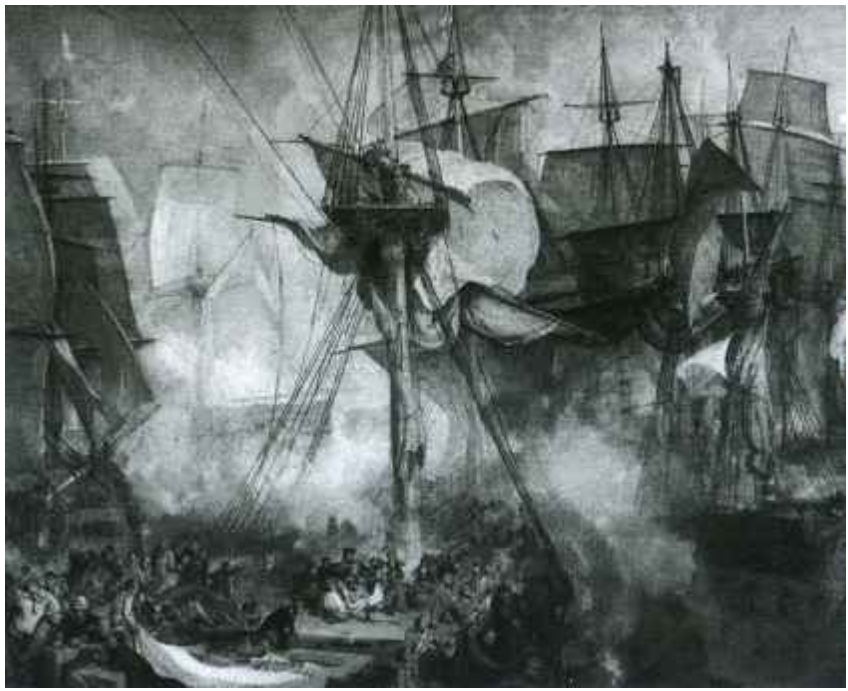
Трафальгар. Ближний бой

Эпизод Трафальгара. Британские корабли прорезают французскую боевую колонну

Лорд Нельсон на шканцах "Виктори". Рядом командир корабля Томас Харди. *Художник А. Томас*

Сраженный пулей Нельсон падает на палубу

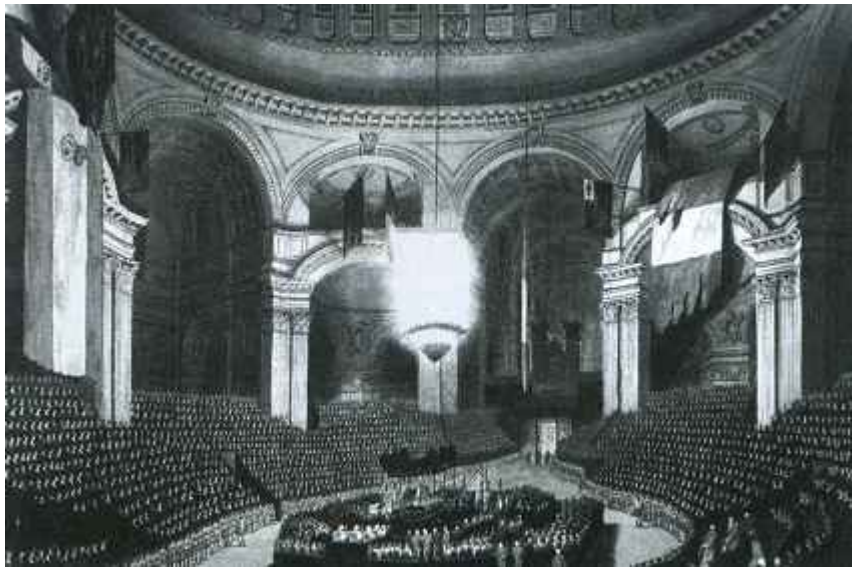
Смертельно раненный Нельсон в корабельном лазарете



Апогей Трафальгарского сражения. Абордажный бой. Вид с палубы "Виктори". *Художник Д. М. Ушльям*

Победный финал Трафальгара. Триумф, до которого Нельсон так и не дожил. *Художник В. Вимэ*

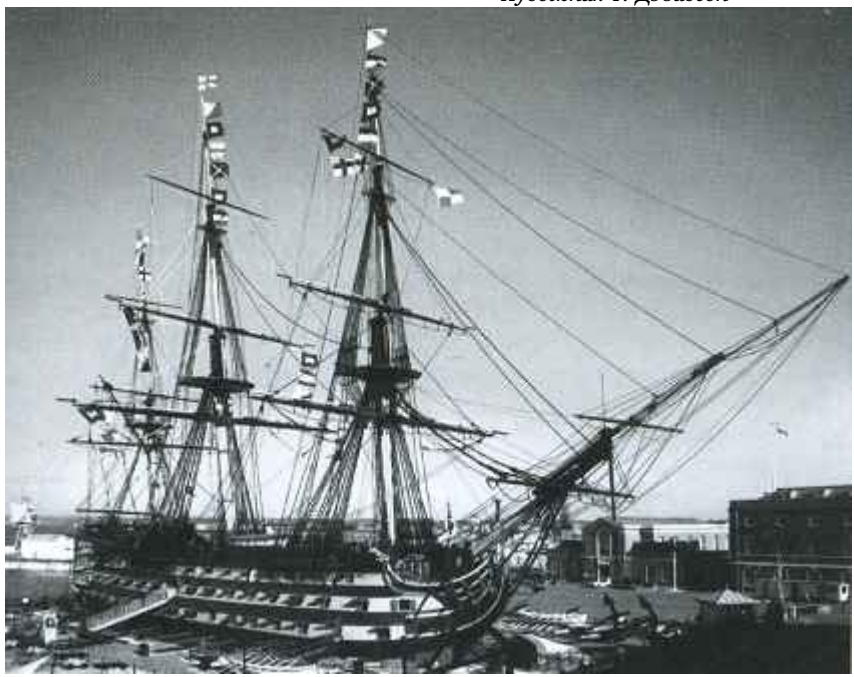
Похороны лорда Нельсона. *Художник А. Пэйджен*



Отпевание лорда Нельсона в соборе Святого Павла. *Художник А. Пэйджен*

Надгробие на могиле Нельсона

Воспитание юных моряков на образе Нельсона. *Художник Т. Дэвидсон*



Флагманский корабль лорда Нельсона при Трафальгаре сегодня в сухом доке лондонского порта. *Фото В.Овчинникова*

Дух Нельсона благославляет английский флот. *Плакат времен Первой мировой войны*

Трафальгарская площадь в Лондоне, увенчанная Колонной Нельсона

скольку я раньше часто рисковал жизнью за правое дело, я с радостью сделал это и сейчас. И если даже военный трибунал сочтет этот поступок преступлением, весь мир одобрит его; я не думаю о собственной жизни, когда на карту поставлена честь моего короля. Главным приказом я считаю служение моему

королю и разгром французов, из него проистекают второстепенные приказы, и, если один из этих второстепенных мешает главному (а тем, кто судит издали, это непонятно), я возвращаюсь к главному приказу и подчиняюсь главной цели: смерть, смерть, смерть проклятым французским злодеям… Простите, что я так распалился, моя кровь кипит при слове "француз"".

Нельсону повезло, так как французы в самый последний момент отменили свое нападение на Минорку. В противном случае лорду Кейту пришлось бы встретиться со всем французским флотом и успех англичанам вряд ли бы сопутствовал. И тогда Нельсона ждал бы неминуемый суд, к чему он в общем-то и готовился.

Кроме этого, Адмиралтейство, а за ним и Сент-Винсент указали Нельсону на то, что, направив всю свою эскадру для оказания помощи сторонникам короля в Италии, он поступил безграмотно. Учитывая полное господство британского флота на море, для этой задачи вполне хватило бы двух-трех кораблей. Нельсон этого внушения не воспринял.

— Моя уверенность в собственных действиях не поколеблена, и я не могу найти в них ни одного изъяна! — гордо заявлял он.

Главнокомандующий средиземноморским флотом адмирал Джервис ограничился лишь письменным внушением, а его заместитель лорд Кейт излил свое негодование в коротком письме своей сестре:

"Получил послание от лорда Нельсона из Неаполя. Его отношения с леди Гамильтон и тщеславие дошли до абсурда. Хотелось бы, чтобы он отбыл домой и она тоже".

Поняв, что всё и на этот раз обошлось, Нельсон возобновляет праздники, тем более что приближается 1 августа — первая годовщина его победы при Абукире.

Из письма Нельсона жене: "Король обедал со мной, и, когда Его Величество пил за мое здоровье, на его боевых судах прогремел салют из двадцати одного орудия, им вторил салют из всех замков на берегу. Вечером все вокруг было иллюминировано, среди других зрелищ было такое: большой корабль изображал римскую галеру, на его веслах были укреплены лампы, а в центре сооружена ростральная колонна с моим именем; на корме были укреплены два ангела, поддерживающих мой портрет. Короче, дорогая Фанни, я не в силах описать всю эту красоту. По всему кораблю развесили больше двухсот различных фонарей, музыканты оркестра и певцы были из самых лучших. Исполняли произведение, которое воспевало меня и описывало их прежние страдания: "Пришел Нельсон, непобедимый Нельсон, и мы

остались живы, мы снова счастливы!""

Король Фердинанд обдумывал, как ему достойнее вознаградить Нельсона за "освобождение" Неаполя. Чтобы король не слишком напрягался, ему все доходчиво втолковала Эмма, прекрасно изучившая слабости и пристрастия своего возлюбленного. По ее совету Фердинанд присвоил Нельсону титул герцога Бронте. Умная Эмма знала, что посоветовать: ведь вместе с титулом контр-адмирал получал приличное имение на Сицилии неподалеку от Этны, приносящее ежегодно более трех тысяч фунтов дохода.

Нельсон поначалу дипломатично отказывался от титула, но затем позволил себя уговорить. Тогда же ему вручили и орден Полумесяца от султана. К ордену полагалась еще усыпанная бриллиантами звезда. Теперь Нельсон везде появлялся, усыпанный наградами, словно рождественская елка. На шитом золотом парадном мундире рядом с турецкой звездой красовались орден Бани и золотые медали за Сент-Винсент и Абукир. Особенно нравилась Нельсону турецкая звезда, потому что своими размерами она затмевала остальные награды. Демонстрируя ее друзьям и знакомым, контр-адмирал неизменно повторял:

— Я горжусь тем, что в Константинополе все, от султана до последнего нищего, знают мое имя и все как один благодарны мне за мой подвиг!

Лорд Кейт с иронией и сарказмом писал о новом увлечении Нельсона: "Он являет собой самую нелепую фигуру в смысле тупости и тщеславия… Он весь увешан звездами, медалями и лентами и скорее похож на оперного певца, чем на завоевателя Нила. Грустно видеть, что этот храбрый и порядочный человек, любимец родины, выглядит столь жалко…"

Тем временем, так ни разу не ступив на землю Неаполя, Фердинанд вернулся на английском корабле обратно в Палермо. Вместе с ним удалились, сделав свое черное дело, и Гамильтоны.

* * *

Пока Нельсон, забыв обо всем на свете, усмирял Неаполь, французский флот вырвался из Тулона и, пройдя Гибралтар, растворился в просторах Северной Атлантики. Англичане предполагали, что скорее всего французы попробуют прорваться в свой основной атлантический порт Брест, а потому туда была в спешном порядке послана эскадра лорда Кейта. На время его отсутствия адмирал Джервис определил Нельсона старшим

британским морским начальником в Средиземном море.

Теперь главной задачей Нельсона была блокада захваченной французами Мальты. Отправляясь в очередной поход к острову, Нельсон пригласил "прокатиться" с собой и чету Гамильтонов. Для Эммы был произведен обстрел крепости, французы, разумеется, отвечали, а Эмма была в полнейшем восторге: ради ее удовольствия разыгралось самое настоящее сражение. Впрочем, обстрел Ла-Валлетты никакого результата не дал, и Нельсон ни с чем вернулся в Палермо.

Главнокомандующий настоятельно советовал ему использовать для базирования своей эскадры наиболее близкие к Мальте порты: Сиракузы или Мессину. Но Нельсон предпочел остановить свой выбор на дорогом его сердцу Палермо. Почему? Разумеется, потому, что там была Эмма. Тем более что неутомимая леди Гамильтон готовила в честь своего героя еще один грандиозный праздник, на этот раз… в честь годовщины получения известия о победе при Абукире.

В парке королевского дворца был устроен фейерверк, в специально выстроенном "греческом храме" установили восковые фигуры трех основных героев: Нельсона, сэра Гамильтона и конечно же самой леди Гамильтон; хор исполнял специально сочиненную по этому случаю кантату:

Да здравствует герой Британии,
Да здравствует великий Нельсон,
Он отвел от нас все невзгоды,
Он помог обрести свободу…

В довершение всего король Фердинанд решил учредить в честь Нельсона персональный орден, названный орденом Святого Фердинанда, которым сразу же и наградил английского контр-адмирала.

В самом конце 1799 года покинула Неаполь эскадра адмирала Ушакова. Ее курс был проложен на Мальту.

— Англичане блокируют остров без всякого толку вот уже полгода! — объявил своим капитанам Федор Ушаков. — Пора уже взять Мальту штурмом, как и Корфу!

На корабли были посажены три отборных гренадерских батальона, которым предназначалось стать российским гарнизоном Ла-Валлетты. Зная характер Ушакова и доблесть моряков-черноморцев, можно было не сомневаться, что именно так все и будет. Но россиянам не суждено было поднять свой флаг над древними фортами. В самый последний момент император Павел I разобиделся на англичан за их неискренность

и бесконечные мелкие пакости.

— Коли так, — сказал он, — пусть король аглицкий против якобинцев сам и воюет!

Немедленно последовал приказ о возвращении всех российских кораблей на Корфу, а в октябре 1800 года эскадра адмирала Ушакова бросила свои якоря в Севастопольской бухте.

Удивительно, но, находясь в чрезвычайно тяжелом положении, английские политики сделали все возможное и даже невозможное, чтобы отвратить Россию от союза с Англией и снова оставить ее один на один с Францией…

* * *

Пока Нельсон пребывал в объятиях голубоглазой красавицы, Бонапарт бежал из Египта, бросив там на произвол судьбы свою армию, беспрепятственно пересек Средиземное море под самым носом у отдыхающего в Палермо контр-адмирала и неожиданно для всех высадился во Франции. В Париже его встречали как победителя. Франции так нужен был герой! Вскоре последовал государственный переворот, и бравый генерал Бонапарт стал Первым консулом республики.

Говорят, узнав об этом, Нельсон желчно заметил:

— А я думал, что его труп давно гниет в пустыне!

В начале 1800 года после неудачной погони за французским флотом по Атлантике вернулся в Ливорно со своей потрепанной эскадрой лорд Кейт. Рассерженный тем, что Нельсон до сих пор безвылазно торчит в Палермо, он велел ему немедленно прибыть к нему. Контр-адмиралу ничего не оставалось, как подчиниться. Между двумя флагманами средиземноморского флота состоялся весьма нелицеприятный разговор.

— Доложите, что вами сделано за время моего отсутствия! — вопросил лорд Кейт.

— Я блокировал Мальту!

— Находясь в Палермо?!

— Какая разница, где я находился!

— К сожалению, большая, и мне очень жаль, что командующий эскадрой этого не понимает или попросту не хочет понять!

После разговора, во время которого, как впоследствии признавался он сам, Кейт "щелкал кнутом", чтобы вывести наконец Нельсона из состояния вечного праздника, оба адмирала отправились в Палермо. Вице-адмирал Кейт желал убедиться в боеспособности стоящих там кораблей.

Королевская чета приняла старшего средиземноморского флагмана подчеркнуто холодно, давая понять, что он никто по сравнению с их любимцем. Весьма надменно вели себя с Кейтом и Гамильтоны, в особенности Эмма, которая в каждой фразе подчеркивала гениальность своего возлюбленного и ничтожность его начальника. Кейт, разумеется, был возмущен. Нельсон, понимая всю нелепость ситуации, пытался по возможности сгладить бестактность своих друзей, но это ему удавалось далеко не всегда.

По этой причине долго задерживаться в Палермо Кейт был не намерен. Вскоре он вывел под своим началом эскадру Нельсона в море, чтобы усилить блокаду Мальты. На переходе внезапно был обнаружен одинокий линейный корабль. Это был 74-пушечный "Женере", один из двух французских линкоров, спасшихся при Абукире. На сей раз "Женере" чудом вырвался из осажденного российским адмиралом Ушаковым Корфу, но далеко уйти ему не удалось. Не дожидаясь приказа Кейта, Нельсон с несколькими кораблями самовольно вышел из строя и погнался за французом. Спустя несколько часов погони "Женере" был настигнут, обстрелян, окружен и спустил флаг. Доклад контр-адмирала об очередной удаче Кейт выслушал в полном молчании: ведь несмотря на успех, Нельсон вновь поступил самовольно.

Оглядев укрепления Мальты и проверив надежность блокады, Кейт велел Нельсону оставаться у берегов острова, а сам поспешил к Генуе, чтобы помочь австрийской армии, окружившей этот город.

Терпения Нельсона хватило всего на несколько недель. Он затосковал по Эмме и, притворившись больным, вернулся в милый его сердцу Палермо. Оставив "больного" командующего на попечение жены посла, "Фоудройант" на обратном пути перехватил французский 84-пушечный линкор "Вильгельм Телль", последний из французских кораблей, уцелевших при Абукире. После долгого и кровопролитного боя "Вильгельм Телль" был взят на абордаж. Эта достаточно случайная, но весьма эффектная победа заставила замолчать недругов Нельсона в Адмиралтействе, в последнее время вовсю критиковавших (и зачастую вполне справедливо) действия героя Абукира.

Что касается Нельсона, то леди Гамильтон тут же устроила ему еще один праздник, на этот раз уже по случаю захвата французского линкора. Увы, как оказалось, этот праздник был последним. Уайтхолл не простил Гамильтону его пронеаполитанской позиции и пренебрежения английскими интересами. Некоторое время в министерстве иностранных дел выжидали, но, когда напряжение вокруг Неаполя немного спало,

тотчас последовала расправа. Сэр Уильям был отправлен в отставку. Причем старый дипломат узнал об этом только от своего преемника, который прибыл в Палермо. Новость оказалась для Гамильтона столь ошеломляющей, что он слег. Помочь же сэру Уильяму не мог ни король Фердинанд, ни Нельсон. Уайтхолл не посчитался бы ни с первым, ни со вторым. Эмма была в отчаянии: кто знает, как сложится теперь ее жизнь, ведь ей придется уехать в Англию и скучать там со стариком Гамильтоном, а Нельсон останется здесь, и вдруг ее героя подхватит какая-нибудь местная красотка?

Чтобы поддержать убитых горем Гамильтонов, Нельсон решает организовать для них необычное развлечение. Он забирает их к себе на "Фоудройант", который сразу же берет курс к порядком надоевшей ему Мальте. На палубе все время играет оркестр, лакеи разносят вино и закуски. Эмме обещано участие в настоящем морском сражении, и она радуется этой возможности. Подойдя к Ла-Валлетте, "Фоудройант" открывает огонь. Береговые батареи немедленно отвечают тем же. Эмма в восторге, но вскоре устает от грохота и порохового дыма. Нельсон немедленно прекращает бой и берет курс на Сицилию. Там он вместе с Гамильтонами посещает свое новоприобретенное поместье Бронте.

Тем временем вице-адмирал Кейт продолжает осаду Генуи, его корабли постоянно участвуют в боевых стычках. Кроме этого, прошел слух, что Бонапарт собрал большую армию и собирается вторгнуться в Северную Италию через Альпы.

— Я понимаю, что Нельсон герой, но разве можно устраивать из войны посмешище, развлекаться и танцевать, когда твои боевые товарищи сражаются! — возмущается Кейт и просит лорда Спенсера отозвать Нельсона в Англию, а вместо него прислать менее знаменитого, но более дисциплинированного флагмана.

Кейта можно понять, ведь у него полным-полно забот и без нельсоновских капризов. Он хотел бы направить Нельсона на блокаду французского флота к Бресту, но заранее знает, что тот никогда и никуда не тронется с места без Гамильтонов. Даже Мальтой герой Абукира перестал интересоваться совершенно и поддерживает ее блокаду чисто формально. Весь гнев Кейта виден в его письмах: "Насколько я понимаю, Мальта может продержаться еще три-четыре месяца, если, конечно, леди Гамильтон не примет решения взять ее штурмом".

Первый лорд, несмотря на свою симпатию к Нельсону, понимает, что требования Кейта справедливы. В очередном письме Нельсону лорд Спенсер намекает ему, что сейчас самое

время для возвращения в Англию, тем более что причина отзыва весьма существенная: его плохое здоровье. Но Нельсон делает вид, что намека не понимает. Зачем ему Англия, где ждет уже нелюбимая и скучная Фанни, когда здесь есть любимая и веселая Эмма? Нельсон и Гамильтоны рассуждают о том, что неплохо было бы, если бы отставной дипломат остался в Палермо как частное лицо. Для Нельсона и Эммы это самый лучший выход из создавшейся ситуации. Сэр Уильям вздыхает, но куда ему деваться!

Однако и лорд Спенсер не привык повторять дважды: "У меня нет ни желания, ни намерения отзывать Вас со службы, однако по причине своего нездоровья Вы должны покинуть Ваш пост у Мальты. Я полагаю, Вы не сделали бы этого без особой необходимости. Но мне кажется, что Вам лучше немедленно вернуться домой, чем оставаться бездеятельным в Палермо, в то время как в других местах идут военные действия. Я думаю, все Ваши друзья согласятся с тем, что Вы вернете себе здоровье и силы в Англии гораздо быстрее, чем теряя время в чужом королевском дворе — как бы ни были приятны почести, которые Вам оказывают за Ваши заслуги".

После этого письма Нельсон понимает, что его служба на Средиземном море завершена. Дело в том, что из-за тяжелой болезни недавно был вынужден покинуть свой пост граф Сент-Винсент. Сразу встал вопрос о преемнике. Нельсон считал, что как герой Абукира имеет все права стать главнокомандующим атлантическим флотом. Для него это был бы огромный прыжок в карьере, ведь по штату военного времени во главе флота должен был стоять полный адмирал. Однако лорды Адмиралтейства после долгих дебатов пришли к выводу, что Нельсон как главнокомандующий вряд ли сможет без влияния леди Гамильтон самостоятельно принять хоть какое-то решение, а поэтому все действия флота в конце концов сведутся к отстаиванию неаполитанских интересов. Опасение внушало и здоровье Нельсона, на которое тот жаловался почти в каждом письме (особенно если служебные дела обстояли не слишком хорошо). Именно поэтому Адмиралтейство приняло решение о назначении на эту престижнейшую из должностей в британском флоте не агрессивного и талантливого Нельсона, а трудолюбивого и дисциплинированного Кейта. Впрочем, Кейт был впереди Нельсона по старшинству и формально придраться к его назначению было нельзя.

После всего этого Нельсону ничего не оставалось, как сдавать дела и уезжать в Англию, причем чем быстрее, тем лучше. Но и здесь Нельсон остался верен себе. Он снова просит

Адмиралтейство предоставить для его (и четы Гамильтонов, разумеется) переезда линейный корабль. Разумеется, Адмиралтейство ответило решительным отказом.

Нельсон обиделся. Он искренне считал, что его заслуги стоят того, чтобы к нему относились не так, как ко всем другим. Леди Гамильтон утешала и говорила, что если обстоятельства складываются таким образом, то им лучше всего отправиться в Англию сухопутным путем через Европу. Они бы сопровождали королеву Марию Каролину, которая решила нанести визит своим родственникам в Вене. Таким образом, леди Гамильтон рассчитывала продолжить прославление Нельсона, но уже по всей материковой Европе.

— Я превращу для тебя эту поездку в сплошной триумф! Пусть все увидят героя Нила! — говорила она своему Горацио. — Поверь, это будут самые счастливые дни твоей жизни!

Будущее влюбленных, однако, не представлялось безоблачным. Нельсон не мог не понимать, что своей связью с Эммой ставит под удар свою репутацию и карьеру. Эмма также не могла не понимать, что связь с Нельсоном грозит перечеркнуть все, чего она с таким трудом добилась в своей жизни. Не был для обоих выходом из создавшегося положения и развод, ибо во времена Георга III отношение к разводу было в Англии самое отрицательное.

Исследователь жизни Нельсона В. Трухановский пишет: "В самом конце восемнадцатого века положение с разводами в Англии осложнилось. В 1798 году палата лордов унифицировала многочисленные юридические положения и установления, регулирующие эту область семейных отношений. Теперь процедура развода предусматривала три стадии: сперва требовалось получить положительное решение специального церковного суда; затем муж, если он хотел вновь вступить в брак, должен был обратиться в палату лордов, которая в случае своего согласия принимала специальный билль о разводе, и, наконец, после всех этих процедур выносил свое решение обычный суд. Таким образом, развод мог быть осуществлен лишь актом парламента, то есть практически невозможен".

Однако человек всегда надеется на лучшее, а потому и Нельсон не терял надежды, что все как-нибудь разрешится. Вместе с четой Гамильтонов он переходит на своем "Фоудройанте" из Палермо в Ливорно. Там их уже ждет королева Мария Каролина. В день прибытия английского линейного корабля по городу разносится новость, что австрийская армия разгромила генерала Бонапарта в битве при Маренго. Королева приглашает гостей в театр, где из ложи кричит ликующей толпе

свои приверженцев:

— Смерть Бонапарту!

Однако уже утром приходит новое ошеломляющее известие: оказывается, при Маренго были разгромлены не французы, а австрийцы. Мгновенно в городе начались волнения. Республиканцы восстали и захватили городской арсенал. К городу двинулись и французы.

13 июля Нельсон спустил свой флаг на "Фоудройанте". Матросы флагманского корабля заявили, что готовы служить под началом Нельсона где бы он ни приказал. В последний раз обойдя строй и попрощавшись с каждым членом команды, Нельсон покинул свою эскадру. Закончился еще один этап жизни нашего героя.

* * *

Отъезжая, Нельсон решил хотя бы формально примириться с Кейтом и послал ему письмо, что намерен вместе с Марией Каролиной и Гамильтонами заехать к нему в Ливорно. От этого письма вице-адмирал пришел в ужас. Он был обеспокоен тем, что придется принимать королеву, и к тому же не питал уважения к Гамильтонам и не желал, чтобы его имя хоть как-то было связано с ними. Кейт в ответ написал, что никак не сможет принять путешественников ввиду своей занятости и сложного военного положения, которое может обернуться неприятностями для гостей. Но пока письмо доставляли попутным судном в Палермо, Нельсон с Марией Каролиной и Гамильтонами уже выехал оттуда.

Посещение Ливорно, как и предполагал вице-адмирал Кейт, не обошлось без инцидента. Вот что пишет биограф Нельсона Г. Эджингтон: "Бонапарт только что одержал победу при Маренго, благодаря которой завладел Северной Италией. Его войска были в Лукке, всего лишь в тридцати милях от Ливорно, откуда готовились выехать Нельсон, Мария Каролина с придворными и супруги Гамильтон. Жители области Тоскана желали видеть Нельсона своим полководцем, который поведет их на борьбу с оккупантами, и пытались воспрепятствовать его отъезду. Понимая, что он не покинет Ливорно без Марии Каролины, они решили похитить ее. Уличная толпа окружила королевский дворец, и только Эмма смогла с ней справиться. Она произнесла с балкона пламенную речь и внушила "добровольцам", что Нельсон возглавит их борьбу только при условии, что они вернут оружие в арсенал. После чего путешественникам, заполнившим 17 карет,

пришлось выехать из Ливорно крадучись, глубокой ночью. Чету Гамильтонов сопровождала свита из семнадцати человек. Нельсон же довольствовался двумя слугами.

Лорд Кейт, недовольный тем, что Нельсон брал "для королевских нужд" корабли, предназначенные для блокады Мальты, облегченно вздохнул после их отъезда".

Поездка была опасной. Между Ливорно и Флоренцией путешественники разминулись с французскими дозорами всего на каких-то две мили, причем в самый ответственный момент перевернулась карета, в которой ехали Гамильтоны и Нельсон. Пока меняли сломанное колесо, Нельсон стоял на страже, вооруженный двумя пистолетами. Но обошлось. В анконском порту Марию Каролину ждал австрийский фрегат. Однако и здесь оказалось не все ладно. За несколько дней до приезда путешественников команда фрегата, набранная из портового сброда, взбунтовалась из-за задержки жалованья и офицеры, боясь вооруженного мятежа, сняли с судна все пушки. Нельсон уговаривал королеву все равно плыть, но Мария Каролина отказалась наотрез и, как оказалось, правильно. Едва судно вышло из Анконы, как было немедленно захвачено поджидавшими ее французами. Выстроив команду, французы долго искали королеву и Нельсона. Но те, к счастью, остались на берегу.

До Триеста Нельсон и его спутники добрались на борту российского фрегата "Казанская Богородица", любезно предоставленного Ушаковым. Из Триеста уже в поджидавших их каретах покатили в Вену. Народ по пути встречал ехавших радостными приветствиями. Кто-то пустил слух, что едет одноглазый и однорукий англичанин, который чуть было не поймал Бонапарта и снова грозится его поймать. Это очень нравилось австрийцам, и они кричали Нельсону, чтобы он поскорее поймал ненавистного корсиканца. В Вене прибывших встречал весь королевский двор и английский посол в Австрийской империи лорд Минто. Супруга посла леди Минто вспоминала позднее о приезде Нельсона в Вену: "Вы не представляете, какое любопытство и желание видеть его возбуждает Нельсон. У входа в дом всегда толпятся люди; они ждут на улице, если его карета стоит у парадного; когда он появляется в театре, ему аплодируют, а такое здесь редко бывает. То же самое происходит, когда он куда-то едет; простые люди подносят детей, чтобы они прикоснулись к адмиралу. Одного ребенка Нельсон взял на руки, а когда отдал его матери, та заплакала от радости и сказала, что теперь он будет счастливым всю жизнь… Он так предан Эмме; он считает ее ангелом и

говорит ей об этом прямо в лицо, а также и за глаза… Она неразлучна с ним, как цыган с медведем; она обязательно сидит рядом за обедом и разрезает ему мясо, а он носит в кармане ее носовой платок".

Нельсон и Эмма хотели побыстрее покинуть Вену, но тут некстати расхворался старый Гамильтон. Пока королевские врачи ставили бывшего дипломата на ноги, влюбленные веселились, посещали всевозможные приемы, балы и концерты. Вот впечатление от этой пары, оставшееся у венского аристократа Франца Колленбаха: "Леди Гамильтон привезла к нам свою собственную моду, а также и ту, что видела в чужих краях. Говорят, что это от нее пришли к нам легкие прозрачные туники, не скрывающие ничего от любителей прекрасного пола. После остановки в Вене эта дама уехала и увезла с собой Нельсона — самого знаменитого в коллекции покоренных ею сердец. Я часто бывал в обществе этой странной пары; леди Гамильтон говорила без умолку, пела, смеялась, жестикулировала и гримасничала, и в это время "любимый сын Нептуна" был рядом с ней, как тень. Он все время искал взгляда огромных очей своей возлюбленной и при этом был неподвижен и нем, как статуя. Он стеснялся своей невзрачной фигуры и многочисленных орденов, лент и крестов, которыми был увешан. Словом, "повелитель Нила" был столь же неуклюж и неярок на земле, сколь был искусен и знаменит на море".

В Вене Нельсона догнало известие о падении Мальты, которое произошло 25 августа 1800 года. Ни штурма, ни бомбардировки не было. Измученный голодом и лишениями французский гарнизон сложил оружие. В первой же пришедшей из Лондона бумаге было велено строго-настрого не пускать к острову ни российские корабли, ни российских солдат для гарнизона. Сожалел ли Нельсон, что не успел приписать себе еще одну победу? Думается, что сожалел. В те дни он то и дело повторял:

— Когда я приеду домой, то все увидят изношенного старого человека!

Наконец сэру Уильяму стало лучше и вся троица покинула Вену, отправившись в Прагу. Столицу Чехии путешественники посетили в день рождения Нельсона, и город был иллюминирован в его честь. Затем была остановка в Дрездене, где леди Гамильтон позировала известному немецкому художнику Иоганну Шмидту. Шмидт записал свои впечатления, и для нас оценка внешности Нельсона известным художником очень интересна: "Нельсон — самый незначительный с виду человек, какого я когда-либо встречал, это горсть костей и высохшее тело; он, видимо, весит не

более семидесяти фунтов. Правда, лицо его — крупный нос, твердый взгляд и общая значительность — до некоторой степени выдает великого завоевателя. Он мало говорит и почти не улыбается; я не сомневаюсь в его способностях, но невольно удивляет эта хрупкая фигура, хотя, конечно, нет прямой зависимости между ней и великой душой. Нельсон с головы до пят покрыт орденами и звездами. Леди Гамильтон обращается с ним как любящая сестра, она водит за руку, что-то шепчет на ухо, и в ответ его губы складываются в слабое подобие улыбки. Она не пытается покорять сердца — они уже и так покорены".

А вот характеристика Нельсона и Эммы некой миссис Сент-Джордж, англичанки, проживавшей в то время в Дрездене. Здесь уже виден взгляд настоящей женщины, подмечающий все достоинства и недостатки соперницы: "Ясно, что лорд Нельсон думает только о леди Гамильтон, а она целиком и полностью занята им. Это смелая, развязная, грубая и тщеславная дама. Роста она огромного, но сложена хорошо, если не замечать уродливых ступней ног. Она ширококостная и слишком полна, вообще напоминает статую Ариадны, черты лица тонкие, форма головы тоже красива, особенно хороши уши; зубы слегка неровные, но достаточно белые. Глаза у леди Гамильтон голубые, с коричневым пятнышком на одном из них, но этот дефект не лишает их красоты и выразительности. Речь ее очень экспрессивна, разнообразна и интересна. Движения, как правило, неграциозны, голос громкий, но его нельзя назвать неприятным. Лорд Нельсон держится без всякого достоинства, леди Гамильтон полностью им владеет, а он с удовольствием подчиняется, это самый покорный и преданный "пленник" из всех, мной виденных".

Что касается сэра Гамильтона, то относительно его миссис Сент-Джордж была весьма категорична: "Старый, слабый, сплошное восхищение своей женой, сегодня он открывал рот лишь затем, чтобы ее превозносить… После обеда мы исполняли песни, написанные в честь лорда Нельсона. Их сочиняла мисс Найт, а пела леди Гамильтон. Она, можно сказать, курит Нельсону фимиам прямо в лицо, а он с удовольствием вдыхает его всей грудью".

Пребывание в Саксонии омрачилось еще и тем, что при тамошнем дворе были рады принять Нельсона, но не пожелали видеть Эмму Гамильтон. Но Эмму это не слишком расстроило: в своей жизни она видывала и не такое!

Г. Эджингтон пишет: "В Магдебурге Эмма с удовольствием показывала Нельсона толпам на улице, словно экспонат. Она даже приглашала знакомых смотреть, как он одевается перед визитом во дворец, облачаясь в парадный мундир со всеми

наградами. В те дни, когда они обедали в отеле, хозяин позволял другим постояльцам (за плату, конечно) влезать на лестницу и смотреть в форточку, как Эмма кормит Нельсона.

Во время путешествия денег не экономили. Когда же по прибытии в Англию подсчитали расходы за время проезда по Европе, то оказалось, что Нельсон с Гамильтонами растратили более трех тысяч фунтов стерлингов. Целое состояние!

В конце путешествия Нельсон просил, чтобы фрегат королевского флота встретил его и его друзей в порту Гамбурга. Но король Георг III отказал ему в этой просьбе. Он был одним из тех, кого особенно раздражало "неприличное" поведение адмирала. Нельсон и супруги Гамильтон были вынуждены вернуться в Англию как обычные пассажиры".

Глава шестнадцатая
ДЕЛА СЕРДЕЧНЫЕ, ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Пассажирский пакетбот "Кинг Джордж" доставил Нельсона и чету Гамильтонов в ярмутский порт. Произошло это событие 6 ноября 1800 года. После трехлетнего отсутствия Нельсон вернулся на родную землю. Его по-прежнему осеняла слава победителя французов, ибо с момента победы на Ниле у английского флота более не было столь громких успехов. Однако в глазах официального Лондона его слава сильно потускнела из-за скандальных отношений с леди Гамильтон, из-за преступно-халатного поведения в последние месяцы службы на Средиземном море и излишне услужливого отношения к неаполитанскому двору. В этом тоже все, от лордов Адмиралтейства до великосветских дам, винили прежде всего Эмму Гамильтон, а потому если сам Нельсон еще мог рассчитывать на какое-то понимание, то перед супругой отставного дипломата была возведена стена всеобщей ненависти.

Что касается народных масс, то для них Нельсон оставался прежде всего настоящим героем и любимцем, который после кровавых боев и перенесенных лишений вернулся домой, чтобы залечить свои многочисленные раны. Все столичные газеты в те дни были полны сплетен о Нельсоне и леди Гамильтон.

Из публикации в газете "Морнинг пост": "Из всех семян, высланных Нельсоном домой за последнее время, были лишь семена ядовитого растения, собранные в Неаполе… Нам сообщили, что придворный художник в Германии пишет портреты леди Гамильтон и лорда Нельсона, причем рядом и в полный рост. Ирландский корреспондент надеется, что художник хотя бы ради приличия поместит между ними сэра Уильяма".

Из статьи в "Морнинг кроникл": "Из газет известно, что некая леди покорила в Вене много сердец. А мы знаем, какое пламя она разожгла в Неаполе".

Но если газетные сплетни вызывали нездоровый интерес в средних кругах, то простой народ был от романа Нельсона со вчерашней уличной девкой просто в восторге.

— Вот ведь он какой, — говорили между собой отставные матросы и прачки, — не погнушался женщины из самых низов! Что ему баронессы и графини, для него ведь главное любовь! Вот что значит настоящий герой!

Едва в Ярмуте Нельсон сошел на берег, как разом по всему городу зазвонили колокола, толпы людей высыпали на улицы,

чтобы приветствовать своего кумира. Матросы и рыбаки выпрягли лошадей из поданной Нельсону и Гамильтонам кареты и сами довезли почетного гостя до гостиницы. В честь прибывшего был устроен военный парад, всюду гремела музыка, вечером город был иллюминирован, гремели салюты. Местные власти наносили визиты вежливости. Не без труда Нельсон выкроил несколько минут, чтобы написать записку в Адмиралтейство о своем прибытии и готовности приступить к службе, когда это потребуется.

Тогда же Нельсон стал почетным гражданином Ярмута. Когда он произносил клятву на Библии, священник, увидев, что он держит книгу в левой руке, прошептал ему:

— Возьмите ее в правую руку, как полагается по ритуалу, милорд!

На что Нельсон прошептал ему в ответ:

— Искренне сожалею, но никак не могу этого сделать!

Поняв, в чем дело, священник покраснел и продолжил церемонию. Отслужили благодарственный молебен, органист сыграл специально сочиненную кантату "Встречайте героя".

Стоило Нельсону показаться на улице, как его немедленно окружали восторженные толпы, не давая ступить и шагу. Рядом с героем Абукира неизменно шествовала леди Гамильтон и с удовольствием разделяла со своим любимым бремя славы. Подчеркивая перед всеми свои особые отношения с Нельсоном, Эмма неизменно появлялась в муслиновом платье, расшитом словами "Нельсон" и "Бронте". Здесь же, в Ярмуте, Эмма призналась Нельсону, что ждет от него ребенка. Там же Нельсон написал письмо в Адмиралтейство: "Надеюсь, мое вынужденное сухопутное путешествие по Европе не будет воспринято как желание отказаться от службы даже на короткое время".

Конечно, Нельсон понимал всю двусмысленность своего положения. Знал он и о недовольстве лордов его поведением на Средиземном море и его длительным вояжем по Европе в разгар боевых действий, кроме этого ему никак не хотелось встречаться со своей женой и тем более проводить с ней отпуск. Он хотел бы остаться вместе с Эммой, но коль в создавшихся условиях это сделать было весьма трудно, то наилучшим выходом для него было бы новое назначение.

В короткой записке, отосланной в Ипсвич Фанни, он просил ее через два дня принять его с четой Гамильтонов. Однако когда Нельсон с Эммой и сэром Уильямом приехали в Ипсвич, то нашли дом с закрытыми ставнями. Дело в том, что Нельсон совершенно забыл, что просил жену ждать его не в Ипсвиче, а в Лондоне. Пришлось ехать дальше. Однако нет худа без добра. В городке

Колчестер, который проезжал Нельсон со своими спутниками, ему был оказан еще один грандиозный прием, в котором участвовало все население.

Но вот, наконец, и Лондон. Газета "Морнинг пост" сообщила по этому поводу: "Знаменитый адмирал был в полной форме с тремя звездами на груди и двумя золотыми медалями. Толпа приветствовала его многократными криками "ура!", на что прославленный моряк отвечал низкими поклонами. Лорд Нельсон выглядит прекрасно, но несколько худощав". Не успел Нельсон появиться в столице, как все уже знали, что приехал он в немецкой дорожной карете сэра Гамильтона, что вместе с адмиралом в ней находилась и его пассия Эмма Гамильтон, а также купленная в Африке чернокожая девушка-рабыня.

Преданная Фанни терпеливо ждала своего мужа в гостинице "Нерот", расположенной неподалеку от Сент-Джеймсского дворца.

Встреча двух соперниц была холодной. Эмма, как она вспоминала позднее, сразу почувствовала к жене любимого непреодолимую антипатию, а Фанни поняла, что вызывающая красота соперницы не оставляет ей никаких шансов.

Вечером обе пары ужинали вместе, все чувствовали себя напряженно и скованно. Было совершенно очевидно, что двое за столом явно лишние, но если сэр Уильям давно привык к своей роли, то для Фанни это было невыносимо. После ужина Гамильтоны уехали на Гросвенор-сквер, где они сняли дом.

Спустя несколько дней лорд-мэр Лондона вручил прославленному флотоводцу почетную шпагу с бриллиантами. Восторженная толпа снова распрягла его карету и катила ее на руках.

Затем был прием у короля. Георг III встретил героя Абукира холодно. Очевидец отмечает: "…Прием Нельсона королем был бесцеремонным, почти демонстративно неодобрительным". Для нашего героя, который за недолгое время своего пребывания на родине уже привык к поклонению и восторгам, это было не только ушатом холодной воды, но и предвестием не слишком радостного будущего.

Вот еще одно свидетельство отношения короля к герою Абукира: "Его величество только спросил у Нельсона, поправилось ли его здоровье, и затем, не ожидая ответа, повернулся к генералу… с которым разговаривал около получаса очень весело и оживленно. Разговор явно не мог быть об успехах генерала".

* * *

С Фанни Нельсон прожил два месяца. С каждым днем росли отчужденность и холодность в их отношениях. При каждом удобном случае Нельсон стремился уехать к Гамильтонам. Первый скандал разразился на приеме у лорда Спенсера, когда Нельсон в раздражении публично оскорбил жену. Плачущую Фанни успокаивала хозяйка дома, и несчастная женщина открыла ей истинную причину своих слез.

— Боже, как все это не похоже на тот вечер перед отплытием вашего мужа, когда он просил меня пересесть, чтобы быть с вами рядом! — искренне вздохнула леди Спенсер.

Конечно, леди Спенсер была в курсе любовной связи Нельсона с женой бывшего дипломата, однако никак не ожидала, что дело зашло столь далеко. Как могла, она успокаивала свою знакомую, но что она могла сделать?

Спустя несколько дней Нельсоны и Гамильтоны абонировали ложу в театре Друри-Лейн. Едва началось представление, Нельсон пересел к леди Гамильтон и стал оказывать ей столь явные знаки внимания, что бедняжке Фанни стало плохо и она упала в обморок.

К Рождеству отчуждение супругов было уже столь велико, что они почти не общались между собой. Зная о ситуации в семье Нельсона, его друзья теперь старались приглашать его в гости без супруги, но с четой Гамильтонов. Настроение у Нельсона было самое тягостное.

А в первый день нового, 1801 года он был произведен в вице-адмиралы синего флага, продвинувшись таким образом сразу через чин. Но особой радости это Нельсону не доставило. Тогда же его постигло печальное известие: умер старый друг капитан Локер. С похорон Нельсон написал Эмме: "Верь мне, если я скажу, что я сожалею, что не меня хоронят на этих похоронах, ибо, хотя у меня были дни славы, я все же нахожу этот мир полным ревности и зависти. И я вижу очень слабый проблеск успокоения в будущем".

Все понимали, что вот-вот должен произойти разрыв между Нельсоном и его женой. Разрыв состоялся в середине января 1801 года в гостях у одного из друзей Нельсона на загородной вилле в Раундвуде.

Поначалу все было как всегда на подобных приемах: застолье, разговоры, обсуждение новостей. Рассказывая что-то о своей службе на Средиземном море, Нельсон заговорил о прозорливости и уме "дорогой леди Гамильтон". Услышав ненавистное имя, Фанни встала и взволнованно воскликнула:

— Мне надоело слышать о твоей дорогой леди Гамильтон, а потому я требую, чтобы ты наконец выбрал кого-то из нас двоих!

Все разговоры мгновенно смолкли. Назревал скандал. Теперь уже вскочил со своего места и Нельсон:

— Фанни! Выбирай слова! Я люблю тебя всей душой, но не могу забыть, чем я обязан этой женщине, а потому всегда буду говорить о ней только с восхищением!

Но леди Нельсон тоже проявила характер.

— Я для себя уже все решила! Я никогда не уподоблюсь сэру Уильяму! Впрочем, если хочешь быть со мной, то приезжай! — твердо сказала она несколько ошарашенному ее смелостью мужу и покинула прием.

Бедная Фанни! Она явно недооценила степени влияния леди Гамильтон на своего мужа, если попыталась таким путем его образумить. Пройдет время, прежде чем она поймет, какую ошибку совершила, развязав своим демонстративным отъездом Нельсону руки. Возможно, если бы Фанни терпела сложившееся положение и дальше, то разрыв с ней был бы для Нельсона весьма затруднительным, так как он предпочитал решать семейные дела тихо и мирно. Сам он инициатором разрыва выступать явно не желал. Думается, что происшедшему Нельсон был даже рад, ибо теперь многочисленные свидетели могли подтвердить, что истинным виновником разрыва явился не он, а его жена.

В тот вечер Нельсон домой не вернулся. Больше Фанни и Горацио уже никогда не были вместе. Спустя несколько недель был продан и дом в Раундвуде, Фанни демонстративно удалилась к своим друзьям в Брайтон.

— Пусть едет куда хочет! Мне все равно! — заявил Нельсон, узнав о ее отъезде, и отправился в Плимут.

Четырнадцатилетняя супружеская жизнь с Фанни подошла к концу.

Впрочем, Нельсон во время своих приездов в Лондон не остался бездомным. Сэр Гамильтон, не без совета со стороны своей жены, тотчас предложил "другу семьи" переехать к ним, и Нельсон сразу же согласился. Леди Гамильтон оставались считаные недели до родов, а потому она страшно ревновала Нельсона, боясь, как бы тот не вернулся к своей жене или не увлекся кем-либо еще. С этого момента Нельсон жил с Эммой практически открыто.

* * *

В это время Нельсон предпринимает весьма дерзкую попытку представить свою новую избранницу к королевскому двору, но затея с треском провалилась. Дело испортила и сама Эмма,

которая своей излишней напористостью в деле приобщения к светскому обществу еще больше настроила против себя высший свет. Женщину со столь скандальной репутацией и темным прошлым не пустили даже на порог Сент-Джеймско-го дворца. Нельсону было объявлено, что его всегда рады видеть на светских раутах, но одного. Когда же герой Абукира попытался настаивать на присутствии и леди Гамильтон, Георг III на первом же приеме сделал ему публичный выговор. Это была весьма звонкая пощечина, и Нельсон тяжело переживал ее.

И Нельсон, и Гамильтоны жили на широкую ногу, средств, естественно, не хватало, и скоро они начали делать долги. В поисках средств сэр Уильям попытался получить компенсацию за свое имущество, потерянное в Неаполе. Нельсон, разумеется, подтвердил эту потерю, но правительство на все просьбы ответило резким отказом. То же повторилось, когда Нельсон попросил выплачивать ему не половинное, а полное жалованье. Это была еще одна пощечина герою.

Не слишком хорошо складывались у Нельсона отношения с Адмиралтейством. Если лорд Спенсер и его ближайшее окружение относились к Нельсону с пониманием, то основная масса чиновничества его явно недолюбливала за вечные придирки в отношении улучшения снабжения своих кораблей и команд. А потому его то и дело вызывали на ковер, требуя отчетов по бесконечным казенным бумагам.

Вскоре, устав от семейных дел и чиновничьего произвола, Нельсон снова запросился в море. Разумеется, он хотел бы вернуться на Средиземное море, однако новый главнокомандующий британским средиземноморским флотом лорд Кейт и слышать не желал о возвращении взбалмошного младшего флагмана. Получение нового назначения осложняли слухи об отношениях Нельсона с Эммой Гамильтон, ухудшение зрения его единственного глаза и, наконец, скандальная тяжба из-за призовых денег с одним из адмиралов. А потому вместо хорошо знакомого Нельсону Средиземного моря ему предложили командовать эскадрой, готовящейся к походу в Балтийское море. Иных предложений не предвиделось, и Нельсон согласился. Ему предписали отправиться в Плимут и поднять свой флаг на линейном корабле "Сан-Джозеф", том самом, который некогда был захвачен Нельсоном в абордажной схватке при Сент-Винсенте. Капитан Харди уже вывел корабль на рейд и принимал припасы. 16 января 1801 года Нельсон ступил на палубу своего нового флагмана и поднял вице-адмиральский флаг.

Корабли к походу на Балтику готовились спешно, так как политическая обстановка в этом регионе складывалась далеко не

в пользу Англии. Все началось с того, что российский император Павел 1 обиделся на австрийцев и англичан за их двойную игру во время совместных боевых действий против французов в Италии и на Средиземном море. Особенно оскорбил Павла I отказ англичан от своего первоначального обещания отдать России Мальту. К Мальте у Павла отношение, как известно, было особое, ибо он все еще числился гроссмейстером Мальтийского рыцарского ордена. Разрыв бывших союзников произошел почти мгновенно. Разозленный на предательскую политику англичан, Павел срочно отозвал армию Суворова и эскадру Ушакова, демонстративно вышел из антифранцузской коалиции и, к ужасу Лондона, заключил союзнический договор с Парижем. Для Туманного Альбиона это стало настоящим ударом. Решение российского императора разом перечеркивало все былые успехи англичан и ставило Англию в очень тяжелое положение. Но отпадением России от антифранцузского союза дело не кончилось. Примеру Петербурга решил последовать и Копенгаген, так как датчане не без оснований опасались вторжения французских армий. Профранцузскую позицию заняла и Швеция. На Балтике сложилась ситуация, когда российский, шведский и датский флоты, объединившись, могли представить серьезную угрозу британским берегам.

Теперь забот у Нельсона прибавилось. Главнокомандующий вице-адмирал Паркер письмом (лично они еще не встречались) препоручил своему младшему флагману заниматься всей подготовкой к плаванию, к тому же состав создаваемого Балтийского флота был весьма пестрым: в него включали всё, что только могли наскрести, — старые, давно стоящие на приколе корабли, всевозможные трофейные французские и испанские суда. Столь же сборными были и команды, куда помимо матросов с торговых и рыбацких судов пришлось набирать и арестантов. Много возни было с парусным снаряжением и артиллерийским вооружением, ибо и французский, и испанский флоты имели свои особенности и в том и в другом.

Но на Нельсона свалились не только служебные заботы. Биограф адмирала Г. Эджингтон пишет: "Нельсону было вдвойне тяжело: он был разлучен с Эммой как любовник и волновался как будущий отец. Он придумал весьма наивный код для писем: о себе он писал в третьем лице, как о неком моряке, который переписывается с любовницей миссис Томпсон, ожидающей от него ребенка. Он якобы собирается жениться на ней, когда ее "дядя", то есть сэр Уильям, отдаст концы. Такой ход был придуман Нельсоном, потому что он боялся, что его письма могут

быть прочитаны во время пересылки и вызовут много сплетен. Письма изобиловали банальностями, которыми обычно обмениваются любовники, и были юношески сентиментальными. В то же самое время они вели переписку и от своего собственного имени. В одном из таких писем Нельсон пишет: он прослышал, что лорд Гамильтон пригласил в гости Георга, принца Уэльского, большого любителя женщин. Страдая от ревности, Нельсон предупреждает леди Гамильтон об опасности, таящейся в этом "хищнике", от которого пострадала репутация многих красавиц".

К этому времени Гамильтоны стали испытывать определенные финансовые затруднения. Лондонская жизнь оказалась не в пример неаполитанской дорога, капиталы таяли слишком быстро, а привыкшая к роскоши и мотовству Эмма и слушать не желала о какой-то там экономии. Вскоре сэр Уильям был вынужден начать распродажу части своих картин и скульптур, что было для старика настоящим горем. Затем и сама Эмма должна была продать часть своих драгоценностей.

Опережая всех иных покупателей, Нельсон выложил огромную сумму в три сотни фунтов за портрет Эммы кисти Ромни. Когда же Эмма попыталась сказать, что это слишком большие деньги за ее портрет, Нельсон лишь усмехнулся:

— Если бы он стоил мне не каких-то триста фунтов, а три сотни капель крови, то и их я отдал бы за него с радостью!

Портрет кисти Ромни он повесил у себя на корабле в адмиральском салоне рядом с дрезденским портретом Эммы кисти Иоганна Шмидта. Оба этих портрета Нельсон почитал как иконы, а изображения на них называл своими ангелами-хранителями, на полном серьезе утверждая, что никогда не пойдет больше в бой, не взглянув в глаза своим ангелам…

В последний день января леди Гамильтон родила близнецов: мальчика и девочку. Мальчик, который родился очень слабым, почти сразу умер, а девочка осталась жива. Эмма назвала дочь в честь ее отца — Горацией.

И беременность, и роды проходили в обстановке строжайшей тайны. Свою беременность Эмма скрывала благодаря платьям с завышенной талией в стиле ампир, в последние же недели перед родами она вообще не покидала дома и никого не принимала, ссылаясь на сильную простуду. И сиделкой, и акушеркой при ней была ее собственная мать. Помимо них в доме находился и сэр Гамильтон, как всегда, хранивший полное молчание относительно всего происходящего вокруг него.

Среди английских историков вот уже два столетия идет ожесточенный спор: знал или не знал сэр Гамильтон о рождении ребенка у Эммы? Большинство историков считают, что он просто

не мог не знать об этом, так как жил со своей женой в одном доме и ежедневно с ней общался. Иное дело, какие причины заставили его молчать.

Сразу после родов Эмма отвезла дочь в бельевой корзине в лондонский район Марилебон к кормилице по фамилии Гибсон и время от времени навещала малютку. В свой дом леди Гамильтон заберет дочь значительно позднее.

Сразу после родов Эмма сообщила Нельсону, что у него есть дочь. Этому событию тот был очень рад, ведь это был его первый ребенок! В кругу ближайших друзей Нельсон позволил себе расслабиться, предавшись мечтам о семье и будущем своей маленькой дочки.

— А не думаете ли вы, сэр, устроить своей малышке колокольное крещение? — выразил общую мысль капитан Томас Фолей.

Колокольное крещение было красивой традицией британского флота. В корабельном колоколе, как в купели, исстари крестили детей морских офицеров.

Однако Нельсон бдительности не потерял:

— Нет, друзья, мое отцовство останется в тайне, пока я не разведен, а потому ни о каком колокольном крещении малышки пока не может быть и речи!

В поздравительном письме он пишет о своих чувствах в связи с рождением дочери: "Мне кажется, что друг бедной, милой миссис Томпсон сойдет с ума от радости. Он плачет, молится и всячески проказничает, но все же не может откровенно проявить свои чувства, так как, кроме меня, у него нет никого, с кем он мог бы поделиться. Клянется, что сегодня он будет пить за Ваше здоровье целым стаканом, и черт меня подери, если я к нему не присоединюсь, несмотря на запреты всех европейских врачей, потому что никто не относится к Вам лучше, чем я. Вы — милое, дорогое существо, Ваша доброта и внимание к миссис Томпсон возвышают Вас в моих глазах еще больше, чем раньше. Не могу писать — так меня взволновал этот парень, который сидит рядом. По-моему, он глуп, ни на что не способен, кроме как расхваливать Вас и эту женщину. Сознаюсь, что я разделяю его радость и поэтому не могу больше писать".

В это время Фанни по совету друзей предпринимает последнюю попытку наладить отношения со своим неверным мужем. Она пишет ему письмо, в котором намекает, что готова приехать к нему в Плимут. Он рад, что их разрыв уже произошел, и ни малейшим образом не хочет возобновлять отношения. Теперь у него другая жизнь, другая любовь и другие мечты.

Однако Нельсон как порядочный человек не может оставить

письмо своей нелюбимой жены без ответа. Это последнее послание Нельсона Фанни сохранит, и много лет спустя после смерти Нельсона его разыщут и опубликуют биографы адмирала. Вот оно: "Я выполнил свой долг как честный, щедрый человек; я не хочу, чтобы кто-то беспокоился о том, что со мной будет — вернусь ли живым или останусь в Балтийском море. При жизни я сделал для тебя все, что было в моих силах, а если и погибну — ты узнаешь, что я действительно это сделал. Отсюда мое единственное желание — чтобы меня оставили в покое. От всей души желаю тебе счастья. На этом прощаюсь. Твой преданный Нельсон".

Поплакав над письмом, Фанни оставила в его верхнем углу приписку в назидание потомкам: "Этим посланием лорд Нельсон от меня отделался, меня это так изумило, что я тут же послала его Морису Нельсону, искренне ко мне привязанному, чтобы просить совета. Он ответил, чтобы я не обращала на это письмо ни малейшего внимания, видимо, его брат был "не в себе", когда его писал".

Несчастную Фанни понять можно, она хваталась за соломинку, пытаясь воздействовать на мужа через его родственников. Но что те могли поделать? Разумеется, Морис прекрасно знал о романе брата с леди Гамильтон, но к своим сердечным делам Горацио его не допускал. К чести Фанни, она принципиально не участвовала в травле Нельсона и леди Гамильтон, развязанной в то время на страницах газет. Если она и пыталась образумить неверного мужа, то лишь с помощью его родных и ближайших друзей. Но все ее робкие попытки были обречены на провал. Она Нельсона уже нисколько не интересовала, он жил совсем другой жизнью, тем более что Эмма подарила ему ребенка, о котором он так долго и безнадежно мечтал.

Вот письмо Нельсона к Эмме того периода, в котором он в который уже раз выражает свой восторг по поводу рождения дочери: "Ваш милый друг сейчас считает неудобным писать собственноручно, но он надеется, что недалеко то время, когда он сможет навсегда соединиться с предметом своих желаний, с его единственной любовью. Он клянется небом, что женится на Вас, как только это будет возможно, и горячо молится о том, чтобы это случилось поскорее. Он просит рассказать Вам, как Вы ему дороги, также поцеловать и благословить от его имени его маленькую дорогую дочку. Он хотел бы назвать ее Эмма из благодарности к нашей дорогой, любимой леди Гамильтон".

Эмма, как известно, не исполнила просьбу Нельсона назвать родившуюся девочку своим именем, так как Эммой была названа

ее первая дочь от одного из ее клиентов во времена разгульной жизни у Гарри Фезерстоунха. Как считают, Нельсон до конца своей жизни не знал о старшей дочери своей возлюбленной. Тайны своей прошлой жизни леди Гамильтон хранить умела. Дочь от Нельсона она назвала в его честь, чем доставила своему возлюбленному несказанное удовольствие.

Выражая свои восторги по поводу рождения дочери, Нельсон выражал не менее сильные опасения относительно добродетельности своей возлюбленной. Он боялся, что Эмма не устоит перед ухаживаниями принца Уэльского. Нельсон прекрасно знал характер как Эммы, так и принца, и ему было чего опасаться. При этом леди Гамильтон не уставала в каждом письме на все лады расхваливать принца Уэльского и его внимание к ней. По сути, Нельсон получил то, что еще совсем недавно проделывал сам, нахваливая в письмах к страдающей от ревности жене красоту и заботу леди Гамильтон. "Я знаю, его цель — сделать тебя своей любовницей, — писал он ей в полном отчаянии. — Мысль эта так меня нервирует, что я не могу писать. Вчера вечером написал несколько строк, но сейчас я в слезах, я не могу этого вынести".

На следующий день он уже торопился отправить другое послание: "Моя дорогая, любимая миссис Томпсон, Ваш милый друг в смятении; он хочет наступления мира, а если Ваш дядя умрет, он немедленно приедет и женится на Вас, потому что он никого не обожает так, как Вас и своего ребенка; а поскольку это моя крестница, я хочу, чтобы Вы хорошо заботились о ней. Он безоглядно верит в Вашу верность: он не сомневается, что Вы будете верны в более серьезных вещах тоже".

Еще одно письмо, и снова признание, да какое: "Если бы ты была замужем и я бы нашел тебя под кустом, я женился бы не раздумывая… Я так люблю тебя, что меня можно спокойно оставить в темной комнате среди пятидесяти голых девственниц".

В конце февраля Нельсон получает небольшой отпуск и торопится в Лондон к Эмме. Вместе они навещают маленькую Горацию. Эмма видит, с какой радостью Нельсон носится с дочерью, и понимает, что битву за него она у Фанни выиграла окончательно.

— Нам остается теперь лишь ждать смерти сэра Уильяма! — весьма цинично прогнозировал Нельсон перспективы их совместной жизни. — Надеюсь, что, будучи истинным джентльменом, он не заставит нас долго ждать!

Отпуск короток, обстоятельства требуют присутствия Нельсона в Портсмуте. Их переписка продолжается. Теперь

Нельсон пишет порой по три письма в день!

"Расставаться с таким другом, как ты, — все равно что оторвать от себя кусок мяса, но воспоминания будут нас поддерживать вплоть до следующей встречи. Моя любовь к тебе стала еще сильнее — если это вообще возможно; я надеюсь, что, пока мы живы, она будет крепнуть. Я говорил с другом миссис Томпсон, он в восторге от того, что я видел его милого ребенка. Уверен, что он будет его очень любить".

Наконец Нельсон решается и пишет обстоятельное письмо, в котором раскрывает Эмме свои планы относительно их общего будущего. Письмо это достаточно объемно, однако весьма важно для понимания отношений двух влюбленных и искренности чувств Нельсона.

"Итак, моя дорогая, родная жена — именно такова ты для меня перед Господом. Я могу откровенно говорить о своих чувствах, потому что уверен, что Оливер (флаг-капитан Нельсона. — *В. Ш.*) доставит это письмо тебе лично. Ты знаешь, дорогая Эмма, нет в мире ничего такого, чего я не отдал бы за возможность совместной жизни и чтобы наше дорогое дитя было с нами. Я твердо верю, что эта кампания принесет мир и мы отправимся в имение Бронте. За двенадцать часов мы пересечем море и освободимся от всей чепухи, от друзей или тех, кто ими притворяется. Ничто меня не остановит, кроме определенного события. Я уверен, что ты думаешь так же, потому что если все дела не уладятся, то сотня языков начнет работать и лить разного рода клевету в случае моего развода с ней — что я сделаю с удовольствием, как только мы будем вместе, я больше не хочу ее видеть. Значит, нам надо как-то потерпеть, пока умрет твой "дядя" или пока мы сможем уехать из страны. Люблю тебя, никогда не любил никого другого. Никогда не получал клятву верности ни от кого, пока ты мне не дала эту клятву. И ты, благодарение Господу, никогда не клялась кому-то другому. Я думаю, еще до конца марта мы вернемся, возможно с победой, которая обеспечит нашим трудам блестящее завершение. Представь себе, что будет чувствовать моя Эмма, увидев возвращение ее дорогого, любящего Нельсона невредимым — может быть, чуть больше прославленным. Никогда, если это будет возможно, не буду я покидать корабль ради приглашений на ужины; я буду сходить на сушу только по долгу службы. Пускай всю славу забирает себе сэр Хайд, я ему не завидую. У меня в сердце только два самых дорогих мне объекта — ты, любимая Эмма, и родина, а сердце мое чувствительно и правдиво. Доверься мне, и я никогда не подведу. Я сжигаю все твои письма, хотя они мне и дороги, и делаю это ради тебя. Надеюсь, что ты сжигаешь мои: пользы от

них никакой, но если их украдут или потеряется хоть одно — это навредит нам обоим. Сплетни будут на языках у всего света — быстрее, чем нам хотелось бы. Ты можешь легко вообразить, как я скучаю — и по тебе как человеку, и по нашим беседам. Какие чувства меня одолевают, когда я думаю о тебе в постели! Я горю как в огне от одной мысли об этом, а в жизни буду гореть еще больше. Уверен, что моя любовь и желание — только для тебя, и если подойдет ко мне раздетая женщина и я дотронусь до нее рукой — пусть эта рука отсохнет. Нет, мой ум, душа и сердце — все живет в гармонии и любви к родной, дорогой и любимой Эмме, я — ее искренний друг, друг ее близких, друг всего Эмминого… Любовь моя, мой милый ангел, жена моя, данная Небом, самая дорогая, единственная, верная жена — до самой смерти…"

Перед началом новой морской кампании Нельсон урегулировал свои финансовые дела, в том числе и с Фанни. Свой годовой доход, который был равен четырем тысячам фунтов, он разделил поровну. Половину этих денег он оставил себе и Эмме, а половину отписал жене, которая могла теперь жить совершенно безбедно. Одновременно он составил и завещание на случай своей смерти, где также завещал Фанни половину всего, что имел.

— Ты, Горацио, поступил на редкость великодушно! — заметил его друг Александр Дэвисон, которого Нельсон попросил заняться его финансовыми вопросами.

— Я благодарен Фанни за все, что она сделала для меня в жизни, а потому не хочу, чтобы она меня поминала недобрым словом! — ответил Нельсон. — Все должно быть решено по справедливости!

Тогда же он написал и свое последнее письмо жене: "Уходя в поход, я сделал для тебя все, что в моих силах, и если я умру, то ты убедишься, что то же сделано и относительно будущего. Поэтому мое единственное желание, чтобы меня предоставили самому себе".

Глава семнадцатая
КОПЕНГАГЕНСКИЙ РАЗГРОМ

В преддверии новой военной кампании Нельсон стал вице-адмиралом, правда, пока самым младшим на всем британском флоте. Производство в вице-адмиральский чин было весьма достойное и вполне соответствовало средиземноморским подвигам Нельсона. Что же касается его назначения, то оно могло быть и более высоким. Отныне Нельсон становился младшим флагманом главнокомандующего создаваемого Балтийского флота адмирала Хайда Паркера.

И Нельсон, и Паркер имели равный чин вице-адмирала синего флага, однако, согласно данным "Нэйви лист"[21], Паркер имел преимущество в старшинстве. Если Нельсон замыкал список вице-адмиралов синего флага под восемнадцатым номером, то Паркер был в том же списке одиннадцатым.

6 марта 1801 года Нельсон на 74-пушечном "Сент-Джордже" перешел из Плимута в Ярмут, где формировался новый флот. Едва "Сент-Джордж" бросил якорь на рейде, вице-адмирал Паркер пригласил своего младшего флагмана на обед. Казалось бы, что здесь такого? Обычная вежливость. Но Нельсон приглашение проигнорировал.

— Передайте сэру Паркеру, что я не имею возможности его посетить, ибо мой корабль — мой дом! — заявил он прибывшему за ответом адъютанту, подчеркивая, что готовящемуся к походу адмиралу надлежит находиться на корабле.

Паркер, разумеется, нанесенного оскорбления не забыл, а потому в дальнейшем делал все возможное, чтобы отомстить своему дерзкому заместителю.

Почему Нельсон поступил сколь вызывающе, столь и неразумно? Однозначного ответа на это биографы не дают, однако можно предположить, что в его отказе была обида за то, что не его, а Паркера назначили командовать флотом. Помимо этого Нельсон не уважал своего нового начальника, не без оснований считая его совершенно негодным к настоящей морской войне.

В марте 1801 года пал кабинет Уильяма Питта Младшего и премьер-министром Англии стал Эддингтон. Кресло первого лорда Адмиралтейства вместо ушедшего в отставку Спенсера занял давний наставник и друг Нельсона адмирал Сент-Винсент. К себе в Адмиралтейство граф забрал и капитана Трубриджа. Нельсону никто никаких предложений не делал, да он, вероятнее

всего, туда и не рвался. Если о чем и мечтал Нельсон, так это о должности главнокомандующего, дающей право на полную самостоятельность в действиях. Однако и здесь граф Сент-Винсент ничем помочь Нельсону не мог, так как для отставки Паркера и назначения Нельсона не имелось никаких оснований. Любые действия вызвали бы неминуемый скандал, ведь у Паркера тоже имелись связи, и весьма немалые.

В свое время, определяя Паркера начальником Нельсона, граф Спенсер высказался так:

— Этим назначением я уравновешиваю азарт и экспансивность Нельсона спокойствием и дисциплинированностью Паркера!

В британской военно-морской среде, однако, на сей счет говорили несколько иначе:

— Идея назначить Нельсона в подчинение Паркеру равнозначна упряжке из двух лошадей, в которой скаковая лошадь поставлена позади престарелого деревенского мерина!

Сэр Хайд Паркер представлял собой определенный образец британского адмирала. Из числящихся в то время в официальном списке ста двадцати адмиралов (не говоря уже о простых офицерах) многие пытались подражать в своей службе "счастливчику" Хайду.

Вице-адмиралу Хайду Паркеру шел шестьдесят первый год. Он был вдовцом, имел трех взрослых сыновей и обладал прекрасным здоровьем. Последние годы Паркер служил в Вест-Индии. Там вверенные ему капитаны сумели захватить 453 приза, в результате чего их начальник составил себе состояние в 200 тысяч фунтов[22], что было по тем временам просто фантастически много. Причем это были "живые" деньги, а не вложенные в недвижимость, плантации и тому подобное. При этом весь этот громадный капитал практически сам приплыл вице-адмиралу в руки. Ибо за все время своей службы на Ямайке Паркер ни разу не выходил в море, а, сидя во дворце, только успевал подсчитывать свои дивиденды.

При Паркере на Ямайке расцвел фаворитизм. Вице-адмирал любил деньги неистово, а потому капитаны, делившиеся со своим командующим щедро, получали право на дальнейшие крейсерства в богатых призами районах. Те же, кто поступал по закону, прозябали в бездействии, а следовательно, и в нищете. Финансовый успех Паркера вызывал восхищение, зависть и желание повторить его "подвиг" у многих, но на флоте было много и обиженных на "счастливчика Хайда", и просто презиравших его за неуемную жадность. К последним относились прежде всего адмиралы и офицеры боевых эскадр. Разумеется, к

таковым относился и Нельсон.

Сам Паркер не без гордости говорил о себе:

— Я настолько удачлив, что могу легко превращать в "золотой галеон" последнюю рыбачью фелюгу! При этом мой девиз: "Осторожность, осторожность и еще раз осторожность!"

В самый разгар подготовки флота к походу главнокомандующий неожиданно для всех надумал жениться. Избранницей его стала 18-летняя дочь вице-адмирала Онслоу. И в глазах старика Онслоу, и в глазах самой избранницы возраст жениха с лихвой компенсировался его богатством. Свадьба только что состоялась, и "молодой" муж не утруждал себя служебными заботами, как и не горел особым желанием отправиться в холодные воды Балтики.

Вся тяжесть подготовки кораблей к плаванию легла на плечи Нельсона. Он воспринял это безропотно, как само собой разумеющееся. В отличие от Паркера Нельсон торопился как можно скорее выйти в море. Новому первому лорду графу Сент-Винсенту он пишет: "Время, мой дорогой лорд, наш самый лучший союзник, и я надеюсь, что мы им не пренебрежем".

Балтийская кампания могла стать опасной, если противники Англии успеют объединить свои военно-морские силы. По расчетам Адмиралтейства, Россия (главный из противников) имела на Балтике более тридцати линейных кораблей, из которых боеготовными были 20, шведы имели готовыми к бою 11 линкоров. Что касается Дании, то из двадцати ее кораблей готовыми к бою были десять. Естественно, что с объединенной армадой в сорок линейных кораблей да еще вдали от своих баз справиться англичанам было невозможно. Расчет мог строиться лишь на том, чтобы разбить противников прежде, чем они успеют соединиться. А потому с выходом в море надо было торопиться. Российский Балтийский флот все еще оставался в Ревеле и Кронштадте (последний освобождался ото льда только к маю), а шведский — в Карлскруне. За то время, пока русские смогут вывести свой линейный флот в море, следовало разбить датчан, а следом за ними и шведов. Только в этом случае затеваемая кампания имела шансы на успех. Одновременно с подготовкой флота британская дипломатия предпринимала титанические усилия, чтобы отговорить Данию, а за ней и Швецию от союза с Россией.

Состав снаряжаемого в Балтику английского флота был определен в восемнадцать линейных кораблей и семьдесят пять мелких судов. Местом сбора флота был определен Грейт-Ярмут.

По-прежнему Нельсон активно переписывается с Эммой. По-прежнему он ревнует ее к любвеобильному принцу Уэльскому. В

каждом письме он обязательно приписывает: "Помни клятву! Пусть не уведет тебя от нее соблазн!"

Нельсон рвется в море, но его главнокомандующий туда не торопится. Нельсон негодует, пишет жалобы в Адмиралтейство. Паркера начинают понукать. Он нехотя подчиняется, но его отношения с младшим флагманом портятся.

Помимо этого, Нельсону начинает казаться, что он теряет остатки зрения. И хотя врачи успокаивают его, он неустанно промывает глаза целительными настоями и прикрывает от солнца специальным козырьком. Столь же твердо исполняет он данную Эмме клятву не встречаться ни с какими особами женского пола. Доходило даже до анекдотов. Когда однажды к Нельсону на корабль прибыл его старый друг с женой и ее подругой, то он, завидев их приближение на шлюпке, попросту сбежал на адмиральском катере.

В письмах Нельсон просит Эмму, чтобы она прибыла в Ярмут на проводы флота. Ради нее он готов потерпеть и присутствие сэра Уильяма, которого уже не мог выносить. Однако Эмма к Нельсону не торопится. Это выводит его из себя. Нельсон почти в отчаянии пишет ей: "Передайте миссис Томпсон, что ее друг страдает от разлуки с ней и с дорогим ему ребенком. Он просит меня уговорить Вас быть подобрее к ней, благословить дитя от его имени, успокоить нареченную, помочь ей выстоять против дяди с его бессердечием, потому что ни он, ни я не подберем для этого другие слова… Друг миссис Томпсон просит передать ей, что он клянется в вечной верности, а если он не сдержит клятву, пусть первое же ядро из крепости Кроненбург снесет ему голову".

Все дни у Нельсона были заполнены бесконечными делами, и лишь поздно вечером он оставался один на один с портретами милой Эммы.

Вскоре между старшим и младшим флагманами происходит форменный скандал. Вице-адмирал Паркер решает задержать выход флота, чтобы поприсутствовать на балу, который собралась дать его юная жена. Это окончательно выводит Нельсона из себя. Он немедленно отправляет гневное послание в Лондон первому лорду, в котором предупреждает об опасности дальнейшей задержки похода. Датчане вполне могут объединиться с российским и шведским флотами, и тогда поход британского флота превратится в полнейшую авантюру. Граф Сент-Винсент немедленно вмешивается. Паркер получает строгое внушение и наконец-то перебирается с берега на свой флагман — 90-пушечный "Лондон".

13 марта его флот покидает Ярмут и берет курс в балтийские

проливы.

В море на кораблях вскрыли секретные пакеты. Как и предполагалось, первой задачей флота было склонение к капитуляции или уничтожение датского флота. Далее надлежало: "Как только флот может быть уведен из-под Копенгагена, по достижении одним или другим путем указанной выше цели… он должен направиться к Ревелю. Если флот застанет там отряд русского военно-морского флота, обычно базирующегося на этот порт, то он должен немедленно и энергично атаковать русские корабли… Уничтожить арсенал, а также захватить или уничтожить русские корабли, не подвергая, однако, слишком большому риску английскую эскадру". Затем надлежало идти против Кронштадта и после расправы с русскими следовало проучить шведов. Секретное предписание было подписано самим королем. Помимо его на бумаге стояли подписи трех членов совета Адмиралтейства: графа Сент-Винсента, Трубриджа и Маркхэма.

На переходе Северным морем Нельсон прибыл к Паркеру на совещание. Здоровались холодно, да и разговор был недолгий и чисто деловой.

— Я ознакомился с предписанием короля и лордов Адмиралтейства и готов изложить вам свою точку зрения! — начал Нельсон.

Паркер коротко кивнул:

— Я весь во внимании!

— Чем больше я размышляю, — начал младший флагман, — тем больше укрепляюсь во мнении, что ни минуты нельзя медлить с атакой противника. С каждым днем, с каждым часом он становится сильнее. Мы никогда не будем в лучшем положении, чтобы напасть на него, чем сейчас. Единственное, над чем я задумываюсь, это как добраться до противника с минимальным риском для наших кораблей. Во всяком случае, я придерживаюсь мнения, что самые смелые действия являются и самыми безопасными! Каково ваше мнение?

— Осторожность, осторожность и еще раз осторожность — вот залог успеха в столь рискованном предприятии, как наше! — буркнул недовольный Паркер.

Нельсон, казалось, пропустил слова старшего флагмана мимо ушей.

— Я хотел бы предложить вам, сэр, весьма смелый замысел! — продолжил он излагать свой план. — Мы должны проскочить мимо Копенгагена, оставив около него лишь небольшой сторожевой отряд, который мог бы удержать датчан в их конуре. Главные силы мы должны сразу бросить против

России!

— Как это? — привстал со своего кресла Паркер.

— Предположим, что мы прошли через Бельт при господствующем там сейчас западном ветре! — пустился в рассуждения Нельсон. — Тогда у нас имелась бы полная возможность отправить к Ревелю отряд из десяти линейных кораблей при бомбардирском судне и нескольких брандерах. Русские еще не освободились от ледового плена, их корабли не вооружены, команды разболтаны. Наше появление будет внезапным, и я не вижу никакого риска!

— Пока я жив, этого не будет! — закричал Паркер. Жилы на его толстой шее напряглись, лицо побагровело.

Нельсон даже испугался, что его начальника хватит удар.

— Никогда! — кричал, брызгая слюной, Паркер. — Я буду в точности следовать плану, начертанному его величеством. Даже если нас постигнет при этом неудача, мы не будем иметь для себя никаких неприятностей. Если же мы последуем вашему плану, сэр, то наверняка наживем кучу неприятностей!

На этом встреча двух флагманов закончилась.

* * *

Пытаясь переманить Данию на свою сторону, британское министерство иностранных дел выслало в Копенгаген дипломатическую миссию. Дипломаты должны были предпринять последнюю попытку склонить Копенгаген на союз с Лондоном. Моряки в успех этого предприятия не верили и надеялись только на себя.

— Лучшие дипломаты Европы — это британские эскадры! — говорил Нельсон и был прав. — Нам надо прибавить парусов и успеть поставить флот против датской столицы уже к началу переговоров — только тогда будет хоть какой-то шанс на успех!

Однако Паркер не торопился, и поспешившие в Копенганен дипломаты вернулись оттуда ни с чем.

На подходе к Скагерраку Паркер снова вызвал Нельсона на борт своего линейного корабля. Приказ вызвал у младшего флагмана усмешку.

— Теперь, когда бой стал неизбежен, храбрый Паркер посылает за мной! — сказал он капитану Харди. — Когда шли все эти бесполезные дипломатические игры, он упорно держал меня в тени!

Прибыв на "Лондон", Нельсон старался держаться с Паркером как можно независимее.

— Как вы видите наши действия против датчан? — спросил старший флагман.

В ответ Нельсон заявил:

— Я, как и прежде, настаиваю, что нужно немедленно атаковать противника!

— Меня волнуют возможные повреждения наших кораблей, ведь нам совершенно негде ремонтироваться! — вздохнул Паркер.

— Меня же волнует лишь то, как с наименьшим риском атаковать противника! — снисходительно заметил Нельсон. — О дырках в бортах будем думать после боя!

— Я поручаю вам возглавить авангард! — сухо сказал Паркер. — Готовьтесь к сражению!

— Тогда прошу дать мне десять линейных кораблей, и я готов взять на себя всю ответственность за копенгагенскую операцию!

Последняя фраза Паркеру явно понравилась.

— Хорошо! — кивнул он. — Я согласен!

Обрадованный готовностью Нельсона переложить всю ответственность за предстоящее рискованное предприятие на себя, Паркер помимо оговоренных десяти линейных кораблей выделил Нельсону еще два, а также пять фрегатов и все бывшие в его распоряжении канонерки, бомбардирские суда и брандеры. С оставшимися восемью линкорами Паркер должен был встать у северного входа в фарватер и обстреливать форт Трекрунор с фланга. Кроме этого, он должен был прикрывать поврежденные и выходящие из боя корабли Нельсона. При этом не исключалась возможность появления российской и шведской эскадр, и тогда отряд Паркера должен был отразить нападение. На этом совещание двух флагманов завершилось. Оба остались им вполне довольны.

Вернувшись, Нельсон собрал капитанов авангардных кораблей.

— Нам вверена безопасность Англии! — сказал он. — Нам сегодня доверено куда больше, чем когда-либо вообще британским офицерам! Теперь от нашей храбрости зависит — упадет ли страна в глазах Европы или поднимет голову еще более гордо. Мы атакуем датский флот, а после его уничтожения будем обстреливать город до тех пор, пока датчане не капитулируют. Я повторяю: никогда еще Англия не зависела от успеха флота так, как сейчас. Готовы ли вы сделать все возможное для победы?

— Мы готовы, ваша светлость! — разом отвечали капитаны. — Ведите нас хоть в пекло!

К вечеру 1 апреля 1801 года весь британский флот подтянулся к северной кромке отмели Миддель Грунд. Однако на подходе к Копенгагену Паркер вновь заколебался. Привыкший

действовать обдуманно и наверняка, главнокомандующий никак не мог решиться на неподготовленную атаку датской столицы и всего стоящего там датского флота, ведь данные о численности противника были более чем приблизительные.

— Запросите Нельсона, каким проливом он считает лучше подойти к Копенгагену: Зундом, Большим Бельтом или Малым? — велел он своему флаг-капитану Отвэю.

Вопрос был далеко не праздный[23]. Удивительно только, что старший флагман своевременно не принял по нему решение.

На "Лондоне" взвился соответствующий сигнал. В ответ с "Сан-Джозефа" не очень вежливо просигналили: "Я предпочитаю следовать под пушки Кронберга!" Капитану Харди Нельсон сказал иначе:

— Мне наплевать, каким проливом подходить, лишь бы скорее начать драку!

— Вот видите! — всплеснул руками Паркер, прочитав сигнал младшего флагмана, и повернулся к Отвэю: — Что я вам говорил! Если Нельсон хочет лезть под пушки, то пусть сам возглавляет атаку, а я посмотрю, как он справится! Известите его о моем решении!

Узнав о приказе Паркера, Нельсон пришел в восторг.

— Счастливчик Хайд, кажется, иногда способен на хорошие поступки! — воскликнул он радостно, оглядев россыпь сигнальных флагов над "Лондоном".

Свой флаг Нельсон немедленно перенес на более боеспособный, чем "Сан-Жозеф", 74-пушечный линкор "Элефант". Капитаном его был старый знакомый Нельсона Томас Фолей, тот самый, кто на своем "Голиафе" первым бросился на французский флот в сражении при Абукире и проложил курс своего линкора вдоль берега. Заместителем Нельсона на время сражения был определен контр-адмирал Грейвс.

Корабли Нельсона стояли на входе в Зунд. На них готовились к прорыву. Сам Нельсон всю ночь просидел в своем салоне над картой, и к утру план атаки был готов. В определенной мере он повторял решение, принятое Нельсоном в сражении при Абукире. Британская эскадра, как и тогда, должна была спуститься на стоящую на якоре линию датского флота, начиная с арьергарда, и обрушить на неподвижные концевые корабли всю мощь своего огня. Затем, последовательно громя противника, корабли Нельсона должны были постепенно продвигаться в голову неприятельской колонны. Но сначала необходимо было прорваться мимо Кронберга.

На всякий случай Нельсон послал к коменданту замка парламентера с вопросом: намерен ли он открывать огонь по

проходящим мимо английским кораблям? Комендант ответил однозначно:

— Я не только намерен, но и непременно открою огонь, как только увижу ваше движение в свою сторону!

Время переговоров закончилось, наступало время пушек!

С рассветом 2 апреля корабли авангарда пошли на прорыв. Выстроившись в кильватерную колонну, Нельсон начал форсировать Зунд. С береговых фортов немедленно ударили пушки. Знаменитое Копенгагенское сражение началось.

Нельсон старался держать корабли как можно дальше от берега, чтобы не подставлять их под датские ядра. Но, как оказалось, грозный с виду Кронберг имел всего восемь мелких пушек.

Погода благоприятствовала англичанам: ветер был попутный и свежий, поэтому мимо Кронберга удалось проскочить быстро и почти без потерь. Противники успели обменяться лишь несколькими залпами. Защитники Кронберга потеряли двоих убитыми и полтора десятка ранеными. У англичан при разрыве орудия уложило на месте сразу семь человек.

Но вот окутанный клубами дыма Кронберг остался позади, а впереди в утренней дымке уже вырисовывались острые шпили копенгагенских церквей. Пролив становился все шире, что давало возможность маневрировать. Эскадра Нельсона медленно втягивалась на большой плес между Копенгагеном и островом Сальтгольм. Однако кажущийся простор был обманчив, и горе тому, кто хоть на мгновение потеряет здесь бдительность. Недаром среди датских моряков коварный плес именовался "слоеным пирогом". И было почему! У самого Копенгагена было очень мелководно, и подходить к берегу могли только небольшие суда. Чуть дальше от берега шел глубокий, но узкий Королевский фарватер, ходить по которому можно было лишь с помощью местных лоцманов. За ним простиралась еще одна песчаная отмель Миддель Грунд. И наконец, между этой отмелью и островом Сальтгольм существовал еще один глубокий фарватер, прозванный Голландским. В довершение всего перед подходом английской эскадры датчане предусмотрительно сняли все оградительные вехи, и теперь британским штурманам приходилось рассчитывать лишь на старые и не очень точные карты да на собственные мастерство и интуицию. Поэтому без всякой натяжки можно сказать, что во время сражения перед Нельсоном был не один, а два противника: датчане и сложнейшие местные навигационные условия, когда каждый неверный маневр грозил обернуться потерей кораблей и людей.

Помимо всего прочего вход в Королевский фарватер

прикрывал мощный форт Трекрунор с семьюдесятью пристрелянными орудиями. Вдоль фарватера стояли на якорях шесть датских линейных кораблей, образующих с фортом единую оборонительную линию. На юг от форта были выстроены в линию остальные датские корабли, прикрывавшие непосредственно сам Копенгаген. Памятуя об абукирском маневре Нельсона, датчане поставили свои корабли вплотную к прибрежной отмели, и обойти их, чтобы взять в два огня, было невозможно. Прямо за кораблями на берегу располагалась цепь береговых фортов, которые поддерживали огнем свои сражающиеся корабли. По существу, для маневра Нельсону оставалась лишь узкая (не более пятисот метров) полоса воды между стоящими на якорях датскими линкорами и мелью Миддель Грунд.

Помимо этого сами датчане пылали ненавистью к коварным англичанам и желали дать им достойный отпор.

— Мы не какие-то там французишки! — говорили они. — Мы потомки викингов, державших в страхе всю Европу вкупе с Англией, а потому еще посмотрим, чей меч окажется острее!

Ветер в тот день был благоприятным для англичан, а потому весь задуманный план им вполне удался. На фалах "Элефанта" трепетал сигнал: "Ближний бой". Исполняя его, английские корабли подворачивали почти вплотную к датским линкорам, и ядра пробивали сражающиеся корабли насквозь через оба борта. Бой разгорелся сразу и был яростным. Датчане действовали уверенно, с берега их активно поддерживали огнем форты.

В 9 часов 30 минут эскадра Нельсона начала втягиваться в Королевский фарватер. Головной корабль вписался в него, но следовавший вторым "Агамемнон" не смог повторить маневр и был вынужден уйти в сторону. Остальные корабли справились с этой непростой задачей. Только два из них все-таки задели кромку мели и увязли в песке. К чести Нельсона, он успел вовремя скорректировать курс эскадры и вывести ее на глубокую воду. Свой "Элефант" он поставил против линейного корабля "Даннеброг", над которым трепетал флаг датского адмирала. Остальные линейные корабли сомкнули боевую линию. Места севших на мель линкоров заняли фрегаты. Конечно, это была неполноценная замена, а потому внимательно наблюдавший за развитием боя Паркер немедленно выделил из своего отряда три линейных корабля, которые сразу устремились вдогонку за эскадрой Нельсона.

К половине двенадцатого пополудни бой кипел по всей линии. Клубы порохового дыма вскоре практически скрыли картину сражения от наблюдавшего за ним Паркера, и он не на шутку забеспокоился:

— У меня создается впечатление, что Нельсон из жадности попытался отхватить слишком большой кусок и подавился им!

— Тогда не следует ли заставить его этот кусок выплюнуть, пока не поздно? — подал голос кто-то из подхалимов.

— Пожалуй! — пожевал губами Паркер. — Поднимите сигнал младшему флагману: "Немедленно выйти из боя!"

Нельсон нервничал. Датчане оказали такое яростное сопротивление, какого он от них никак не ожидал. Потери и повреждения росли с каждой минутой, а перевеса в бою все еще не было заметно. Да, датчане сильно отличались от храбрых, но плохо обученных французов и испанцев. Прекрасный флот, вышколенные команды и опытные адмиралы — все это вызывало вполне обоснованное опасение за благополучный исход сражения. Наконец боевое мастерство англичан начало сказываться и огонь датских линкоров несколько ослабел.

— Кажется, вот-вот наступит перелом в сражении! — высказал предположение Нельсон.

— Так и есть! — кивнул капитан Фолей, еще раз внимательно поглядев, как рушатся мачты датских кораблей.

В центре их линии горел флагманский "Даннеброг". Но датские моряки защищались отчаянно. Порой их корабли почти прекращали огонь, так как некому было заряжать пушки. Тогда с берега к кораблям подходили шлюпки с добровольцами, которые тут же становились у орудий, и батарейные деки снова оживали. Несколько раз англичане пытались на шлюпках пробиться к разбитым датским кораблям и взять их на абордаж, но все эти попытки пресекались: шлюпки нещадно расстреливались с береговых фортов.

На "Лондоне" неотрывно наблюдал за развитием событий вице-адмирал Паркер. Ожесточенное сопротивление датчан наводило на мысль, что затеянное дело может обернуться катастрофой, ведь они непрерывно пополняли команды своих сражающихся кораблей, тогда как англичане были лишены такой возможности.

— Нельсон совершенно потерял чувство реальности! — забеспокоился Паркер. — Надо срочно что-то предпринять, потом будет поздно!

К 14 часам огонь датских кораблей стал понемногу редеть. Нельсон сразу же уловил этот еще только наметившийся перелом в сражении. Увы, этой перемены не уловил Паркер.

— Поднимите сигнал номер шесть: "Вести бой на кратчайшей дистанции"! — распорядился Нельсон. — Еще немного — и противник не выдержит! Наступает решающий момент сражения, а может, и всей нынешней кампании!

— Ваша светлость! — раздался в этот момент крик вахтенного лейтенанта. — Старший флагман поднял сигнал: "Немедленно выйти из боя!"

На мгновение все онемели. Затем капитан Фолей вопросительно глянул на Нельсона:

— Командовать к повороту? Вице-адмирал зло передернул плечами:

— Черта с два я выйду из боя!

— Что же вы приказываете, сэр?

— Продолжать бой!

Из воспоминаний участника сражения полковника Стюарта, находившегося в этот памятный день на борту "Элефанта": "В это время лорд Нельсон ходил на юте по правому борту. Временами он был очень оживлен, а затем делал удивительно точные замечания. Ядро ударило в мачту, и на нас посыпались щепки. Он сказал мне, улыбаясь: "Горячее дело. Сегодняшний день может в любой момент стать последним для каждого из нас". А затем, остановившись у трапа, он произнес слова, которые никогда не изгладятся из моей памяти. Он с чувством сказал: "Но заметьте себе, что я ни за какие тысячи не согласился бы в этот момент быть где-либо в другом месте". Когда (с "Лондона". — *В. Ш.*) был дан сигнал номер 39, гласивший: "Выйти из боя", сигнальный лейтенант доложил его Нельсону. Адмирал продолжал прохаживаться, как бы не заметив сигнала. Когда адмирал повернулся обратно, лейтенант спросил его: "Нам следует повторить сигнал?" Лорд Нельсон ответил: "Нет, просто подтвердите его". Лейтенант повернулся, чтобы отправиться на свое место, и Нельсон крикнул ему вслед: "Сигнал номер шестнадцать все еще поднят у нас?!" Лейтенант ответил утвердительно, и Нельсон приказал ему: "Проследите, чтобы он оставался на месте".

Теперь Нельсон в состоянии сильного возбуждения энергичными шагами мерил палубу. О возбуждении определенно свидетельствовало то, что обрубок его правой руки двигался. Сделав один или два поворота, он быстро спросил меня: "Вы знаете, что гласит сигнал номер тридцать девять, поднятый на корабле главнокомандующего?" Я спросил его, что означает сигнал, и он сказал: "Ну конечно, выйти из боя". При этом он заметил, кажется капитану Фолею: "Вы знаете, Томас, что у меня только один глаз и поэтому у меня есть право иногда быть слепым?" Затем с лукавым видом, присущим его характеру, он приставил подзорную трубу к слепому глазу и воскликнул: "Я действительно не вижу сигнала!" Таким образом, на борту "Элефанта" этот важный сигнал был лишь подтвержден, но не

повторен".

И опять Нельсон не выполнил приказа старшего начальника! Но на сей раз случай был особый, ибо речь шла о победе или поражении британского флота. Нарушение приказа — это всегда преступление, но преступление вдвойне — если приказ нарушен в бою. Теперь, если бы английский флот понес серьезные потери, не добившись реального успеха, Нельсона ждал бы неизбежный суд. Что касается Паркера, то он, скорее всего, не понес бы никакой ответственности за неудачу.

Сам Нельсон прекрасно понимал всю степень ответственности, которую взваливал на себя, проигнорировав приказ старшего начальника. Капитану Фолею и полковнику Стюарду он сказал:

— Ну что же, я сражаюсь вопреки приказу, и меня, может быть, следует за это повесить! Но это будет потом, а пока я сражаюсь и верю в успех!

Эта история вот уже два столетия волнует историков всего мира. Они предлагают множество версий, предположений, толкований и легенд этого происшествия.

Начать следует с того, что непонятно, когда именно Паркер поднял на мачте "Лондона" сигнал о выходе из боя. В дневнике главнокомандующего это событие отнесено к 13 часам 15 минутам, в то время как в вахтенном журнале — к 13 часам 30 минутам. При этом нигде не объяснены причины столь важного решения, как было принято в британском флоте того времени. А ведь они обязательно должны были быть, ведь сигнал номер 39 был отнюдь не рядовым.

Непонятно и то, кому все же адресовался сигнал: только одному Нельсону или всей его эскадре.

Известно, что в ходе боя Паркер посылал к Нельсону своего флаг-капитана Отвэя. Но для чего прибыл на "Элефант" капитан Отвэй и о чем беседовал он там с Нельсоном, так и осталось неизвестным. При этом, отдав приказ о выходе из боя, Паркер к этому вопросу уже не возвращался. Более того, после сражения ни Нельсон в своем докладе Паркеру, ни Паркер в своем докладе Адмиралтейству ни единым словом не упомянули о сигнале номер 39. Может быть, потому, что это повредило бы обоим: Паркера могли обвинить в трусости, а Нельсона — в неповиновении. А потому оба адмирала поспешили забыть о злосчастном сигнале.

Однако вся неопределенность с сигналом номер 39 в ходе сражения имела для англичан весьма драматичные последствия.

Злосчастный сигнал Паркера увидел и заместитель Нельсона

контр-адмирал Грейвс. Увидел Грейвс и то, что Нельсон явно игнорирует этот сигнал и не повторяет его, как положено, для своих кораблей. Контр-адмирал оказался перед непростой дилеммой: подчиняться приказу главнокомандующего или поддержать своеволие младшего флагмана? После некоторых раздумий Грейвс схитрил. Он поднял над своим кораблем сигнал Паркера, но так, что этот сигнал остался невидимым для Нельсона. При этом Грейвс остался на месте и продолжил бой.

Так же, как и контр-адмирал Грейвс, поступили все видевшие сигнал Паркера капитаны линейных кораблей. Из боевой линии не вышел ни один!

Несколько по-иному сложилась ситуация для отряда фрегатов и брандеров, которым командовал капитан Риу. Капитан видел сигнал Паркера, видел неповиновение Нельсона и повторение приказа Паркера на корабле Грейвса, видел, что линейные корабли не обратили на сигнал ни малейшего внимания. Такого в истории британского флота еще не было: целая эскадра отказывалась подчиниться своему главному начальнику, да еще в разгар тяжелейшего боя! После мучительных раздумий Риу решает все же подчиниться приказу главнокомандующего. В отличие от капитанов линейных кораблей не выполнить приказ Паркера ему было значительно сложнее, так как он не находился непосредственно на линии огня, а располагался в некотором отдалении от ударных сил и был значительно ближе к флагману Паркера.

Обрубив якоря, фрегаты Риу повернули в сторону кораблей резервного отряда и сразу же попали под массированный огонь береговых фортов. В несколько минут палубы фрегатов были завалены трупами. Сам Риу метался по квартердеку и, обхватив голову руками, твердил:

— Боже, что будет думать о нас Нельсон?

Датское ядро, разорвавшее несчастного капитана, положило конец его душевным мукам.

Историк В. Трухановский так оценивает мотивы, которыми руководствовался Нельсон, отказываясь исполнить приказ Паркера: "Поведение Нельсона можно объяснить только его глубокой оценкой смысла и сути создавшейся ситуации. Он, как это присуще всякому большому полководцу, находясь в самом центре битвы, интуитивно чувствовал, что чаша весов склоняется в пользу англичан, что, каким бы кровавым ни было сражение, оно обещает закончиться успешно: еще час кровопролития и придет победа. В то же время он понимал, что выход английских кораблей из боя именно в тот момент оказался бы для них равен самоубийству: датские батареи наверняка их добили бы без

труда. Вот такие соображения, по-видимому, и заставили Нельсона пойти на огромный риск. Всю ответственность за свое решение он брал на себя. Он не мог ни с кем посоветоваться. Правда, такое и не входило в его привычки. Со своими капитанами, когда это возможно, как, например, перед Абукиром, Нельсон совещался, но именно совещался, а не устраивал военный совет, который принимал бы коллективное решение. Он считал, что принятие решения на военном совете — признак слабости для командующего".

Как показал дальнейший ход событий, решение, принятое Нельсоном, было единственно правильным в сложившейся непростой ситуации.

А сражение продолжалось, с каждой минутой принимая все более ожесточенный характер. Спустя полчаса после истории с сигналом Паркера наступил долгожданный перелом, которого так ждал Нельсон.

Датский флагман "Даннеброг", по которому Нельсон постарался сосредоточить наиболее яростный огонь, не выдержал его, обрубил якоря и, увлекаемый течением, начал быстро дрейфовать в сторону. Спустя еще четверть часа он взорвался в центре пролива. Сопротивление датчан сразу ослабело, а англичане всё усиливали натиск. Вскоре уже семнадцать датских линкоров едва могли отбиваться от наседавших британцев. То там, то здесь грохотали взрывы — это взлетали на воздух датские корабли. День клонился к исходу.

— Если до наступления темноты датчане не сдадутся, я добью их брандерами! — высказал свою мысль Нельсон, повернувшись к Фолею. — Прикажите брандерным капитанам изготовиться для атаки. Цели пусть намечают себе самостоятельно в зависимости от обстановки и удобства нападения! Впрочем, я предприму еще одну попытку закончить дело без дальнейшего кровопролития! Вызовете ко мне Тесигера!

Когда капитан Тесигер прибыл на борт "Элефанта", Нельсон вручил ему наскоро написанное письмо:

— Отправляйтесь под белым флагом на берег и вручите мое послание принцу Фредерику! Скажите, что мы предлагаем ему мир и нашу дружбу!

Письмо Нельсона гласило: "Братьям англичан, датчанам. Лорд Нельсон получил указание пощадить Данию при условии ее отказа от дальнейшего сопротивления. Однако, если обстрел с датской стороны не прекратится, лорд Нельсон будет вынужден поджечь все захваченные им плавучие батареи, поскольку не имеет возможности спасать их мужественных защитников —

датчан. Подписано на борту "Элефанта", корабля Его Величества короля Британии. Рейд Копенгагена, апрель 2,1801. Вице-адмирал Нельсон и Бронте, под командованием адмирала сэра Хайда Паркера".

Рассыльного матроса послали за печатью вице-адмирала и сургучом, но по пути рассыльный был убит. Послали второго. Сургуч разогрели и запечатали конверт. Затем Нельсон лично приложил свою знаменитую серебряную печать.

Капитан Тесигер отправился на берег. На корме его шлюпки развевался синий флаг, а посередине укрепили огромный флаг белого цвета. Обстрел датского флота на время переговоров прекратился, датчане же еще некоторое время продолжали палить. Тесигер был человеком не робкого десятка и правил напрямик к ближайшему датскому линейному кораблю, невзирая на падающие рядом ядра. Корабль, на который попал Тесигер, по случайному совпадению носил такое же название, как и флагман Нельсона, — "Элефантин". Датский капитан выслушал капитана английского и дал ему в провожатые лейтенанта. После этого шлюпка отправилась к городской набережной, с которой наблюдал за ходом сражения принц Фредерик со свитой. Английского парламентера приняли вежливо, но холодно.

— Слушаю вас! — кивнул ему вместо приветствия принц. Капитан Тесигер откашлялся:

— Единственная причина, заставившая лорда Нельсона поднять флаг перемирия, — это гуманность! Лорд Нельсон готов немедленно прекратить боевые действия и разрешить переправить на берег всех раненых датских моряков. Лорд Нельсон вернет всех пленных с захваченных кораблей, а сами корабли он взорвет или заберет как трофеи!

— Чего же хочет лорд Нельсон от меня? — спросил Фредерик.

Тесигер склонил голову:

— Лорд Нельсон будет считать свою сегодняшнюю победу величайшей из когда-либо им одержанных, если она окончится счастливым примирением.

Фредерик задумался. Капитан вглядывался в лицо принца, стараясь прочесть его мысли. Одна минута сменяла другую, но Фредерик молчал. Тесигер занервничал. Он понимал, что, отправляя его с письмом, Нельсон блефовал. Несколько британских кораблей вследствие неудачного маневрирования сели на мель и теперь могли быть расстреляны датскими береговыми батареями. Успех ночной атаки брандерами тоже был сомнительным.

— Условия, выдвигаемые вашим командующим, весьма

нечетки! — наконец сказал принц. — А потому я вынужден послать к вам для согласования конкретных условий своего офицера!

С Тесигером был отправлен хорошо знающий английский язык капитан Линдхольм.

— Какие цели вы преследуете, предлагая перемирие? — спросил Линдхольм Нельсона, прибыв на борт "Элефанта".

— Моя цель — гуманность! — ответил Нельсон.

Вся последующая речь Нельсона была выдержана в том же духе.

Капитан Фримэнтл, бывший во время боя рядом с Нельсоном, отмечал: "В это время (во время переговоров. — *В. Ш.*) он (Нельсон. — *В. Ш.*) сознавал, что наши корабли разбиты вдребезги и что будет трудно вызволить их отсюда".

Не скрывал тяжелых повреждений и сам Нельсон. Впоследствии он так и говорил:

— Наши корабли пострадали очень сильно, а некоторые едва держались на плаву!

Позднее английские моряки, прошедшие этот ад, говорили:

— Боев и сражений мы видели за свою службу немало, но бойню лишь одну — при Копенгагене!

Из докладной капитана Линдхольма: "…поэтому он (Нельсон. — *В. Ш.*) согласен, чтобы военные действия прекратились на то время, пока лорд Нельсон не снимет своих пленных (датских моряков. — *В. Ш.*) с призов; он согласен высадить на берег всех раненых датчан и сжечь или увести свои призы".

Получив ответ, капитан Линдхольм вернулся на берег и доложил принцу Фредерику:

— Лорд Нельсон надеется, что перемирие станет предвестником счастливого союза между нашими государствами.

Датские корабли и береговые батареи постепенно прекращали огонь. Из вахтенного журнала линейного корабля "Элефантин": "5 часов дня. От капитана Фишера поступил приказ прекратить огонь".

Нельсон начал спешно выводить свои разбитые корабли из пролива. Приказ о немедленном отходе был дан и контр-адмиралу Грейвсу. Якоря не выбирали, а рубили — Нельсон боялся, что датчане могут передумать. Паркер выслал ему на помощь все имевшиеся у него гребные суда.

Позднее Нельсон признавался, что ехал к Паркеру с дрожью в сердце, не зная, что ему ожидать от главнокомандующего. Может, Паркер имел некую секретную инструкцию, в которую Нельсон не был посвящен, и только что заключенное перемирие с датчанами

противоречит ей и сводит на нет все усилия флота.

Однако все сомнения Нельсона разрешились, едва он ступил на палубу "Лондона". Забыв былые недоразумения, Паркер сам вышел навстречу Нельсону и крепко его обнял, благодаря за совершенный подвиг. Доложив об обстоятельствах сражения, Нельсон, по его собственным словам, почувствовал чрезвычайную усталость. Сказалось нервное напряжение целого дня тяжелейшего сражения. Характерно, что ни Паркер, ни Нельсон в ходе своей беседы ни единым словом не упомянули о злополучном приказе главнокомандующего покинуть поле боя и о невыполнении Нельсоном этого приказа.

Вернувшись на "Элефант", Нельсон заперся в салоне и написал юношески пылкое стихотворение, посвященное, разумеется, леди Гамильтон. Стихотворение было озаглавлено: "Лорд Нельсон — своему ангелу-хранителю".

Разрублена та якорная цепь,
Что мой корабль держала у причала.
Но якорь в сердце у меня — та крепь.
Что нам позволит все начать сначала.

Взяв другой лист бумаги, Нельсон размашисто начертал на нем: "Ответ ангела-хранителя лорду Нельсону". И уже якобы от имени Эммы продолжил:

Плыви, куда влечет судьба
И славы трубный глас тебя зовет,
Я буду мысленно с тобой всегда,
Я прослежу души твоей полет.
То в Индии, то за полярным кругом,
То в мирной тишине, то в гуще боя
Твой ангел будет рядом, вечным другом,
Твой ангел — он всегда, везде с тобою.
Твой ангел — это я, и наши души
Не разобщат ни океан, ни суша,
А доблесть, постоянство и любовь —
Девиз навеки наш, хоть и не нов.

Утром следующего дня Нельсон сел за стол переговоров с принцем Фредериком. Это право было предоставлено ему Паркером как своеобразная награда за победу. Главнокомандующий, несмотря на всё свое нерасположение к младшему флагману, сумел быть благородным и благодарным.

Переговоры были недолгими и вполне успешными. От имени британского правительства Нельсон объявил, что Англия требует от Дании отказа от союзного договора с Россией и немедленного открытия своих портов для английских торговых судов.

— Но это же война не только с Парижем, но, возможно, и с Петербургом! — ужаснулся принц.

— Это гарантирует дружбу и поддержку Лондона! — веско заявил Нельсон, и договор был подписан.

Вечером, оставшись наедине с портретами своей возлюбленной, Нельсон пишет ей очередное письмо: "Если на нашей земле есть хоть один святой, это ты. В тебе есть то, что делает человека святым, — способность быть намного лучше других. Поэтому я верю в твою святость так же искренне, как в Бога. В наш век, век зла, ты подаешь пример настоящей порядочности и доброты, которые мы подняли бы до давно забытого уровня, если бы не погрязли в роскоши и позоре. Пусть падет проклятие Божие на тех, кто хочет вовлечь тебя, дорогая Эмма, в компанию недостойных мужчин и женщин, увести тебя из тихого дома. А я — один из тех людей, кто считает, что в Англии чем выше класс, тем хуже компания. Я рассуждаю отвлеченно; я не думаю так плохо о каком-то именно классе, да и в плохом бывают хорошие люди… Не хочу покорять ничьих сердец; если то одно, которое я покорил, — счастливо, тогда покоритель тоже согласен быть покоренным. Мне нужно единственное верное сердце, и хотя человек может иметь много доброжелателей, ему нужна одна-единственная любовь. Навсегда, навеки твой любящий друг Нельсон и Бронте". В конце письма он небрежно приписал: "Наилучшие пожелания сэру Уильяму".

Письмо Нельсона, как и все остальные, наполнено любовью, но в нем сквозит неприкрытая тревога о развлечениях Эммы в сомнительных компаниях. Некоторые биографы Нельсона считают, что его ревность была преувеличенна и сводилась прежде всего к тому, чтобы отвратить Эмму от каких-либо отношений с принцем Уэльским. Однако, судя по письму, речь Нельсон ведет не о принце, а о целой компании великосветских шалопаев. Похоже, он располагает некоторой информацией о поведении своей возлюбленной. Несмотря на то, что наш герой боготворит свою возлюбленную и считает ее святой, на самом деле у историков имеется немало косвенных фактов о том, что леди Гамильтон, даже будучи рядом с Нельсоном, никогда не упускала случая завести не слишком безобидные романы со многими попадавшимися ей на пути мужчинами.

* * *

История с заключением перемирия с датчанами — это особая тема Копенгагенского сражения, до сих пор дающая историкам много пищи для размышлений. Следует заметить, что никаких полномочий на ведение переговоров Нельсон от Паркера не получал. По первоначальному плану, утвержденному главнокомандующим, итогом сражения могла быть только полная капитуляция датчан, но никак не перемирие.

Нельсон, вступив в переговоры без ведома Паркера, уже во второй раз за время сражения превысил свои полномочия и проявил своеволие. Опять же своевольно, не поставив в известность главнокомандующего, он отказался от начального плана и вместо капитуляции предложил принцу Фредерику перемирие.

Сам Нельсон утверждал, что предложил противнику перемирие только тогда, когда его победа над датчанами была полной. Но Нельсон многого недоговаривает. Датский флот к началу переговоров был практически разгромлен, однако невредимы остались все береговые батареи, а сами англичане оказались в ловушке. Чтобы вырваться на "большую воду", им надо было прорываться под пушками цитаделей, и чем бы закончился этот прорыв, еще неизвестно. Корабли Нельсона были разбиты и едва держались на воде. Два линейных корабля так и не смогли сняться с мели и были обречены на уничтожение. Потери на английских кораблях составили тысячу двести человек, что значительно превышало потери при Абукире!

Поэтому с большой долей уверенности можно утверждать, что Нельсон, понимая сложность своего положения, блефовал. Разумеется, о капитуляции не могло быть и речи: зачем датчанам капитулировать, если их береговые форты готовы разнести в клочья попавшего в ловушку неприятеля! Другое дело, что потеря почти всего флота и большое количество погибших вполне могли склонить принца к перемирию, которое его ни к чему не обязывало, но прекращало кровопролитие. В своем письме Нельсон недвусмысленно заявляет, что в случае отказа датчан от перемирия он уничтожит захваченные корабли вместе с пленными командами. Это самый откровенный шантаж с использованием заложников.

Трудно сказать, был ли на самом деле готов Нельсон осуществить столь чудовищную акцию, которая, вне всяких сомнений, вызвала бы возмущение во всем мире, и в первую очередь в самой Англии, но угроза возымела действие. Многие историки считают, что он просто брал датчан на испуг. Как бы то ни было, но расчет оказался верен. Принц Фредерик решил, что смертей уже достаточно, и согласился на перемирие. К тому же

он не желал подвергать бомбардировке город. Подействовало на принца и наличие в составе английского флота кораблей Паркера, еще не вступавших в сражение. Он же не знал, что они и не могли вступать в бой с датчанами! Эти корабли составляли основу эскадры, которая должна была идти к берегам России. Не на разбитых же линкорах угрожать Ревелю и Кронштадту! А ведь сражение с русскими предстояло еще более ожесточенное, чем с "братьями-датчанами", ведь драться до последней капли крови российские моряки умели всегда.

Создалась ситуация, когда и англичане, и датчане явно преувеличивали силы противника. При этом обращает на себя внимание тот факт, что перемирия запросили не побежденные, а победители. Что касается датчан, то они были готовы драться и дальше. Впоследствии датчане никогда не признавали своего поражения в Копенгагенском сражении, подчеркивая, что перемирия запросили не они, а Нельсон, они же после долгих раздумий просто согласились на его предложение, да и то только потому, что не было выдвинуто никаких политических требований и Нельсон просто просил прекратить бой! С этими доводами спорить трудно, ибо за ними стоят факты.

Одним из первых выступил в печати с критикой попытки англичан приписать себе победу в Копенгагенском сражении коммодор датского флота Фишер. Он писал: "В этом неравном сражении, которое мы вели в течение четырех с половиной часов с беспримерным мужеством и эффективностью, огонь превосходящих сил противника за час до окончания битвы был настолько ослаблен, что ряд английских кораблей, и в частности корабль Нельсона, оказались вынужденными делать только сигнальные выстрелы, а сам этот герой в середине сражения, когда битва достигла своего апогея, послал флаг перемирия на берег с предложением прекратить военные действия".

Заявление датского коммодора выглядело на фоне победных реляций настолько сенсационно, что его сразу же перепечатали английские газеты. Все ждали, как будет оправдываться Нельсон. Но он промолчал, отделавшись лишь письмом принцу Уэльскому: "Что касается этой чепухи относительно победы, то Вашему королевскому высочеству не следует слишком доверять ему (Фишеру. — *В. Ш.*)". И никаких аргументов, а тем более фактов в свою защиту.

После заключения перемирия, когда в дело вступили дипломаты и вынудили Данию отложиться от союза с Россией, победа Нельсона при Копенгагене была подтверждена де-юре. О де-факто историки спорят и по сей день.

В Англии сражение при Копенгагене рассматривают как

столкновение двух флотов, в котором датчане, разумеется, потерпели поражение.

У датских военачальников в последний момент просто не выдержали нервы и они упустили вполне реальный шанс преподать хороший урок английскому флоту и обратить свое поражение в блистательную, хотя и кровавую победу. Сил и средств для этого у них еще хватало. Однако в Дании не было в то время предводителя, подобного Нельсону, — способного к решительным действиям, импровизации, инициативе и риску. А на войне нередко выигрывает тот, у кого в придачу ко всем боевым качествам еще и более крепкие нервы.

Глава восемнадцатая
ВОЛНЫ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Нерешительный и вялый Паркер после сражения проявил завидную деловитость. Он быстро подсчитал потери и тут же назначил на освободившиеся офицерские должности своих выдвиженцев. Все предложения и просьбы Нельсона он оставил без внимания. Особенно хлопотал Нельсон за лейтенанта с линейного корабля "Монарх", который в разгар боя заменил павшего капитана и отлично справился со своими обязанностями. Но капитанское место досталось не ему, а старому знакомому вице-адмирала Паркера по Вест-Индии, просидевшему весь бой на не сделавшем ни одного выстрела "Лондоне". Возмущенный Нельсон жаловался своему бывшему подчиненному, а теперь члену совета Адмиралтейства Трубриджу: "Я, дорогой мой Трубридж, оказался в очень неловком положении в отношении повышений. Мой долг повелевал мне добиться повышения первого лейтенанта, служащего на "Элефанте", но всеми моими ребятами пренебрегли. Я хотел бы надеяться, что Адмиралтейство при повышении первых лейтенантов с кораблей, участвовавших в бою, сочтет, что рекомендации лорда Нельсона могут иметь какой-либо, пусть незначительный вес".

О своих подчиненных Нельсон не забывал никогда. Он умел отличать, поощрять и помогать достойным. Ради блага своих офицеров и матросов он мог скандалить и рисковать собственной репутацией, зато его подчиненные знали, что их права будут защищены, интересы соблюдены, а отличившиеся отмечены. Об этом не слишком часто встречающемся у больших начальников качестве знал весь британский флот, и именно за это Нельсона не просто чтили как героя и победителя, а искренне любили, как любят дети своего строгого, но справедливого и заботливого родителя.

Помимо отказа в повышении по должности людей Нельсона Паркер осуществил еще одну акцию, которая вызвала обиду и злость у всего личного состава сражавшейся эскадры — от командующего до последнего юнги. Все захваченные суда и плавбатареи (кроме одного корабля, отправленного для наглядного доказательства победы в Англию) Паркер велел сжечь. Таким образом, он одним махом лишил тысячи матросов и офицеров их законной доли за захваченные призы. Уничтожать трофеи не было никакой необходимости: каждый из кораблей после соответствующего ремонта мог еще немало лет прослужить

в английском флоте. И по этому поводу Нельсон разразился гневным письмом, на сей раз прямо первому лорду графу Сент-Винсенту: "Я не знаю, упомянет ли сэр Хайд Паркер этот предмет в беседе с Вами, ибо он богат и не нуждается в призовых деньгах. Поверьте мне, что не желание получить несколько сот лишних фунтов стерлингов побуждает меня направить Вам это письмо. Мой дорогой лорд, я руководствуюсь только справедливостью в отношении храбрых офицеров и моряков, которые сражались в этот день. Верьте мне, я взвесил все обстоятельства и моя совесть говорит, что королю следовало бы обратиться с милостивым посланием к палате общин, чтобы она вотировала дар для этого флота. Ибо каковы должны быть естественные чувства офицеров и матросов, принадлежащих к этому флоту, когда они видят, что их богатый главнокомандующий сжигает все плоды их победы, которые, если бы их привели в порядок и отправили в Англию… могли быть проданы за хорошую кругленькую сумму".

Король и парламент, однако, ограничились словесной благодарностью героям Копенгагена. Одни говорили, что так произошло потому, что победа была неполной, другие винили во всем зависть и происки вице-адмирала Паркера. Были и такие, кто утверждал, что всему виной неприязнь короля к лорду Нельсону из-за его скандальной связи с леди Гамильтон.

— Ну а мы-то при чем? — удивлялись моряки. — Мы честно дрались и хотели бы получить за это хоть немного, но честно заслуженного!

— Ничего! — сказали им. — Война еще не окончена, и у вас еще будет возможность отличиться!

* * *

Спустя несколько дней после сражения у Копенгагена в море вышел линейный флот Швеции. Навстречу ему Паркер немедленно послал эскадру во главе с Нельсоном, но шведы, узнав подробности о разгроме датского флота, сочли за лучшее вернуться в свои порты. Описав круг по Западной Балтике, Нельсон вновь вернулся к Копенгагену.

Почтовые пакетботы все время сновали между английским Балтийским флотом и метрополией, а потому почта доставлялась на корабли регулярно. Разумеется, что едва известия о новой победе Нельсона дошли до Англии, как на него обрушился поток писем. Писали как те, чьим письмам Нельсон был несказанно рад, так и те, от кого он вообще не желал бы ничего получать.

Одним из первых пришло письмо от сэра Гамильтона,

уведомлявшего счастливого любовника собственной жены, что "Эмма была сама не своя от счастья и так спешила сообщить… великую новость, что не могла вымолвить ни слова, а только плакала от радости". Прислала письмо и отвергнутая Фанни: "Я не могу молчать, когда по всему королевству царит всеобщая радость, я должна сказать, как я счастлива и благодарна Богу за то, что он сохранил тебе жизнь. Все поздравляют, просят передать тебе всяческие похвалы и благодарности, говорят, что эта победа превзошла даже Абукир. Каковы мои чувства, тебе подскажет твое доброе сердце. Прошу тебя — нет, умоляю — поверь мне, что никогда ни одна женщина не испытывала большей привязанности к своему мужу, чем я. Насколько я понимаю, я всегда делала то, что ты хотел — не иначе. Я очень жалею, если чего-то не сделала. Получив письмо от твоего отца, написанное в грустном, мрачном тоне, я в ответ предложила, что приеду к нему и, может быть, смогу хоть как-то отвлечь его от тяжелых дум. С ответной почтой он сообщил, что хочет видеть меня немедленно, но мне пришлось задержаться на несколько дней в городе из-за дома. Буду делать все, что от меня зависит, чтобы облегчить недуги, отравляющие ему жизнь. Что же еще я могу сделать? Хочу убедить тебя, что я в самом деле тебя люблю".

Это письмо отчаяния и робкой надежды Нельсон оставил без ответа. Для него Фанни уже не существовала. У него теперь был иной ангел, которому он молился: Эмма Гамильтон. Нельсон писал в те дни своему ангелу, намекая на их отношения год назад: "Ах, это были счастливые времена, дни полной беспечности и ночи удовольствий!"

Плетя интриги против Нельсона, вице-адмирал Паркер несколько переусердствовал, и Адмиралтейство приняло сторону обиженного. Чтобы хоть как-то оградить себя от критики, Паркер именно Нельсону поручил ведение всех дальнейших переговоров с датчанами. Это была своеобразная награда за одержанную победу.

Переговоры, однако, затягивались. Датчане быстро опомнились от ужасов сражения и теперь с каждым днем наращивали оборону. Нельсон мрачно разглядывал в зрительную трубу копенгагенские укрепления. Теперь, несмотря на потерю датчанами почти всего своего флота, повторить прорыв к городу было бы уже невозможно: весь берег был буквально уставлен батареями. Да и вели себя на переговорах датчане отнюдь не как побежденные, а как равные с равными.

На встречах с недавними противниками Нельсона обычно сопровождал полковник Стюарт, от датской стороны неизменно присутствовал капитан Линдхольм.

Что касается Нельсона, то он всеми силами старался убедить принца, что Дания в общем-то не является врагом Англии, а в силу обстоятельств стала заложницей своей непродуманной внешней политики. Главным же врагом Англии на сегодняшний день является Россия.

— Разорвите договор 1800 года и переходите на сторону справедливости и добра, на нашу сторону! — говорил Нельсон.

Принц Фредерик поглядывал из окна своей резиденции на разбитые остовы своих кораблей и отмалчивался.

— Если вы опасаетесь мести со стороны России и Швеции, то мы гарантируем вам полную безопасность и защиту! — продолжал уговоры Нельсон.

По рейду сновали шлюпки под траурными флагами — матросы вытаскивали из воды трупы.

— Чего вы требуете взамен? — перевел взгляд на своего собеседника принц.

— Немного! — улыбнулся Нельсон. — Мы должны получить у вас снабжение и помощь для похода на Балтику против России!

— Что вы имеете против России?

— О, это бешеный враг Англии! — развел руками Нельсон.

— Но Россия — наш друг, а я порядочный человек и не могу столь беспардонно предавать своих друзей! — возмутился Фредерик.

Улыбка на лице вице-адмирала сразу исчезла.

— В таком случае, — сказал он с угрозой в голосе, — я буду вынужден подвергнуть Копенгаген бомбардировке, а это, как вы сами понимаете, повлечет за собой не только большие разрушения, но и многочисленные жертвы среди населения!

— Вы утверждаете, что являетесь нашими друзьями, но друзья так не разговаривают! — отрезал принц.

Видя, что разговоры ни к чему не ведут, Нельсон вскоре начал требовать капитуляции, всеми силами стараясь показать, что единственная цель Англии в затеянном ею балтийском предприятии — наказание своевольной и вероломной России.

Британский историк Поуп замечает по этому поводу: "Нельсон знал… всю стратегическую проблему. Он только что одержал в сражении накануне тактическую победу, но стратегическая проблема оставалась — это была Россия".

Действительно, кому как не Нельсону было не знать всей подоплеки внезапного охлаждения отношений между Россией и Англией! Ведь он сам не так давно приложил руку к обострению ситуации. На Средиземном море именно он интриговал против адмирала Федора Ушакова, пытался использовать русские

корабли в английских интересах и преградил путь русской эскадре к Мальте, отказавшись от совместного с Ушаковым штурма острова.

Теперь же Петербург, повернув внешнюю политику на сто восемьдесят градусов, начал переговоры с Парижем, причем не только о мире, но и о военном союзе против Англии, о посылке своего флота и армии для участия в десанте на Британские острова. Но и это не все! Не дожидаясь протокольных соглашений, Павел I послал Донское казачье войско в полном составе покорять Индию. Противостоять там воинственным казакам англичанам было просто нечем…

Инструкции Адмиралтейства предписывали Паркеру и Нельсону атаковать и уничтожить российский Балтийский флот. Инструкции адмиралы получили, но атаковать русских не торопились, а скорее всего и вообще не собирались. Для этого были причины, и довольно веские. Первая и главная из них заключалась в том, что успех атаки с большой долей вероятности мог сложиться не в пользу англичан. Помня выучку эскадры Ушакова, Паркер и Нельсон прекрасно понимали, что русские моряки намного превосходят французов, а потому результат сражения будет поистине непредсказуемым.

Во-вторых, русские вели бы бой оборонительный, опираясь на прекрасно защищенные военно-морские базы с сотнями береговых орудий, с прекрасными арсеналами и ремонтными мастерскими. У англичан же не было ничего.

В-третьих, сражения недавней Русско-шведской войны дали русским опыт подобной обороны как Ревеля, так и Кронштадта, при этом шведы, как известно, в обоих случаях потерпели серьезное поражение. Даже серьезно поврежденный русский корабль в этом сражении мог спустя самое короткое время снова войти в строй, тогда как даже небольшие повреждения английских кораблей не могли быть исправлены, как и не могли быть восполнены потери команд.

Пока Паркер с Нельсоном пребывали в раздумьях, русские моряки тем временем преподнесли англичанам пренеприятный сюрприз. Ревельская эскадра, ломая лед, покинула Ревель и прибыла в Кронштадт. Теперь, собранный в один кулак и опирающийся на огневую поддержку кронштадтских фортов, весь мощный Балтийский флот России был готов дать сражение любому противнику. Во главе флота был поставлен вице-адмирал Макаров, не раз до этого бывавший с кораблями в Англии и как никто другой знающий сильные и слабые стороны своего нынешнего противника. Атаковать Балтийский флот России у Кронштадта теперь было равносильно самоубийству! Атака

Ревеля уже не имела для англичан никакого смысла. И то и другое Нельсон прекрасно понимал.

— Не для того я всю жизнь создавал себе репутацию, чтобы одним махом погубить ее в этой балтийской дыре! — жаловался Нельсон в те дни. — К тому же, возможно, дипломаты еще сумеют договориться и все решится миром!

Здесь Нельсон тоже не всё договаривал. Он не был посвящен в тайны большой дипломатии, но, как и Паркер, тем не менее знал, что британский посол в России лорд Витворт уже предпринимает самые отчаянные шаги, чтобы спасти ситуацию. Прошло совсем немного времени, и ситуация на самом деле разрешилась, и каким образом!

Как стало известно позднее, именно лорд Витворт субсидировал заговорщиков — братьев графов Зубовых, графа Палена и генерала Беннигсена, совершивших в ночь на 12 марта 1801 года государственный переворот, в ходе которого был убит император Павел I. На российский престол взошел его старший сын Александр I. Донское войско из индийского похода было им немедленно возвращено в Россию. Спустя несколько дней после убийства отца Александр I заявил о своих симпатиях к Англии. Русский флот, несмотря на это, по-прежнему активно готовился к бою с англичанами. Адмирал Макаров докладывал в Петербург о полной готовности и просил разрешения на выход в открытое море, чтобы показать англичанам "где раки зимуют". Александр I такого разрешения не дал.

— Мы решим вопрос с англичанами не кровью, а чернилами! — говорил он в те дни.

Что касается Нельсона, то в этой изменившейся обстановке он неожиданно для всех сменил былую осторожность на демонстративную воинственность.

— Дайте мне хоть три корабля, и я сегодня же атакую Ревель! — говорил он осторожному Паркеру, но тот только отмахивался.

Хорошо знавшие Нельсона капитаны раскусили не слишком хитрый прием своего младшего флагмана. Теперь, когда военное столкновение двух держав становилось уже невозможным, Нельсон мог демонстрировать перед Лондоном свою готовность к бою, ничем особым при этом не рискуя. Английская эскадра держалась на входе в Финский залив, заходить туда, впрочем, не рискуя. Все понимали, что войны уже не будет. Английская Балтийская эскадра, которая раньше находилась на острие политических событий, теперь занималась самым рутинным делом — осуществляла присутствие в одном из районов Мирового океана. Вскоре вице-адмирал Паркер начал все чаще

заводить разговоры о возвращении в Англию по причине изношенности кораблей и усталости команд. Нельсон пока молчал, хотя и его мысли были теперь тоже в Англии, ведь там его ждала Эмма.

* * *

Известие о победе флота при Копенгагене вызвало в Лондоне ликование. Никто не ждал, что так быстро и просто удастся развалить российско-датско-шведский союз и лишить Францию столь сильных союзников. За новую победу Нельсону был пожалован титул виконта Хилборо. Орденом Бани был награжден заместитель Нельсона контр-адмирал Грейвс. Что касается заслуг вице-адмирала Паркера, то и их Адмиралтейство оценило по достоинству: за Копенгаген Паркер не получил ничего.

Тем временем английский флот продолжал находиться в акватории Балтийского моря, оказывая политическое давление на прибалтийские государства. Накануне дня рождения леди Гамильтон Нельсон самым серьезным образом объявил на всех вверенных ему кораблях и судах, что отныне день 26 апреля будет считаться днем святой Эммы. В этот день он отменил все корабельные работы и велел выдать матросам по лишней кружке грога. Капитанов же пригласил к себе на праздничный обед. После обеда на "Элефанте" состоялась церемония причисления Эммы Гамильтон к лику святых, которую осуществил в присутствии Нельсона и всех капитанов корабельный священник. Вот как описал сам Нельсон это достаточно кощунственное действо в письме к самой "святой Эмме": "Я желал бы, чтобы наградой мне были не титулы и деньги, а счастье. Завтра — день рождения святой Эммы, она мой ангел-хранитель, и, несомненно, в ней больше святости, чем в любом живущем сейчас человеке. Не в силах воздать тебе должное на корабле, я пригласил адмиралов и капитанов, которые имели счастье быть знакомы с тобой и испытать твою заботу, находясь в Средиземном море. Я пригласил их на праздник святой Эммы; утром будет богослужение, потом обед с вином — настолько изысканный, насколько это возможно на корабле. Не сомневайся, на флоте мою святую почитают больше, чем любого святого из Римского календаря. Друг мой, ты так добра, так добродетельна, что в тебе определенно больше от ангела, чем от человека. Я знаю, ты молилась за меня и когда я был на Ниле, и здесь тоже. Нас учили, что молитвы хороших людей доходят до престола Господня, значит, твои молитвы спасли мне жизнь. Я считаю себя

верующим, и если я обладаю бесстрашием, то лишь благодаря Богу. Только он может поколебать веру мою, только он может убить меня — на все воля Божья".

Нельсон скучает от бездеятельности и уже в открытую мечтает о скорейшем возвращении в Англию. Но Адмиралтейство все еще не доверяет дипломатам и боится грозного российского флота, а потому отзывать британские корабли с Балтики не собирается.

— Сколько можно находиться в состоянии, когда нет ни войны ни мира, причем первое уже невозможно, а второе только вопрос времени! — злился Нельсон.

Он пишет в Лондон одно письмо за другим, объясняя, что на Балтике ему уже делать нечего. Но Адмиралтейство продолжает молчать. Тогда Нельсон решает прибегнуть к своему старому трюку и притвориться больным. Теперь он пишет слезные письма уже лично лордам Адмиралтейства, но те тоже хорошо знают Нельсона, а потому все его стенания пропускают мимо ушей. А чтобы Нельсон и впредь не слишком "болел", лорды решают назначить его главнокомандующим Балтийским флотом Британии.

Вице-адмиралу Паркеру было велено собирать вещи и отправляться домой, где ему уже приготовили почетную и спокойную береговую должность. Паркер этому решению Адмиралтейства был весьма рад. От службы старый адмирал уже давно устал, тем более что преклонный возраст не позволял ему надеяться на дальнейшее продвижение по служебной лестнице. Кроме этого, Паркер был очень богат, а дома его ждала юная жена. В несколько дней Паркер передал все дела Нельсону, пожелал ему всяческих удач и отбыл в Англию.

Теперь Нельсон стал главнокомандующим, облеченным всей полнотой власти. Для молодого вице-адмирала синего флага такое назначение было весьма почетно, ведь на этом посту можно было дослужиться и до полного адмирала. Нельсон впервые становился полновластным руководителем целого флота на огромном морском театре. Он мог единолично планировать морские операции и осуществлять их. Казалось бы, что теперь-то Нельсон должен благодарить судьбу. Но не тут-то было! Вице-адмирал уже расхотел быть главнокомандующим. Он определенно всем недоволен, а его мнительность граничит с душевным расстройством.

Из письма Нельсона Эмме Гамильтон: "Мне пришло в голову, дорогой друг, что за последние несколько дней один из твоих портретов сильно побледнел, и это внушило мне беспокойство. Надеюсь, что ты Божией милостью здорова и ничто не заставит

тебя ко мне перемениться. А если это произойдет, то мне станет безразлично, когда покинуть этот мир — мир безрассудства и глупости. Впрочем, зачем так думать? Поскольку я тебе верен, мне кажется, я заслуживаю взаимности. Без дружбы наша жизнь была бы убогой, а найти настоящего друга так трудно, что искать — бессмысленно. Но если уж кто-то нашел друга, его нужно лелеять, как экзотическое растение".

Теперь целыми днями Нельсон слонялся по кораблю, изводя капитанов своим ворчанием:

— Держать меня здесь — чистое убийство! Я не могу больше выдерживать этот промозглый север и никогда не согласился бы служить здесь даже за титул герцога и пятьдесят тысяч фунтов годового дохода!

— Все правильно, ваша светлость! В этой дыре могут плавать только русские медведи! — поддакивали капитаны.

— Все знают, что у Ревеля я шесть часов провел на ветре в шлюпке! А потому теперь у меня настоящая чахотка! — продолжал жаловаться Нельсон.

О том, что Нельсон проторчал подле Ревеля шесть часов в шлюпке, знал уже весь английский флот, как и то, что торчать в этой шлюпке ему было абсолютно незачем и проделал все это Нельсон с одной-единственной целью, чтобы заболеть и отъехать в Англию.

— А что говорят насчет чахотки врачи, ваша светлость? — заботливо интересовались капитаны.

— Что они понимают! Знаете ли вы, что случится, если меня не уберут отсюда? — вопрошал Нельсон страдальчески.

— И не представляем! — хором отвечали преданные капитаны.

— Тогда я непременно умру здесь естественной смертью!

— Только не это! — разом восклицали капитаны.

Вскоре Нельсон узнал, что в Ревель прибыл только что назначенный Александром I министр иностранных дел граф Пален. Нельсон немедленно прислал ему свои уверения в глубочайшем уважении к новому российскому императору. На что Пален ответил вполне резонно:

— Единственным знаком уважения, который император примет от вас, будет срочное удаление флота, которым вы командуете, из наших вод!

Наконец и в Адмиралтействе поняли, что дальше держать Нельсона на Балтике бессмысленно. Из боевого адмирала он в считаные недели превратился в занудливого брюзгу. Лорды доложили королю.

— Отзывайте! — согласился Георг III. — С каждым глотком

славы Нельсон становится все более несносен! Что же касается диагноза его болезни, то он очень прост: это жена бывшего нашего посла в Неаполе, женщина без малейших нравственных устоев!

* * *

Едва получив уведомление о сложении с него полномочий главнокомандующего, Нельсон на самом быстром фрегате кинулся в ближайший из английских портов — в Ярмут.

Биограф Нельсона Г. Эджингтон пишет: "Весь город высыпал на улицы, чтобы встретить адмирала и проводить в гостиницу, которая теперь называлась "Нельсон" в его честь. Потом кавалерийский отряд сопровождал его до самого Лондона, где он поселился в отеле. Рядом, буквально за углом, на Пиккадилли жили Гамильтоны, и он проводил все свободное время у них. Фанни прислала письмо с благодарностью за щедрое содержание, которое муж ей назначил, но он отшвырнул его. Вместе с Гамильтонами он отправился на несколько дней за город. Сначала остановились в Бокс-Хилле, потом проследовали в Стейнс, где Нельсон и сэр Уильям удили рыбу в хрустально-прозрачных водах Темзы. Одна из газет саркастически сообщила читателям, что "доблестный лорд Нельсон, гроза французов и датчан, нынче развлекается тем, что вместе с сэром Уильямом и леди Гамильтон ловит в Шеппертоне пескарей"".

Несмотря на Копенгагенскую победу, и лорды Адмиралтейства, и сам король встретили Нельсона весьма прохладно. Виной тому были жалобы на плохое здоровье, которые Нельсон непрерывно слал с Балтики, и его возобновившаяся связь с леди Гамильтон. На приеме в Сент-Джеймском дворце, проходя мимо Нельсона, Георг III, задержавшись на минуту, сделал вид, что ничего не знает о решающей роли вице-адмирала в Копенгагенском сражении.

— Здравствуйте, Нельсон! — сказал король. — Что вы поделывали в последнее время?

— Ваше величество, вы ничего не слышали о битве у Копенгагена? — якобы ответил раздосадованный Нельсон.

Впрочем, большинство историков считают, что эту фразу Нельсону лишь очень хотелось сказать в ответ, но он все же сдержался.

Глава девятнадцатая
НЕДОЛГОЕ СЧАСТЬЕ

Идиллия с пескарями, однако, продолжалась недолго. Вновь, который уже раз, в судьбу Нельсона вмешалась большая политика. Как всегда, тревожные ветры задули с европейского материка. Австрийская империя потерпела очередное сокрушительное поражение от Франции и поспешила заключить с ней унизительный мир. Теперь Лондон, лишенный последнего союзника, остался один на один с Парижем. Заклятый враг англичан генерал Бонапарт сразу же принялся собирать для вторжения в Англию огромную армию и транспортный флот в Булони.

— Мои старые ворчуны — вот мой лучший довод! — говорил Бонапарт, разглядывая в зрительную трубу очертания английского берега. — Мне бы только добраться до кромки ближайшего пляжа, а там я уж буду гнать этих лавочников до самой Ирландии!

Английская общественность разволновалась, ведь одно дело, когда война идет где-то далеко, и совсем иное, когда она вот-вот придет в твой дом. От правительства стали требовать решительных мер по обороне острова. Вездесущие журналисты донимали главнокомандующего флотом метрополии адмирала Джервиса. Уставший от расспросов граф Сент-Винсент вяло отбивался:

— Я не говорю, что французы не пройдут. Я говорю, что они не пройдут морем!

Флот флотом, но укреплять береговую оборону надо было незамедлительно. Для этого все британское побережье было разбито на участки, во главе которых решено было поставить опытных адмиралов из числа тех, кто на тот момент не имел никакого назначения. Среди таковых оказался и Нельсон. Учитывая его популярность, талант и боевой опыт, Нельсона определили на наиболее ответственный юго-восточный участок побережья, против которого как раз и располагалась главная французская десантная база — Булонь.

Нельсона это назначение не порадовало. Он посчитал, что недруги специально сослали его на юго-восток Англии, чтобы разлучить с Эммой. А потому Джервису и другим пришлось приложить немало усилий, чтобы разубедить мнительного героя и доказать ему обратное. Только тогда Нельсон взялся за дело.

В Адмиралтействе относительно назначения Нельсона

единства не было. Противники приводили следующий весьма веский аргумент:

— Известно, что Нельсон чрезвычайно удачлив в морских сражениях, однако не менее известно, что он столь же несчастлив в сражениях сухопутных и десантных, из которых так ни одного никогда и не выиграл, а потому стоит ли вновь поручать ему дело, которое он заведомо провалит?

Впрочем, хулителям Нельсона быстро заткнули рот, и указ о его назначении был подписан королем.

Новая должность была для Нельсона делом совершенно незнакомым, однако он с присущим ему энтузиазмом взялся за укрепление береговой обороны. Он расставлял сторожевые вышки и укреплял батареи, организовывал в прибрежных деревнях вооруженные отряды и налаживал систему оповещения.

Однако новая должность не приносила удовлетворения, и Нельсон решает попытать счастья. Твердо веря в свою удачу, он намеревается пересечь на приданном ему фрегате Ла-Манш и поглядеть, чем занимаются французы в Булони. Поход этот Нельсон приурочил к третьей годовщине своей победы над французами при Абукире. В такой день ему просто не может не повезти!

Но от судьбы не уйдешь, и Нельсона ожидало глубокое разочарование. Все предприятие свелось к тому, что с фрегата сделали несколько выстрелов по берегу, оттуда ответили тем же. Разрядив с дальней дистанции орудия, Нельсон вернулся домой. Понимая, что надо сохранять хорошую мину при плохой игре, он по возвращении объявил:

— Пустяк, конечно. Однако нам нужно было показать врагу: не смей угрожать, будешь наказан! Кстати, этими выстрелами мы успокоили детей и женщин в Лондоне!

В ответ по Англии пронесся слух о нелепой гибели Нельсона у Булони. Что касается французов, то они разразились целой серией едких карикатур, на которых тщедушный Нельсон, сидя верхом на маленьком суденышке, пытается править в сторону Франции, где его уже поджидает здоровенный генерал Бонапарт с не менее огромным тесаком в руке. Самое обидное, что французские карикатуры начала перепечатывать и английская бульварная пресса. Нельсон был в ярости.

Спустя несколько дней Нельсон решает повторить свой набег, но на этот раз не ограничиваться бесполезным обстрелом, а высадить десант, чтобы пощекотать противнику нервы. Для участия в операции Нельсон привлек несколько фрегатов и до семидесяти всевозможных мелких судов. В качестве десанта использовались ополченцы и матросы. Операция была

подготовлена наспех, даже сам Нельсон не знал, что его ожидает на вражеском берегу. Им двигало только желание доказать всем, что судьба по-прежнему милостива к нему, и заставить произносить его имя с почтением.

Но, как оказалось, французы к встрече англичан были готовы. Виной всему оказалась британская пресса, на все лады расписавшая первую диверсию Нельсона и сообщившая, что знаменитый адмирал готов взять реванш и вновь посчитаться с французами в самое ближайшее время.

Когда десантная флотилия Нельсона подошла к Булони, чтобы захватить в абордажном бою несколько французских транспортных судов, там ее уже ждали. Шлюпкам с десантом не дали даже отойти от судов: их тут же расстреляли из замаскированных орудий. В несколько минут были убиты более четырех десятков матросов, еще полторы сотни были ранены. Пришлось убираться ни с чем.

На следующий день ведущие лондонские газеты вышли с аршинным заголовком: "Кем будет теперь лорд Нельсон: бароном Булонь или шевалье де Ла-Манш?" Самолюбие победителя Абукира и Копенгагена было уязвлено.

За бессмысленные потери Нельсон держал ответ перед графом Сент-Винсентом. Несмотря на дружеское расположение к своему давнему соратнику, Сент-Винсенту пришлось провести с Нельсоном весьма неприятный разговор. Тот оправдывался:

— Больше я никогда не позволю себе посылать людей в атаку, в которой не принимаю участие сам!

Всю ответственность за провал операции Нельсон безропотно взял на себя. Чтобы поддержать друга и любовника в столь не простой для него час, к Нельсону в Диль приехала чета Гамильтонов. При этом Эмма была озабочена не столько произошедшей с ее возлюбленным неприятностью, а тем, что пришла пора подыскать новое достойное жилье, где Гамильтоны и Нельсон могли бы жить втроем. Нельсон против такого решения не возражал.

— Являясь бароном Нильским и виконтом Хилборо, я просто обязан иметь недвижимость в Англии, а потому, дорогая Эмма, я надеюсь на твой вкус!

* * *

Прекрасно понимая, что войны с Францией будут длиться еще много лет, Нельсон осознавал, что реально воспользоваться подаренным ему неаполитанским королем поместьем Бронте на

Сицилии вряд ли удастся и что их с Эммой мечта жить там не более чем красивая сказка. Поэтому надо было искать какое-нибудь жилье в Англии.

Едва Гамильтоны отъехали в Лондон, как Нельсон уже пишет Эмме: "Я вернулся на корабль, а Эммы там нет. Нет и нет, мое сердце готово разорваться. Я в молчаливом смятении, на стенах четыре портрета леди Гамильтон, но, увы, оригинала нет. Мы расстались, чтобы скоро увидеться снова, — это должно быть так, это будет так. Моя дорогая жена, как мне выдержать эту разлуку? Боже милостивый, какая перемена. Мне так тяжело, что ничего не хочется. Когда я вспоминаю счастливые часы, прожитые вместе, разлука кажется кошмаром. Лучшие времена настанут, они должны наступить, если Богу будет угодно. Голова моя идет кругом. Люби меня так же, как любит леди Гамильтон, она знает мои мысли, и, хотя это письмо сумбурно, ты все поймешь. Благослови тебя небо. Аминь, аминь, аминь".

Вскоре Эмма присмотрела большой и красивый дом с наделом земли в пятьдесят два акра в Мертоне, местечке, расположенном всего лишь в семи милях от центра Лондона. Нельсон так и не нашел возможности посмотреть найденную Эммой Мертонскую усадьбу. Однако он не печалился: если дом понравился Эмме, то он просто не может не понравиться ему самому. Несмотря на то что финансовое положение Нельсона в ту пору оставляло желать много лучшего, он выложил последнее и купил выбранную Эммой усадьбу за девять тысяч фунтов.

Еще во время приезда Эммы в Диль Нельсон сказал ей:

— Милая, когда мы купим усадьбу, ты станешь повелительницей и хозяйкой всех земель и вод, а все, и я в том числе, будут твоими гостями, послушными тебе во всем! Я надеюсь, что ты навсегда полюбишь наше приобретение. Это будет мой подарок тебе!

Мнения сэра Уильяма относительно скорого переезда на новое место жительства никто не спрашивал. Впрочем, Нельсон, вежливости ради, нашел случай приободрить 70-летнего старика:

— Уверяю вас, что я постараюсь сделать так, чтобы и на новом месте вы чувствовали себя счастливым!

Вскоре Гамильтоны перебрались в Мертон. А затем оттуда Нельсону пришло письмо от сэра Уильяма. Письмо весьма примечательное, так как в нем Гамильтон как бы официально передавал Эмму на попечение Нельсона, отказываясь от всех прав на нее взамен на спокойную старость: "Мы живем во владении Вашей Светлости уже несколько дней, и теперь я могу сказать кое-что конкретное. Я прожил с нашей дорогой Эммой несколько лет, я знаю ее достоинства. Господь дал ей ум и доброту, о

которых я высокого мнения. Одинокий моряк вполне мог поручить такой разумной женщине выбрать дом, предоставив ей в том полную свободу. Я уверен, что Вам повезло, потому что нельзя было найти жилье, более соответствующее Вашим вкусам, и так дешево: сделка свершилась как раз за три дня до того, как распространились слухи о мире. Уже сейчас каждое поместье в округе подорожало, и буквально завтра можно будет продать Ваше на тысячу фунтов дороже. У Мертона есть два преимущества, бесценных для Вашей Светлости: близость города, с одной стороны, и полное уединение — с другой. Сам по себе дом так комфортабелен, мебель так чиста и хороша, и потом — здесь сосредоточено столько разных удобств, что Вам остается только немедленно приехать. Вы будете наслаждаться всем; для Вас есть даже приятная сухая тропинка для прогулок вокруг фермы длиной в целую милю. Вас очень позабавит то, как Эмма с матерью обустраивают свинарники и курятники; канал ожил благодаря уткам, а петух уже гордо вышагивает по дорожкам со своими курами. Я совершенно согласен с Вами в том, что в канале нужно разводить рыбу; я ручаюсь, что через несколько месяцев Вы сможете заказать хорошее рыбное блюдо и получите его в первый момент".

Именно в Мертоне Нельсон проведет самые счастливые дни своей жизни.

* * *

В октябре 1801 года между Англией и Францией был заключен Амьенский мир. Брошенная бывшими союзниками, Англия сочла за лучшее признать все территориальные завоевания своей агрессивной соседки и получить хотя бы небольшую передышку. Однако все прекрасно понимали, что за Амьенским миром последуют новые войны.

Едва газеты опубликовали параграфы нового мирного договора, как Нельсон тут же написал рапорт с просьбой об отпуске по причине слабости здоровья.

Спустя несколько дней он был уже в Мертоне. К приезду героя местные жители соорудили деревянную триумфальную арку. Увидев большой дом с ухоженным садом, Нельсон тут же сказал:

— Я назову его Райский Мертон! Обратившись к старому Гамильтону, он добавил:

— Тот, кто проживет дольше всех, унаследует все это! Биограф Нельсона Г. Эджингтон: "Вскоре все трое зажили

размеренной жизнью, которую можно было назвать идиллией. Нельсон жил как сельский помещик, о чем мечтал с детских лет. Они с Эммой упивались тем, что они вместе; держались все время за руки и глядели в глаза друг другу, словно влюбленные подростки, а сэра Уильяма как будто бы устраивало существование "в уголке" их жизни. Почти все время он проводил за рыбной ловлей в изгибе протекающей по усадьбе речушки, которую они все называли "каналом". Любовники вели себя как муж и жена даже в присутствии посторонних, а сэр Уильям выглядел их гостем. Эмма и Нельсон всегда были в каком-то лихорадочном возбуждении, может быть, потому, что сознавали: они вкушают от запретного плода. Несомненно, их страсть подогревалась и теми правилами, которые они для себя установили: они никогда не виделись рано утром. Эмма, например, ни разу не видела своего героя небритым. Они спали в разных комнатах и виделись только тогда, когда оба были "при параде". И так каждый день".

Если Г. Эджингтон представляет совместную жизнь Нельсона и Гамильтонов как идиллию, то старому другу Нельсона лорду Минто, посетившему Мертон, все виделось несколько в ином свете: "Весь их дом и образ жизни таковы, что я испытал и гнев, и грусть… Она стремится довести дело до законного брака, поскольку сэру Уильяму суждено недолго ей мешать. Возможно и то, что она надеется пережить леди Нельсон. А между тем и она, и ее муж, и весь домашний штат — все живут за счет Нельсона. Она — в расцвете красоты, но стала дороднее, чем раньше; по-прежнему льстит ему неприкрыто и без всякой меры, а он выслушивает это так же покорно, как ребенок глотает кашу. Она демонстрирует какую-то нелепую, отвратительную любовь к Нельсону. Весь дом — не только комнаты, но также лестницы и все прочее увешаны его и ее портретами, оружием, здесь видишь настенные подарочные тарелки, флагшток с "Ориента" и прочее, и прочее. Все это — тот перебор тщеславия, который производит обратный эффект. Если бы дом принадлежал леди Гамильтон, это еще можно было бы понять, но сделать собственный дом зеркалом, в котором весь день любуешься сам собой, — просто дурной вкус".

О, Эмма была далеко не так проста! Куда было до нее добродетельной простушке Фанни! За Нельсона Эмма ухватилась мертвой хваткой. Превратив Мертон в музей прижизненной славы Нельсона, она взялась за его родственников. Далеко не сразу, а постепенно, одного за другим она делала их своими союзниками. Больше остальных сопротивлялся ей отец Нельсона преподобный Эдмунд, искренне сочувствующий своей несчастной невестке. Но

пришел день, когда сдался и он. По приезде Нельсона-старшего в Мертон Эмма устроила ему столь пышную встречу, что старик, никогда в жизни ни сталкивающийся ни с чем подобным, растаял.

— Это не просто дом — это усадьба мира! — прослезился преподобный Эдмунд. — Я тоже хотел бы стать одним из его обитателей! Мы с сэром Уильямом оба старики, и мы должны видеть, как счастлив наш герой!

Понимая, что она окончательно теряет Нельсона, Фанни пишет ему последнее отчаянное письмо: "Мой дорогой супруг, прошло какое-то время с тех пор, как я тебе писала. Моя любовь не выдержит обет молчания, который ты на меня налагаешь, и в этот раз — ты уж меня прости — я тебе не подчинюсь. В своем июльском письме я умолчала, что теперь у нас есть удобный теплый дом. Давай жить вместе, дорогой мой муж. Я не буду счастлива до тех пор, пока это не произойдет. Снова заверяю тебя, что у меня только одно желание в жизни — угождать тебе. Давай забудем прошлое, оно пройдет как сон. Сейчас я могу лишь умолять тебя: поверь, что я все такая же, любящая тебя всей душой, твоя жена Фрэнсис Г. Нельсон".

Но письмо вернулось к Фанни с припиской на конверте, сделанной рукой Нельсона: "Лорд Нельсон вскрыл письмо по ошибке, но не читал".

Единственное, чем могла хоть как-то утешиться Фанни: ее пригласили на день рождения королевы Шарлотты в Сент-Джеймский дворец. Эмме туда путь был заказан навсегда.

И все же леди Гамильтон одержала полную победу…

* * *

Иногда Нельсон с Эммой ездил в город, и тогда его приветствовали толпы народа. Однажды здоровенные рабочие впряглись в его карету и везли ее до самой городской ратуши Гилдхолла. Им было глубоко наплевать на жен и любовниц Нельсона, они просто любили своего героя.

В пику высшему свету Нельсон и Эмма устроили собственный салон в Мертоне и зазывали туда окрестных аристократов и друзей адмирала. Деньги Нельсона катастрофически таяли, ибо Эмма совершенно не умела не то что экономить, но даже просто жить по средствам.

Не выдержав "прелестей" Мертона, сбежал оттуда сэр Уильям:

— Пусть ваш безумный мир живет, как вам хочется, а я хочу дожить свою жизнь спокойно!

Тогда же Гамильтон составил завещание, согласно которому

все свое имущество отписал, как когда-то и обещал, племяннику Чарльзу Гревиллю. Племянник посоветовал дядюшке развестись, и сэр Уильям серьезно призадумался…

Тем временем Эмма не давала Нельсону отдышаться. Один прием в Мертоне следовал за другим. Особенно пышное торжество она устроила в годовщину Копенгагенской победы. В разгар праздника красавица прочла настоящий панегирик своему возлюбленному: "Победителю при Ниле, покорителю Копенгагена, грозе и разрушителю Северной конфедерации, опоре и поддержке Сент-Винсента, герою 14 февраля, восстановившему Неаполитанское королевство, хранителю Рима, мстителю за королей, ангелу-хранителю Британии, герою из героев, участнику 124 битв, из которых он вышел со славой, достоинством и скромностью; Нельсону — которым гордится отечество и друзья".

В разгар мертонских празднеств в Бате умер отец Нельсона. Первой, кто откликнулся на случившееся, была Фанни, которая сразу же отправилась в Бат. Нельсон тоже хотел отдать последний сыновний долг, но ехать на похороны ему якобы категорически запретила Эмма, испугавшаяся, что совместное горе может вновь сблизить Нельсона и его жену. Поведение Нельсона в этом случае не может не вызывать удивления и осуждения. Боевой адмирал стал к этому времени бессловесной игрушкой в руках умелой обольстительницы. Ослушаться ее он не мог даже во имя собственного отца. Разумеется, этот случай сразу же стал известен в аристократических кругах и вызвал законное возмущение как Нельсоном, так и леди Гамильтон.

Затем прошел слух, что сэр Уильям все же решился подать на развод. Для Эммы это было бы полным крахом всех ее планов. Пока Гамильтон жил в Мертоне, все внешне выглядело вполне благопристойно: чета Гамильтонов гостит у Нельсона. С отъездом же сэра Уильяма все сразу поменялось: теперь было ясно, что, прогнав мужа, леди Гамильтон сожительствует с героем Нила. Развод в то время был делом скандальным, после которого уже нельзя было надеяться на снисхождение высшего света, куда Эмма все еще мечтала попасть. Еще один скандал, связанный с его именем, не нужен был и Нельсону.

Чтобы уговорить мужа отказаться от своего намерения, Эмма поспешила на Пиккадилли, где Гамильтон в последнее время снимал квартиру. Разговор супругов был нелегким. Сэр Уильям напомнил, что Эмма промотала все его состояние, Эмма умоляла его вернуться в Мертон. Гамильтон упорствовал.

— Я не поддамся твоему сумасшествию! — говорил он. — Не натягивай лук слишком сильно, тетива может лопнуть! Пусть все худшее останется в Мертоне, и туда я больше не вернусь!

Призывая сэра Уильяма быть благодарным Нельсону за его гостеприимство, Эмма уговорила его если и не вернуться в Мертон, то хотя бы в последний раз совершить вместе с ней и Нельсоном небольшое путешествие по Англии. Гамильтон согласился.

Поездка по Центральной Англии и Уэльсу Нельсона в сопровождении Гамильтонов была триумфальной. Везде героя Абукира и Копенгагена встречали феейверками, демонстрациями и народными гуляньями. Во время всей поездки Нельсон с Эммой усиленно отговаривали Гамильтона от развода. На обратном пути отставного дипломата завезли в Мертон на празднование дня рождения Нельсона. Эмма исполняла хвалебную песнь собственного сочинения в честь возлюбленного:

Так живи же бесконечно
Тот, кому мы благодарны,
Флота нашего надежда.
Пусть тебе судьба подарит
Много дней счастливой жизни,
Пусть друзей число утроит,
Имя Нельсона и славу
Навсегда соединит.

Теперь Нельсон и Эмма всеми силами старались угодить старому Гамильтону. Сэр Уильям заявил, что желает кататься по реке и ловить рыбу. Эмма с Нельсоном немедленно подтвердили, что это прекрасная идея и они тоже только об этом и мечтали. На следующий день Гамильтоны и Нельсон катались на лодке по Темзе. Эта поездка стала объектом внимания журналистов и вызвала массу насмешек.

"Тайме" писала: "Не боясь насмешек, которые на него навлечет такая благопристойность, герой Нила изо дня в день сидит и наблюдает, как сэр Уильям и леди Гамильтон ловят пескарей. Сэр Уильям, воплощенная щедрость, платит лодочнику целую гинею в день за его страдания".

Газета "Пост": "В настоящее время супруги Гамильтон ежедневно проводят время в лодке, подвигающейся по Темзе между Кингстоном и Хэмптоном и ловят рыбу. При этом лорд Нельсон находится неотступно при Ее Светлости".

Публикации порой граничили с оскорблением: "…Рука его (Нельсона. — В. Ж), обнаженная по самое плечо, восхищает своей силой и загаром. Особенно выше локтя…"

Гулянья в усадьбе Нельсона продолжались бесконечной чередой. Однако идиллия, как и следовало ожидать, стала

омрачаться скандалами. Гамильтон слезно умолял отпустить его из осточертевшего ему Мертона. Эмма не отпускала, а Нельсон делал все так, как хотела Эмма. Наконец сэр Уильям вырвался на волю и уже из лондонской квартиры писал жене:

"Последние сорок лет своей жизни я провел в спешке и суете, которые неизбежны для должностного лица. Теперь я приблизился к возрасту, когда отдых совершенно необходим, и я пообещал себе, что у меня будет тихий дом. В момент женитьбы я был достаточно разумен: я понимал, что буду слишком стар для своей жены, когда она все еще будет в расцвете красоты и полна молодой энергии. Это время наступило, и мы поступим так, чтобы обе стороны были довольны. К несчастью, наши взгляды на жизнь очень расходятся. Ни в коем случае я не хочу стать отшельником, но почти всегда видеть за столом 12–14 человек, к тому же постоянно меняющихся, — для меня это слишком. Это напоминает мне то, что так раздражало меня в последние годы в Италии. Кроме моей семьи у меня нет никого. Не хочу жаловаться, но я вижу, что моя жена отдает все свое внимание лорду Нельсону и его интересам в Мертоне. Я прекрасно понимаю чистоту отношений лорда Нельсона с тобой и со мной и знаю, в каком неприятном положении окажется наш лучший друг, если состоится развод, поэтому я решил сделать все возмо&кное для его предотвращения. Эта крайность сильно повредила бы нам всем, но больше всех пострадал бы наш дорогой друг. Если наши расходы по дому не будут расти сверх меры (чего я, признаться, опасаюсь), я хотел бы продолжать жизнь в нынешних условиях. Но я не надеюсь жить долго, и мне дорог каждый миг. Я хочу, чтобы мне иногда позволяли быть хозяином самому себе и проводить время, как я хочу. Я мог бы, например, уезжать на Темзу ловить рыбу с друзьями или посещать в Лондоне Британский музей, Королевское общество, свой клуб и распродажи картин. Я бы нанимал помесячный легкий кабриолет или карету, с тем чтобы ездить по Лондону, приезжать в Мертон или Шеппертон, и тому подобное. Таков мой план, и мы могли бы ужиться очень хорошо, но я твердо решил, что больше не потерплю этих дурацких перебранок, которые часто случаются между нами и страшно омрачают нашу жизнь. Если уж мы действительно не можем спокойно жить вместе, я предпочел бы продуманный и согласованный развод. Однако, поскольку я уж не так долго буду кому-то мешать на этом свете, для нас всех было бы лучше терпеть знакомые неприятности, чем навлекать на себя совсем новые.

Итак, я честно изложил все то, что у меня на душе. У нас нет времени на всяческие глупости и мелочи. Я знаю твои

способности и восхищаюсь ими, у тебя много отличных качеств, но я не слеп и к твоим недостаткам. Признаюсь, у меня они тоже есть. Поэтому, ради христа, давайте будем терпимы и снисходительны друг к другу".

Эмма и Нельсон снова запаниковали. Скандал для них был смертелен.

Весной 1803 года сэр Уильям почувствовал себя плохо и окончательно затворился от жены и ее любовника в своей квартире. Жизнь отставного посла подходит к концу. В своем завещании он оставляет Нельсону портрет жены, выполненный на эмали художницей мадам де Брун, который он любил более иных. Сэр Уильям Гамильтон умер 6 апреля 1803 года на руках у Эммы. У постели умирающего был и Нельсон.

Гораздо позднее ходили многочисленные слухи, что к смерти сэра Гамильтона приложила руку его жена, уж очень вовремя ушел из жизни старый дипломат, хотевший начать скандальный бракоразводный процесс. Припомнили и скандалы между супругами в Мертоне, и бегство оттуда старого Гамильтона, и его отказ завещать хоть часть своего имущества жене, и природную склонность Эммы к интригам, и отсутствие у нее каких-либо нравственных начал.

Но никаких улик, ни прямых, ни косвенных, против леди Гамильтон в этом деле нет, и в Англии стараются лишний раз не затрагивать эту тему, ибо в связи с ней может быть брошена тень на Нельсона, а это неприятно всем англичанам.

Газеты поместили немало некрологов, посвященных Гамильтону, однако все понимали, что если бы не любовная связь его жены с Нельсоном, вряд ли кого-нибудь интересовал бы старый дипломат. А газета "Морнинг геральд" и здесь не удержалась от ехидства: "В соответствии с волей покойного, лорд Нельсон получил знаменитый портрет Эммы, выполненный мадам де Брун; говорят, что Его Светлость получил от друга-коллекционера еще одну красивую собственность".

Общественность замерла в ожидании нового акта в скандальных отношениях героя Нила и вдовы Гамильтон. И ожидания были удовлетворены с лихвой!

Вначале много говорили о том, что покойный Гамильтон определил свое истинное отношение к Эмме, распорядившись похоронить его рядом со своей первой женой. Дальше — больше, пока Эмма ради приличия жила в квартире своего покойного супруга на Пиккадилли, Нельсон снял апартаменты неподалеку, причем не один, а вместе с… племянником сэра Гамильтона Чарльзом Гревиллем! Леди Гамильтон обладала удивительной способностью собирать вокруг себя любовников и жить с ними

одной семьей. Как знать, если бы не последующие трагические события, вполне возможно, что находчивая Эмма заменила бы дядюшку на племянника и вновь оказалась бы в компании двух любовников.

Однако покойный Гамильтон оказался не таким уж простаком. Когда через месяц после его смерти было вскрыто завещание, то удивлению общественности не было предела: наследником всего немалого состояния был объявлен племянник покойного Гревилль, Эмме были отказаны лишь восемьсот фунтов единовременно и восемьсот фунтов годовой ренты.

— Старый дурак кинул мне подачку! — злилась Эмма, но ничего поделать уже не могла.

Спустя две недели Гревилль потребовал, чтобы Эмма освободила дом на Пиккадилли. Разъяренная леди Гамильтон вернулась в Мертон. Чтобы хоть как-то утихомирить свою любимую, Нельсон тотчас назначил ей ренту в тысячу двести фунтов и подарил имение. Он написал письмо королеве Марии Каролине, в котором сообщил о смерти Гамильтона, напомнил о заслугах Эммы перед неаполитанской короной и ознакомил королеву с содержанием завещания. Зачем Нельсон сделал последнее, не совсем понятно. Если он рассчитывал на щедрость Марии Каролины, то жестоко просчитался. Королева была не менее жадна, чем ее супруг. Впрочем, письмом свою бывшую подругу королева все же удостоила. "Милая миледи! — писала она. — С искреннем прискорбием узнала я о потере, постигшей Вас со смертью уважаемого шевалье! К сожалению, я узнала также, что завещание поставило Вас в неблагоприятные условия. Я душевно сожалею о Вас, так как всегда отношусь с живейшим интересом ко всему, что касается Вас. Мы часто вспоминаем о любезностях, которые Вы нам оказывали, и от всего сердца благодарны Вам. До свидания, милая миледи. Буду рада услышать еще что-нибудь о Вас. Мария Каролина".

Тем временем столичные газеты только и говорили о преступной любовной связи Нельсона и леди Гамильтон, безвременно сгубившей бедного сэра Уильяма. Дело дошло до того, что Нельсон вынужден был в присутствии свидетелей торжественно поклясться на кресте, что все истории про их с Эммой любовные отношения не что иное, как гнусная выдумка. Вслед за Нельсоном столь же торжественно поклялась и леди Гамильтон.

Лорд Минто так описал это весьма необычное событие: "Она говорила очень свободно о своих отношениях с Нельсоном, о тех измышлениях, которые свет может сочинить по этому поводу; она настаивала, что их привязанность друг к другу была идеальной и

чистой. Я заявляю, что вполне этому поверил, хотя не придаю этому никакого значения".

Более проницательный соратник Нельсона капитан Харди был и куда более близок к истине, когда высказался на сей счет следующим образом:

— Совершенно не представляю, как умудрится теперь ее светлость жить с героем Нила, соблюдая хоть какие-то приличия!

Клятвы клятвами, но спустя пять недель после смерти Гамильтона Нельсон и Эмма повезли крестить свою дочь Горацию в церковь Марилебен, где некогда сама Эмма венчалась с Гамильтоном. Девочку окрестили под именем Горации Нельсон-Томпсон. Дата рождения девочки была записана — 29 октября 1800 года, когда ее родители путешествовали по Европе. Священнику Эмма и Нельсон заявили, что родители этой девочки умерли, а они всего лишь ее крестные. Биографы Нельсона пишут, что уже после церемонии крестин он пытался дать взятку священнику, чтобы тот вычеркнул запись о крещении Горации из церковной книги, но тот отказался это сделать. Так запись об этом весьма важном событии в жизни Нельсона сохранилась.

Глава двадцатая
ОХОТА НА ВИЛЬНЁВА

После недолгой мирной передышки французы, договорившись о присоединении немалого испанского флота, решили, что вполне готовы помериться силами с Англией за господство над Ла-Маншем. Для десанта в Англию в Булони была собрана 130-тысячная армия. Наполеон требовал от своих адмиралов обеспечить ему безопасность пролива всего лишь на одни сутки. Ровно столько времени надо было ему, чтобы перебросить армию к берегам Англии и одним ударом поставить гордых англичан на колени! Адмиралы ему эти сутки обещали. Во французских портах кипела круглосуточная работа — готовился десантный флот более чем в три тысячи судов.

Вскоре в Мертон прибыл представитель Адмиралтейства.

— Получены важные известия! — сказал он Нельсону. — Бонни задумал высадить в Англии десант и уже приготовил целую армию.

— Что же хочет от меня Адмиралтейство? — мрачно поинтересовался Нельсон.

— Лорды Адмиралтейства считают, что только вы сможете пресечь дерзкие замыслы французов и разгромить их флот, как уже проделывали при Абукире и Копенгагене!

Английский флот все еще мотало на якорях на внешнем рейде Портсмута. Корабли спешно заканчивали грузить последние припасы. Французские силы располагались следующим образом: в самом северном из портов — Бресте — главные силы адмирала Гантома в количестве двадцати одного линейного корабля, в Рошфоре и Лориане — по одному линкору (находившийся там ранее адмирал Миссиеси с пятью кораблями успел прорваться в Вест-Индию), в испанской Ферроле стояли пять французских и десять испанских линейных кораблей, южнее, в главной базе испанского флота — Кадисе, еще 12 испанских и один французский корабль; на Средиземном море, в Картахене, испанцы имели шесть кораблей; средиземноморский флот Франции, уже немного восстановленный после Абукирского погрома, имел 11 линкоров под командой адмирала Вильнёва в Тулоне. Всего объединенный франко-испанский флот насчитывал 77 линейных кораблей.

На левом фланге английской линии обороны в порту Доунс находился адмирал Кейтс с одиннадцатью линкорами. В его задачу входило наблюдение за голландским флотом, который

был готов выступить на стороне Наполеона. Против кораблей Брестской эскадры Гантома держалась в море эскадра Корнвалиса в составе двадцати одного линкора. Ферроль блокировался восемью кораблями адмирала Кальдера, а Кадис — эскадрой адмирала Орда в составе шести кораблей. Перед Тулоном в ожидании Вильнёва стояли 12 кораблей Нельсона. Всего английские линейные силы насчитывали 53 корабля и некоторое количество резервных, два линкора были дополнительно посланы в подкрепление Нельсону. Помимо этого, в Вест-Индии у адмирала Кохрана имелись 10 линкоров, но по причине удаления от главного театра военных действий они никакого значения при окончательном раскладе сил не имели. Несмотря на превосходство союзников в линкорах, общий уровень морской подготовки и боевой выучки английского флота значительно превосходил как французов, так и испанцев. Многомесячная блокада французского побережья выматывала английские команды и выводила из строя корабли, но также способствовала еще большей выучке офицеров и матросов.

В свое время, чтобы как можно больше разбросать блокадные силы британского флота, французы заняли Ганновер, состоявший тогда в личной унии с Англией. Этим был прегражден английским торговым судам вход в Гамбург и нанесен мощный удар по британской торговле в Европе. Одновременно в Южной Италии был занят полуостров Отранто — удобная позиция для атаки Ионических островов (которые в то время находились под протекторатом России) и Египта.

20 мая 1803 года Нельсон покинул Англию на старом, но еще крепком 104-пушечном корабле "Виктори". Командовать им он предложил своему старому и испытанному товарищу по Абукиру и Копенгагену капитану Фолею. Тот, сославшись на нездоровье, вежливо отказался. Тогда Нельсон остановил свой выбор на капитане Харди. Спокойный и доброжелательный Харди всегда нравился Нельсону, он был опытным моряком и храбрым воином. Именно Харди стал флаг-капитаном Нельсона в его последних кампаниях.

Уже проходя Ла-Манш, Нельсон с попутным судном отправил письмо Эмме: "Поверь мне: хотя я доволен, что покинул это жуткое место — Портсмут, море все время напоминает о том, что мы с тобой находимся в разных стихиях. Душой понимаю, что Бог милостив и мудростью своей воссоединяет нас; ты, пожалуйста, глядя на наше дорогое дитя, думай о том, что я мог бы сказать тебе сейчас, и будь уверена — я вспоминаю тебя каждую минуту. Сердце мое рвется на части. Благослови и сохрани тебя Господь".

Два года проведет на этот раз Нельсон в море, так ни разу и не ступив на берег в погоне за вечно ускользающим французским флотом.

Все это время он с каждой оказией слал письма любимой женщине. Из письма Нельсона: "Поверь мне, дорогая Эмма, хотя нас разлучил долг чести, мое сердце всегда с тобой и я не позволю себе быть трусом". В день, когда Эмма получала очередное письмо от Нельсона, она прикалывала к волосам живую розу, и все понимали, в чем дело.

Между тем война только разгоралась. Первоначальный план Наполеона был таков. Тулонская эскадра прорывает блокаду Нельсона и вырывается в открытое море. Чтобы отвлечь Нельсона от Тулона, у побережья Отранто предполагалось имитировать подготовку еще одной экспедиции в Египет. Клюнув на эту приманку, Нельсон должен был упустить выход из Тулона французской эскадры. Когда же он, наконец, поймет, что обманут, время будет уже потеряно и искать французов в атлантических просторах станет бесполезно. Обманув Нельсона, Тулонская эскадра должна соединиться с Рошфорской эскадрой и далее спешить к Булони, где находилась уже полностью готовая к десанту Великая армия. Одновременно, чтобы отвлечь северную эскадру адмирала Корнвалиса, в Бресте был готов 20-тысячный корпус для демонстративного десанта в мятежную Ирландию. Общее руководство всеми действиями франко-испанского флота было возложено на талантливого и решительного командующего Тулонской эскадрой адмирала Латуша де Тревиля. Все эти маневры должны были стать последней рокировкой перед переброской Великой армии в Англию.

Нельсон держит под постоянным наблюдением Тулон. Он стремится выманить французов и дать бой, но те упорно не желают покидать укрепленный порт.

— Мой друг месье Латуш, кажется, должен был приготовить свои корабли к войне. Хотелось бы, чтобы на него все же снизошла храбрость и, перестав играть в кошки-мышки, он вылез из своей норы. — говорил Нельсон своим капитанам.

Но осторожный Латуш из норы упорно вылезать не желал.

Новый, 1804 год Нельсон встречал в открытом море, борясь с зимней непогодой. Ровно в полночь по старой английской морской традиции самый младший член экипажа, юнга, отбил 16 склянок: 8 за старый, 1803 год и 8 — за новый. Матросам налили по чарке рома и выдали двойную порцию солонины, а офицеры скромно посидели в кают-компании вместе со своим командующим.

Чтобы команды не пришли в уныние от блокадного

однообразия, Нельсон проводит непрерывные учения. В одном из писем Эмма пишет, что хотела бы приехать к нему на Средиземное море. Нельсон категорически запрещает ей это, не желая подвергать любимую женщину опасности. Вскоре он узнает, что Эмма снова беременна. В феврале 1804 года у нее родился мальчик, который спустя несколько дней умер. Роды были тайными, а потому тайными были и похороны. Узнав об этом несчастье, Нельсон впал в уныние. Его уже не особенно интересовали и те огромные долги, в которые все больше и больше влезала Эмма, буквально разоряя своего любимого.

Тем временем Латуш де Тревиль все же предпринял попытку выбраться из Тулона и вывел свой флот в море. Получив об этом известие, Нельсон рванулся ему наперерез.

— Насыплем соли на хвост месье Латушу! — радовался он, оглядывая свою мчавшуюся на всех парусах эскадру.

Увы, на этот раз Нельсон опоздал. Мудрый де Тревиль уже повернул обратно и снова заперся в Тулоне. Нельсон рвал и метал, но ничего поделать не мог. В довершение всего вскоре он узнал, что де Тревиль известил французские газеты, будто не он, а Нельсон позорно бежал с поля брани.

— Я поймаю этого негодяя! — ярился Нельсон, бегая по палубе "Виктори". — И заставлю его съесть его лживую газету!

Заставить съесть газету французского командующего ему, однако, так и не удалось. Вскоре Латуш де Тревиль, не выдержав физического напряжения, скоропостижно умер. Потеря эта была для Франции поистине невосполнима, ибо второго столь талантливого и авторитетного адмирала у Наполеона не было. Скрепя сердце Наполеон вынужден был назначить командующим Тулонской эскадрой адмирала Вильнёва, того самого, что бежал во главе арьергарда из Абукирской бухты, бросив на произвол судьбы своих товарищей. Наполеон Вильнёву не доверял и вниманием не баловал, но другого выхода у него тогда просто не было.

Из инструкции морского министра Франции командующим эскадрами перед началом кампании 1805 года: "Главное намерение императора состоит в том, чтобы отыскать в рядах, в каких бы то ни было званиях, офицеров, наиболее способных к высшему начальствованию. Но чего он ищет прежде всего, так это благородной любви к славе, соревнования к почестям, решительного характера и безграничного мужества. Его величество хочет уничтожить эту боязливую осторожность, эту оборонительную систему, которые мертвят нашу смелость и удваивают предприимчивость неприятеля. Эту смелость

император желает видеть во всех своих адмиралах, капитанах, офицерах и матросах, и каковы бы ни были последствия, он обещает свое внимание и милость всем тем, кто доведет ее до высшей степени. Не колеблясь нападать на слабейшие и даже равные силы и сражаться с ними до уничтожения — вот что желает его величество".

Внезапная смерть адмирала де Тревиля вынудила Наполеона поменять свои планы. Теперь он возлагает главную задачу уже не на нерешительного Вильнёва, а на более деятельного командующего Брестской эскадрой адмирала Гантома. Ему предписывалось неожиданно прорвать блокаду Бреста, вырваться в Атлантику с караваном десантных судов, как можно быстрее высадить десант в Ирландии и мчаться в Ла-Манш, чтобы прикрывать переброску в Англию главных сил. Одновременно вырвавшаяся в море Тулонская эскадра Вильнёва должна была пересечь Атлантику и, соединившись с вест-индской эскадрой Миссиеси, захватить несколько тамошних островов, а затем вернуться в Европу, чтобы деблокировать Рошфор и составить резерв для действий в Ла-Манше. По расчетам Наполеона, бросок Вильнёва в Вест-Индию должен был увлечь за собой до тридцати английских линкоров и тем самым помочь выходу из Бреста эскадры Гантома.

Составленный план был достаточно сложен, но вполне реален. При этом он подразумевал самые активные действия и опережение англичан на несколько ходов, вследствие чего последним ничего не оставалось, как послушно следовать французскому плану.

11 января 1805 года началось выполнение наполеоновского плана. Впоследствии события последующих нескольких месяцев и англичане, и французы назовут игрой в кошки-мышки. До самого последнего момента не было ясно, на чьей стороне будет удача.

Итак, начали игру французы. Адмирал Миссиеси со своей эскадрой прорвался из Рошфора. Англичане кинулись за ним. Адмирал Кохран с полутора десятками линкоров метался по атлантическим просторам, но все было напрасно. Уже 20 февраля Миссиеси был на Мартинике.

* * *

В поисках неприятеля Нельсон метался по Средиземному морю, несколько раз доходя до Египта. Эмме он писал: "Я уже проделал тысячу лиг в погоне за ним (Вильнёвом. — В. Ш.). Единственное, что меня сейчас интересует, — это французский

флот. Не будет мне покоя, пока я его не найду, а французам не будет покоя, когда я их найду".

Леди Гамильтон слала ему любовные стихи собственного сочинения:

Нет, никогда уныние не будет
В душе моей царить,
Мой адмирал, я верю, не забудет
Мне мужество дарить.
А если вдруг душа, презрев обитель,
На волю улетит,
Где буду я, мой победитель,
Признания хранить?
Где буду я беречь, что накопила:
Улыбку, вздох и взгляд,
Те пустяки, что мне, мой Нельсон милый,
Так много говорят?
Нет, будь со мной, моя душа, навеки
И в целости храни
Все, что об этом знаю человеке,
И жар его любви.

* * *

Тем временем, узнав об успехе адмирала Миссиеси, Наполеон объявил:

— Теперь я сделаю второй ход и посмотрю, чем на него ответят англичане!

18 января, пользуясь свежим ветром, Вильнёв покинул Тулон и взял курс на Сардинию. Английские фрегаты следовали за ним в почтительном отдалении до темноты, а затем поспешили к главным силам.

— Тулонская эскадра двинулась на восток! — донесли они Нельсону.

— Кажется, Бонни решил повторить свою нильскую авантюру! — прикинул, глядя на развернутую на столе карту, Нельсон, после чего приказал поднять сигнал: "Курс на Египет".

И второй акт разыгрываемой драмы остался за Наполеоном. Настроение императора испортил лишь тот факт, что, попав в полосу штормов, корабли Вильнёва получили большие повреждения, вследствие чего были вынуждены вернуться в Тулон. Вскоре вслед за вернувшимся Вильнёвом к Тулону

подошел и одураченный Нельсон.

Возвращение Вильнёва расстроило Наполеона. Он был вынужден отменить намеченную высадку десантного корпуса в Ирландию и скорректировал свой план. Теперь французский флот должен был прорвать английскую блокаду и устремиться в Вест-Индию. Там, объединившись, он должен был вернуться в Ла-Манш и обеспечить переправу Великой армии в Англию.

Что касается эскадры Вильнёва, то она должна была снова прорываться из Тулона, а затем, присоединив в пути корабли Картахенской и Кадисской испанских эскадр, совместно следовать на Мартинику. Там прибывший флот должен был присоединить к себе эскадру Миссиеси и уже после этого ждать подхода Брестской эскадры Гантома. Против такой армады англичанам выставить было уже нечего.

30 марта Вильнёв вновь обманул Нельсона. Он вырвался в открытое море, в то время как Нельсон болтался с кораблями где-то у Сардинии. Увы, но разведывательные фрегаты Нельсона потеряли французов в первую же ночь.

Без всяких препятствий Вильнёв достиг Картахены. Казалось, теперь можно было объединиться с испанцами. Однако последние, сославшись на отсутствие соответствующих распоряжений, отказались присоединиться к французам. Последствия этой неразберихи были печальными.

Разругавшись с испанцами, Вильнёв благополучно проследовал мимо Гибралтара и зашел в Кадис. Там к нему присоединились один французский и шесть испанских линкоров. 14 мая Вильнёв уже был на Мартинике.

Что касается Нельсона, то он только 16 апреля узнал о выходе французов из Тулона в океан. До этого времени английский вице-адмирал был уверен, что Вильнёв пойдет в Египет. Почему у Нельсона была такая уверенность, так и осталось тайной.

На этот раз ветры были встречные и Нельсон только 6 мая добрался до Гибралтара.

— Тулонская эскадра заходила в Кадис, а затем исчезла в океане! — доложили ему с разведывательных судов.

— Скорее всего, Вильнёв пошел в Английский канал! — решил Нельсон.

Только спустя несколько драгоценных дней он узнал, что усиленная Тулонская эскадра давным-давно ушла в Вест-Индию.

— Мы отыщем лягушатников и там! — не слишком расстроился Нельсон. — Курс на Барбадос!

В Англии, однако, уже зрело недовольство нерасторопностью своих моряков.

4 июня 1805 года Нельсон подходил к Мартинике. Однако атаковать Вильнёва он не решился.

Теперь все зависело от Брестской эскадры Гантома. Прорвется он в Атлантику — и у французов будет огромная фора перед противником. Но Гантом из Бреста так и не прорвался. Наполеон нервничал. Ему снова приходилось на ходу менять все планы. Единственное, что удалось, — это выслать из Рошфора на Мартинику к Вильнёву один линкор с приказанием ждать прихода Брестской эскадры 35 дней. После чего идти в Ферроль, присоединить к себе полтора десятка тамошних кораблей и следовать в Брест для деблокады Гантома. Затем Наполеон желал видеть объединенные франко-испанские силы в Ла-Манше для обеспечения десантной операции.

Но на этом интрига не закончилась. В день, когда Нельсон прибыл на Барбадос, Вильнёв решил атаковать своим флотом этот остров. Однако, когда французские и испанские корабли подошли к Барбадосу, англичан там уже не было. Дело в том, что Нельсон, получив ложные сведения, что французы находятся южнее, поспешил в погоню.

Только 8 июля Вильнёв узнал, что его давний противник уже находится в Вест-Индии. Решив не испытывать лишний раз судьбу, французский командующий поспешил возвратиться в Европу.

Спустя три дня после отплытия французского флота о бегстве Вильнёва узнал Нельсон. Реакция его была мгновенной:

— В погоню!

Собрав на флагманском "Виктори" своих капитанов, он делился с ними своими предположениями:

— Ставлю десять против одного, что Вильнёв помчится в дорогой его сердцу Тулон!

— А если он возьмет курс в какой-нибудь из атлантических портов? — подал голос командир "Ориона" Кодрингтон.

— Ну это вряд ли! — хмыкнул Нельсон. — Мы разворачиваем форштевни на Гибралтар!

И эта партия осталась за французами! Как оказалось впоследствии, Вильнёв и не думал о Тулоне. Свой флот он привел в атлантический Ферроль.

Второй раз Нельсон пересек океан, даже на горизонте не увидев паруса противника. Это было уже почти поражение…

* * *

Надо отдать должное прозорливости Наполеона. Хитроумные

комбинации французского императора окончательно сбили с толку британских адмиралов, и теперь они бестолково метались по всей Северной Атлантике не в силах понять, что же на самом деле происходит. Что же касается Нельсона, то он так и не смог избавиться от навязчивой идеи об операциях французов в восточной части Средиземного моря. Синдром Абукира прочно завладел мозгом вице-адмирала.

Однако Нельсону на этот раз все же повезло. Перед тем как покинуть Вест-Индию, он отправил в Англию бриг с известием, что Вильнёв ушел в Европу. По случайному стечению обстоятельств бриг в один из дней увидел на горизонте французский флот. Определив курс Вильнёва, бриг поспешил в Плимут. С этого момента английское Адмиралтейство наконец-то начало понимать направленность наполеоновского плана. Так как уже было бездарно потеряно много драгоценного времени, в Лондоне начали действовать решительно. Отряду кораблей, блокировавшему Рошфор, было велено как можно скорее соединиться с эскадрой адмирала Кальдера, который в это время с десятью линкорами находился недалеко от Ферроля. Самому же Кальдеру было велено, присоединив к себе подошедший отряд, ждать подхода Вильнёва, чтобы разгромить его на подходе к Ферролю.

Французский флот ждать себя не заставил. 22 июня Кальдер в густом тумане наткнулся на Вильнёва. Произошел бой, но весьма нерешительный, так как противники почти не видели друг друга. И хотя англичане все же взяли в плен два отставших испанских корабля, Кальдер от преследования испанцев отказался. В свою очередь Вильнёв тоже не пытался атаковать противника. Добравшись до Ферроля, он был доволен тем, что присоединил к себе находившиеся там 14 линкоров адмирала Гурдона.

Историки единодушны во мнении, что нерешительность этого боя должна быть поставлена в вину обоим адмиралам: Вильнёв был обязан дать бой, чтобы, ослабив эскадру Кальдера, дать возможность Рошфорскому и Феррольскому отрядам выйти в море и деблокировать Гантома в Бресте. Кальдер же, разбив Вильнёва и тем самым не позволив ему соединиться с другими французскими отрядами, мог значительно облегчить положение англичан.

Как бы то ни было, но теперь у Вильнёва в Ферроле было под началом уже 29 линейных кораблей — сила более чем внушительная. Неудачнику Кальдеру теперь ничего не оставалось, как снять блокаду Ферроля и поспешить на соединение с мощной северной эскадрой адмирала Корнвалиса, который сторожил эскадру Гантома в Бресте. К этому времени к

Корнвалису присоединился и примчавшийся из Вест-Индии Нельсон. Последнему пришлось проделать неблизкий путь от Гибралтара, где он безуспешно пытался отыскать следы Вильнёва.

Теперь расклад сил был такой. У Корнвалиса 35 линейных кораблей против пятидесяти пяти франко-испанских, сосредоточенных в трех эскадрах: в Бресте (21 линкор), в Рошфоре (5 линкоров) и в Ферроле (29 линкоров).

Наполеон, словно опытный шахматист, ни на миг не спускал глаз с морской карты.

— Похоже, нам начала сопутствовать удача и на море! А потому нам следует собрать все силы в один кулак! — решил он и отправил в Ферроль инструкцию: с попутным ветром идти в Брест, соединившись по пути с Рошфорским отрядом.

Наполеон хотел, чтобы вице-адмирал следовал прямо к Великой армии в Булонь, минуя блокированный Брест. Для этого Вильнёв мог избрать путь вокруг Ирландии и Шотландии.

13 августа Вильнёв вышел из Ферроля, чтобы следовать в Брест. Можно почти с уверенностью сказать, что он не слишком верил в реальность наполеоновского плана, а потому и не слишком стремился исполнить то, что было ему приказано.

На поиски Рошфорского отряда (к этому времени также покинувшего порт) Вильнёв выслал фрегат. Казалось, всё складывается как нельзя лучше: французский флот беспрепятственно шел на север, соединяясь со вспомогательными эскадрами. Увы, именно здесь удача и покинула французских моряков. На свою беду, Вильнёв разглядел на горизонте несколько дозорных судов противника. Не слишком решительный адмирал сразу занервничал. Когда же с опрошенного рыбацкого судна сообщили, что где-то неподалеку находится и весь английский флот (что было очевидной ложью, которую французский флотоводец даже не попытался проверить!), Вильнёв и вовсе потерял голову. Вместо того чтобы продолжить выполнение поставленной ему задачи, он немедленно приказал поворачивать назад. Разумеется, никто убегавших французов не преследовал, так как никаких сил, кроме трех легких фрегатов, в этом районе у англичан не было и в помине.

Русский историк военно-морского искусства М. Петров дал следующую оценку произошедшему: "Вильнёв не должен был ворочать. Если бы он думал о главной цели всей операции, ему следовало учесть, что бой с англичанами, если бы известие о них было правдивым, должен был освободить Гантома для операции у Булони. Приняв преследование, он тем отвлек бы англичан от Бреста".

В довершение к этому английский адмирал Корнвалис

именно в этот момент совершил серьезную ошибку: отослал на подкрепление Кальдера 18 своих линкоров, оставшись у Бреста всего лишь с шестнадцатью линейными кораблями. Вне всяких сомнений, если бы не трусость Вильнёва, французы имели бы реальную возможность не только прорваться в Брест, но и разбить ослабленную эскадру Корнвалиса. Но этого, к счастью для англичан, не случилось.

Так позорно и бездарно был разрушен прекрасный план Наполеона, имевший все шансы на успех. Так навсегда были перечеркнуты мечты французского императора о десанте в Англию.

20 августа Вильнёв бросил якорь в Кадисе, где его никто не ожидал. Разумеется, тайное вскоре стало явным, и спустя несколько дней у Кадиса появилась английская эскадра, заблокировавшая порт. Весь тактический перевес, которого с таким трудом удалось добиться французам в этой кампании, был теперь перечеркнут.

Известие о бегстве флота в Кадис привело Наполеона в бешенство. Он вызвал морского министра Декре и, кинув себе под ноги шляпу, принялся в неистовстве топтать ее:

— Этот мешок с навозом ни к чему не способен! Я не могу отдать судьбу Великой армии в руки бездаря и труса, а потому приказываю с этой минуты забыть о десанте в Англию!

— Куда же вы намерены развернуть свои пушки? — осторожно осведомился многоопытный Декре.

— На восток! — зло отрезал император. — У меня еще остались дела в Пруссии и Австрии! Что касается Англии, то я даю ей пока отсрочку!

— Что же вы намерены сделать с Вильнёвом? — вопросил Декре.

— Пусть выбирается из кадисской норы и убирается в Средиземное море! — уже несколько успокоившись, ответил Наполеон и задумался. — Впрочем, с него уже не будет никакого толку и следует подыскать ему замену!

— Кого вы желаете видеть во главе нашего флота?

— Пожалуй, адмирала Розили. Пусть выезжает в Кадис, пока Вильнёв окончательно не погубил все дело!

— Я сегодня же напишу ему в Тулон, — склонил голову морской министр.

Однако пока адмирал Розили сдавал дела в Тулоне, Декре переслал последние пожелания от имени Наполеона Вильнёву: "Его величество не хочет, чтобы его эскадра держалась в блокаде слабейшим неприятелем, и приказывает Вам в случае, если он явится перед Кадисом, немедленно атаковать его. Император

предписывает Вам сделать с Вашей стороны все, чтобы внушить победные чувства всем Вашим подчиненным — делами, речами, словом, всем, что может возвысить душу. В этом отношении не должно пренебрегать ничем: смелые подвиги, всех родов одобрение, рискованные предприятия, приказы, возбуждающие энтузиазм… Все средства должны быть употреблены, чтобы оживить и возбудить мужество наших моряков. Его величество желает открыть им доступ ко всем почестям и отличиям, которые будут непременною наградой за каждый блистательный подвиг. Ему приятно надеяться, что Вы первый заслужите эту награду, и я считаю для себя приятным долгом сказать Вам со всей искренностью, что, несмотря на упреки, которые мне велено Вам передать, его величество ожидает только первого блистательного дела, которое доказало бы ему Ваше мужество, чтобы изъявить Вам особенное свое благоволение и наградить Вас высшими почестями".

Вильнёву недвусмысленно предлагали выйти в море и сразиться с англичанами.

— Это письмо задевает мою честь! — сказал с возмущением Вильнёв испанскому адмиралу Гравине. — Сюда уже едет адмирал Розили, которому поручено принять эскадру. Я не могу этого допустить, ибо тогда мне не смыть незаслуженного обвинения в трусости. А потому мы выходим в море с первым же благоприятным ветром!

В тот же день Вильнёв начертал инструкции капитанам: "Все усилия наших кораблей должны быть направлены к тому, чтобы стремиться подать помощь более терпящим кораблям и быть как можно ближе к кораблю адмирала, который подаст в том пример. Капитаны должны советоваться гораздо более с собственным мужеством и любовью к славе, чем с сигналами адмирала, которые тот, окруженный неприятелем, в дыму, может быть не в состоянии уже сделать. Каждый капитан, который не будет в огне, будет не на своем месте…"

Испанцу Гравине Вильнёв велел с двенадцатью линейными кораблями держаться на ветре от основного флота, чтобы быть в готовности подать помощь атакованной части союзного флота. Свой флаг Вильнёв велел поднять на 84-пушечном "Буцентавре".

— Теперь моя очередь нанести оскорбление Наполеону: или своей победой, или своим поражением, — грустно сказал он капитанам. — И хотя живем мы в революционной и безбожной Франции, положимся во всем на Господа!

Глава двадцать первая
ТРАФАЛЬГАР: ПОСЛЕДНИЙ ТРИУМФ

Флаг вице-адмирала Нельсона вот уже два года развевался над 104-пушечным "Виктори". По воспоминаниям современников, к августу 1805 года Нельсон был на грани полного нервного истощения. Ему нужен был хотя бы краткий отдых.

— Чувствую, что еще одно зиму в море я не переживу! — в минуты откровения говорил он своему любимцу, капитану "Виктори" Томасу Харди.

Эмме в те дни он писал со всей откровенностью: "Моя дорогая, любимая Эмма, очень, очень болен твой бедный, милый Нельсон. После двух лет изнурительной погони так злишься, что не поймал врага". Вскоре слухи о плохом состоянии Нельсона дошли и до Адмиралтейства. Несмотря на всю сложность обстановки, лорды Адмиралтейства решили дать Нельсону передышку. Вскоре он уже вскрывал пакет с сообщением, что вице-адмирал красного флага Нельсон в порядке старшинства произведен в чин вице-адмирала белого флага, высший чин среди вице-адмиралов. Это было серьезное повышение, за которым следовал чин полного адмирала. Одновременно в письме Нельсону предлагалось убыть в отпуск для поправки здоровья. Нельсон, разумеется, уговаривать себя не заставил. В это время он в очередной раз упустил Вильнёва, который укрылся в Тулоне. Нельсон повернул свои корабли к Гибралтару. Там он впервые за два года ступил на твердую землю. Быстро сдав дела Роберту Кальдеру, Нельсон с первой же оказией поспешил в Англию, чтобы как можно скорее увидеть любимую Эмму.

19 августа 1805 года в Портсмуте его уже встречала восторженная толпа. Всю ночь больной и измученный Нельсон гнал лошадей и на рассвете был уже в Мертоне.

За время отсутствия Нельсона Эмма преобразила Мертон до неузнаваемости. Для этого у нее хватило и терпения, и вкуса, и денег. Несколько дней Нельсон наслаждался покоем в кругу семьи, а затем начались визиты друзей и родственников. Несколько раз в Мертон наведывался даже принц Уильям, проживавший неподалеку с любовницей и прижитыми от нее детьми. Из воспоминаний лорда Минто: "Я приехал в Мертон в субботу и увидел Нельсона, который как раз садился обедать в кругу своей семьи. Здесь были его брат-священник, жена брата миссис Нельсон, их дети и ребенок одной из сестер. Леди Гамильтон сидела во главе стола, противоположный конец

занимала мамаша Кадоган. Меня приняли радушно. Адмирал выглядел превосходно и был в хорошем настроении; его речь ободряла в те невеселые времена. Леди Гамильтон сделала в доме и усадьбе такие изменения и дополнения, что все выглядело великолепно. Нельсон совершенно об этом не знал, он увидел уже результат. Ничего не скажешь, эта женщина — умная бестия. Их обоюдная страсть не утихает".

В те дни Эмма начала претворять в жизнь свои жизненные планы. Однажды она как бы между прочим сказала:

— О, как хотелось бы мне подписываться Эмма Нельсон! Ведь это так красиво звучит!

В другой раз намеки были еще прозрачнее:

— Ах, если бы хоть один час пробыть твоей законной супругой, то потом я бы с радостью умерла.

Нельсон был в восхищении от сказанного и долго целовал Эмме руки.

За время своего отпуска Нельсон несколько раз выбирался в Лондон, где встречался с премьер-министром Уильямом Питтом. Однорукого вице-адмирала всюду узнавали и приветствовали, люди были счастливы, если им удавалось дотронуться до его одежды. И снова предоставим слово лорду Минто: "Сегодня я встретил адмирала среди народа на Пиккадилли и, взяв его под руку, оказался вместе с ним в толпе. В самом деле, это так трогательно — видеть то удивление, восхищение, уважение и любовь… которыми он окружен, а главное — видеть, как и знатные, и простые люди выражают все эти чувства сразу же, как только его узнают. Этого не смогла отобразить ни одна пьеса или поэма".

Вскоре Нельсон при всей своей любви и популярности стал уставать от слишком назойливого внимания. Эмма же, наоборот, была счастлива.

1 сентября 1805 года в Мертоне проездом появился капитан Генри Блэквуд. Новости, которые он рассказал, были неутешительными. Вильнёв увеличил состав своего флота сразу на полтора десятка линкоров, однако вместо того чтобы следовать на север в Брест для прикрытия десанта, завернул в испанский Кадис, где соединился с испанским флотом.

— Судя по всему, грядут решающие события! — подвел итог Блэквуд. — Не сегодня-завтра вся эта франко-испанская армада двинется на север, и тогда настанет пора для наших пушек.

— Кажется, мой отпуск подошел к концу! — покачал головой Нельсон. — Можете не сомневаться, Блэквуд, скоро я устрою порку месье Вильнёву.

Проводив Блэквуда, Нельсон принялся вышагивать по

дорожкам сада, которые в шутку называл своей палубой. Увидев его озабоченность, подошла леди Гамильтон:

— Что тебя беспокоит? Изобразив улыбку, Нельсон ответил:

— Ничего, я вполне счастлив, потому что окружен семьей и здоровье мое улучшилось с тех пор, как я на суше…

Уже все поняв, Эмма покачала головой:

— Я не верю тебе, ты жаждешь воевать, и если французов разгромит кто-нибудь другой, ты будешь несчастлив. Эту победу ты должен получить хотя бы как награду за свою двухлетнюю погоню по всем морям. И как бы мы ни горевали в разлуке, ты должен предложить Адмиралтейству свои услуги. После победы ты вернешься, и мы уже никогда не расстанемся.

— Храбрая Эмма! — поцеловал он ее. — Если бы таких, как ты, было больше, было бы больше и Нельсонов.

В тот же день он написал рапорт, прося восстановить его в должности командующего эскадрой, блокирующей Кадис. Рапорт был немедленно удовлетворен морскими лордами.

Затем Нельсон отправился в Лондон. В своем дневнике он записал: "Пятница, 13 сентября 1805 года. Сегодня в десять тридцать я уехал из милого, милого Мертона, где оставил все, что мне дорого в этом мире, — уехал служить своей родине и королю. Великий, обожаемый Боже, дай мне силы оправдать надежды моей страны. Если Тебе будет угодно, чтобы я вернулся, благодарность моя будет бесконечна и я буду возносить ее к престолу Твоему. А если соизволишь прервать дни мои на этой земле, я покорюсь смиренно в надежде, что Ты защитишь тех, кто дорог мне и кого я оставил. Да будет воля Твоя. Аминь. Аминь. Аминь".

* * *

Прибыв в Лондон, Нельсон изложил членам Адмиралтейства свой план кампании, который предусматривал самые активные действия, направленные на полное истребление объединенного франко-испанского флота.

— Встретившись с французами, — говорил он, — я поставлю флот в три линии. Одна будет состоять из полутора десятков самых быстроходных линейных кораблей. Их я буду держать против ветра или в другой удобной позиции. Командовать ими я назначу младшего флагмана, который будет использовать эту часть флота для создания перевеса на одном из направлений. Остальную часть флота я выстрою в две линии и сразу же брошу в атаку, прорезая боевую линию французов и отсекая треть их

флота.

— План слишком смел! — покачали головами морские л орды.

— И в этом его сила! — вдохновенно парировал Нельсон. — Именно смелость поразит французов и собьет их с толку. Остальное доделают наши пушки!

Когда свой план Нельсон изложил Уильяму Питту, тот сказал честно:

— Я мало смыслю в морском деле, но полностью доверяю герою Абукира! А потому поддерживаю ваш план!

Поразительно, но уже на следующий день план Нельсона был опубликован во всех лондонских газетах, а еще через несколько дней лежал на столе у Вильнёва.

В приемной у премьер-министра Нельсон встретился с герцогом Веллингтоном. Это была их единственная встреча, о которой Веллингтон оставил весьма интересные воспоминания: "Лорд Нельсон казался двумя совершенно разными людьми при разных обстоятельствах. За свою жизнь я видел его только однажды и, вероятно, не более часа. Вскоре после моего приезда из Индии я прибыл в министерство колоний на Даунинг-стрит. Меня провели в небольшую приемную, где я увидел еще одного джентльмена, ожидающего приема. Я моментально узнал в нем лорда Нельсона по его портретам и по тому, что у него не было правой руки. Он не знал, кто я, но тотчас же вступил со мной в разговор, если это можно было назвать разговором: говорил все время он один и только о себе, причем так самодовольно и глупо, что это удивило и почти возмутило меня. Наверное, что-то во мне навело его на мысль, что я — важная особа, потому что он на минуту вышел из комнаты, видимо, узнать у секретаря, кто я такой. Вернулся совершенно другим человеком — и внешне, и внутренне. То, что я назвал про себя фиглярством, исчезло, и он очень разумно заговорил о состоянии страны и о развитии событий на континенте. Он проявил такое знание дел в Англии и за границей, что это меня удивило так же (но более приятно), как и первая часть нашего знакомства. Собственно говоря, он рассуждал как военный и государственный деятель. Министр заставил нас долго ждать, и я могу поклясться, что в последние 30 или 45 минут наша беседа была настолько интересной, что другой такой и не припомню. Кстати, если бы министр был более пунктуальным и принял лорда Нельсона в первую четверть часа, у меня осталось бы то впечатление легкомыслия и банальности, которое сложилось и у других. Но, к счастью, я говорил с ним достаточно долго, чтобы убедиться, что это действительно великий человек. Однако никогда раньше не видел я такой

внезапной и полной метаморфозы".

В Портсмуте Нельсона встречали толпы народа. Пытаясь избежать шумихи, вице-адмирал поехал кружным путем, но об этом все равно узнали и толпа собралась такая большая, что пришлось вызывать солдат, чтобы они освободили дорогу.

"Виктори" уже стоял на рейде, готовый к отплытию. Восторженные крики с берега доносились и туда. У правого парадного трапа Нельсона встретил капитан линейного корабля Томас Харди. Прислушавшись к доносившимся крикам, Нельсон не без удовольствия сказал:

— Раньше они просто кричали "ура". Теперь же подарили мне свои сердца!

* * *

15 сентября 1805 года Нельсон покинул Портсмут. Курс его эскадры был проложен к Кадису, где, по имеющимся сведениям, отстаивался французский флот. Там же крейсеровали и эскадры вице-адмиралов Катберта Коллингвуда и Роберта Кальдера, которые Нельсону надлежало взять под свое начало. По распоряжению Адмиралтейства, следуя в Кадис, он должен был завернуть в Уэймут, где в то время отдыхал от государственных дел Георг III. От этой встречи Нельсон не ждал ничего хорошего, так как не без оснований полагал, что король будет упрекать его за связь с Эммой. Однако ветер был попутным и, сославшись на это, Нельсон миновал Уэймут.

Направляясь в Портленд, Нельсон отправил письмо в Мертон: "Уверяю тебя, каждая твоя слеза для меня доказательство твоей самой горячей привязанности; будь это возможно, она сделала бы меня еще более твоим, чем сейчас. Я люблю, я обожаю тебя беспредельно. Волею Божьей мы снова скоро встретимся. Поцелуй дорогую, милую Горацию тысячу раз за меня".

В эти дни Наполеон раздраженно писал своему морскому главнокомандующему: "Наш план состоит в том, что, встретив врага, располагающего меньшими силами, вы должны не колеблясь атаковать его и одержать победу". Но Вильнёв все медлил с активными действиями, и император принял решение о его смещении. Только эта угроза подвигла адмирала наконец покинуть Кадис и, соединившись с испанцами у Картахены, укрыться в Тулоне, где уже окончательно подготовить объединенную франко-испанскую армаду к решающей битве за обладание морем.

На подходе к Кадису Нельсон выслал вперед легкий фрегат

со строжайшим приказом отменить полагающийся ему по должности 13-кратный салют. Выдавать французам свое появление при флоте он был не намерен. Одновременно Коллингвуду и Кальдеру было велено отвести свои корабли подальше от Кадиса. Этим Нельсон рассчитывал создать у Вильнёва иллюзию слабости английской блокады порта и легкости ее прорыва. В пределах видимости Тулона Нельсон держал несколько дозорных фрегатов.

Из письма Нельсона: "Встреча, оказанная мне по прибытии на флот, возбудила во мне самое приятное чувство за всю мою жизнь. Офицеры, поднявшиеся на борт флагмана, чтобы приветствовать меня с возвращением, от волнения забыли, что у меня должность главнокомандующего; когда все эмоции улеглись, я изложил им план атаки, продуманный мною ранее. Мне доставило удовольствие то, что они не просто одобрили его в общем и целом, но и очень хорошо приняли".

29 сентября вице-адмирал Нельсон отметил свое 47-летие. Настроение у него было, однако, далеко не праздничным. Он уже дважды безрезультатно гонялся за ускользающим Вильнёвом по Атлантическому океану, пересекал в погоне за ним Средиземное море, долгие месяцы блокировал неприятеля в различных портах и всякий раз упускал. За этой захватывающей погоней затаив дыхание следила не только Англия, но и Европа. И пока Нельсону похвастаться было нечем. Если же вспомнить, как во главе французского арьергарда бежал от него все тот же Вильнёв при Абукире, то можно представить состояние Нельсона, когда он узнал, что его неуловимый противник наконец-то может быть настигнут в Кадисе. Неужели французский адмирал снова придумает хитрых ход, чтобы обмануть его? Теперь на кон была поставлена репутация Нельсона.

Однако праздник есть праздник, и, чтобы не обижать подчиненных, Нельсон пригласил их к себе на "Виктори". На обед к командующему прибыли все младшие флагманы и 15 капитанов.

Когда Нельсон уже сел за стол, в салон вошла процессия, возглавляемая капитаном "Виктори". В руках он держал поднос, на котором красовалась огромная жареная крыса с маленькой копией французского флага в зубах. Это было напоминанием о старом времени, когда вице-адмирал был юным вечно голодным мичманом, который ночами жарил пойманных в трюме крыс. Как свидетельствуют очевидцы, герой Англии был в восторге от подарка. Тушка была ловко разделана, по-товарищески разделена между гостями и уничтожена в течение нескольких минут.

После традиционных тостов Нельсон изложил собравшимся

план предстоящей битвы. Идея его заключалась в следующем: младший флагман вице-адмирал Коллингвуд во главе сильной колонны должен был напасть на арьергард союзников, сам же Нельсон — с другой колонной атаковать центр и в особенности корабль главнокомандующего неприятельским флотом, чтобы не дать ему возможности не только поддержать свой арьергард, но и приказать это сделать авангарду. Таким образом, главную атаку Нельсон поручал Коллингвуду, сам же брал на себя труднейшую задачу по обеспечению этой атаки, сдерживанию превосходящих сил центра и авангарда противника.

— Я сам атакую остальные неприятельские корабли и буду стараться, чтобы действия второго флагмана встречали как можно меньше препятствий! — разъяснял вице-адмирал.

Капитаны внимали.

— Надо атаковать центр или арьергард таким образом, чтобы количество наших кораблей всегда на четверть превосходило количество отрезанных неприятельских. Я надеюсь, что мы одержим победу раньше, чем неприятельский авангард сможет оказать помощь своему арьергарду.

Нельсон повернулся к внимательно слушавшему его Коллингвуду:

— Младший флагман командует своей линией, стараясь при всех обстоятельствах держать свои корабли как можно ближе один к другому.

— Будет исполнено, сэр! — склонил голову верный Коллингвуд.

— Капитаны, — продолжил Нельсон, — должны следить за колоннами, к которым они принадлежат, и считать их пунктами соединения. Моя цель — бой на близкой дистанции, бой решительный! Если вы не увидите сигналов или не поймете их, ставьте свой корабль рядом с вражеским — не ошибетесь! — объявил он в заключение своего инструктажа.

Последняя фраза привела собравшихся в восторг.

— Неприятель погиб, если мы его настигнем! — таково было общее мнение.

Вечером Нельсон записал в своем дневнике: "Когда я начал объяснять то, что назвал методом Нельсона, он поразил их как электрошок. Кто-то прослезился; одобрили все. План был нов, оригинален и прост. Все — от адмирала до низших чинов — повторяли, что мы победим, если только нам удастся схватиться с французами".

После объединения с Коллингвудом и Кальдером силы Нельсона насчитывали 27 кораблей. Франко-испанский флот

составляли 33 корабля. Демонстративно отойдя от Кадиса на 60 миль, Нельсон терпеливо выжидал, когда Вильнёв попадется на его нехитрую уловку. И он дождался своего часа!

19 октября дозорные фрегаты доложили, что, судя по всему, французы готовятся к выходу из порта: в гавани заметно большое оживление, то и дело высылаются в море на разведку легкие суда. Получив эти сведения, английский командующий отдал приказ готовиться к решающей схватке. Предполагая, что цель Вильнёва — прорыв в Средиземное море, Нельсон сманеврировал так, чтобы преградить неприятелю путь к Тулону. Ночью, при свете мерцающей свечи, он написал свое последнее письмо самой любимой женщине: "Моя дорогая, любимая Эмма, мой самый близкий друг! Получены сигналы, что вражеский флот выходит из порта. Ветер у нас очень слаб, поэтому я не надеюсь увидеть флот до завтрашнего утра. Пусть бог войны увенчает мои старания успехом; что бы ни случилось, я сделаю все возможное, чтобы мое имя навсегда стало самым дорогим для тебя и Горации. Вас обеих я люблю, как саму жизнь. Это мое последнее перед битвой письмо, пишу вам и надеюсь, что волей Божией я останусь жив и смогу дописать его после боя. Благослови вас Небо, я молюсь за вас. Нельсон и Бронте".

Утром следующего дня адмирал Пьер Вильнёв вывел свой флот из Кадиса и взял курс на Гибралтар. 33 линейных корабля и пять фрегатов держали курс на северо-запад, чтобы отойти подальше от берега и затеряться в морских просторах, после чего повернуть на Гибралтар и прорываться в Средиземное море. К удивлению французов, англичан не было видно. Только раз или два мелькнули у горизонта паруса дозорных судов.

— Неужели и на этот раз проворонили? — радовались французские моряки.

Но Нельсон уже с момента выхода франко-испанского флота из Кадиса контролировал ситуацию. Однако до поры до времени старался держаться от французов на почтительном расстоянии у мыса Спартель, в готовности перехватить противника, куда бы он ни двинулся. Когда же из докладов капитанов дозорных фрегатов Нельсону стали ясны намерения Вильнёва прорываться в Средиземное море, он решительно двинул свою эскадру на север — навстречу неприятелю.

Англичанам было крайне важно заставить французов отойти как можно дальше от Кадиса, чтобы не дать им уклониться от боя. У Нельсона также числилось в составе эскадры 33 линкора. Однако из-за того, что блокада побережья велась уже давно, часть кораблей все время приходилось посылать в Гибралтар для пополнения запасов воды. Поэтому на 20 октября в эскадре

Нельсона по этой причине отсутствовали шесть линейных кораблей.

Вильнёв тоже был не новичком в морском деле и спустя некоторое время разгадал намерения своего противника. Немедленно последовал сигнал лечь на обратный курс. Вильнёв снова устремил форштевни своих кораблей к Кадису, но теперь на его пути уже стоял Нельсон. Генеральное столкновение двух враждующих флотов было неизбежным, и оно состоялось.

Ранним утром 21 октября, когда Нельсон начал выстраивать свой флот, маневрируя к западу от противника на траверзе испанского мыса Трафальгар, впередсмотрящие донесли, что видят на горизонте множество парусов. То был флот Вильнёва, шедший строем в виде полумесяца. Нельсон посмотрел на часы: было ровно пять тридцать.

Ветер был слабый. Союзники шли в пяти колоннах, из которых две в двенадцать кораблей вел испанский адмирал Гравине.

Вскоре после рассвета Вильнёв перестроил свой флот в строй баталии. При этом Гравине оказался в авангарде и в общем строю, а не в резерве, как планировал Вильнёв. Почему французский командующий по собственной воле отказался от вполне разумного предварительного плана, так и осталось загадкой. Обнаружив англичан и поняв, что избежать сражения уже не удастся, Вильнёв повернул всем флотом и пошел на север в обратном порядке. Эскадра Гравине стала теперь уже арьергардом. "Буцентавр" Вильнёва, шел двенадцатым по счету в боевой французской колонне. Непосредственно за флагманским кораблем, прикрывая его, шел огромный 135-пушечный линкор "Сантиссима-Тринидад".

Нельсон был в прекрасном расположении духа. Дело в том, что 21 октября в семействе Нельсонов всегда было особым днем: именно в этот день в свое время дядя Нельсона капитан Морис Саклинг нанес поражение превосходящей его по силе французской эскадре у Вест-Индских островов. И в том, что его решающее сражение также пришлось на 21 октября, Нельсон видел руку Провидения.

— Это самый счастливый день моей жизни! — сказал Нельсон, наблюдая за маневрами неприятеля. — Это день великой справедливости!

Вице-адмирал был в парадном мундире, украшенном четырьмя орденскими звездами. Это делало его отличной мишенью. Капитан "Виктори" Харди пытался было уговорить Нельсона сменить мундир, но тот отказался наотрез.

— Я честно заслужил эти награды! — ответил он. — И честно с ними умру!

Харди и капитан Блэквуд советовали Нельсону для безопасности перейти на фрегат и руководить сражением со стороны, но он с гневом отверг и этот совет.

Тем временем англичане уже перестроились для боя, разделившись на две боевые колонны.

Первую колонну из одиннадцати вымпелов вел сам Нельсон на "Виктори", он шел прямо на вильнёвский "Буцентавр". Вторую колонну из шестнадцати вымпелов вел его младший флагман Коллингвуд на "Роял Соверене". Последнему вменялось в задачу прорезать неприятельский строй у четырнадцатого корабля, считая с хвоста колонны, и атаковать эти корабли. Поэтому Коллингвуд старался править прямо на линейный корабль "Санта-Анна", на котором держал свой флаг младший флагман испанского флота адмирал Алава. Сам же Нельсон намеревался прорезать строй несколько впереди центра колонны противника — около неприятельского флагмана. Все капитаны знали план боя, и никаких дополнительных указаний никому не требовалось, однако Нельсон все же решил в последний раз собрать у себя капитанов, чтобы воодушевить их на подвиг.

Обе английские колонны шли на противника почти под прямым углом. Маневр этот был более чем рискованным: при сближении корабли оказывались под огнем всего франко-испанского флота. При этом ветер был очень слабым, и скорость английских линкоров не превышала двух узлов, хотя они и шли под всеми парусами. Небольшая скорость еще больше увеличивала опасность маневра. Расчет Нельсона был на слабую артиллерийскую подготовку противника, и этот расчет полностью оправдался.

Противники медленно сближались. За это время оба командующих успели провести совещание со своими капитанами, а Нельсон еще и составить завещание, в котором призывал короля позаботиться об Эмме и Горации.

Было около одиннадцати часов утра, когда Нельсон в последний раз спустился к себе в каюту. Там он сделал последнюю запись в своем дневнике: "Да дарует великий Бог, пред которым я преклоняюсь, великую, славную победу моей стране и на благо всей Европы; пусть не опорочит ее чей-то проступок и пусть после победы гуманность станет главной чертой британского флота. Что касается меня лично, я вручаю жизнь свою Создателю и молю его о благословении меня на преданное служение родине. Ему я вручаю себя и справедливое

дело, которое мне доверено защищать. Аминь. Аминь. Аминь".

Поднявшись на палубу, он оценил ситуацию. Эскадра двумя колоннами шла на растянувшийся флот противника. Капитаны эскадры, понимая, что именно на флагман Нельсона будет направлена вся мощь вражеского огня, просили его пропустить вперед один из линейных кораблей. Наконец, устав возражать, Нельсон махнул капитану "Тэмерэра" Гарви: "Проходи вперед!"

И сказал вполголоса:

— Если тебе это удастся!

Колонна Коллингвуда несколько опередила колонну Нельсона. Вперед вырвался флагман Коллингвуда "Роял Соверен", днище которого совсем недавно обшили медью. От корабля Коллингвуда до ближайшего мателота было уже три четверти мили. Оценив ситуацию, Нельсон обратился к своему флаг-офицеру:

— Передайте сигнал флоту: "Англия верит, что каждый исполнит свой долг!" Передавайте быстрее, я хочу передать еще один сигнал.

— Есть, сэр! — ответил тот. — Если позволите, я заменю слово "верит" на слово "ожидает". Так будет быстрее!

— Хорошо! — кивнул Нельсон.

Над "Виктори" подняли флаги, и весь английский флот смог прочитать самый знаменитый сигнал Нельсона: "Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг".

По воспоминаниям очевидцев, обращение командующего вызвало всеобщий крик восторга на всех кораблях.

Ровно в полдень англичане подняли боевые белые флаги святого Георга. Над французскими кораблями взвились трехцветные республиканские флаги, матросы кричали: "Да здравствует император!" Испанцы подняли под флагами обеих Кастилий высокие деревянные кресты.

Английский историк так рисует картину готового начаться сражения: "Солнце красовалось во всем величии и ярко освещало бесконечную франко-испанскую линию. Ветер едва надувал паруса, но спокойствие моря нарушалось плавной западной зыбью. В полдень картина оживилась особенным блеском солнечных лучей, и торжественный момент этот был выбран союзным главнокомандующим для начала боя. Следуя сигналу, "Фуге", шедший за "Санта-Анной", открыл огонь по "Роял Соверену"".

Вскоре две британские колонны сошлись с франко-испанским флотом. Первым сблизился с противником "Роял Соверен" Коллингвуда, далеко оторвавшийся от остальных. В двенадцать часов тридцать минут он прорезал неприятельский строй у

шестнадцатого с конца колонны корабля: то был флагман испанского адмирала Алавы "Санта-Анна". Противник встретил приближающихся англичан раскатистым залпом. Первым разрядил свои пушки французский линейный корабль "Фуге". Одновременно на всех франко-испанских кораблях взвились боевые флаги. Сражение при мысе Трафальгар началось!

Большинство ядер, выпущенных французами, легли с недолетом. Британцы молчали, сберегая ядра до подхода вплотную. Чтобы не подвергать опасности матросов, Коллингвуд приказал им лечь на палубу. Его "Роял Соверен" по-прежнему был впереди всех. Коллингвуд повернулся к своему флаг-офицеру Ротераму:

— Чего бы не отдал сейчас Нельсон, чтобы быть на нашем месте!

— Смотрите! — обратился в это время к окружавшим его офицерам Нельсон. — Смотрите, как храбрый Коллингвуд ведет в дело свою эскадру!

Все подзорные трубы на "Виктори" были устремлены на французский флот, все искали флаг Вильнёва, чтобы направить английский флагман прямо на него.

Английские корабли все еще не открывали огонь. И вот, наконец, и их миг настал. Едва передовые корабли вышли на крамбол неприятельского флота, начался ответный огонь. Вот когда сказалась выучка английских команд! В то время как французы и испанцы делали выстрел, британцы успевали ответить тремя. "Роял Соверен" буквально изрешетил несчастный "Фуге". Затем одновременно 150 его ядер поразили испанскую "Санта-Анну", с которой он почти сошелся реями. Более четырехсот матросов были убиты и покалечены в несколько секунд. Но и Коллингвуду достается: паруса "Роял Соверена" изодраны в клочья. Быстро приведя свой корабль к ветру, Коллингвуд расположился так близко к разбитой "Санта-Анне", что почти касался бортом испанских пушек. Над кораблями вздымались черные султаны дыма, то там то здесь вспыхивали пожары, рушились мачты, летели вниз реи и паруса. Очевидец писал: "Началась живая пальба из орудий. Дым, не проносимый ветром, окутал задние суда союзников и распространил между ними смятение, произведенное разрывом линии".

Бой с каждой минутой становился все ожесточеннее. Коллингвуд сражался сразу с четырьмя неприятельскими линкорами. В сложившейся ситуации его спасло только то, что те сильно мешали друг другу.

Младший флагман Коллингвуд несколько ошибся в своем

маневре: его флагман уклонился в сторону и рассек неприятельский строй довольно далеко от колонны командующего. Из-за этого Нельсону не удалось создать большой перевес на направлении главного удара, как он рассчитывал изначально. К тому же стал меняться ветер и ход английских кораблей резко упал. Нельсон явно запаздывал поддержать дравшегося в одиночку Коллингвуда. Последнему же предстояло продержаться почти четверть часа против четырех неприятельских линкоров. Но что-то менять было уже поздно. Теперь надо было драться.

С подходом остальных кораблей Коллингвуда строй французского арьергарда смешался, началась ожесточенная перестрелка. Английские корабли группами сосредоточивали огонь против отдельных французских и испанских линкоров и били их превосходящими силами.

Колонна Нельсона вступила в сражение через полчаса после колонны Коллингвуда. Первый залп находившегося против "Виктори" французского "Буцентавра" лег с недолетом, второй — у борта, третий пролетел над палубой. И вдруг "Виктори" вздрогнул — ядро попало в одну из мачт.

Едва над головой просвистели первые ядра, Нельсон попрощался со своим старым товарищем капитаном Блэквудом, который торопился вернуться на свой корабль. Пожимая руку командующему, Блэквуд сказал:

— Надеюсь, милорд, когда я вернусь на "Виктори", то я найду вас целым и невредимым. И вы успеете пленить двадцать кораблей!

Нельсон нахмурился:

— Благослови вас Бог, Блэквуд! Кажется, я вас больше не увижу!

Флагманский "Виктори" шел передовым в своей колонне, а потому именно на него обрушился весь огонь франко-испанского флота. Шесть или семь кораблей одновременно палили по "Виктори", но сильная бортовая качка мешала французским канонирам брать правильный прицел. К тому же французы вели огонь не по корпусу английского корабля, а по его такелажу. Только этим можно было объяснить то, что флагман Нельсона еще был цел.

В каскаде ядер и треске рушащегося такелажа английский флот ломился сквозь боевые порядки французов и испанцев. Капитан "Виктори" Харди сманеврировал так, что корабль его прошел за кормой французского "Буцентавра" и дал по нему продольный залп в упор. "В 20 минут первого часа "Буцентавр" пустил ядро в "Виктори", шедший под всеми лиселями со

скоростью в полтора узла. Снаряд не достиг еще предмета. Через две или три минуты другое ядро "Буцентавра" упало около борта английского флагмана. Вслед за ним сделан третий выстрел: снаряд перелетел через "Виктори". Наконец одно ядро пробило грот-брамсель "Виктори" и тем представило неприятелю доказательство, что выстрелы его достигают предмета. Несколько минут прошло в страшном молчании, как вдруг как бы по сигналу главнокомандующего весь неприятельский авангард разразился жестоким огнем. Секретарь Нельсона Джон Скотт тотчас пал мертвым".

Со времени начала боя ветер стал стихать и теперь едва чувствовался. Однако остаток хода и зыбь помогли "Виктори" буквально втиснуться между "Тринидадом" и "Буцентавром". Оба эти корабля, поддерживаемые находившимся неподалеку "Редутаблем", открыли убийственный огонь, на который британский флагман в силу своего расположения не мог отвечать. Однако спустя несколько минут одна из пушек "Виктори" выстрелила сама собой. Именно этот выстрел был обозначен в журналах английского флота как начало боя "Виктори".

Вскоре флагман Нельсона лишился крюйс-стеньги и штурвала. Через две минуты были убиты сразу восемь матросов на юте.

— Рассеяться по палубе! — приказал Нельсон.

Вслед за "Виктори" начали один за другим вступать в бой остальные корабли колонны Нельсона, давая сокрушительные продольные залпы. Франко-испанский флот почти сразу оказался в безнадежном положении. Его корабли, изолированные друг от друга и окруженные со всех сторон противником, теперь были лишены не только единого командования, но и воли к победе. Англичане избивали французов и испанцев продольными залпами, причем делали это с дистанции в несколько метров. Учитывая прекрасную подготовку английских артиллеристов, дальнейшее сопротивление становилось безрассудным. Несмотря на это, и французские, и испанские корабли сражались с ожесточением обреченных до тех пор, пока были в состоянии выдерживать сокрушительный огонь противника.

Общее сражение вскоре разделилось на ряд ожесточенных поединков, когда противники, сойдясь вплотную, поражали друг друга из пушек и ружей. Линия франко-испанского флота уже была разрезана в нескольких местах. Но несмотря на это, французский авангард все еще не торопился вступать в сражение, оправдываясь слабым ветром.

В два часа дня Вильнёв поднял сигнал: "Авангарду вступить в

бой!" Но только через час корабли авангарда адмирала Дюмануара закончили поворот, но и после этого половина авангарда так и не пожелала прийти на помощь своим погибающим товарищам. Судьба сражения к этому времени была уже почти решена, и запоздалый подход Дюмануара с пятью линкорами уже не мог ничего изменить.

Стоящего рядом с Нельсоном офицера разорвало ядром с "Буцентавра". Вице-адмирала обдало еще горячей кровью. Нельсон вытер кровь платком и продолжал наблюдать за боем. Рушится такелаж, ядра рвут в куски матросов. Одно из них разносит вдребезги планширь, щепкой от него перебило пряжку на башмаке капитана Харди. Капитан и вице-адмирал молча посмотрели друг на друга.

— Такая горячая работа долго не продлится! — пожал плечами Нельсон.

Рядом с "Виктори" — флагман Вильнёва "Буцентавр". Французского командующего поддерживают "Редутабль" и "Нептун". Абордаж кажется неизбежным.

Вильнёв берет в руки императорский штандарт.

— Друзья мои! — кричит он своим матросам. — Я бросаю эту святыню на английский корабль. Мы возьмем его на абордаж или умрем!

Матросы дружно кричат "виват!".

Над "Буцентавром" взлетает сигнал: "Всякий несражающийся корабль находится не на своем месте и должен занять такую позицию, которая скорее введет его в дело!" Это последний из сигналов Вильнёва. Отныне каждый из дерущихся будет действовать по собственному усмотрению. Роль Вильнёва как командующего была окончена, теперь ему оставалось только доказать, что он первый из храбрейших. Наступала агония франко-испанского флота. Отдельные корабли все еще дрались с отчаянной храбростью, но это были уже разрозненные усилия.

В час пополудни флагман "Виктори" точным залпом поразил "Буцентавра". По мере того как английский флагман продвигался вперед, каждое из пятидесяти его орудий левого борта громило двойными и тройными залпами несчастного "Буцентавра".

Рядом с "Виктори" в этот момент находился французский "Редутабль", ведший ожесточенную пальбу из всех пушек. Капитан "Редутабля" решил любой ценой прикрыть своего избитого флагмана.

— Кажется, нам не избежать абордажа? — обратился к Нельсону капитан Харди.

— Сходитесь, с кем хотите, мне без разницы! — пожал плечами вице-адмирал.

Нельсон был раздосадован и не скрывал этого. В отличие от Коллингвуда ему не удалось прорвать неприятельскую линию, и теперь общий бой распадался на отдельные схватки, в которых успех обеспечивался не тактическими решениями командующего, а опытом капитанов и храбростью матросов.

Харди оценил сложившуюся ситуацию. С 84-пушечным "Буцентавром" и 135-пушечным испанским линкором "Сантиссима-Тринидад" сходиться было опасно. И Харди выбрал 74-пушечный "Редутабль". Расходясь с "Буцентавром", "Виктори" оказывается у него за кормой и разряжает свои пушки в корму французского линкора. Огненный смерч в одно мгновение выкашивает всю палубную команду, готовую ринуться на абордаж.

По "Виктори" ведет огонь "Нептун" и поражает носовую часть флагмана полновесным бортовым залпом. Однако Нельсон, не обращая на это внимания, упорно пробивается к выбранному "Редутаблю". Сойдясь бортами, оба корабля медленно дрейфуют. Поняв, что командир "Редутабля" не намерен уступать ему дорогу, Нельсон велел привести "Виктори" к ветру и, дав своему кораблю задний ход, решил идти на абордаж "Редутабля" борт в борт. Матросы вели ожесточенную перестрелку из ружей. Французы постепенно брали в ней верх, и вскоре палуба английского флагмана была завалена трупами. Сразу же после свалки кораблей боцман "Виктори" Уильмент расчистил шкафут "Редутабля" огнем каронад из нижнего и среднего деков. При этом другим бортом "Виктори" не менее ожесточенно дрался одновременно с "Буцентавром" и "Сантиссима-Тринидадом". Французы, в свою очередь, помимо яростного ружейного огня в упор били по англичанам из средней батареи и осыпали картечью из небольших единорогов.

С мачт "Редутабля" был хорошо виден расхаживающий по палубе английский командующий в своем сверкающем звездами мундире.

Несколько выстрелов из ружей, и Нельсон внезапно падает на колени, вытянув вперед руку. Его тут же подхватывают.

— Наконец они меня доконали, Харди! — прошептал вице-адмирал. — Эти подлецы прострелили мне хребет!

Из описаний очевидцев: "Всегда пренебрегая удобствами жизни, Нельсон, приготовляя "Виктори" к походу, приказал снять люк над своею каютой и заделать отверстие досками, чтобы можно было ходить посреди палубы, не мешая действию снастей и пушек. В этом пространстве, ограниченном сзади стойками штурвала, а спереди ограждением сходного трапа, адмирал и капитан Харди прохаживались весьма спокойно с самого начала

боя. Около 1 часа 25 минут, в то самое время как оба подходили к ограждению трапа, Нельсон, ходивший, противно шканечному этикету, по левую руку, вдруг повернулся к корме. Капитан Харди, сделав еще шаг вперед, также поворотился и увидел адмирала упавшим. Лорд стоял на коленях, опираясь левой рукой на палубу. Рука скоро изменила, и Нельсон упал левым боком на том самом месте, где испустил дух секретарь его".

Роковой выстрел, как считает ряд британских историков, был сделан одним из матросов "Редутабля". Впоследствии это якобы определили по направлению входа пули. При этом было высказано предположение, что стрелок метил вовсе не в Нельсона. Во время выстрела вице-адмирал ходил по левую сторону и был закрыт от взора неприятельских стрелков на "Редутабле" капитаном Харди, бывшим намного выше и толще Нельсона. Поэтому французский стрелок скорее всего целился в капитана Харди как в более значительную цель. Однако неожиданно для стрелка развернувшийся Нельсон и был поражен его пулей вместо капитана Харди.

Матросы отнесли командующего на нижнюю палубу, где вовсю уже работали лекари, отпиливая руки и ноги. Нельсон попросил, чтобы его лицо покрыли платком. Он не желал, чтобы матросы видели своего командующего в столь беспомощном состоянии. Вице-адмирала осторожно положили в дальнем углу палубы. Подошедшему корабельному врачу Уильяму Битти Нельсон сказал:

— Вы не можете мне помочь: у меня прострелена спина! Жить мне осталось недолго!

Капеллана Скотта он попросил попрощаться за него с леди Гамильтон и своей тайной дочерью Горацией. Пульс Нельсона слабел, и было ясно, что он умирает.

Ветер между тем почти стих. На протяжении нескольких миль кипело сражение. На палубе "Буцентавра" все было готово к абордажу "Виктори". Оба флагмана вплотную сошлись бортами. Корпус трехдечного "Виктори" оказался намного выше корпуса "Буцентавра". Безостановочно били по "Виктори" и с находящегося рядом "Редутабля". Французы пошли на приступ "Виктори", как на приступ крепости. Но взобраться на палубу "Виктори" удалось немногим. А в это время с кормы к "Буцентавру" подошел еще один английский линкор и одним залпом уложил на палубу сотни людей. Разом рухнули все три мачты "Буцентавра". Теперь уже французский флагман оказался беспомощным перед "Виктори".

— Кажется, "Буцентавр" свой долг уже выполнил! — мрачно

произнес адмирал Вильнёв, перешагивая через трупы. — Но я свой — еще нет! Спускайте шлюпку, я переношу свой флаг!

Но на искореженном корабле не нашлось ни одной целой шлюпки. Спустя еще полчаса Вильнёв молча отдал свою шпагу англичанам.

А спустя еще час на нижнюю палубу "Виктори" спустился капитан Харди и встал на колени рядом с умирающим. Нельсон приоткрыл глаза:

— Как идет бой?

— Превосходно, милорд! Мы захватили в плен уже двенадцать или четырнадцать кораблей, но пять из французского авангарда развернулись на "Виктори" и намерены навалиться на нас всем скопом! Я попросил у наших ближайших мателотов помощи и уверен, что сейчас мы зададим им хорошую трепку!

— Надеюсь, ни один из наших не сдался! — прошептал Нельсон.

— Об этом не может быть и речи! — заверил Харди. Нельсон знаком попросил его наклониться поближе:

— Меня скоро не будет, Харди! Силы меня оставляют. Прошу, передай леди Гамильтон прядь моих волос и все мои вещи.

— Я все исполню в точности! — пообещал Харди и поспешил вернуться наверх, где сражение еще продолжалось.

Боль у Нельсона была столь мучительна, что он все время молился, шепча:

— Слава богу, я выполнил свой долг!

Потом он начал бредить: "И все же так хочется еще немного пожить… Жизнь дорога всем…"

От попаданий ядер корабельный корпус то и дело сотрясался, и Нельсон повторял:

— О "Виктори", "Виктори", ты отвлекаешь меня от моих мыслей…

Около половины четвертого капитан Харди еще раз спустился к своему умирающему командующему.

Из воспоминаний врача Уильяма Битти: "Капитан поздравил Его Светлость, уже умирающего, с блестящей победой. Харди сказал, что победа полная, правда, он не знает, сколько кораблей противника захвачено, так как их невозможно ясно различить. Он был уверен, что четырнадцать или пятнадцать. Его Светлость ответил: "Это хорошо, но я рассчитывал на двадцать". Потом настойчиво сказал: "Бросай якорь, Харди, бросай якорь". На что капитан ответил: "Я полагаю, милорд, теперь адмирал Коллингвуд возьмет на себя командование". — "Пока я жив — нет!" — воскликнул Нельсон. Он даже пытался из последних сил

приподняться. "Нет, — повторил он, — бросай якорь, Харди". Потом Нельсон признался капитану: он чувствует, что через несколько минут его не станет, и добавил тихо: "Не бросай меня за борт, Харди". — "Нет, ни в коем случае!" — заверил тот…"

Затем снова начался бред. Нельсон все время повторял:

— Пить, пить, пить! Обмахивайте, обмахивайте! Трите мне грудь, трите!

Спустя четверть часа он перестал говорить. Некоторое время лишь молча открывал и закрывал глаза. Врач пощупал пульс: его не было. Спустя пять минут Нельсон умер.

Тем временем события разворачивались следующим образом. После прохода первых четырех кораблей подветренной английской колонны через неприятельскую линию остальные, приближаясь к ней, пробивались огнем сквозь массу франко-испанского флота уже по возможности и выбирали себе противников по собственному усмотрению. Между тем передовые корабли наветренной колонны вступили в сражение несколько впереди центра союзников. К трем часам пополудни огонь начал несколько слабеть.

Командующий английским флотом скончался как раз в то время, когда Трафальгарское сражение уже подходило к своему концу. Узнав о смерти Нельсона, вице-адмирал Коллингвуд (к этому времени он уже лично заставил спустить флаг 112-пушечную "Санта-Анну", на которой находился младший испанский флагман вице-адмирал дон Алава), не стесняясь, разрыдался прямо на палубе. А один из мичманов "Виктори", спустившись в каюту вице-адмирала, записал карандашом в лежащем на столе эскадренном журнале: "Редкий огонь продолжался до 16.30; когда достопочтенному виконту Нельсону, рыцарю ордена Бани и главнокомандующему, доложили о победе, он умер от ранений".

В семнадцать часов тридцать минут сражение было закончено. Союзники потеряли 18 кораблей, один из которых был потоплен, а остальные пленены. Вырваться из пекла Трафальгара удалось лишь французскому авангарду, часть которого была спустя несколько дней перехвачена и пленена другой английской эскадрой. Вырваться из трафальгарского ада удалось, несмотря на большие потери, испанскому адмиралу Гравине, который, воспользовавшись царившей неразберихой, сумел прорваться в Кадис. Потери французов и испанцев составили до семи тысяч человек. Англичане сохранили все свои корабли, хотя те и были основательно разбиты. Потери у них составили более двух тысяч человек.

Положение победителей было достаточно сложным. Начавшийся свежий ветер грозил перейти в шторм, который поврежденные корабли вряд ли могли выдержать. Этим воспользовался Гравине, который спустя несколько дней сумел отбить у англичан несколько испанских кораблей.

Самого Нельсона поместили в бочку, чтобы потом переложить в гроб, изготовленный из мачты французского корабля "Ориент", уничтоженного вице-адмиралом при Абукире. Чтобы тело осталось в сохранности, бочку залили казенным корабельным ромом. Несмотря на блестящую победу, над кораблями английского флота трепетали приспущенные флаги.

Глава двадцать вторая
ЭХО ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

25 октября Портсмут узнал о происшедшем сражении. Известие о победе при Трафальгаре было омрачено известием о смерти Нельсона. В те дни в Портсмуте стояла российская эскадра вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, направлявшаяся в Средиземное море.

Посетив командира порта адмирала Метьюза, командующий эскадрой вице-адмирал Сенявин узнал от него последние известия о столкновении английского и французского флотов.

Именно тогда он впервые услышал слово "Трафальгар". Метьюз в общих чертах обрисовал происшедшее:

— Франко-испанский флот истреблен полностью. Трофеев без счета. Но и наша потеря велика — пал лорд Нельсон.

— Что ж, — перекрестился Сенявин, — это потеря государственная. Наши моряки вместе с вами скорбят о смерти лорда Нельсона. Сегодня же корабли моей эскадры в знак траура приспустят кормовые флаги. Примите мои искренние соболезнования!

— Благодарен вам, адмирал! — пожал руку Сенявина Метьюз. — Отныне вы всегда найдете в моем лице искреннего друга. Политика политикой, но мы, моряки, особая каста — чести и долга!

Увы, время и обстоятельства порой сильно меняют людей, даже произносящих столь возвышенные слова. Придет срок, и Сенявин сможет в этом убедиться, но это будет еще не скоро.

Весь день 25 октября в городе продолжалась беспрерывная пальба как с крепости, так и со стоящих на рейде кораблей. А ночью Портсмут горел тысячами газовых фонарей. Дома мгновенно украсились плакатами: вот Нельсон в момент, когда пуля пробила его грудь — показывая рукой на врага, он красиво падает на руки офицеров; вот аллегория Британии, с горестным лицом принимающей лавровый венец победы. Музыканты беспрерывно играли "Правь, Британия, волнами". Никто не спал. Англичане, утратив свою обычную чопорность, от души веселились и танцевали на улицах, лишь иногда, выпив, смахивали слезу со словами: "Живи в вечности, Нельсон!"

"Лондон газетт экстраординари" опубликовала статью вице-адмирала Коллингвуда, который писал: "Всевышнему Богу, вседержителю всех событий, угодно было даровать оружию Его Величества полную, блестящую победу. Вместе с британским

флотом и всем британским народом мне выпало на долю оплакивать гибель главнокомандующего, героя, чье имя станет бессмертным, чьей памятью будет вечно дорожить страна. Мое же сердце разрывается от невыносимой боли по поводу смерти друга".

Трафальгарское поражение перечеркнуло все замыслы Наполеона относительно десанта в Англию. Отныне ему был предопределен лишь один путь завоеваний — сухопутный, и отныне его главными противниками становились Россия и Австрия.

Английский историк Роберт Соути характеризовал значение Трафальгара для Англии более чем категорично: "Лорд Нельсон настолько безупречно сыграл свою роль, что после Трафальгарской битвы любая война на море считалась немыслимой. Вражеский флот не просто потерпел поражение — он был уничтожен; и прежде чем кто-либо мог подумать о новом нападении на наши берега, ему следовало построить новые корабли и вырастить новое поколение моряков".

Для русских моряков пока все обстояло не так уж плохо. Англичане по собственному почину прислали своих портовых мастеров на наиболее потрепанные "Селафаил" и "Уриил" и совместными усилиями быстро привели их в порядок. На всей эскадре заменили такелаж, приобрели новые орудийные замки. По случаю были куплены и два брига. Первый из них вице-адмирал велел именовать "Фениксом", второй — "Аргусом". Английские моряки приглашали русских офицеров в Лондон. Там уже вовсю шли наскоро сочиненные и посвященные Трафальгару пьесы: "Победа и смерть лорда Нельсона" в Друри-Лейн и "Слава Нельсона" в Ковент-Гардене.

В знак траура по лорду Нельсону все английские морские офицеры повязали черные галстуки. Традиция эта оказалась столь живуча, что позднее черные галстуки стали неотъемлемой частью военно-морской формы всех флотов мира.

После известия о Трафальгаре Сенявин решил задержаться в Портсмуте ровно столько, чтобы успеть долечить больных и завершить крепеж расшатавшихся на штормовой волне корабельных корпусов. Новокупленные "Феникс" и "Аргус" доукомплектовали офицерами и матросами с линейных кораблей, опробовали пушки и погрузили боезапас с провиантом. Теперь оставалось лишь налиться свежей водой и можно продолжать плавание. Уже перед самым выходом в море к Сенявину на "Ярослав" прибыл командир порта адмирал Метьюз. Поприветствовав гостя, вице-адмирал пригласил его к себе в

салон. Первый тост подняли среди флагманов традиционный:

— За наши корабли!

После нескольких рюмок Метьюз развернул на столе карту Ла-Манша.

— Вот здесь и здесь вас уже поджидают французские эскадры! Наши купцы видели их на траверзе Кадиса, так что будьте осторожны, — сказал он. — Бонапарт велел любой ценой поймать вас и уничтожить. Кажется, последний урок Нельсона не пошел Бони впрок, и он решил отыграться на вас.

То была французская Рошфорская эскадра в составе пяти кораблей и четырех фрегатов, чудом уцелевшая при Трафальгаре. Теперь, покинув Порто-Фероль, эскадра вышла в море, чтобы, перехватив русских, взять реванш за недавний погром, учиненный Нельсоном. Сенявин скривился:

— Поймать-то нас, пожалуй, можно, а вот отыграться — вряд ли! К чему сейчас Наполеону второй Трафальгар! Впрочем, все равно огромное спасибо. Ввязываться сейчас в драку с французами мне не резон, надо прежде добраться до Корфу, а уж там милости просим под наши пушки!

Оба адмирала сдержанно посмеялись. Метьюз пожал руку Сенявину:

— Желаю успешного плавания и чтобы удача не отвернулась от вашего флага! Нас тоже, невзирая на Трафальгар, ждут большие испытания. Вечером же прошу к себе на прощальный ужин, где, уверяю, вас будет ждать приятный сюрприз!

На следующее утро российская эскадра стала дружно вытягиваться на внешний спитхедский рейд. Но едва обошли остров Вайт, как с наступлением ночи задул сильнейший зюйд-вест, так что пришлось возвратиться и стать на якорь под защитой Байта.

Только 5 декабря ветер сменился на попутный и эскадра оставила английские берега. Едва выстроились в походный ордер, на горизонте показались паруса. Засвистали боцманские дудки — играли большой сбор. Вскоре можно было определить, что к Портсмуту лавируют не меньше двенадцати вымпелов. То были наиболее поврежденные корабли, отосланные Коллингвудом для починки.

— Головным флагманский "Виктори"! — опустив подзорную трубу, доложил вахтенный лейтенант.

— Вижу! — кивнул Сенявин.

Над головным линкором трепетали приспущенные вице-адмиральский флаг и вымпелы. Нельсон был уже мертв, но все еще не покинул борт своего флагмана. Поравнявшись с "Виктори", "Ярослав" первым салютовал ей пятнадцатью пушечными залпами

и, отдавая долг подвигу павшего флотоводца, приспустил флаги. "Виктори" тотчас окуталась дымом ответной салютации.

Из Портсмута навстречу победителям вышли сотни ботов, шлюпок и яликов. Берега застилали клубы дыма, то уже начали приветственно палить береговые форты.

Проводив взглядом "Виктори", Сенявин перекрестился.

Российская эскадра покидала английские берега не только после Трафальгара, она покидала их в канун Аустерлица! А впереди наших моряков ждала слава боев в Далмации, героическая оборона Тенедоса, победные Дарданелльское и Афонское сражения с турецким флотом.

* * *

Как оценивают историки Трафальгарскую победу Нельсона? Вот уже двести лет о Трафальгарском триумфе Нельсона все говорят только в превосходной степени. Разумеется, какие-то просчеты при Трафальгаре допустил и Нельсон, но это были лишь досадные частности. В целом же и планирование сражения, и выполнение этого плана были просто великолепны, чему свидетельствовал сам результат сражения.

Переоценить значение Трафальгара для будущего Англии воистину невозможно. Это сражение окончательно подорвало французское морское могущество. Никогда более Франция уже не являлась равным конкурентом Англии в борьбе за океан. Трафальгар спас Англию и от непосредственной угрозы вторжения Наполеона, которое, вне всяких сомнений, стало бы крахом для всей английской колониальной империи. После Трафальгара война между Англией и Францией была перенесена уже на континент. Противники оставались разделены морем. Это была борьба на изматывание, в которой Наполеон в конце концов проиграл.

Наиболее поучителен Трафальгар и с точки зрения тактики. Нельсон, разрабатывая план боя, четко сформулировал идею морского боя, идею атаки и ее обеспечения. Стремление Нельсона заключалось в том, чтобы атаковать часть сил противника, противопоставив ей превосходные силы атакующего отряда. Он озабочен тем, чтобы иметь на направлении своей главной атаки максимальный перевес в силах. При этом самую сложную задачу обеспечения атаки (противостояние своими одиннадцатью кораблями девятнадцати кораблям неприятеля!) он возлагает на себя. Что касается младшего флагмана Коллингвуда, то ему предоставляется почти полная свобода действий и возможность

для инициативы. Для уничтожения четырнадцати неприятельских кораблей Коллингвуду он дает шестнадцать линкоров!

Показателен и пример Нельсона в том, что на протяжении всего сражения он не поднял ни одного уточняющего сигнала своим капитанам. Все знали, что им следует делать. Маневры Нельсона, направленные к прорезанию строя, должны быть сопоставлены с его стремлением атаковать корабли командующих адмиралов противника, чтобы дезорганизовать неприятеля, нарушить его организационную целостность и лишить руководства.

Примечательно и то, что Нельсон верил в свои силы и в свою победу. Этой уверенностью проникнуты все его действия как до боя, так и в самом бою. Эту веру разделяли и все его подчиненные. Воля Нельсона полностью доминировала над волей Вильнёва еще до начала сражения. Всё это и предопределило результат Трафальгара, который стал сокрушительным поражением для одних и великой победой для других.

Глава двадцать третья
"О БЕДНАЯ ЭММА! О СЧАСТЛИВЫЙ НЕЛЬСОН!"

Как стало известно уже после смерти Нельсона, он еще при жизни позаботился о том, где будет похоронен. Мечтой вице-адмирала было быть погребенным в соборе Святого Павла в Лондоне. Вестминстерское аббатство — традиционное место захоронения английских героев — он категорически отвергал, потому что слышал, будто аббатство построено якобы на болотистой почве и поэтому со временем может разрушиться. Собор же Святого Павла, считал Нельсон, построен на века.

Гроб с телом вице-адмирала на "Виктори" доставили сначала в Гибралтар, где корабль был отремонтирован после сражения, а затем в Портсмут. Чтобы тело Нельсона сохранилось, его везли в бочке с ромом, который постоянно меняли, так как из-за встречных ветров плавание продолжалось пять недель. В Портсмуте тело вице-адмирала было положено в гроб (тот самый, сделанный из мачты захваченного при Абукире "Ориента"!) и на небольшом судне переправлено в Гринвич. Именно там в начале января 1806 года тело Нельсона было выставлено для прощания в специальном мавзолее архитектора Кристофера Рена. Проститься со своим кумиром пришли в те дни десятки тысяч людей. На целую неделю маленький Гринвич стал настоящей Меккой для всего английского народа. Затем гроб с телом покойного перевезли на яхте лорда Грея "Чэтэм" по Темзе в Уайтхолл. При следовании яхты все суда спускали свои флаги, форты Тилбери и Гревзенда салютовали орудийными залпами, в церквях звонили в колокола. Вечером 23 декабря яхта пристала к Госпиталю инвалидов. Гроб встречал лично лорд Гуд, бывший некогда начальником и учителем покойного. В Уайтхолле гроб с телом Нельсона выставили для прощания в Адмиралтействе.

Друг Нельсона лорд Минто уже давал пространные интервью: "Нельсон был человек особого, героического склада. Казалось, он всегда стремился к достижению невозможного, и это давалось ему легко. На этом зиждится теперь наше постоянное превосходство на море, несмотря на растущую армию противника. Я не видел этих черт в других людях, но не сомневаюсь, что его примеру последуют многие".

Если лорд Минто славил Нельсона как героя, то редактор "Морнинг кроникл", входивший в число друзей Эммы Гамильтон,

славил уже добродетели погибшего: "Еще не было на свете человека, более созданного для семейного счастья, чем благородный виконт Нельсон. Его мягкий характер и любящее сердце по-настоящему ценили только в семейном кругу. Только в Мертоне, в окружении семьи и друзей, он по-настоящему наслаждался коротким отдыхом, выпадающим на его долю. Только здесь мог он дать волю истинной, никем не стесненной доброте своего сердца. Невозможно представить себе человека, более благожелательного и добродетельного, чем лорд Нельсон".

Утром 9 января 1806 года гроб с телом Нельсона был помещен в саркофаг из черного мрамора и перевезен в собор Святого Павла на катафалке, изображавшем корабль. Английский биограф Нельсона Г. Эджингтон пишет: "Это были самые торжественные, пышные похороны на памяти многих. На них присутствовали правительство, члены королевской семьи, сотни тысяч людей. Двадцать тысяч добровольцев стояли шпалерами, чтобы хоть как-то сдержать напор толпы. Шествие открывал сводный корпус из представителей всех родов войск. Погребальная колесница была выполнена в виде палубы "Виктори". За колесницей шли матросы с флагманского линкора, неся на руках разорванный французскими ядрами вице-адмиральский флаг Нельсона, за матросами следовали принцы крови, затем в соответствии со старшинством должностные лица государства и далее уже необозримая река всех остальных. Процессия была такой длинной (целые две мили), что, когда легкая кавалерия, возглавляющая колонну, была уже у собора, последние участники ее еще только выходили из Адмиралтейства. Из отсутствующих на похоронах персон самыми заметными были леди Нельсон и леди Гамильтон. А поразило всех присутствие адмирала Вильнёва — он был взят в плен у Трафальгара и привезен в Англию, где его выпустили на поруки".

Побежденный, переживший своего победителя… Наверное, еще никогда живой так не завидовал мертвому, как Вильнёв завидовал счастливой участи Нельсона, ибо его собственная участь была ужасной!

Почему же Вильнёв принял участие в похоронах своего самого большого врага? Скорее всего потому, что его и Нельсона объединяли долгие годы личного противостояния. В этом противостоянии был смысл жизни обоих. Трафальгар поставил точку в их борьбе и в их жизни. Теперь все было кончено как для Нельсона, так и для Вильнёва: один, одержав великую победу, ушел в мир иной, став национальным героем; другой остался жив, но имя его отныне было проклято соотечественниками во веки веков. Прощаясь с Нельсоном, Вильнёв, по сути дела, прощался с

самим собой.

Трудно даже представить душевное состояние Вильнёва после Трафальгара. Храбрый и предельно честный моряк, он не был столь талантлив, как Нельсон, а вверенный ему флот был намного хуже английского. Понукаемый Наполеоном, он вышел в море, хотя и понимал всю обреченность задуманного предприятия. Он выполнил приказ, сделав все, что было возможно, и был проклят своей родиной. Что может быть горше этого?

Через некоторое время английское правительство разрешило Вильнёву вернуться во Францию. В те дни он писал жене: "Я достиг черты, когда жизнь уже становится бесчестием… Как я счастлив, что у меня нет детей, которые получили бы от меня бремя моего имени!"

Спустя несколько дней тело вице-адмирала Вильнёва было обнаружено в гостинице французского городка Рени, через который он проезжал по пути домой. Ходили слухи, что он был убит по приказу Наполеона. Но рядом с трупом французского флотоводца нашли его прощальное письмо Наполеону, в котором он попытается оправдаться перед современниками и потомками.

Наполеон даже не стал читать этого письма, а, скомкав, небрежно бросил на пол. Известие же о смерти Вильнёва вызвало у императора Франции лишь усмешку:

— Вильнёв и здесь показал себя как трус, побоявшись предстать перед французской Фемидой! Почему французские адмиралы в отличие от английских предпочитают плен и самоубийство славной смерти в бою?

Когда же во французской печати появилось мнение, что причиной смерти Вильнёва явилась его психическая неуравновешенность, Наполеон еще раз вспомнил о своем несчастном вице-адмирале:

— Признаки сумасшествия наблюдались у него еще во время морской кампании!

После этого имя Вильнёва было предано на его родине забвению.

В канун похорон героя Трафальгара по всей Англии началось лихорадочное сооружение памятников ему. Не было, наверное, в то время ни одного селения, где на обывателей не взирал бы с наскоро сооруженного пьедестала одноглазый и однорукий герой. Наиболее значительные монументы были поставлены в Норвиче, Бристоле, Эдинбурге, Глазго, Дублине, Ливерпуле, Бирмингеме и Ярмуте. Апофеозом этого всеанглийского мемориального бума стало сооружение в Лондоне величественной Нельсоновской

колонны на площади Короля Вильгельма II, переименованной в Трафальгарскую. Знаменитый английский художник Уильям Тернер написал гигантское полотно "Трафальгарский бой", на котором центральное место занимает "Виктори" со стоящим на ее палубе Нельсоном. Это полотно доныне украшает зал совета палаты лордов в Сент-Джеймсском дворце в Лондоне. А некоторое время спустя был поставлен на вечный прикол и флагманский линкор "Виктори", ставший памятником как Трафальгару, так и тому, кто в тот день держал на этом корабле свой флаг и принял на нем свою смерть.

Мундир, который был на Нельсоне в день Трафальгарского сражения, бережно хранится в Гринвичском госпитале, а часть фок-мачты "Виктори" и роковая пуля, которую извлекли из уже мертвого тела, — в Виндзорском замке.

Существует легенда, что ром, в котором везли тело Нельсона, затем был бережно разлит британскими офицерами по бутылкам и употреблялся в особо торжественных случаях. Когда же "нельсоновский ром" закончился, некий предприимчивый делец наладил массовый выпуск рома под названием "Кровь Нельсона", который и доныне пользуется особым почетом у английских моряков.

В честь вице-адмирала Нельсона в том же 1805 году были заложены два 120-пушечных линейных корабля "Нельсон" и "Трафальгар". С этих пор в английском флоте практически всегда находились в строю боевые корабли с этими именами.

Англия щедро наградила участников Трафальгара. Самому Нельсону посмертно был пожалован титул графа Трафальгарского и Мертонского. Младший флагман вице-адмирал Коллингвуд стал бароном Кальдбурнским и Гетпульским, ему была назначена пенсия в две тысячи фунтов в год. Второй младший флагман контр-адмирал лорд Нортэск получил орден Бани, а капитан Харди — титул баронета. Остальным были розданы медали и денежные премии. Большинство мичманов без экзамена получили лейтенантские чины, а многие из лейтенантов — командорские.

Не забыла Англия и родственников Нельсона, которые в одно мгновение стали самыми уважаемыми людьми. Разумеется, больше всех была осыпана милостями супруга покойного героя. Фанни получила пожизненную королевскую пенсию в две тысячи фунтов в год. У леди Нельсон имелось два больших дома: в Лондоне и в Бате, где когда-то вместе с Нельсоном они провели столько времени вдвоем. Если к этому капиталу добавить еще и тысячу фунтов, которую ей завещал сам Нельсон, то вдова героя Трафальгара стала очень состоятельной женщиной. К чести

Фанни, она до последнего своего вздоха хранила самую благоговейную память о своем горячо любимом, но не слишком верном муже, и всю жизнь носила на груди медальон с его портретом. Иногда она открывала его и нежно целовала, а как-то, предавшись воспоминаниям давно минувших дней, призналась своей маленькой внучке:

— Когда ты станешь взрослой, крошка Фэн, то, может быть, поймешь, что значит жить с разбитым сердцем!

Фанни Нельсон прожила достаточно долгую и спокойную жизнь и, окруженная всеобщим почитанием, тихо умерла в 1831 году в маленькой деревушке Литлхэм в графстве Девоншир, куда приехала провести очередное лето.

Брат Нельсона, преподобный Уильям, унаследовал от погибшего титул виконта, а затем, так как у Нельсона официально не было прямых наследников, и титул графа Трафальгарского и Мертонского. Помимо этого, английский парламент выделил Уильяму сто тысяч фунтов на покупку фамильного поместья и определил ежегодную пенсию в пять тысяч фунтов. Впоследствии все титулы перешли к сыну Уильяма, а так как он также не имел сыновей, то после его смерти к сыну одной из сестер Нельсона (по мужу Болтон). Потомки этой ветви семьи Нельсонов носят все титулы покойного адмирала и по сей день.

Что касается сестер Нельсона, то каждой из них было выделено из королевской казны по пятнадцать тысяч фунтов единовременно, что тоже было по тем временам значительной суммой.

Но золотой дождь наград и пенсий пролился мимо тех, кого покойный герой любил больше всего, тех, о ком он более всего заботился, тех, о чьей судьбе он больше всего волновался. Едва Эмма Гамильтон узнала о смерти Нельсона, ей стало совершенно ясно, что эта смерть знаменует начало и ее собственного конца. Так в общем-то и случилось. После известия о смерти Нельсона Эмма удалилась в Мертон, где безвыездно провела больше двух месяцев.

Написанное Нельсоном дополнение к завещанию, в котором он умолял правительство не оставить Эмму и Горацию, было передано куда надо и тщательно изучено, после чего просто-напросто положено под сукно. С мертвого Нельсона уже вовсю лепили легенду нации, а у легенды не могло быть порочащей связи с такой сомнительной дамой, как Эмма Гамильтон. Не лучшим образом повел себя и преподобный Уильям, который при жизни Нельсона был с Эммой в самых прекрасных отношениях. Именно Уильям со своим семейством дольше всех иных

родственников жил у брата в Мертоне практически на его иждивении. Поэтому Эмма вполне обоснованно считала, что может рассчитывать на его благодарность. Увы, Уильям Нельсон отплатил одинокой женщине не только самой черной неблагодарностью, но и самой низкой подлостью. Именно он придержал у себя последнее завещание брата до того момента, когда парламент уже вынес решение по финансовому обеспечению родственников павшего вице-адмирала, и только после этого переслал завещание Нельсона Эмме. Разумеется, несмотря на попытки Эммы спасти положение, члены парламента пересматривать принятое решение уже не стали.

Было бы неправдой сказать, что леди Гамильтон оказалась после смерти Нельсона без средств к существованию. Средства у нее имелись. У нее остались кое-какие средства от покойного мужа, не оставил любимую женщину без денег и Нельсон. Эмме он оставил в наследство усадьбу Мертон и две тысячи фунтов, еще четыре тысячи фунтов он оставил Горации. Наверное, будь Эмма Гамильтон расчетливой и бережливой, этих денег ей вполне бы хватило, чтобы жить если не в роскоши, но и не бедствовать. Но Эмма была совершенно другой. Презрение к деньгам (когда они имелись), расточительность, страсть к роскоши быстро привели к тому, что она все больше залезала в долги.

Нельзя сказать, что леди Гамильтон не предпринимала каких-то шагов, пытаясь отхватить свой кусок от общего пирога. С этой целью она несколько раз обращалась с просьбами к брату Нельсона Уильяму, но тот под разными предлогами уклонялся от оказания помощи. К чести старых друзей Нельсона — графа Сент-Винсента и вице-президента Торговой палаты Джорджа Роуза, они подавали прошение в правительство от имени леди Гамильтон о назначении ей достойной пенсии, но даже от этих весьма известных просителей там отмахнулись. После смерти Нельсона леди Гамильтон для английского общества более не существовала. Завещание Нельсона Эмма Гамильтон переслала единственному человеку в Англии, кто мог как-то исправить сложившуюся ситуацию, — премьер-министру Уильяму Пипу Младшему. Возможно, Питт и сделал бы что-нибудь, но Эмме снова не повезло: 23 января 1806 года премьер-министр скоропостижно скончался. Вместе с ним умерли и последние надежды, что к завещанию Нельсона будет проявлено хоть какое-то внимание. Тогда Эмма переслала завещание своему бывшему любовнику — лорду Гренвиллю, ставшему к этому времени министром, в надежде на память об их бывших отношениях. Гренвилль от помощи уклонился, ответив своей бывшей любовнице несколькими ничего не значащими фразами. В 1807

году, когда Гренвилль вышел в отставку, Эмма снова обратилась к новому главе британского правительства лорду Кэнингу. Кэнинг обещал сделать все, что в его силах. Но в дело вмешался принц Уэльский, у которого были собственные претензии к Эмме. Напомним, что она в свое время отказалась стать его любовницей. 3 июля 1808 года один из друзей Нельсона, Джордж Роуз, сообщил Эмме, что лорд Кэнинг не может ей ничем помочь и очень в том извиняется.

Некоторое время Эмма пыталась добиться справедливости, но тягаться с государственной машиной ей было не по силам. В одном из писем своей подруге она с горечью писала: "Я оказала государству немалые услуги, и Нельсон подтвердил это в последние минуты своей жизни. Он вручил меня королю и стране, когда истекал кровью и умирал за этого самого короля и за страну. А теперь все кончено, все забыто, забыты и услуги бедной, несчастной, одинокой Эммы. Я должна отказаться от дома и прислуги на Кларджес-стрит, боюсь, что мне придется отказаться и от Мертона, если правительство мне не поможет".

Затем Эмма Гамильтон решилась на крайний и очень рискованный шаг. Она передала завещание Нельсона в суд, а заодно опубликовала его в газетах. В результате последовал грандиозный скандал. Теперь от Эммы отвернулись даже самые верные друзья Нельсона, посчитавшие, что, обнажив свою связь с Нельсоном, она выставила на позор имя героя. Эмме доходчиво объяснили, что как супруга покойного сэра Гамильтона она уже получила всё, на что имела право рассчитывать. Ответом на стремление Эммы к признанию ее заслуг перед Англией и объявлению ее главной наследницей Нельсона был поток самых гнусных памфлетов, в которых ей припомнили всё, и прежде всего бурную молодость. А тут еще пришла и нужда… Смерть матери лишила ее последней моральной поддержки.

Настал момент, когда Эмма уже не могла оплачивать даже проценты за свои долги. А так как помощи ей ждать было не от кого, то это был уже крах. Вскоре с молотка был продан за долги столь любимый Нельсоном Мертон. Затем настала очередь личной переписки Нельсона с Эммой. Доведенная до отчаяния, леди Гамильтон продала ббльшую часть их писем друг к другу. Но следует отдать должное леди Гамильтон: как бы тяжело ей ни приходилось, она ни разу не взяла ни пенса из денег, оставленных Нельсоном еще при жизни на воспитание Горации.

Не видя выхода из создавшейся ситуации, Эмма стала искать забвения в вине. Теперь ее дом старались обходить стороной даже те, кто еще поддерживал с ней хоть какие-то отношения. Видя эту отчужденность, Эмма пила все больше. Началась неизбежная

деградация. Когда-то одна из первых красавиц Европы за несколько лет превратилась в старуху с испитым одутловатым лицом. Настал момент, когда впереди у леди Гамильтон уже не было ничего, кроме долговой тюрьмы. И тогда Эмма совершает свой последний решительный поступок. Друзья Нельсона в очередной раз пришли ей на помощь и передали пятьдесят фунтов, но в ответ потребовали, чтобы Эмма как можно скорее покинула Англию.

В 1814 году с маленькой дочерью Эмма бежит из Англии во Францию. Горькая ирония судьбы: гражданская жена и дочь первого героя Англии ищут спасения от соотечественников в стране, против которой так долго и успешно сражался их муж и отец!

Последний год жизни Эмма провела в портовом городке Кале, мимо которого столько раз в гуле парусов и грохоте пушек проносились победоносные эскадры того, кто любил ее больше всего на свете. Некоторое время Эмма с Горацией снимала номер в местной гостинице, а когда кончились последние деньги, перебралась в скромный домик на пригородной ферме. В местной лавке она покупала самое дешевое мясо, которое обычно шло на корм собакам, а зачастую не могла купить и его. Жизнь уходила, для бывшей красавицы все уже было в прошлом. Очевидцы рассказывали, что последние дни своей жизни Эмма провела в воспоминаниях о Нельсоне, беспрестанно перебирая те немногие его вещи, которые у нее остались: несколько колец, пара медальонов, прядь его волос, а также ее собственный портрет, который Нельсон всегда держал в своей каюте. Все эти вещи в свое время вместе с последним письмом вице-адмирала привез ей капитан "Виктори" Харди. Теперь в конце этого последнего письма плачущая Эмма написала: "О бедная, несчастная Эмма! О счастливый, овеянный славой Нельсон!"

Опустившаяся, выглядевшая намного старше своих пятидесяти лет, она умерла в январе 1815 года, сжимая в руках портрет Нельсона. Перед смертью Эмма написала трогательное прошение, умоляя похоронить ее рядом с Нельсоном. Надеялась ли она, что кто-то в Англии исполнит ее последнюю отчаянную просьбу? Разумеется, никто это прошение серьезно не воспринял. Эмму Гамильтон похоронили на окраине Кале в безымянной могиле. Один из биографов Нельсона удивительно точно сказал о судьбе двух его самых близких женщин: "Нельсон разбил Эмме сердце своей смертью. Он же разбил сердце Фанни своей жизнью".

Маленькую Горацию после смерти матери взяла на воспитание одна из сестер Нельсона. В семье героя Трафальгара прекрасно знали, кем является Горация, а потому отношение к

ней всегда было прекрасным. Впоследствии Горация вышла замуж за деревенского священника. Некоторые историки считают, что она до конца своих дней так и не узнала, кто является ее настоящим отцом. Возможно, так и было, ибо интимная переписка Нельсона с леди Гамильтон, где говорится об отцовстве Нельсона, была опубликована спустя много лет после смерти Горации. Английский биограф Нельсона Г. Эджингтон пишет, что на могильном камне Горации имелась надпись: "Приемная дочь вице-адмирала лорда Нельсона". Позднее кто-то перечеркнул слово "приемная" и вместо него начертал на камне слово "любимая".

Глава двадцать четвертая
ФЕНОМЕН НЕЛЬСОНА

Со дня смерти вице-адмирала Нельсона минуло уже два века, однако имя его по прежнему остается синонимом победы. Его заветам стараются следовать все новые и новые поколения моряков, его сражения изучают в академиях. В чем феномен Нельсона, в чем секрет его блестящих успехов? Над этим вот уже сколько времени ломают головы историки…

По мнению выдающегося российского флотоводца вице-адмирала С. О. Макарова, который уделил Нельсону значительное место в своем главном труде "Рассуждения по вопросам морской тактики", Нельсон может служить прекрасным примером того, что истинную энергию убить трудно.

С. О. Макаров пишет: "Если всего, что сделал Нельсон, бывший всю свою службу на войне, если даже всех ран, полученных им, было недостаточно, то что еще надобно было сделать, чтобы администрация не считала его выскочкой… Одно появление Нельсона на флоте поднимало дух на всех кораблях и связывало всех в преследовании одной общей цели — уничтожение неприятеля. Каждый получал уверенность, что во всех углах поля сражения его товарищи дерутся с полной энергией и что с Нельсоном во главе успех обеспечен. Колебания не было, а в бою это очень важно. Очевидно, английская администрация не сразу поверила, что Нельсон приносил с собой полную победу, тогда как факты были налицо. Другие адмиралы ограничивались лишь некоторыми успехами, не имевшими решительных результатов, а нужна была полная победа".

Примером тому может служить английский адмирал Кальдер, который, отбив у Вильнёва в сражении при Финистере два линейных корабля, искренне полагал, что большего ему делать и не надо. Можно быть уверенным, что Нельсон в этом случае бился бы до полного разгрома неприятеля.

Вот рассуждения С. О. Макарова о Нельсоне как флотоводце: "Заслуги Нельсона как моряка не уменьшают его значения как военачальника, и следует обратить внимание на то, что Нельсон понимал под словом "победа". В этом отношении его взгляды схожи со взглядами всех великих полководцев. Победа, по его мнению, только тогда принесет желаемые результаты, когда она полная, а в противном случае получится лишь временный и некоторый успех. Нельсон был неутомим именно в завершении своих сражений и в преследовании разбитого неприятеля, пока он

не уничтожен. Его фраза "Я готов потерять половину моей эскадры, чтобы уничтожить французскую!" показывала каждому из капитанов, чего именно ожидал Нельсон, который не мирился с полууспехом. Нельсон был такого взгляда, когда командовал "Агамемноном" и по окончании нерешительного сражения в Генуэзском заливе 14 марта 1795 года он приехал к адмиралу Готаму (Хотаму) и просил его оставить поврежденные суда под прикрытием нескольких фрегатов, а с остальными 11 — ю кораблями спешить в погоню за неприятелем. "Но он, более спокойный, — писал Нельсон жене своей, — сказал мне: мы должны быть довольны; для нас это был очень хороший день! (взято 2 корабля). Что касается до меня, — писал далее Нельсон, — то я не могу быть того же мнения. Если бы из одиннадцати бегущих кораблей мы взяли десять и упустили один, имея возможность взять его, не назвал бы такого дня хорошим днем". Надо заметить, что Нельсон поехал со своим предложением после того, как он два дня принимал со своим кораблем выдающееся участие в сражении. Эта неутомимость в бою и доставила его победам столь решающее значение…

Далее мы видим Нельсона в сражении при Сент-Винсенте, где он с кораблем "Кэптэн" бросается навстречу спускающемуся неприятелю и этим не допускает его соединиться с подветренным отрядом и уклониться от решительного боя, что и дало возможность нанести испанцам полное поражение.

Будучи адмиралом, Нельсон готовит свою эскадру и составляет все свои боевые инструкции с расчетом на полное поражение неприятеля, и действительно: Абукир, Копенгаген и Трафальгар представляют примеры полных поражений, имевших огромное стратегическое и политическое значение.

Один из военных авторитетов, с которым мне пришлось беседовать по этому предмету, считает, что было бы вернее выразиться про Нельсона, что он умел эксплуатировать победы. В сухопутной войне — это именно так. Победитель тот, за кем осталось поле сражения, и если неприятель отступил, то победу можно назвать полной, но результаты этой победы могут быть самые ничтожные, если победу не эксплуатировать, то есть не начать преследование, результатом которого может быть не только окончательное уничтожение неприятельской армии, но и занятие страны. В морском сражении оставление неприятелем поля сражения не служит признаком победы. Победой можно признать лишь уничтожение неприятельского флота — всего или части. Если после уничтожения части неприятельского флота остальную не преследовать, то победа не будет полной, и, наоборот, преследуя его, можно достичь полного поражения

неприятельского флота. Эксплуатацией победы можно было бы признать завладение транспортным флотом, если неприятель его имел, или же портом, если он был исключительно им защищаем.

На основании этих доводов мы полагаем более правильным, применительно к флоту, принять выражение "полная победа"".

Именно на такие, по выражению Макарова, "полные победы" всегда и был нацелен Нельсон.

Во все времена у великих людей были и есть недоброжелатели, которые пытаются доказать, что успех первых — это не что иное, как везение или случайность.

Почему же Нельсон все же неизменно побеждал? Известный французский военно-морской историк Жюльен де ла Гравьер писал по этому поводу так: "Надобно хорошенько понять, что своими успехами (с 1796 по 1815 г.) англичане обязаны не численной силе своих кораблей, не богатству своего морского населения, не официальному влиянию своего Адмиралтейства и не ученым соображениям своих великих моряков; англичане побеждали, потому что эскадры их были лучше выучены и дисциплинированны. Превосходство это было делом Джервиса и Нельсона — вот этот-то скрытый медленный труд и надобно изучать. Надо следить за Нельсоном, готовящим свою эскадру, если хотим понять Нельсона, сражающегося с такой счастливой дерзостью… Под командой Джервиса Нельсон выучился сохранять здоровье экипажей, не прекращая крейсерства, держать корабли круглый год в море, не отсылая в порт, а главное — обращать внимание на военное и морское обучение флота. Впоследствии ему помог его счастливый характер: из дисциплинированного флота он сделал кружок братьев — товарищей. Он хотел, чтобы в целом флоте, между всеми его людьми, назначенными сражаться под одним флагом, царствовали взаимная любовь и взаимное доверие…

Среди важнейших занятий, среди самых критических обстоятельств он всегда умел находить время вникать в малейшие распри и верной рукой удерживал готовые возникнуть разногласия. Следя за этим знаменитым человеком в те минуты, когда он снисходил до этой мелочной заботливости в примирениях, до этих ничтожных переговоров, легко понять, какое влияние может иметь на эскадру любимый начальник… Но главной причиной преданности офицеров Нельсону в стремлении всех содействовать во всем была необыкновенная простота и ясность его приказаний, его инструкций. Каждый из подчиненных знал, что именно хочет адмирал, и это весьма важно, чтобы не было сбивчивости и колебаний. Нельсон никогда не осуждал

офицера, которому не посчастливилось. По его мнению, капитан был всегда прав; потеряв судно, он заслуживал, чтобы ему дали другое… Генерал, который бы принял тактику Нельсона наоборот, который ставил бы своего противника в те положения, в какие знаменитый адмирал ставил часто себя самого, такой генерал превосходно бы подготовил поражение неприятельской армии. Такая эксцентричная тактика проявилась скорее на деле, чем в правилах Нельсона, и принять ее за руководство, имея дело с флотом одинаково опытным, бесспорно значило бы стремиться к верной гибели. Напротив, в том относительном положении, в каком находились флоты обеих наций в 1798 и 1805 годах, эти смелые нападения должны были дать победе такую полноту, какой она не имела прежде ни в одной из морских войн. Тут ошибки Нельсона обратились в его пользу, если можно назвать ошибками вдохновения, оканчивающиеся успехом".

В чем заключалась тактика Нельсона? Английский историк военно-морского искусства Д. Джеймс считал, что тактика Нельсона заключалась прежде всего в том, чтобы "подойти к неприятелю как можно ближе, чтобы поразить его как можно быстрее — вот, в сущности, вся тактика лорда Нельсона. Он знал, что запутанные эволюции подвержены частым ошибкам и по большей части производят действие, противное тому, какого от них ожидают".

Лучше иных понял суть новаторской тактики Нельсона все же не английский и французский историк, а наш выдающийся флотоводец С. О. Макаров. В своем труде "Рассуждения по вопросам морской тактики" он писал на сей счет так: "Некоторые исследователи… готовы считать Нельсона счастливым баловнем фортуны, а не человеком, который твердо знает, чего хочет и что может сделать. Такое мнение о Нельсоне может привести к заключению, что нет надобности изучать особенности морского боя, достаточно увидеть неприятеля, броситься на него, чтобы разбить его наголову. Заключение это будет ошибочно. Никто не упрекнет командира, который смело бросится на неприятеля, хотя бы и без должного расчета. Такое действие обнаружит в командире главные качества, необходимые для успеха, а именно: смелость и решительность; но если к этому прибавить еще умелые тактические соображения, то дело может только выиграть… Но для успеха дела ему (Нельсону. — *В. Ш.*) надо было, чтобы в него слепо верили, а потому он, мотивируя свои соображения, выставлял на первый план не холодную тактику, а горячее слово, которое могло вызвать энтузиазм…

Большинство авторитетов признают, что Нельсон во время сражения пренебрегал тактическими расчетами. С таким мнением

нельзя вполне согласиться; так, при Абукире он всеми своими силами обрушился на наветренную часть линии неприятельских судов, причем подветренные никак не могли подать помощь своим товарищам. С точки зрения тактики такой маневр совершенно правилен.

Бомбардировка Копенгагена была делом крайне рискованным по несоразмерности сил и трудности исполнения вследствие мелководий, но маневры все были так предначертаны, что Нельсона нельзя упрекнуть в пренебрежении каким-нибудь из тактических законов. Нельсон торопил адмирала Паркера начинать бомбардировку не потому, что ему хотелось поскорее подраться, а потому, что каждый день промедления делал задачу более трудной, ибо датчане усиленно готовились. Такие соображения вполне соответствуют правилам тактики, которая проповедует, что внезапность есть одно из верных средств к успеху. Паркер задержал начало Копенгагенского дела и тем затруднил его, а Нельсона мы за это дело никак обвинить не можем.

Надо думать, что способ, которым Нельсон повел в атаку свою эскадру при Трафальгарском сражении, послужил главным мотивом к обвинению его в пренебрежении к тактике. В этом сражении Нельсон спускался прямо на линию неприятельских судов, а, по мнению Кларка, "флот, спускающийся на другой флот перпендикулярно направлению его линии, будет разбит".

…Начертанный Нельсоном план совершенно ясен. Он разделит 40 кораблей на три эскадры, из них две главные и одна из быстрейших кораблей — вспомогательная, которая должна присоединиться к одной из главных. Задача заключается в том, чтобы обрушиться всеми силами на центр и арьергард неприятеля и разбить его ранее, чем поспеет на помощь авангард. Нельсон желает, чтобы все корабли прорезали линию неприятеля и становились с подветра. Маневр прорезывания линии весьма трудный, но его суда почти не знают якорных стоянок, а потому он рассчитывает на искусство своих капитанов. Прорезывая линию, английские корабли дадут с каждого из бортов продольный залп в самых выгодных условиях; между тем, подходя, каждый из кораблей должен держаться на пересечку курса тому, у которого хочет пройти под кормой. Чтобы в этих условиях неприятель мог дать продольный залп, надо, чтобы у него был большой угол обстрела. Между тем мы знаем, что орудия того времени не были приспособлены к большим углам обстрела. Прорезав линию, английские суда становились под ветром, а потому дым из орудий быстро проносило ветром, тогда как дым, скопившийся с подветра у высоких бортов их

противников, должен был оставаться весьма долго и препятствовать наводке орудий.

Все вышеизложенное показывает, что Нельсон составил план сражения вполне соответственно обстоятельствам того времени, а следовательно, согласно тактическим правилам, которые могли существовать в то время.

Чисто нравственная сторона инструкции — бесподобна. В каждом слове ее есть доверие к своим адмиралам, своим капитанам и ко всему личному составу. Заключительные слова первой части инструкции, что "никто из командиров не испортит дела, подведя корабль свой вплоть к неприятелю", были бесподобны…

Заронив в каждого из капитанов искру огня вышеприведенными словами, Нельсон перед самым сражением раздул эту искру в целое пламя, сделав сигнал: "Англия надеется, что каждый исполнит свой долг". Каждый сражался, как будто чувствовал на себе взгляды всех своих соотечественников, которым теперь, больше чем когда-либо, нужна была полная победа".

А вот мнение относительно тактических взглядов Нельсона современного историка британского флота Джеральда Джордана: "Тактика, которую применил Нельсон и его капитаны при Трафальгаре и Абукире, не была совершенно новой, да и сами они не были безрассудными смельчаками. Однако они были достаточно отважными, чтобы порвать с принятыми правилами. Боевые инструкции, восходящие к семнадцатому веку, заложили основы регламентации маневров во время морского боя, и эти маневры были схожи с теми, что применяет армия на суше. В обоих случаях целью сражения становилось не уничтожение противника, а достижение так называемого стратегического преимущества и сохранение армии и флота "in-being". Требование сохранять линию кордебаталии мешало агрессивным адмиралам и позволяло противнику, который не желал сражаться, достаточно легко выходить из боя. В результате упрямые попытки Грейвса в бою в Чезапикской бухте в 1781 году стоили ему победы. И тогда наиболее предприимчивые адмиралы стали прорывать вражескую линию, чтобы помешать противнику бежать. Нельсон довел эту тактику до логического завершения, используя сосредоточие сил и постановку противника в два огня, то есть атакуя его с обоих бортов. В результате достигалось уничтожение вражеского флота".

Можно приводить множество примеров преданности матросов Нельсону. Особенно же эта преданность была

необходима перед Трафальгаром, когда Нельсон решил нанести французскому флоту решающий удар.

— Моя жизнь пойдет на ставку! — говорил Нельсон друзьям перед своим последним сражением. — Но я пришел сюда не для того, чтобы находить затруднения, а для того, чтобы их преодолевать!

С. О. Макаров, который считал Нельсона идеальным флотоводцем, пишет: "…Почему администрация не умела ценить Нельсона? Такой вопрос однако же легче поставить, чем разрешить. К счастью для Англии, никакие несправедливости не могли убить энергию этого человека, и пока бился пульс в этом теле, его энергия не ослабевала. То, что переносило его самолюбие, он хранил в себе, и этим самым дал прекрасный пример для подражания".

Любопытно и поучительно отношение Нельсона к вопросам аварийности кораблей.

С. О. Макаров по этому поводу считал: "Своим личным примером, своими наставлениями, своим деятельным сочувствием к славному несчастью Нельсон научил своих капитанов считать сбережение судна — вещью второстепенной, а первой главной обязанностью — почитать исполнение получаемых приказаний".

В одном из своих посланий в Адмиралтейство Нельсон писал: "Я не принадлежу к числу тех людей, которые боятся земли. Те, которые осмеливаются приблизиться к берегу, редко совершат какой-нибудь великий подвиг, особенно с мелким судном. В потере судна легко утешиться, но потеря услуг храброго офицера была бы, по моему мнению, потеря национальная. И позвольте вам заметить, милорды, что если бы меня самого судили всякий раз, как я ставил в опасное положение мой корабль или мою эскадру, то вместо того, чтобы заседать в палате пэров, я давно должен был быть исключен из службы".

Именно такими средствами Нельсон и воспитывал своих подчиненных, способных к самостоятельным решениям, готовых идти вслед за своим командующим хоть к черту на рога.

Отличным от других адмиралов своего времени Нельсон был и в вопросах бережного отношения к казенному добру, никогда не жалуясь на плохое снабжение и всегда опираясь на собственные силы. "Если мы и нуждаемся в чем-нибудь, то нужды эти скорее воображаемое, чем действительное" — вот его типичное послание в адрес вышестоящих начальников.

Разумеется, говоря о Нельсоне как о флотоводце, нельзя не остановиться на его понимании места и роли командующего

эскадрой в бою. Вот взгляд Нельсона на эту важнейшую проблему, которую он поднял в письме своему начальнику и другу адмиралу Джервису: "Нужно, чтобы офицеры ожидали повышения от своих адмиралов; без этого что будет значить для них хорошее или дурное мнение их начальников?"

Французский исследователь борьбы на морях эпохи Наполеоновских войн Жюльен де ла Гравьер по этому поводу высказался следующим образом: "Самая искусная администрация не может заменить управления непосредственного; сила созидающая может заключаться только в военачальнике. Когда Франция будет иметь более доверия к своим агентам и, если можно так выразиться, окрасит цветом своей порфиры адмиралов и когда начальники эскадр и портов — эти почтенные офицеры — будут иногда раздавать награды от имени правительства, тогда во всех флотах найдутся начальники, готовые сделать то же для своего флота, что Джервис и Нельсон сделали для английского. Тогда можно надеяться увидеть снова возрождение той привязанности, какую некогда имели французские моряки к своим начальникам".

На одной из английских карикатур начала XIX века Нельсона изобразили водящим хоровод со своими матросами на палубе. И это не было большим преувеличением.

В отношении к подчиненным Нельсон тоже резко отличался от подавляющего большинства своих современников. Никто никогда не слышал от него жалоб на его офицеров и матросов. Все его рапорты одинаковы: все подчиненные прекрасны, преданы делу и полны рвения исполнить свой долг.

Современный британский историк Джеральд Джордан: "Основой популярности Нельсона была забота, которую он проявлял о своих матросах, хотя им руководил практический расчет. Примеров этому можно найти очень много, и мы ограничимся одним. Еще совсем молодым капитаном в 1783 году он покидал фрегат "Албемарль". Весь экипаж вызвался добровольно последовать за ним, как только он получит новый корабль. Нельсон потратил три недели, убеждая Адмиралтейство "выплатить деньги, причитающиеся моим добрым товарищам за службу в военное время". Победы и слава не изменили его. После Абукирского сражения он приказал зачитать командам кораблей свое письмо, в котором выражались"…самые сердечные и искренние благодарности за их отважное поведение в этой славной битве. Каждый британский моряк может легко увидеть, насколько их дисциплинированные и исполнительные действия стоят выше мятежного поведения беззаконных французов.

Эскадра может быть уверена, что адмирал обязательно сообщит в самых убедительных выражениях об их достойном поведении главнокомандующему".

И он сделал это, хотя в результате поссорился с графом Спенсером. Однако Нельсон добился того, что Адмиралтейство увеличило на 60 тысяч фунтов призовые деньги за сожженные в бою французские корабли. Он писал первому лорду Адмиралтейства: "Адмирал может быть полностью вознагражден своими чувствами и одобрением начальства, но что вознаградит младших офицеров и простых матросов, если не размер призовых сумм?"

Но не только надежды на добычу и призовые деньги привлекали людей к Нельсону, и они вряд ли превратили бы корабль в эффективную боевую машину. Нельсон верил, что здоровье и боеспособность идут рука об руку. В 1804 году он писал одному из друзей: "Офицеру проще сохранить своих матросов здоровыми, чем врачу спасать их". Эта идея была не нова. Дальновидные командиры, вроде Сент-Винсента, настаивали на выдаче разнообразной пищи, особенно лука и лимонов, чтобы сохранить здоровье экипажа. Лорд Хау сумел добиться более тесных отношений между офицерами и матросами, разбив экипажи на дивизионы под командой лейтенантов, а дивизионы на группы, которыми командовали мичманы. Офицеры полностью отвечали за состояние своих матросов. И тем не менее забота Нельсона о своих матросах все равно выглядит исключительной. Доктор Гиллеспи, который служил медиком на флоте Нельсона во время двухлетней кампании в Средиземном море и Вест-Индии, которая завершилась Трафальгаром, сообщал, что из семи тысяч матросов и морских пехотинцев, находившихся на борту кораблей, от болезней умерли не более 100. Гиллеспи верил, что такое состояние здоровья "просто не имеет прецедентов для эскадр, находящихся на заморских станциях". Он приписывал это отоплению и вентиляции кубриков и "постоянной активности и движению флота". Нельсон отличался от остальных командиров своими необычными способами укрепления морального духа экипажей во времена, когда для под держания дисциплины широко использовались плети.

…Пьянство и уклонение от работ ни в одном из флотов не были распространены так мало, как в этом. Бодрость матросов поддерживалась музыкой, плясками и театральными представлениями. Пример, который подавал командующий на "Виктори", может во многих случаях быть использован для сохранения здоровья моряков.

Забота, которую Нельсон проявлял о своих матросах, не слишком смягчала тяготы морской службы. Отчасти эта забота объяснялась и стремлением поддержать боеготовность и дисциплину. Нельсон не был слепым приверженцем уставов. Хотя на его кораблях ни разу не происходили мятежи, он аплодировал жестокости Сент-Винсента, повесившего зачинщиков мятежа на "Сент-Джордже".

"Наша дисциплина — наше спасение", — комментировал Нельсон. В качестве адмирала Нельсон оставил поддержание дисциплины на попечение капитанов кораблей. Эдвард Берри, его флаг-капитан в Абукирском сражении, перенял манеру поведения адмирала и обращался к порке только в самых крайних случаях. Однако Нельсона, когда он держал флаг на "Виктори" перед Трафальгарским сражением, не возмущало то, что Харди, наоборот, довольно часто использует плети, чтобы поддержать дисциплину.

В качестве капитана Нельсон редко приказывал пороть матросов. Его внимание и уважение, которое ощущали не только офицеры, но и матросы, были вполне достаточны для поддержания дисциплины на кораблях, которыми он командовал. Хотя на посту командующего флотом гораздо труднее заслужить такое же доверие и уважение, репутация Нельсона говорила сама за себя. Поэтому экипажи его кораблей вели себя гораздо спокойнее, чем у других адмиралов королевского флота".

Залог преданности команды Нельсон видел прежде всего в неустанной заботе о ней. Именно поэтому на протяжении долгих месяцев его крейсерств на кораблях Нельсона почти никогда не было больных. Своих подчиненных он рассматривал исключительно как свою семью, а себя — как отца этого семейства. А потому, даже давая наставление перед боем, он всегда делал упор на проявление чувства братства у своих подчиненных.

— Между людьми, которые готовы исполнить свой долг и которые больше чем братья между собой, сигналы бесполезны! — наставлял капитанов Нельсон. — Ваше главное дело — это взаимная поддержка, напирать на неприятеля как можно плотнее и встать у него под ветром, чтобы он не мог от вас уйти. Будьте готовы в любой момент прийти друг другу на помощь, а остальное приложится!

Жюльен де ла Гравьер пишет: "Он вставал в 4 или в 5 часов утра и никогда не завтракал позже 6. Непременно 1 или 2 мичмана разделяли с ним завтрак. Нельсон любил этот веселый рассадник морских офицеров, не боялся шутить с этими детьми и часто сам с ними ребячился не менее их".

А потому эта "семья" никогда не подводила своего отца-командующего и каждый всегда был готов прийти на помощь другому, даже рискуя собственной жизнью.

Что касается дисциплины, то в этом Нельсон был учеником своего командующего адмирала Джервиса, который, пусть чрезвычайными мерами, но сумел поднять дисциплину в английском флоте на должную высоту и добиться неукоснительного выполнения всеми категориями требований устава. При этом и Нельсон, и Джервис прежде всего требовали, чтобы между офицерами всегда соблюдались внешние знаки почтения и уважения.

— Когда дисциплина проявляется в наружных формах, то можно быть уверенным, что она скоро окажется и на самом деле! — учил уже Нельсон своих капитанов.

Из письма Джервиса Нельсону: "Я не опасаюсь неповиновения матросов, но боюсь неосмотрительных разговоров между офицерами и их привычки обсуждать полученные приказания. Вот где находится истинная опасность и кроется начало всех беспорядков".

Именно поэтому огромное значение Нельсон всегда придавал воспитанию и образованию своих офицеров.

— Нельзя стать хорошим морским офицером, не соединяя в себе практических знаний матроса и благородных привычек джентльмена, — говорил он неоднократно.

Разумеется, при этом Нельсон всегда старался во всем подавать личный пример. Жюльен де ла Гравьер пишет: "Кто из морских офицеров не придет в восторг от последнего крейсерства Нельсона, в продолжение которого он водил свой флот в проходах почти неизвестных и которые даже в наше время кажутся едва доступными для подобных судов. Нет тех трудностей в морском деле, к которым бы англичане не привыкли в этой школе. Вот тайна тех упорных крейсерств, по милости которых держались в блокаде и тревоге противники. Вот лучшие объяснения тех быстрых движений, которые разрушали планы французов, тех неожиданных сосредоточений, вследствие которых казалось, что английские эскадры как будто покрывают все моря своими судами. Поэтому в Нельсоне, соединявшем в себе огромную деятельность с редкой смелостью, нужно еще более изучать деятельность моряка, нежели смелость воина".

А вот еще более любопытное воспоминание флаг-капитана Нельсона Берри: "Во время поисков флота Брюса квартердек "Вэнгарда" стал школой, где он (Нельсон. — *В. Ш.*) старался донести до них (капитанов. — *В. Ш.*) свои тактические идеи о различных и наилучших способах атаки, а также какие планы он

предлагает выполнять после встречи с врагом, в зависимости от обстоятельств, ситуации и времени. Не существовало ни одного варианта позиции, в которой они могли оказаться, но который не был бы рассмотрен в его расчетах. И в каждом варианте он предлагал наиболее удачный план атаки. Вооруженные отточенными до совершенства тактическими идеями своего адмирала капитаны могли чувствовать себя полностью подготовленными. Какую бы ситуацию ни создал враг, они абсолютно точно знали, каковы идеи и намерения их командира, без помощи новых инструкций".

Со смерти Нельсона минуло уже два столетия, но имя его и сегодня известно каждому. В Англии же оно — среди самых уважаемых. Трафальгарская площадь, Нельсоновская колонна и застывший на вечной стоянке корабль — памятник "Виктори" — все это дань памяти флотоводца от благодарных потомков. Британский национальный морской музей давно превращен в храм поклонения любимому герою. А поиски адмирала, в которого якобы в каждом поколении вселяется душа Нельсона, стали для англичан сродни поискам священной чаши Грааля.

Рассказы об отчаянной храбрости Нельсона и его гуманности — это уже часть британской мифологии, и порой правду в ней почти невозможно отличить от вымысла. О Нельсоне на сегодня написано больше, чем о любом другом флотоводце мира, но все новые работы продолжают появляться чуть ли не каждый год. И каждый из авторов ищет и находит в деяниях этого человека нечто новое.

Новаторство Нельсона как в тактике, так и в морской практике отражало прежде всего изменения характера морской войны, вызванной большими политическими переменами в Европе. Борьба с революционной Францией, угрожавшей самим основам европейской государственности, была уже не очередной "домашней" войной двух родственных монархий, а идеологическим сражением монархий против экспорта революции, борьбой за само существование этих систем.

Оглушительно рушились последние средневековые границы, полностью перекраивалась политическая карта Европы, наступало время массовых армий и технического прогресса. Наступала совершенно новая эпоха в жизни человечества.

Что касается самого Нельсона, то он смотрел на эту борьбу прежде всего с точки зрения идеологии. Он истово ненавидел французов как безбожников и убийц собственного монарха. Он презирал испанцев за их пусть вынужденную, но профранцузскую политику. Он с недобрым подозрением относился и к России,

боясь ее отхода от союза с Англией. Он никогда не был ее врагом, но положа руку на сердце мы можем сказать, что он никогда не был и ее другом. Нельсон был монархистом и патриотом, ставившим свою страну превыше всех остальных. Имеются сведения, что Нельсон был масоном и именно принадлежностью к этой тайной и далеко не безобидной организации он во многом был обязан своей стремительной карьере.

Он был вовсе не тем святочно-сусальным героем, каким его представляют ныне его соотечественники. Он бывал наивен и корыстен, жесток и коварен, любил деньги и непомерные почести, искал покровительства и был карьеристом. Жизнь его полна не только взлетов, но и падений. Однако он обладал удивительной способностью и собственные недостатки обращать на пользу своей популярности. Даже скандальные отношения с леди Гамильтон принесли Нельсону не меньше посмертной славы, чем его боевые дела.

И все же почему именно Нельсона и сегодня моряки всего мира почитают как одного из самых выдающихся флотоводцев всех времен и народов? Ответ на этот вопрос достаточно прост. Только Нельсону было суждено дать противнику генеральные морские сражения: при Абукире, Копенгагене и Трафальгаре, каждое из которых завершилось полным уничтожением неприятельского флота и имело важнейшие стратегические последствия не только для Англии, но и для всей Европы. Многие адмиралы до и после Нельсона одерживали не менее громкие и славные победы, но никто, кроме него, не смог сделать этого трижды…

Биографы Нельсона рассказывают, что когда после его смерти тело вскрыли, то оказалось, что у Нельсона очень маленькое сердце. Это лишний раз доказывает, что беззаветная храбрость, как и способность беззаветно любить, могут жить даже в самом маленьком сердце.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРАЦИО НЕЛЬСОНА

1758, 29 сентября — родился в местечке Бернем-Торп, графство Норфолк. 1770 — поступил на службу в королевский военно-морской флот, зачислен юнгой на линейный корабль "Резонабль".

1772 — плавал в качестве юнги в Ост-Индию на торговом бриге; присвоен чин мичмана.

1773 — участвовал в экспедиции в северные широты на бриге "Каркас". /774 — мичман на линейном корабле "Триумф".

1774–1776 — плавал на бриге "Сихорс" в Ост-Индию.

1777 — присвоен чин лейтенанта; на фрегате "Ловестов" плавал в Вест- Индию.

1778 — капитан брига "Бадлер"; произведен в чин коммандера.

1779, июнь — произведен в реестровые капитаны; назначен капитаном фрегата "Хинчинбрук".

1780 — участвовал в неудачной десантной операции на Москитном берегу в Вест-Индии.

1781–1784 — капитан фрегата "Албемарль" в Вест-Индии.

1784–1787 — капитан фрегата "Борей" в Вест-Индии.

1787 — женитьба на Фанни Нисбет.

1787–1793 — отставка.

1793 — капитан линейного корабля "Агамемнон"; участвовал в боевых действиях в Тулоне. Знакомство с леди Гамильтон в Неаполе.

1794 — участие в боевых действиях на Корсике, где получил ранение глаза.

1797, февраль — отличился в сражении с испанским флотом при Сент-Винсенте. Произведен в контр-адмиралы, награжден орденом Бани. Июль — командовал неудачной атакой на испанский остров Тенерифе, где потерял правую руку. 1798–1800 — командующий Средиземноморской эскадрой.

1798, июль — разгромил французский флот в сражении при Абукире. Награжден титулом барона Нила и Бернем-Торпа, произведен в пэры Англии.

1801 — младший флагман эскадры Балтийского флота. Нанес поражение датскому флоту в Копенгагенском сражении. Назначен командующим Балтийской эскадрой. Присвоен чин вице-

адмирала.

1802–1803 — командующий оборонительной эскадрой в Ла-Манше. Произвел неудачное нападение на французскую Булонскую флотилию.

1803–1805 — командующий Средиземноморской эскадрой.

1805, 21 октября — разгромил объединенный франко-испанский флот в сражении при мысе Трафальгар. Погиб в сражении. Посмертно присвоен титул графа Трафальгарского и Мертонского.

1806, 9 января — похоронен в Лондоне в соборе Святого Павла.

ЛИТЕРАТУРА

Гравьер Ж. де ла. Морские войны времен Французской республики и империи. СПб., 1851.Т. 1, 2.

Дарриес Г. Война на море. СПб., 1907.

Де Ливрон А. Нельсон и его капитаны // Морской сборник. 1916. № 8-12; 1917. № 1,2.

Джемс Д. История великобританского флота от времен французской революции до Наваринского сражения. СПб., 1845. Т. 1–8.

Джордан Д. Горацио Нельсон: Человек, которого нужно любить // Великие адмиралы: Сборник. М.: АСТ, 2002.

История военно-морского искусства. М.: Воениздат, 1969.

Ла-Боме Е. История о низвержении Наполеона Бонапарте с похищенного им трона. М., 1822. Т. 1–4.

Макаров С. О. Рассуждения по вопросам морской тактики. М.: Военмориздат, 1944.

Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и империю: 1793–1802 гг. М.: АСТ, 2002.

Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и империю: 1802–1812 гг. М.: АСТ, 2002.

Овчинников В. Д. Святой адмирал Ушаков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Петров М. А. Трафальгар, Цусима, Ютландский бой. М.: Воениздат, 1926.

Полевой Н. История Наполеона. СПб., 1846.

СаковичА. Сент-Винсент// Морской сборник. 1916. № 7. Славнейшие флотоводцы / Пер. с фр. СПб., 1840. Т. 2.

Тарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море. М.: Воениздат, 1948.

Трухановский В. Г. Судьба адмирала: Триумф и трагедия. М.: Молодая гвардия, 1984.

Шабо-Арио. История военных флотов. СПб., 1896.

Хибберт Кр. Частная жизнь адмирала Нельсона. М.: АСТ-ТРАНЗИТ КНИГА, 2006.

Эджингтон Г. Адмирал Нельсон: История жизни и любви. М.: Прогресс, 1992.

notes

Примечания

1

Коммандер-в британском флоте офицерский чин, следующий за чином лейтенанта и предшествующий чину реестрового капитана. (*Здесь и далее примечания автора*.)

2

Сейчас это побережье Мексики, Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики.

3

Каронада — короткая чугунная пушка большого калибра.

4

Мателот — соседний корабль в строю; в зависимости от места в строю различают: передний, задний, левый и правый мателот.

5

Д. Гренвиль — британский дипломат, возглавлявший министерство иностранных дел Англии.

6

Типпу-Султан — правитель южноиндийского княжества Майсур, ведший в конце XVIII века ожесточенную войну с англичанами. В документах тех лет иногда упоминается как Типпу-Сахиб.

7

Квартердек — возвышение на верхней палубе в кормовой части судна, где располагались средства управления судном и обычно находился сам капитан.

8

Антиподы — группа островов в южной части Тихого океана, у Новой Зеландии.

9

Традиционное место захоронения английских героев.

10

Именно так, и вполне успешно, поступили турки в 1790 году под Анапой, когда отряд русских крейсеров под началом Ф. Ф. Ушакова приблизился к берегу.

11

Шпринг— дополнительный якорь, с помощью которого корабль легко удерживается на одном курсе во время стрельбы, а также имеет возможность разворачиваться для лучшего обстрела неприятеля.

12

77 футов — приблизительно 23 метра.

13

Крамбол — толстый короткий брус в виде консоли, выходящий за борт.

14

Крюйсель — нижний прямой парус на бизань-мачте, позволяющий маневрировать на самом малом ходу.

15

Кисá — матросский мешок со шнуровкой для личных вещей.

16

Впоследствии Эмма Гамильтон взяла нубийку с собой в Англию, где та выполняла в ее доме обязанности горничной. В 1802 году Фатиму крестили, дав ей имя Фатима Эмма Шарлотта Нельсон Гамильтон. Дальнейшая судьба девушки автору неизвестна.

17

Пришел, увидел, победил (*лат.)*.

18

Подлинные выражения, которые Нельсон употреблял в своих письмах в отношении французов и итальянских республиканцев.

19

В обширной литературе, посвященной событиям в Неаполе в 1799 году, Ф. Карачиолло часто называют адмиралом. Это ошибка. Он так и остался командором, то есть имел промежуточный чин между капитаном 1-го ранга и контр-адмиралом. Однако Карачиолло являлся командующим неаполитанским флотом и в силу этого обладал адмиральскими полномочиями.

20

По некоторым данным, тело Карачиолло провисело только до позднего вечера дня казни, после чего было сброшено в море. Но большинство исторических источников сообщает, что тело казненного висело на мачте несколько суток.

21

"Navy list" (англ.) — то есть "Морской список"; наименование официального периодического бюллетеня Адмиралтейства, в котором публиковались послужные списки капитанов и адмиралов британского флота согласно их старшинству.

22

Согласно британскому призовому праву при захвате неприятельского судна его стоимость и стоимость всех находящихся на нем товаров делилась на восемь частей. Из них на долю капитана приходилось две восьмые, на долю офицеров и команды — пять восьмых и одна восьмая на долю адмирала.

23

Пролив Большой Белы достаточно безопасен в судоходном отношении, но англичане им тогда еще не ходили; Малый Бельт мелководен, полон подводных скал, а потому опасен чрезвычайно. Что касается Зунда (Эресунна), то при всех положительных сторонах в самом узком месте на выходе из Каттегата его перекрывал огнем замок Кронберг.